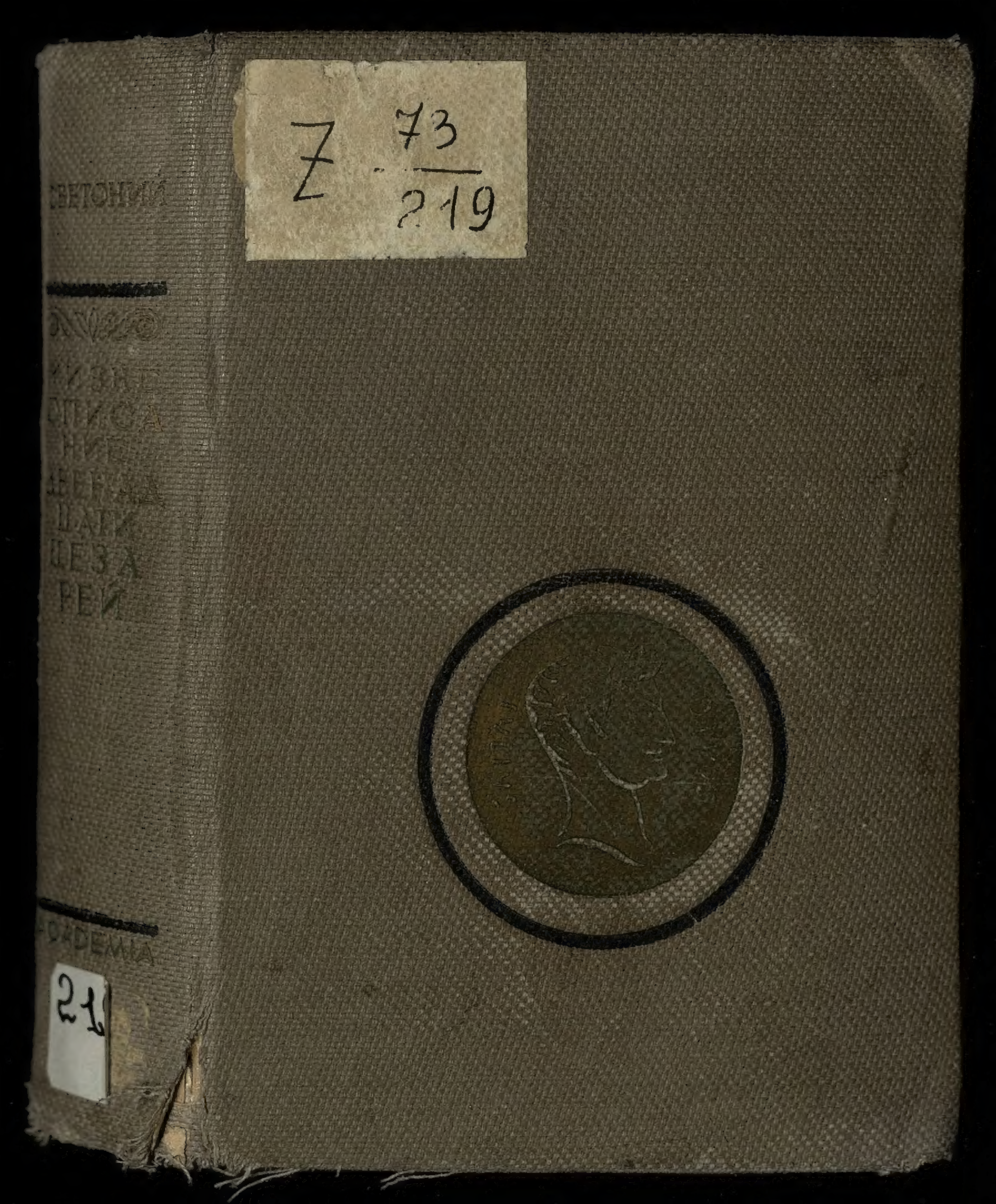
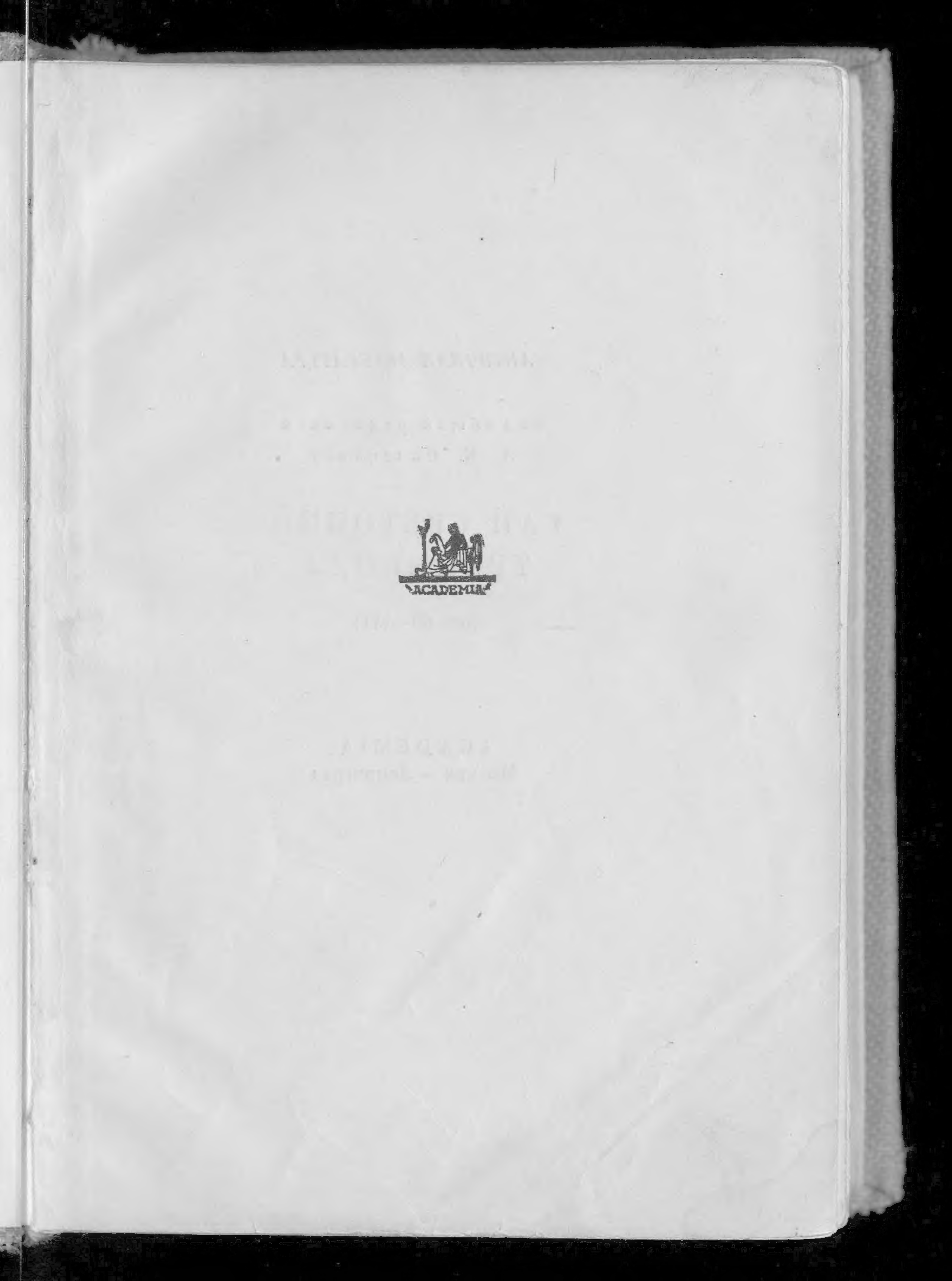

СВЕТОНИЙ
Z 73/219
21

8/5-88 12 вкл 20


ACADEMIA

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

под общей редакцией
А. М. Малецкого

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ

(ок. 69—141)

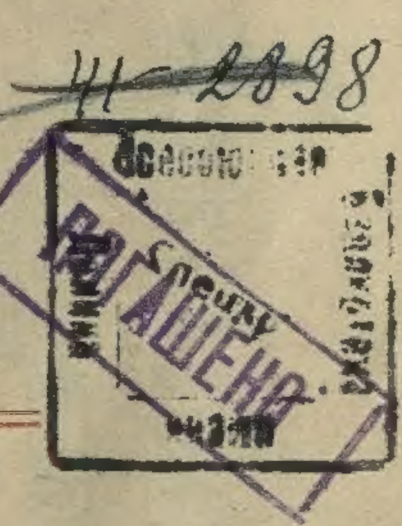
ACADEMIA
Москва — Ленинград

C. SVETONIVS
TRANQVILLVS,
Et in eum
COMMENTARIVS,
Exhibente
JOANNE SCHILDIO.
Editio Quarta
LVGDVNI BATAVORVM,
Ex Officina Francisci Hackii. A°. cIↄ Iↄc LXII.

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
И ПРИМЕЧАНИЯ
Д.П. КОНЧАЛОВСКОГО
ПРЕДИСЛОВИЕ
АДР. ПИОТРОВСКОГО



ACADEMIA
M. CM. XXXIII

C. SVETONII TRANQUILLI
Vita XII Caesarum

Заставки, титульные листы, переплет
и супер-обложка Сарры Шор

Светоний и «Жизнеописание двенадцати цезарей»

I

«Дело победителей было угодно богам, но дело побежденных — самоубийце Катону». Такой сумрачной мудростью подвел некогда поэт Лукан итог той более чем вековой гражданской войне, которая потрясала страны Средиземного моря на пороге нашей эры и закончилась созданием гигантской рабовладельческой державы — Римской империи.

«Побежденными» оказались старые роды коренной латинской знати, роды консервативных патрициев-помещиков, образовывавших исконный «совет стариков» — сенат Римской республики.

В столетиях завоевательных войн патрицианский сенат подчинил маленькому, некогда земледельческому городку на Тибре обширные страны Запада и торговые столицы Востока. Но именно этот стремительный рост Рима, превративший его в гегемона рабовладельческого мира, взорвал почву под ногами патрицианской знати. Заморская торговля, чудовищная эксплоатация покоренных провинций, золото, стекавшееся в Рим со всех концов разоряемой все-

ленной, рабы, пригоняемые в обозах победоносных полководцев,— весь этот бурный расцвет развернутого рабовладельческого хозяйства подымал на гребне своем людей нового социального склада: это была уже не узколобая каста старинных собственников италийских поместий, а порода мировых негоциантов, ростовщиков, откупщиков податей — публиканов, составивших второе официальное сословие Рима, сословие «всадников».

И когда нищета и безнадежность мелких свободных производителей — крестьян и ремесленников, одинаково разоряемых и старинным сенатом и новым всадничеством, привели страны Средиземного моря к вековым войнам, и когда многоголовая масса рабов в отчаянном восстании Спартака и яростных бунтах «пиратов» поставила на край гибели самое существование античного общества, тогда возник новый политический порядок, временно стабилизовавший господство рабовладельцев в рамках единодержавия главы мирового Римского государства — военного диктатора, императора, цезаря.

Создание империи было следствием компромисса, заключенного между обеими фракциями господствующих классов перед лицом грозящей катастрофы. Как сказал об этом Энгельс, «моральной опорой императорского правительства было всеобщее убеждение, что нет иного выхода, что не тот или другой император, но эта основанная на военной диктатуре империя является неизбежной необходимостью» («Некролог Бруно Бауэра»).

Но все же подлинными победителями при вновь возникшем политическом порядке оказались именно новые слои господствующего общества — предприниматели, дельцы, люди безродные, частично из воль-

вольноотпущенников самого императора. Именно они образовали двор императора, аппарат управления империей, правящий слой провинций. Да и сами императоры, начиная с середины I века нашей эры, были выходцами из демократических всаднических слоев. Поэтому, если общей задачей нового императорского режима и была защита господства рабовладельцев от вечно угрожающей ненависти рабов, от отчаянного протеста обезземеленных и безработных пауперов — античного пролетариата, то внутренний антагонизм между «победителями» и «побежденными», между новым всадничеством и старой патрицианской знатью не исчезает, представляя собою одну из основных движущих сил в социальной и идейной борьбе первых веков империи.

Пройдут десятилетия, и этот внутренний антагонизм в классе рабовладельцев сотрется под ударами все грознее надвигающейся катастрофы. Падение производительных сил империи, следовавшее за чудовищной пауперизацией безземельной и безработной массы свободного населения, приведет к упадку городов, к утрате хозяйственной связи между частями гигантского государства, к непрекращающейся гражданской войне стихийно восстающих бедняков и рабов, к сокрушительному наступлению германских варваров. Катастрофический кризис античного мировоззрения и искусства будет сопровождать эту социальную гибель.

Но пока, на рубеже I и II веков нашей эры, смертоносные противоречия еще в значительной мере скрыты. И борьба внутри фракций господствующего класса рабовладельцев еще стоит в центре внимания современников.

В двух замечательных книгах сохранилось нам отражение этой борьбы, как она ощущалась современ-

никами и очевидцами событий. Нам сохранена история первых цезарей Рима в концепции «побежденных» — эпигонов республиканской оппозиции — и в восприятии «победителей» — счастливых хозяев жизни, нового правящего сословия империи.

Первую из этих книг написал Корнелий Тацит. Вторую — Гай Светоний Транквилл, автор предлагаемого в нашем издании «Жизнеописания двенадцати цезарей».

Западно-европейская филология любит сравнивать обоих писателей, притом сравнивать по контрасту. «Величайшему из мировых историков», «глубочайшему тайновидцу человеческого сердца», «трагичнейшему из созерцателей суеты мира» — Тациту противопоставляется «лакей из императорской прихожей», «переносчик сплетен», «плоский анекдотист» — Светоний.

Спора нет. Литературное дело Тацита высится над сохраненным нам наследием античной культуры как одна из величайших ее вершин. Да и сам человек этот, повидимому, возвышался над своим временем как при жизни еще признанный, бесспорный для современников гений, отмеченный человек. «У меня сегодня счастливый день: я встретил Корнелия Тацита, и он дружески заговорил со мной»,— это простодушное хвастовство в переписке одного из заурядных, но удачливых современников Тацита, Плиния Младшего, хорошо передает ту атмосферу почтительного уважения, которая окружала стареющего историка, с характерным прозвищем «молчаливого» доживавшего свой век в шумной, спекулятивно богатевшей императорской столице.

Но в том-то и дело, что различие между Тацитом и Светонием объясняется отнюдь не только различием

в одаренности, проницательности, моральной силе характера.

Корнелий Тацит, по крови и свойству связанный со стариннейшими родами республиканской знати, «последний из старых римлян патрицианского духа и образа мыслей», как его называет Энгельс, судил свое время с горькой и иронической усмешкой человека, пережившего свою эпоху, примирившегося с исторической неизбежностью, но не могущего пересилить своего отвращения и презрения к новой действительности. Именно этот холодный пафос сословного презрения к окружающему миру «победителей» — денежных дельцов и чиновников империи — придает такую проницательность глазу Тацита, такую трагическую обличительную силу его коротким фразам и жестким характеристикам. Как ни один из историков древности, кроме разве Фукидида, движимого подобным же чувством социальной обиды на свое время, Тацит оказался поэтому способным подняться над видимым благополучием императорского режима, разглядеть чудовищные противоречия, в нем таившиеся, и испугаться грядущей катастрофы.

Так вышло, что «Истории» Тацита, излагающие ход событий последней трети I века нашей эры, и «Анналы», говорящие о становлении империи «со дня смерти божественного Августа», оказались (как выразился почувствовавший оскорбление за римских цезарей новоевропейский «цезарь» Наполеон) «уголовным обвинением против своей эпохи, мало того,— ненавидящим доносом на человечество».

И перечитывая сейчас сжатые, нервные строки Тацита, мы отчетливо ощущаем не только отвращение его к преступлениям и порокам императорского двора, но и нечто гораздо более значительное —

ужас перед возможным взрывом всего общественного строя, перед постоянно угрожающим восстанием рабов. Классовый пессимизм Тацита дал ему мудрость и зоркость.

И наоборот, счастливый сын своего века Светоний Транквилл не хочет и не может видеть дальше и глубже, чем это дозволяет ему официальный оптимизм преуспевающего чиновника, секретаря канцелярии императора Адриана.

II

Мы мало знаем о жизни историка «двенадцати цезарей». Но то немногое, что нам известно, рисует по-своему очень выразительный облик «великого канцеляриста».

Как рассказывает сам Светоний, отец его «служил в войсках будущего императора Оттона трибуном XIII легиона и носил узкую пурпуровую полосу» (биография Оттона, гл. 10). Это значит, что он принадлежал к сословию всадников, так как отличием сенаторского сословия была *широкая* пурпурная полоса на плаще. Он был одним из людей того военно-чиновного круга, который толпился вокруг императоров и выдвигался ими в противовес старому патрициату. А дед историка был, повидимому (биография Калигулы, гл. 19), просто одним из дворцовых слуг императора Калигулы или, во всяком случае, человеком близким к дворцовой челяди, от которой он и услышал и передал внуку немало анекдотов из частной жизни императора.

И вот этот отпрыск восходящей к бюрократическим успехам, во всем обязанной императорскому режиму худородной семьи молодым человеком вступает в общественную жизнь в годы правления импе-

ратора Домициана (приблизительная дата рождения Светония — 75 г. н. э.). Несколько любопытных мест из переписки с ним одного из современников, тоже удачливого сына своего века, крупного чиновника империи, Плиния Младшего, отлично характеризуют путь к жизненному благополучию внука челядинца императора Калигулы.

Вот Светоний, начинающий адвокат, советуется со своим старшим другом и покровителем о юридических делах своих. По причине (а может быть, под предлогом) дурного сновидения он просит влиятельного Плиния помочь ему отложить судебное разбирательство. Вот он — типичный литературный дилетант своей эпохи — спрашивает у старшего друга и покровителя научного совета, и Плиний старается вдохновить приятеля на окончание его ученых трудов.

Труды эти однако отнюдь не мешали молодому адвокату заботиться об укреплении своего материального благосостояния. Основной ценностью и в эту эпоху, как на протяжении всей истории рабовладельческого общества, была земля. Люди новых бюрократических и денежных кругов не менее, чем старинная республиканская знать, стремились к обладанию поместьями. Плиний Младший и сам владел наследственными и благоприобретенными земельными угодьями и охотно содействовал своим друзьям в приобретении их. Он посредничает поэтому в покупке имения для Светония, когда тот, по примеру своего покровителя, решается обзавестись недвижимостью. «Что надобно ученым господам, как этот мой друг? — пишет Плиний.— Клочок земли, который он мог бы с гордостью окинуть взглядом, где была бы у него излюбленная тропинка для прогулок, где бы знал он каждую лозу в винограднике и мог сосчитать все деревья в своем

леске». Каким благодушием веет от этого письма! Поистине, люди, которые писали и думали так, должны были быть вполне довольны собой и своим временем, тем страшным и роковым для Рима временем, смертельную обреченность которого не уставал возвещать «трагичнейший из историков», Корнелий Тацит.

Светоний не забывает и об устройстве прочих своих житейских дел. И он, как в еще гораздо большей степени Плиний, находился близко от раздающего щедроты и милости императорского двора и умел пользоваться этим положением.

Вот Светоний просит Плиния через друзей исхлопотать чин военного трибуна для некоего родственника своего. Плиний, конечно, согласен. «Ему может быть только приятным, если станет известно, что друзья его не только пользуются протекцией, но и сами могут оказывать протекцию».

Протекция связывала в тесный круг толпящихся у трона цезарей преуспевающих удачников. Через того же Плиния Светоний успешно добивается от императора Траяна признания за ним официального права считаться «отцом троих детей» и, несмотря на бездетность свою, пользоваться всеми материальными преимуществами и льготами, присвоенными императорскими указами плодовитым отцам семейства. Вся бесцельность этой, обратившейся в формальность, попытки законодательным путем задержать начавшуюся дегенерацию господствующих классов Рима очевидна из полного успеха бюрократической затеи ученого историка. Император Траян согласился признать бездетного Светония «отцом троих детей» — в ответ на ходатайство Плиния, аттестовавшего друга своего как «человека чрезвычайно нравственного, чрезвы-

чайно благонамеренного и чрезвычайно образованного» (Переписка Траяна и Плиния, письма 94 и 95).

После смерти Плиния Младшего покровителем Светония стал некий Септиций Клар, также один из «новых людей», делавших себе стремительную карьеру при дворе цезарей. В годы правления наследовавшего Траяну императора Адриана Септиций Клар занял один из влиятельнейших постов в государстве — пост начальника императорской гвардии. Он стал префектом преторианцев,— тех самых преторианцев, которые на остриe мечей своих так часто несли власть или гибель государям «солдатской империи» — Рима.

Покровительство всемогущего временщика доставило и Светонию должность, увенчавшую весь его бюрократический путь, должность секретаря императорской канцелярии, заведующего официальной — латинской — перепиской цезаря Адриана.

Сын военного трибуна, внук дворцового слуги достиг таким образом высшей точки доступного ему жизненного благополучия. Удовлетворенно оглядываясь с этой вершины на свой век и на свою среду, получив по должности императорского секретаря доступ в тайники дворцовых архивов, Светоний написал свои биографии «двенадцати цезарей», посвятив их покровителю и другу своему — Септицию Клару.

И не так уже существенно, что бюрократическая карьера как самого Септиция, так и его протеже — Светония, оказалась непрочной. Как сообщает биограф императора Адриана Спартиан, император скоро сместил с должности и Септиция Клара, и Светония Транквилла, и многих других за то, что они «нарушили дворцовый этикет в отношении супруги его, Сабины». Придворная интрига, одна из бесчисленных и неизбежных в суетливой жизни императорского двора,

дала Светонию досуг и, может быть, слегка брюзжащий тон опального сановника. Но она, конечно, не могла изменить его принципиально-оптимистичного отношения к современному ему обществу, кость от кости которого он был. Много позднее, уже при императоре Марке Аврелии, застаем мы Светония уже дряхлым стариком, оттесненным от активной жизни людьми нового стиля, вроде Марка Фронтона. Но попрежнему он ищет щедрот и милостей у императора и любимцев его двора, попрежнему он старается быть своим человеком в этом мире, греясь в последних лучах позднего солнца Рима.

III

Мы рассказали об этих немногих сохраненных нам деталях жизни Светония потому, что в них отражены черты, дающие ключ к пониманию ряда особенностей его «Жизнеописаний цезарей». Но для этих же целей далеко небезынтересно всмотреться во все обширнейшее литературное наследие Светония, небольшим осколком которого остались сохраненные нам «биографии». И Плиний и другие современники уважали всестороннюю ученость и высокую образованность Светония. Он и действительно был энциклопедистом, но в том смысле слова, который становится свойственным этой эпохе начавшегося общего кризиса идеологии рабовладельческого общества. Энциклопедизм Светония бесконечно далек от всеобъемлющего мировоззрения Аристотеля, за четыре века до его эры не только воплотившего в себе все знания, доступные античности, но и подчинившего их единой и универсальной идее. Энциклопедизм Светония далек и от чудовищной начитанности римского республиканца

Марка Теренция Варрона, полтора столетия назад с упорством представителя молодого, подымающегося к власти общества овладевшего современной ему ученостью Греции и Востока, чтобы вооружить победоносный Рим передовой культурой побежденных стран. Даже ученость Сенеки, человека поколения, предшествовавшего Светонию, пронизанная философией стоицизма, этого последнего универсального мировоззрения гибнущей античности, очень отлична от энциклопедизма Светония.

И это потому, что ученость историка цезарей прежде всего и в высочайшей степени эмпирична. Лишенный какой-либо всеобъемлющей философской идеи, Светоний коллекционирует отрывочные сведения, и притом сведения по преимуществу единичные,— отдельные факты, имена, достопримечательности. Он подбирает эти достопримечательности, имена и факты из разнообразнейших областей, тем самым придавая ученым трудам своим не только характер некой принципиальной беспринципности, но зачастую и налет несколько скандальной сенсационности.

Так получилось, что биограф цезарей оказывается вместе с тем автором не только жизнеописаний римских писателей — Горация, Лукана, Теренция, Плиния Старшего (все эти труды нам сохранены), но также и сочинителем несохраненных нам исследований «Об устройстве и порядке должностей и чинов» и «Об одеждах, о названиях и видах нарядов и обуви и всего, во что одеваются люди».

Но мало того. Если выбор тем этих можно объяснить служебными интересами автора, по должности своей вдохновляющегося императорской табелью о рангах, модами и всем внешним укладом нового,

придворно-бюрократического общественного быта, то среди литературных трудов Светония оказываются исследования и еще более своеобразные. Он составил ученое сочинение «О телесных изъянах и пороках», в словарном порядке и с беспристрастно-протокольной точностью перечислив всяческие недостатки и поврежденья человеческого тела. Он написал исследование «О ругательствах и происхождении каждого из них», с чрезвычайной затратой эрудиции собрав образцы бранных выражений и похабной ругани в греческой и римской литературах, начиная с Гомера. Он сочинил также некий исторический труд «О знаменитых проститутках», в котором доводит изыскания до мифологических времен, включая в круг своих описаний лидийскую царицу Омфалу, сказочную соблазнительницу Геракла.

Тут уже гораздо ярче раскрывается перед нами облик автора, подлинного сына своего века и общества, столь падкого на скандальную сенсационность, прикрываемую оболочкой ученого академизма. Круг литературных работ Светония обнаруживает тот же мир причудливых противоречий, который получил такое замечательное отражение в несколько более позднем романе Апулея «Золотой осел».

И корень их все тот же: с эмпиризмом, как методом познанья, в мировоззрении удачливых хозяев жизни императорского Рима сочетается глубокий аполитизм, стремление уйти от острых граней социальной борьбы. Потому что, как охарактеризовал настроение верхушки римского общества этой эпохи Энгельс, «всеобщему бесправию соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Люди были рады, что могут держаться вдалеке от общественной жизни. Их существование наполнялось наживаньем богатства, на-

слажденьем богатством, частными сплетнями, частными интригами» («Некролог Бруно Бауэра»).

Но если обобщающий философский принцип отсутствовал в глубоко эмпирическом литературном труде Светония, то место этого принципа с тем большей требовательностью занимал метод насквозь формальной, но последовательной и дотошливой классификации. Светоний охотно и часто строит свои книги в словарном порядке. Он делит материал своих исследований по точным, по схематическим рубрикам. Он строго классифицирует этот материал по сходству и различию. Он перечисляет термины, определения, и за этим сыпучим ворохом названий одежд и обычаев, грамматических форм и телесных изъянов, имен проституток и полководцев как бы теряется и реальное содержание понятий и, тем более, историческая их обусловленность, процесс их возникновения, роста и исчезновения. Потому что классификационный принцип энциклопедических трудов Светония насквозь статичен, формален, как формальным и статичным становилось все мировоззрение его общества, боящегося увидеть за кажущейся стабилизацией своей упорядоченной эпохи надвигающееся социальное крушение.

IV

Мы остановились на обширном, частично известном нам лишь по цитатам современников, литературном наследии Светония потому, что круг его тем, выбор материала и научный метод хорошо характеризуют направленность также и основного, центрального труда Светония, единственного сохранившего славу о нем в веках,— направленность «Биографий цезарей».

Труд этот, сохраненный нам почти целиком (кроме первых листов манускрипта, содержавших, вероятно,

посвящение Септицию Клару и описание детства первого из самодержцев Рима — Юлия Цезаря), был, как сказано, по всей вероятности, создан Светонием после назначения его на должность императорского секретаря, т. е. после 119 года н. э. Он содержит в последовательном порядке биографии шести императоров династии Юлиев, т. е. самого Цезаря (ум. в 44 г. до н. э.), Августа (ум. в 14 г. н. э.), Тиберия (правил с 14—37 гг. н. э.), Калигулы (37—41 гг. н. э.), Клавдия (41—54 гг. н. э.) и Нерона (54—68 гг. н. э.), трех императоров междоусобного 69 года, Гальбы, Отона и Вителия, и, наконец, трех императоров новой династии Флавиев: Веспасиана (69—79 гг. н. э.), Тита (79—81 гг. н. э.) и Домициана (81—96 гг. н. э.). Дальше угасанья династии Флавиев Светоний,— как мы увидим, не случайно — не идет.

Читатель, хотя бы бегло перелистывающий страницы «Биографий цезарей», не сможет отказать автору их в огромной начитанности и прилежании. Упомянутая ученая энциклопедичность Светония блестяще проявилась здесь. Канцелярист императора тщательно поработал в государственных архивах. Он приводит в подлинных выдержках письма Августа, завещанья Цезаря, Августа и Тиберия. Он имел возможность лично видеть таблички с черновиками стихотворений Нерона. Он щедро пользуется в своих исследованиях сообщениями «Ежедневных ведомостей» — правительственной газеты Рима — и протоколами сената. Он обильно использует имевшуюся в его распоряжении историческую литературу. По подсчетам ученых филологов, в одних только биографиях Юлия Цезаря и Августа Светоний цитирует 38 различных авторов, приводя, например, целых восемь

авторитетных свидетельств, для того чтобы доказать похотливость и сластолюбие «божественного» Юлия.

И, наконец, уж совсем ошеломляет богатство устной традиции, использованной Светонием. Труд его прямо изобилует ссылками на личные разговоры автора с очевидцами событий, на воспоминания современников. Городская молва, неписанная история Рима, широким потоком сплетен, пересудов, ходячих анекдотов и острот выливается на страницы ученого исследования Светония. Все это делает труд его для нас, утративших всякие иные следы этой исчезнувшей традиции, ценнейшей сокровищницей разнообразнейших сведений. В этом отношении Светоний показывает себя настоящим исследователем и эрудитом.

Но еще резче, чем в других литературных работах, сказывается здесь та всепроникающая эмпиричность, о которой уже была речь.

Самый жанр «биографий» затруднял для Светония связный исторический анализ событий. Жанр этот отнюдь не был изобретен автором «Жизнеописаний цезарей», да и вообще он не римского происхождения. Биография, как отрасль исторической литературы, возникла, вероятно, вместе с общим повышением внимания к индивидуальной человеческой личности, в пору решительного изживания в античном обществе родовых традиций, в годы начавшегося расцвета товарно-денежных отношений, с порожденной ими философией личной удачи и индивидуальной судьбы. Именно тогда, в третьем столетии до нашей эры, в торговой столице тогдашнего Средиземноморья, Александрии, ученый библиотекарь Каллимах составил «Таблицы прославленных писателей и ученых» в 120 книгах. Нет ничего удивительного в том, что

вместе с возникновением культуры развернутого индивидуалистического общества в Риме интерес к биографии был перенесен и туда. Также совершенно естественно, что именно практика императорского режима особенно стимулировала внимание к судьбе отдельных исторических героев и что этими героями, в первую очередь, становились сами обожествляемые императоры.

Но не забудем, что старший современник Светония, Тацит, для своего труда избрал, тем не менее, не биографическую, а связную историческую форму, между тем как Светоний оказался именно автором биографий. Это потому, что универсальная обобщающая идея, придавшая такую глубину историческим концепциям оппозиционера и пессимиста Тацита, отсутствовала у его соперника.

Обобщающим принципом Светония был, как мы видели, принцип формальной классификации. И поистине именно «Биографии цезарей» дают блистательнейшее тому подтверждение. Весь пестрейший и разнообразнейший материал свой, всю живую ткань молвы, анекдотов и сплетен вводит Светоний в педантично строгие и притом неизменные для всех «биографий» классификационные рамки.

Прежде всего он считает необходимым установить родословную императора. Погоня за звонкими родословными была очень характерна для этой эпохи культурного соперничества новой, худородной чиновно-денежной верхушки общества с угасающими родами старинной знати. Забавные анекдоты по этому поводу сумел нам рассказать автор «Сатирикона», Петроний, относительно своего шутовского героя, разбогатевшего вольноотпущенника Трималхиона. И если династия первых императоров — Юлиев — действитель-

не могла возводить себя к одному из славнейших родов республиканского Рима, то уже император Вителлий, потомок башмачника и дочери булочника, а также основатель династии Флавиев — император Веспасиан, сын сборщика податей и внук старшины батрацкой артели,— сделали карьеру, глубоко характерную для всей этой эпохи торжества ловких дельцов и стремительно богатеющих парвеню. Это были достойные императоры Тримальхионов и Светониев, первые и самые удачливые среди карьеристов и выскочек своего века.

Следующее после родословных изысканий место в «Биографиях цезарей» обязательно занимают возможно более точные указания места и времени рождения императора. Это имело немаловажное значение для эпохи, когда вера в астрономию и составление гороскопов (невозможное без точного указания часа и места рождения) были повальным увлечением.

На третьем месте идет изложение жизни будущего императора до достижения им верховной власти. Весь этот отрезок времени Светоний склонен рассматривать как некое подготовление к императорскому венцу, почему он и обращает особенное внимание на пророчества и знамения, предсказывающие счастливому избраннику его будущее величие.

Четвертое постоянное место принадлежит описанию событий правленья императора. И здесь классификационный принцип Светония особенно наглядно торжествует над моментом историческим или даже просто хронологическим. Светоний сам декларирует этот свой метод в биографии Августа, говоря, например: «Я подвергну рассмотрению главные моменты его жизни не в порядке времени, а по видам

событий, чтобы их можно было наглядно представить себе и лучше понять» (гл. 9).

Порядок, в котором размещает Светоний события, следуя этому своему правилу, различен, но чаще всего он исходит из некой моральной классификации. Деяния императора делятся на хорошие и дурные, как заявляет, например, об этом сам Светоний в биографии Нерона: «Я рассказал о поступках Нерона, достойных похвалы, чтобы отделить их от его позорных дел и преступлений, рассказ о которых следует ниже» (гл. 19).

Затем следует описание наружности императора. Рост, цвет лица и волос, обычная одежда и обувь носителя власти изображаются с подробностью и точностью, заставляющей вспомнить о том, что автор «Биографий цезарей» не случайно явился также создателем ученых исследований «О телесных изъянах» и «О нарядах и обуви людей». Эмпиризм автора, останавливающегося на поверхности явлений, пристально всматривающегося в мелочи действительности, особенно нагляден во всех этих сообщениях об «отвислом животе» императора Нерона, о наросте на теле императора Гальбы.

И наконец, заключением каждой биографии служит краткая характеристика вкусов и занятий императора, а также особенно подробное описание обстоятельств его смерти, с обстоятельным перечислением пророчеств и знамений, предсказавших это событие.

Эти последние главы в книге Светония не только полны драматизма, но глубоко интересны как характеристика той бешеной социальной борьбы, в обстановке которой протекала деятельность первых цезарей Рима. Достаточно вспомнить только, что семеро из них умерли насильственной, часто чудовищно жестокой смертью.

Так, строго расчлененной на рубрики и графы, предстает перед нами бурная жизнь римских властителей в старательном изображении «великого канцелярства» Светония. Нас не удивит, что изображение это целиком посвящается личности самого императора, почти вовсе не затрогивая окружающей его среды. Светоний был не только эмпириком, но и придворным биографом, портретистом цезарей в эту пору расцвета портретной живописи и скульптуры. И столь многие глубоко характерные мраморные и бронзовые бюсты и статуи римлян этой поры, с устало опущенным ртом, с тяжелыми складками на брезгливом лице, кажутся сошедшими со страниц Светониевых «биографий».

Рассматривая свод всего литературного наследия Светония, мы уже смогли отметить отчетливое пристрастие автора к аполитическому, частному, порою сенсационно-скандальному материалу, — стремление, столь характерное для общества его века. Неудивительно, что и «биографии» проникнуты подобными же тенденциями. Светоний коротко и скупо касается политических актов и военных походов императоров. А между тем оборонительные и наступательные войны на Рейне и на Востоке не прекращались почти ни на год. Любопытно, что в биографии Юлия Цезаря он даже вовсе не использовал «Записок» самого диктатора «О галльской войне». Об огромной бюрократической работе по реорганизации провинциального управления, стоявшей едва ли не в центре деятельности первых цезарей, Светоний также не говорит ничего, хотя он сам, как секретарь императорской канцелярии, был достаточно близок к этой каждодневной работе. Еще менее можно узнать от Светония что-либо о той

напряженной, яростной, подземными ударами потрясавшей империю социальной борьбе, которая образует как бы подпочву исторического повествования Тацита.

Зато с тем большей полнотой и детализацией повествует Светоний о семейных раздорах в императорском доме, о смешных и ужасных причудах императоров, об их личной, в частности, их сексуальной, жизни. В особенности последнюю описывает автор ученого исследования «О знаменитых проститутках» с подробностью и точностью, стоящими иногда посредине между полицейским протоколом и эротическим анекдотом.

В дальнейшем мы коснемся оттенков политического пристрастья, проявленного при этом Светонием, сейчас же важно установить основное. Весь этот причудливый материал постельных дворцовых сплетен и стоустой городской молвы введен в исторический рассказ Светония именно потому, что одним из основных идейных лозунгов его эпохи была, если можно так сказать, «приватизация» общественной жизни. То «наслаждение частными сплетнями, частными интригами», о котором говорил Энгельс, характеризуя настроенность господствующего общества империи, властно требовало и от литературы и от науки вытеснения общих социальных и политических проблем миром приватных, семейных, личных страстей и конфликтов. История римских цезарей в руках у Светония оказалась в значительной доле историей страстей и распутств хозяев императорских дворцов не потому, что сам автор книги обладал особой склонностью к скандальной сплетне, а потому, что ядовитая, скабрезная сплетня, сводящая огромные масштабы грозной социальной действительности к семейной

сваре, к игре страстей и страстишек,— эта сплетня становилась как бы философией века, ее символом, ее знаменем. Она была в равной мере хозяйкой и в романе Апулея, и в реторических упражнениях какого-нибудь Марка Фронтона, и в историческом труде Светония.

Говоря так, мы вовсе не намерены отрицать объективное значение скандальных разоблачений Светония, относить их целиком за счет придворной молвы. Конечно, глубокая моральная и, в частности, семейная распущенность была чрезвычайно характерной для господствующего общества императорской эпохи. Устои традиционной родовой морали расшатались и пали в потрясеньях вековых гражданских войн. Наступивший кажущийся мир был так безнадежно лишен каких-либо обобщающих идеалов, что на место старинной, в значительной степени внешней, показной феодальной доблести не могло стать ничего, кроме отчаянной жажды забвенья, жажды жизни на миг и без оглядки, потребительского стремления к наслаждениям, в чем бы они ни проявлялись: в расточительстве, в сластолюбии, в чревоугодии.

Как много мы ни относили бы за счет фантастических преувеличений и досужей гиперболы в характеристиках «распущенности» римских цезарей, весь уклад материальной культуры господствующих слоев общества, сказочная роскошь построек, чувственный блеск зрелищ, расточительных и феерических, искусство и литература века единодушно свидетельствуют о том, что, пожалуй, никакая другая эпоха в истории человечества не была в такой мере отягощена чувственно-эгоистическими, потребительски-наслажденческими тенденциями правящих классов, как

именно пора Светония. Растленный паразитизм рабовладельцев был оборотной стороной и следствием чудовищной нищеты пауперов и каторжного труда рабов.

В этом отношении рассказ Светония, отчасти в силу именно его эмпиризма и протокольной тщательности, получает огромную силу обличительного документа. Надо только помнить, что даваемое Светонием изображение нравов императорских дворцов может и должно быть распространено и на значительную часть правящего класса эпохи. За дверями домов и вилл префектов и прокураторов, плантаторов и финансистов Рима могли бы мы разглядеть то же самое, что увидел Светоний за стенами Палатинского дворца и Золотого Дома Нерона. Потому что, как сказано, и Нерон, и Вителлий, и Веспасиан были прежде всего первыми среди всего этого общества Трималхионов и Светониев, толпившихся у подножья их престола.

Так, за тем, что представлялось биографу цезарей делом сугубо и нарочито частным, приватным, можем мы раскрыть далеко идущий социальный смысл, а в намеренной аполитичности Светония увидеть определенное политическое содержание.

Впрочем было бы большой ошибкой отказывать книге Светония в достаточно осознанной им самим политической установке. И здесь мы подходим к значительнейшему пункту всей проблемы.

Как уже было сказано, книга Светония в основном давала концепцию становленья императорского режима так, как она представлялась принципиально-оптимистически настроенному крупному императорскому чиновнику начала II века н. э. Все идет к лучшему: мир, хотя и медленно, совершенствуется; им-

перия, хотя и не без препятствий, идет к расцвету—вот магистральное убеждение Светония, нашедшее свое наиболее отчетливое выражение в заключительных страницах его книги: «Предсказано было государству после смерти Домициана наступление счастливого и радостного века. Это вскоре и сбылось благодаря бескорыстию и умеренности последующих цезарей». Этими цезарями, воплотившими в представлении Светония золотой век Рима, и были покровительствовавшие ему Траян и Адриан. И не случайно историк закончил свою книгу на пороге этого предсказанного благоденственного века. Именно эта официозная оптимистическая концепция развития императорского режима в первый век его существования исказила в представлении Светония реальную действительность с ее все более обостряющимися противоречиями, со все более нависающей угрозой внутреннего кризиса и внешних вторжений. Между тем, уже в последние годы правления Траяна эта угроза стала вполне непосредственной и смертоносной. Именно этот оптимизм сделал исторический взгляд Светония принципиально лакирующим, сглаживающим противоречия.

Но оптимизм этот не только позволял ему, но и требовал от него пристрастного распределения светотени в обрисовке образов отдельных сменяющих друг друга носителей верховной власти. Это пристрастие бросается в глаза. С полным — уже каноническим — уважением относится Светоний к основателям императорского режима, к Юлию Цезарю и Августу. Притом, по причинам, о которых речь будет ниже, особенно к Августу. Но далее следует вереница политических памфлетов: именно так хочется назвать биографии остальных императоров Юлиева дома — Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона.

Затем, после описания краткого временного правления трех императоров смутного 69 года (здесь нетрудно обнаружить намеренную мягкость в характеристике, данной былому покровителю отца писателя, императору Отону), идет изображение деятельности династии Флавиев. Обличительные краски сразу сменяются тоном уважительной признательности, почтительности, чтобы снова принять тон негодующего памфлета в характеристике «недостойного брата божественного Тита» – императора Домициана.

В чем причина именно такого распределения авторских симпатий? Едва ли в соображениях чисто морального свойства. Причина, как нам кажется, в том, что историческая оценка Светония прежде всего диктовалась официальной точкой зрения правительства Траяна и Адриана. А официальная точка зрения эта покоилась на стремлении к компромиссу с остатками республиканской оппозиции, с сенаторски-патрицианскими слоями, компромиссу, определившему всю политическую направленность книги Светония.

Как уже было отмечено, на подобном же компромиссе была построена в свое время политика Октавиана Августа. В отличие от резко диктаторской позиции, занятой по отношению к аристократическому сенату и республиканской знати «демократом» Цезарем, преемник его Август всячески старался подчеркнуть свою роль примирителя обеих враждующих фракций господствующего класса рабовладельцев. Утвержденный им императорский режим покоился на принципе двойственности. Сам глава государства, по преемственности именуемый «цезарем», носил официальное звание «принцепса», т. е. председателя сената, как бы подкрепляя свою власть традиционным авторитетом этого республиканского учреждения. Та

же двойственность определяла и систему управления гигантской империей; часть провинций оставалась официально подчиненной сенату, и лишь часть, правда, экономически и стратегически наиболее важная, управлялась непосредственно императором через посредство его наместников — префектов. Уже в последние годы правления Августа это призрачное равновесие оказалось однако нарушенным социальной борьбой, вспыхнувшей с новым ожесточением и проявившейся и в заговорах патрицианской знати, доходивших до распрей внутри самого императорского дома, и в провинциальных восстаниях. Магистралью политики последующих императоров стал поэтому резкий разрыв с тактикой компромисса. Беспощадное подавление патрициански-сенаторской оппозиции, все более настойчивое выдвижение на руководящие правительственные посты людей из новых денежных, торговых слоев, все более жесткая централизация управления провинциями, окончательно сводившая к бледной тени роль и авторитет сената,— вот чем отличалась политика и Тиберия и Нерона. Оба они были последовательными выразителями тенденций победившего всадического сословия. Свирепый террор Тиберия и в особенности Нерона, направленный против старинных патрицианских родов, значительная часть которых в эти годы была материально разрушена конфискациями и физически истреблена казнями, объясняется прежде всего именно этим усилением наступления новых, торгово-промышленных фракций господствующего класса в ответ на реставрационные попытки республиканской землевладельческой оппозиции.

И если террор этот был причиной бешеной ненависти к Тиберию, Калигуле и в особенности к Нерону со стороны представителей и идеологов се-

наторской аристократии (стоит только вспомнить о Сенеке, Лукане и Таците), то чрезвычайно характерно, что всаднически-служилое и торгово-денежное население провинций, наоборот, относилось к этим императорам, а позднее к памяти их, со значительным уважением и сочувствием. Об этом свидетельствуют многочисленные сохраненные нам провинциальные надписи с благодарственными посвящениями Тиберию, Калигуле и Нерону. Этого не может скрыть и сам Светоний, проговариваясь, что после смерти Нерона «нашлось немало таких, которые еще долго спустя весною и летом украшали гробницу его цветами и на рострах выставляли его эдикты, словно он был жив и словно ожидалось его возвращение на погибель врагам». А когда это скрытое сочувствие породило появление самозванца, выдававшего себя за Нерона, население отдаленных провинций оказало ему самую активную помощь (биография Нерона, гл. 57).

Чрезвычайно обострившаяся, таким образом, социальная борьба (не забудем только, что она велась между антагонистическими фракциями господствующего класса рабовладельцев, но перед лицом восстания рабов антагонизм этот сменялся общей политикой жесточайших репрессий) привела к длительному отъезду Тиберия из оппозиционного Рима на остров Капри, а позднее к убийствам Калигулы, Клавдия и Нерона, несомненно инспирированным сенаторскими кругами. А вслед за смертью Нерона борьба эта привела к такому бешеному обострению социальных противоречий, что 69 год ознаменовался восстаниями легионов почти на всех окраинах государства. Три императора оспаривали друг у друга власть в этот бурный год. Но ни ставленник сената — старик Гальба,— ни выходец из ремесленнической семьи — Вителлий,— ни жер-

тва своих кредиторов, разорившийся преторианский офицер Отон не смогли удержать власть более чем на месяцы и недели. Центробежные силы пришли в движение. На Востоке вспыхнуло восстание Иудеи, и призрак распада мировой рабовладельческой империи навис над веком с совершенно ощутимой и грозной конкретностью.

Эта почувствовавшаяся всеми фракциями господствующего класса угроза достаточно объясняет, почему правление новой династии Флавиев, основателю которой, Веспасиану, удалось разрушить Иерусалим и приостановить начавшийся распад государства, пошло под знаком отчетливой реакции. Новый компромисс с землевладельческой знатью, прекращение террора против представителей патрицианской оппозиции, демонстративное возвеличение сената и, вместе с тем, попытки кое-как упорядочить расшатавшееся финансовое положение империи («деньги не пахнут», сказал скупой император Веспасиан) — вот чем характеризуется политика и Веспасиана и Тита. И после недолговременного рецидива антипатрицианского террора при императоре Домициане, самую память о котором постановил позднее уничтожить инспирировавший его убийство сенат (биография Домициана, гл. 23), новые императоры — Нерва, Траян и Адриан — продолжали ту же политику осторожного компромисса, все отчетливее намечая линию политической и хозяйственной реакции. Подобная хозяйственная реакция, завершившаяся в конце концов разложением рабовладельческого строя, коренилась в самой основе этого строя, всегда опиравшегося на натуральное хозяйство. И именно в годы правления Траяна и Адриана начала особенно отчетливо сказываться историческая неизбежность этой катастрофической реакции.

И вот на очерченных выше официальных позициях политического компромисса стоит и секретарь канцелярии Адриана, Светоний. Именно с этих официальных позиций слегка критикует он Юлия Цезаря, обожествляет Октавиана Августа, жестоко и с моральной строгостью клеймит «разврат» позднейших государей Юлиева дома и с ними Домициана, возвеличивает мудрость Веспасиана и в особенности «божественного» Тита.

Чрезвычайно велико различие между принципиальной ненавистью непримиримого оппозиционера Тацита и этим тактическим политиканством Светония. Но все же любопытно, читая эти продиктованные придворным политическим расчетом страницы «биографий», разглядывать за ними подлинную сущность современной им действительности, угадывая по намекам, по неосторожно проскользнувшей детали подлинную, старательно гримируемую, искажаемую и лакируемую историком правду. В особенности поучительно в этом отношении описание последних, «каприйских» лет правления Тиберия (и в художественном отношении сумрачные и драматические страницы эти, пожалуй, наиболее сильные в книге). Чрезвычайно любопытна и вся биография Нерона, перед противоречиями которой Светоний, в сущности, останавливается в недоумении.

Впрочем, и вся книга прочтется современным читателем со значительным интересом. В ней найдет он, пусть очень противоречивое и часто хитроумно искаженное, зеркало одной из знаменательнейших эпох в мировой истории. В ней найдет он, против воли автора, красноречивейший обвинительный акт против загнивающего государства рабовладельцев, трупные пятна на теле которого не смог загримировать

весь официальный оптимизм «великого канцеляриста». В ней найдет он, наконец, живой отзвук пестрой и временами циничной, но всегда острой и злой городской сплетни Рима за две тысячи лет до нас.

V

Среди обширных литературных трудов Светония «Биографии двенадцати цезарей» оказались единственными обеспечившими ему известность в веках. Несразу однако. Первые десятилетия после смерти Светония некоторый новый поворот в художественно-идейной культуре господствующих классов несколько оттеснил в сторону труд биографа цезарей. Поворот этот был связан с упомянутым уже усилением хозяйственно-политической реакции при императорах Антонинах, вызвавшей расцвет так называемого «архаизма» в искусстве и литературе. По некоторым намекам у одного из идеологов этого нового претенциозно-академического, формалистически-утонченного стиля, а именно — Марка Фронтона, можем мы догадаться, что протокольно точный и канцелярски деловой литературный стиль императорского секретаря казался уже слишком пресным и неукрашенным на вкус изысканных архаистов эпохи «второй софистики».

Но огромный фактический материал, сосредоточенный в «биографиях» Светония, не мог не стать подлинной сокровищницей для последующих, жадных до прошлого, любопытных к жизненным мелочам, романтических и антикварских поколений. Более того: сам метод Светония, с его строгой и формально четкой, но эмпирической классификацией, становится образцовым для ученых и историков эпохи распада рабовладельческого общества. По образцам Светония пишутся биографии поздних «августов», жизнеопи-

сания императоров Византии и новых мировых владык-князей христианской церкви.

А позднее происходит любопытнейшая историческая комедия, не однажды, впрочем, повторившаяся на этом стыке двух мировых эпох. Подобно тому как поздний эпигон и умный литературный дилетант Сенека переходит в культуру ново-европейского общества со славою величайшего гения античной трагедии, точно так же и Светоний становится в восприятии подымающихся классов новой Европы мастером истории, признаннейшим авторитетом античной науки. Далеко уступает ему влияние Тацита, Тита Ливия, не говоря уже об историках, писавших по-гречески.

Строго, порою даже слепо следуя классификации и канцелярским рубрикам Светониевых «Биографий цезарей», пишет историк IX века нашей эры свою «Биографию Карла Великого». Сходство здесь, впрочем, не только случайное: идеологи феодальной «священной Римской империи» всячески старались связать владык франкских и германских дружин с традициями древнеримских цезарей. А Светоний считался их глубочайшим и вдохновеннейшим бытописателем.

Из «биографии» Светония заимствует Данте свое описание «огненного взора» Цезаря, светящегося в аду.

Но особенной славы, даже своего рода культа достигает имя Светония в XVI—XVII веках во Франции и частью в Англии. И слава эта опять-таки неслучайна. Недаром именно в эти столетия и в этих странах, вместе с ростом роли торгового капитала и ожесточенной борьбой абсолютистского принципа с фрондой феодальной аристократии, становится такой

острой проблема монарха, проблема его личности, его прав, его отношения к государственным сословиям. Ответ на все эти вопросы идеологи абсолютизма хотели найти у биографа «двенадцати цезарей», в мудром и преданном монархизме которого никто из них не сомневался. На исторический опыт и авторитет Светония ссылаются сановники и сами коронованные главы абсолютистских монархий. «Зеркалом и наставницей королей» называет его книгу король Яков Английский. А поскольку абсолютистская монархия XVII века была одной из форм становленья буржуазного общества новой Европы, мы можем сказать, что и Светоний занял свое место среди «древнеримских призраков (по словам Маркса), охранявших колыбель буржуазии».

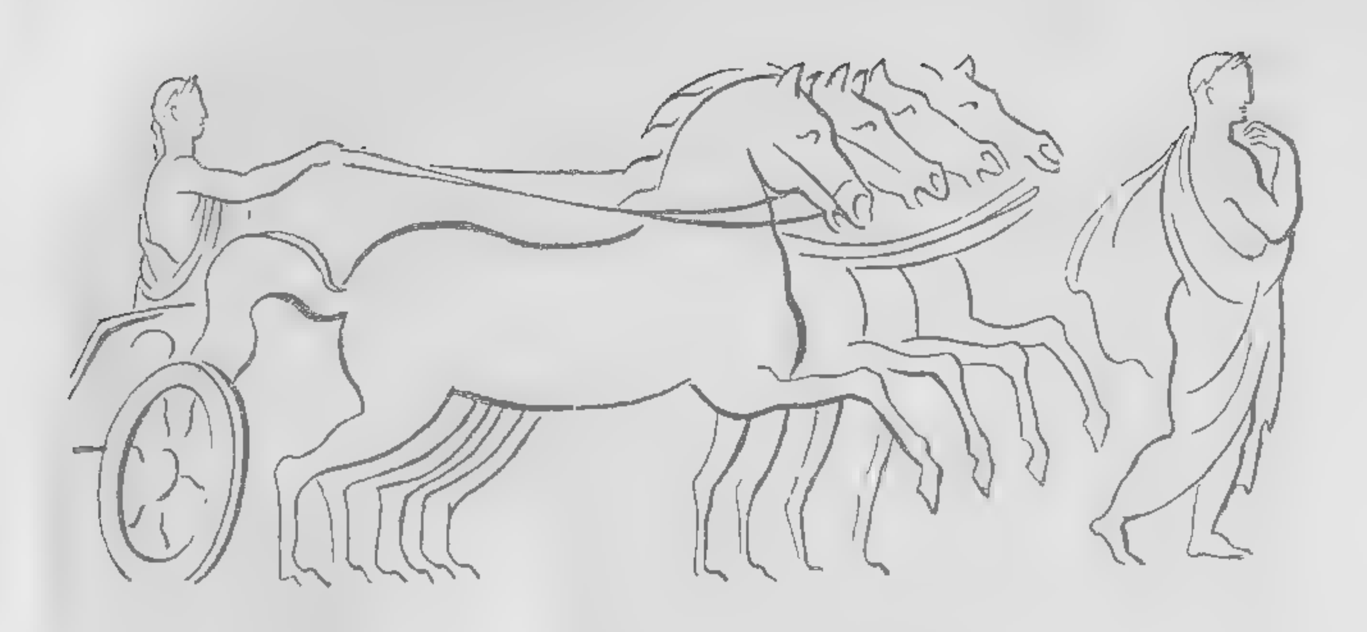
Потомок худородной латинской семьи, Светоний занял это место не без некоторого права. Но историческая противоречивость его позиций сказалась и здесь. И когда, вступая в полосу открытых революций, ново-европейская буржуазия отбрасывала путы компромисса с монархической властью, заодно был отброшен и авторитет идеолога этого компромисса, биографа цезарей. В стаю героических теней Рима, сопровождавших борьбу французских якобинцев, холодный и двусмысленный Светоний не попал. Его место занял «республиканец» и идеализирующий моралист, певец Публиколы и Брута, Плутарх. А кумиром историографии XIX века оказался Тацит, для вящшего прославления которого буржуазная филология, как сказано, охотно принесла в жертву Светония.

Насколько пристрастным и произвольным было это уничижение — мы старались показать. Нимало не приукрашивая достаточно противоречивый историче-

ский облик Светония, мы все же никак не можем отказать книге его в значении любопытнейшего памятника классовой психологии. Это, бесспорно, одна из книг мировой литературы, одна из живучих, поучительных и умных книг античного наследья.

Адр. Пиотровский

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ



1. На шестнадцатом [1] году жизни Цезарь лишился отца; в следующем году, когда он был предназначен в фламины [2] Юпитера, он отказался от своей невесты Коссуции, девушки из семьи только всаднической, но чрезвычайно богатой, с которой его обручили еще до его совершеннолетия, и вступил в брак с дочерью Корнелия Цинны, бывшего четыре раза консулом; от этой Корнелии вскоре родилась у него дочь Юлия. Никакими способами не удалось диктатору Сулле заставить Цезаря развестись с нею; в наказание он был лишен жреческого сана, приданого жены и наследств, следуемых ему по родству, а также был причтен к противной Сулле партии; таким образом, ему пришлось скрываться и, несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, чуть не каждую ночь менять свое убежище и откупаться от сыщиков деньгами, пока он не выхлопотал себе прощение благодаря заступничеству дев-весталок, а также Мамерка Эмилия и Аврелия Котты, близких ему родственника и свояка. Как это произошло, известно достаточно: на настойчивые просьбы этих своих

ближайших друзей, к тому же лиц весьма сановных, Сулла долгое время отвечал решительным отказом, они же, не сдаваясь, упорно настаивали на своем; наконец он воскликнул, то ли по внушению свыше, то ли повинуясь собственному чутью: «Пусть победа остается за ними; лишь бы только они знали, что тот, о чьем спасении они так хлопочут, когда-нибудь погубит партию оптиматов, которую они же вместе с ним, Суллой, защищали; ибо один Цезарь стоит многих Мариев».

2. Свою военную службу Цезарь начал в Азии[3] под командой Марка Терма, в его штабе; будучи командирован своим начальником в Вифинию[4] с поручением доставить оттуда флот, он надолго задержался у Никомеда, что не обошлось без толков, будто он принес в жертву царю свою невинность; толки эти усилились, когда через несколько дней он снова отправился в Вифинию под предлогом взыскания денег, следуемых по векселю одному вольноотпущеннику, его клиенту. Прочее время военной службы принесло ему лучшую репутацию, а при взятии Митилены Терм наградил его гражданской короной[5].

3. Служил он и под командой Сервилия Исаврика в Киликии[6], впрочем недолго. Ибо весть о смерти Суллы и перспектива новых смут, затеваемых Марком Лепидом, заставили его поспешить в Рим; однако он воздержался от союза с Лепидом, несмотря на выгодные условия, ему предложенные: не доверял он его характеру, да и повод для выступления не оправдывал его ожиданий.

4. Как бы то ни было, когда эта гражданская смута улеглась, Цезарь привлек к суду Корнелия Долабеллу, консуляра[7] и триумфатора[8], за вымогательства в провинции; Долабелла был оправдан, а Цезарь решил уехать в Родос, во-первых, чтобы отвести от себя возбужденную этим процессом ненависть, а также, чтобы на досуге и в покое предаться занятиям у Аполлония Молона, в те времена знаменитейшего преподавателя красноречия. Когда он ехал туда морем уже в зимнюю пору, у острова Фармакуссы его захватили пираты; к величайшей своей досаде, ему пришлось просидеть у них почти сорок дней, имея при себе лишь одного врача и двух постельничих. Ибо прочих людей своей свиты и рабов он тотчас разослал добывать денег для выкупа. Когда пятьдесят талантов[9] наличными были выплачены, пираты высадили его на берег; тогда, не теряя времени, он снарядил корабли и бросился в погоню по следам пиратов; захватив их в плен, он предал их казни, выполняя то, чем часто в шутку грозил им раньше. В то время Митридат опустошал ближайшие области Азии; Цезарь, не желая показаться безучастным к беде союзников, переправился из Родоса, куда он прибыл, в Азию и, собрав вспомогательные отряды, выгнал из провинции царского префекта[10], чем удержал от отпадения колебавшихся в верности Риму союзников.

5. В качестве военного трибуна[11], — это была первая должность, доставшаяся ему в силу народного избрания по возвращении в Рим, — он всеми силами содействовал инициаторам восстановления трибунской власти, значение кото-

рой в свое время было умалено Суллой. Своему шурину, Люцию Цинне, и тем участникам мятежа Лепида, которые после смерти консула вместе с Цинной бежали к Серторию, он в силу рогации[12] Плотия выхлопотал возвращение в Рим, и по этому поводу на сходке сам держал речь к народу.

6. Будучи квестором, Цезарь на похоронах своей тетки и жены, согласно обычаю, произнес перед рострами[13] похвальное слово в память покойниц. В речи, посвященной тетке, он так говорит о двояком происхождении как ее, так и своего отца:

«По женской линии род моей тетки Юлии происходит от царей, по мужской же он стоит в связи с бессмертными богами, ибо от Анка Марция ведут свой род Марции Рексы[14], а это было имя матери моей тетки; род же Юлиев, к которому принадлежит моя семья, идет от Венеры. Таким образом, нашему роду присущи и неприкосновенность, подобающая царям, которые всех могущественнее среди людей, и благоговейное почитание, подобающее богам, во власти которых находятся сами цари».

На место Корнелии он взял в жены Помпею, дочь Квинта Помпея, внучку Люция Суллы; впоследствии он развелся с нею, подозревая ее в прелюбодеянии с Публием Клодием; ходил столь упорный слух, будто последний, переодевшись женщиной, проник к ней в дом во время совершения религиозных обрядов[15], что сенат назначил следствие по делу о святотатстве.

7. В должности квестора Цезарю досталась по жребию Дальняя Испания[16]; когда, по по-

ручению претора, он объезжал провинцию по судебным делам, он прибыл в Гадес и здесь обратил внимание на стоявшую подле храма Геркулеса статую Александра Македонского. При виде ее он горестно вздохнул. Затем, словно стыдясь своей бездеятельности, — ибо еще ничего замечательного не свершил он в возрасте, в котором Александр успел завоевать весь мир, — тотчас стал просить об увольнении от службы в провинции, имея в виду воспользоваться в столице первым же случаем для дел более значительных. Даже его смущение по поводу сновидения в ближайшую ночь,— а привиделось ему, будто он вступил в преступную связь с своей матерью,— снотолкователи обратили к возбуждению в нем самых смелых надежд, разъясняя сон как предвещание его господства над вселенной, поелику-де мать, которую он видел лежащей под собою, была не кто иная, как земля, почитаемая общею всем родительницею.

8. Итак, покинув Испанию до истечения срока своей службы, он на обратном пути в Рим посетил латинские колонии, которые в то время добивались права римского гражданства; он, вероятно, подбил бы их предпринять что-либо решительное, если бы консулы, в виду именно такой вероятности, не задержали там на некоторое время набранные для Киликии легионы.

9. Не смущаясь этим, Цезарь вскоре затеял в Риме нечто более значительное. В самом деле, за несколько дней до его вступления в должность эдила возникло подозрение, что он составил заговор с консуляром Марком Крассом, а также с Публием Суллой и Луцием Автронием, ко-

торые были избраны на этот год в консулы, но тут же осуждены за подкуп избирателей: заговорщики будто бы намеревались в начале года напасть на сенат; по избиении намеченных заранее лиц, Красс должен был захватить диктатуру и назначить своим начальником конницы Цезаря; затем, устроив республику по собственному усмотрению, они должны были восстановить Суллу и Автрония в должности консулов. Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в своей «Истории», Марк Бибул — в эдиктах[17], а Г. Курион (отец),— в речах. На него же, повидимому, намекает и Цицерон в некоем письме к Аксию, где он говорит, что Цезарь, в качестве консула, завладел-таки царской властью, о которой помышлял еще эдилом. Танузий прибавляет, что Красс, движимый раскаянием или оробев, не явился в назначенный для резни день, а потому и Цезарь не подал условленного знака; а условлено было, говорит Курион, что он спустит с плеча тогу. Тот же Курион, а также Марк АкторийНазон утверждают, будто Цезарь составил заговор также с юным Гнеем Пизоном, которому сенат, подозревая его происки в Риме, добровольно и вне всякой очереди назначил провинцией Испанию; Пизон и Цезарь условились, что одновременно поднимут восстание с целью государственного переворота, первый на окраине, второй же в самом Риме, опираясь на амбронов[18] и транспаданцев[19]: замыслы обоих разрушила внезапная смерть Пизона.

10. Будучи эдилом, Цезарь украсил не только комиций[20], форум и базилики[21], но также Ка-

питолий, выстроив временные портики для выставки в них части великолепных предметов, собранных им в огромном изобилии. Что касается травли зверей и игр, то их он устраивал как совместно со своим коллегой, так и самостоятельно, а это привело к тому, что благоволение народа, вызванное общими затратами обоих, досталось ему одному; и его коллега, Марк Бибул, не скрывал, что «его постигла та же участь, что и Полукса, а именно: как храм, поставленный на форуме братьям-близнецам, именуется только Касторовым, так и его, Бибула, совместную с Цезарем щедрость приписывают одному лишь Цезарю». Ко всему этому Цезарь присоединил еще бои гладиаторов, однако в значительно меньшем числе пар, нежели первоначально предполагал сам; ибо навербованная им отовсюду банда навела страх на его политических врагов, и было издано специальное постановление о числе гладиаторов в Риме, которое никому не разрешалось превысить.

11. Когда расположение народа было таким образом обеспечено, Цезарь, действуя через нескольких трибунов, попытался добиться плебисцита[22] о назначении ему провинцией Египта; поводом для получения этого чрезвычайного командования послужило ему то, что население Александрии изгнало своего царя, в свое время получившего от сената титул союзника и друга римского народа; поступок александрийцев вызвал в Риме всеобщее осуждение. Однако Цезарь не добился своего благодаря сопротивлению партии оптиматов. Тогда, в свою очередь, стремясь

всеми возможными способами уменьшить ее авторитет, он восстановил разрушенные Суллой памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимврами и тевтонами; точно так же, председательствуя в судебной комиссии по делам об убийстве, он отнес к числу уголовных убийц тех, которые во время проскрипций получили из казны деньги за принесенные ими головы римских граждан, хотя такие по закону Суллы были избавлены от ответственности.

12. Он подыскал также лицо для привлечения к суду по обвинению в государственной измене Гая Рабирия, человека, много лет тому назад отличившегося содействием сенату при подавлении мятежа трибуна Луция Сатурнина; назначенный по жребию судьей в этом процессе, Цезарь вынес обвинительный приговор с такой страстностью, что затем, при провокации [23] осужденного к народу ничто не помогло ему в такой мере, как именно эта чрезмерная строгость судьи.

13. Надежду на получение провинции Цезарю пришлось оставить, и он стал добиваться сана великого понтифика [24], причем раздавал деньги, не жалея; прикидывая в уме огромную сумму наделанных при этом долгов, он, отправляясь утром на выборы, как говорят, сказал при прощании целовавшей его матери, что «иначе, как понтификом, он домой не вернется». И такова была его победа над двумя сильнейшими конкурентами, значительно превосходившими его и возрастом и сановностью, что даже в их собственных трибах он один собрал больше голосов, нежели они оба собрали во всех трибах.

14. В то время как был открыт заговор Катилины и весь сенат высказывался за высшую меру наказания для его участников, Цезарь, избранный на эту пору претором, единственный из всех предложил ограничиться конфискацией их имущества и разослать их по муниципиям[25] для содержания под стражей. Он даже так перепугал сторонников крутых мер, неоднократно указывая, какая ненависть римского народа ожидает их впоследствии, что назначенный[26] консул Децим Силан, хотя и не изменил своего мнения, что было бы позором, однако не постеснялся смягчить его толкованием, будто его приняли в более суровом смысле, чем понимал его он сам. Цезарь добился бы своего,— ибо уже многие, и в том числе брат консула, Цицерон, перешли на его сторону,— если бы не речь Марка Катона, которая поддержала колеблющееся в своем мнении сенаторское сословие. И тут Цезарь все же не прекратил своего сопротивления, пока отряд римских всадников, с оружием в руках окружавший сенат в виде стражи, не стал угрожать ему смертью за его чрезмерное упорство. Уже обнаженные мечи были направлены против него, и сидевшие рядом с ним на одной скамье сенаторы его покинули; лишь немногие защитили Цезаря, прикрыв его своею грудью и выставив вперед тоги. Это перепугало его не на шутку; он не только покинул курию[27], но и не показывался в ней более весь остаток года.

15. В первый же день своей претуры он привлек Квинта Катула к отчету перед народом в производившейся им перестройке Капитолия,

огласив в то же время свое предложение передать заведывание этим делом другому лицу. Впрочем, бороться с сплоченным противодействием оптиматов ему оказалось не под силу; он видел, что они, немедленно отказавшись от чествования новых консулов, поспешно явились в народное собрание целой массой, с твердой решимостью оказать ему противодействие. Тогда он отказался от своего предложения.

16. Тем не менее, он с величайшей настойчивостью дал свою поддержку и помощь народному трибуну Цецилию Метеллу, который, невзирая на вето коллег, внес возмутительнейшие законопредложения [28]; дело дошло до того, что сенат издал декрет об устранении обоих от занятия государственными делами. Тем не менее, Цезарь осмелился остаться в должности и отправлять свои судебные обязанности; но когда он узнал, что противники готовы заставить его подчиниться вооруженной силой, он распустил своих ликторов, снял окаймленную пурпуром тогу претора и украдкой бежал к себе в дом, решив держаться смирно в виду неблагоприятного оборота дела. Через два дня после этого к его дому без чьего-либо почина сама собою собралась большая толпа, бурно предлагавшая ему содействовать в восстановлении его в должности; однако Цезарь сам укротил ее. Это случилось совершенно вопреки ожиданиям сената, поспешно собравшегося в заседание в виду упомянутого народного скопища. А потому он и выразил Цезарю благодарность через первенствующих своих членов, призвал его в курию, расхвалил в самых напыщенных выражениях

и, отменив свой первый декрет, восстановил его в должности.

17. Однако Цезарь снова попал в беду иного рода, когда имя его назвали в числе сообщников Катилины, во-первых, у квестора Новия Нигра — доносчик Луций Веттий, а во-вторых, в сенате — тот самый Квинт Курий, которому от имени государства была назначена награда за то, что он первый раскрыл замыслы заговорщиков. Курий говорил, что об участии Цезаря он узнал от Катилины, а Веттий обещал даже представить его собственноручное письмо к последнему. Считая, что стерпеть такую клевету никак невозможно, Цезарь, торжественно призвав в свидетели Цицерона, доказал, что именно он, Цезарь, по собственной своей инициативе сделал ему кое-какие сообщения о заговоре; этим он добился того, что Курий награды не получил; что же до Веттия, то от него потребовали залога, причем его домашнюю утварь расхитили; сам он подвергся избиению и едва не был разорван на части перед рострами. Цезарь бросил его в тюрьму, и та же участь постигла квестора Новия за то, что он принял обвинение на должностное лицо, высшее по власти, нежели он сам.

18. После претуры Цезарю по жребию досталась провинцией Дальняя Испания; претензии своих кредиторов, не пускавших его из Рима, он устранил при посредстве поручителей и выехал, противно обычаю и закону, даже не дождавшись обычного распоряжения сената для провинций; неизвестно, то ли он боялся судебного преследования, которое готовили против него к моменту, когда он станет частным ли-

цом, то ли хотел как можно скорее подоспеть к союзникам, умолявшим о помощи; равным образом, он покинул свою провинцию с тою же торопливостью, едва лишь умиротворив ее и не дожидаясь преемника: он спешил отпраздновать триумф и вместе выступить кандидатом в консулы. Но комиции были уже назначены, и кандидатура могла быть допущена лишь при условии, что он войдет в город как частное лицо; все его старания добиться изъятия из закона встретили со стороны многих лиц возражения; тогда, чтобы не потерять права искать консульства, ему пришлось отказаться от триумфа.

19. Из двух своих соискателей, Луция Лукцея и Марка Бибула, он привлек к себе первого: по условию, Лукцей, менее популярный, но обладавший огромными средствами, должен был обещать деньги центуриям[29] от имени обоих. Узнав об этом, оптиматы, боясь, что Цезарь, получив высшую должность и имея соправителем согласного во всем единомышленника, не остановится ни перед чем, сами попудили Бибула обещать центуриям такую же сумму, причем многие дали и деньги, и даже Катон не отрицал, что этот подкуп народа оправдывается пользой государства. В результате, Цезарь был избран вместе с Бибулом. По той же причине оптиматы постарались, чтобы будущим консулам в качестве провинций были даны самые неважные поручения, а именно управление государственными лесами и пастбищами. Такая несправедливость в высшей степени раздражила Цезаря; всяческими услугами он стал заиски-

вать перед Гнеем Помпеем, который был сердит на сенат за то, что тот после его победы над царем Митридатом затягивал утверждение его распоряжений на Востоке. Цезарь также помирил Помпея с Марком Крассом, старинным его недругом еще со времени совместного консульства [30], которое они провели в самом резком взаимном разногласии. С обоими он заключил союз, коего целью было — не допускать никаких государственных мероприятий, неугодных кому-либо из них трех [31].

20. Вступив в должность [32], Цезарь впервые ввел в практику составление и публикацию отчетов сенатских заседаний и ежедневных городских ведомостей. Он возобновил также древний обычай, чтобы консулу в те месяцы, когда он не имел при себе фасций, предшествовал в общественных местах акценз [33], а за ним следовали бы ликторы. Он обнародовал аграрный закон, и когда его коллега Бибул попытался устроить ему обструкцию под предлогом неблагоприятных знамений, то он вооруженной силой прогнал его с форума; на следующий день Бибул заявил протест в сенате, но никто не осмелился по поводу столь возмутительного случая сделать доклад или просто предложить меры, которые прежде часто принимались даже в случае менее серьезных беспорядков. Это повергло Бибула в такое отчаяние, что до последнего дня своего консульства он просидел, запершись у себя в доме, занимаясь лишь тем, что издавал против Цезаря запретительные эдикты под предлогом якобы неблагоприятных предзнаменований.

С этих пор Цезарь решал все государственные дела один и по собственному усмотрению, так что некоторые шутники, давая ради забавы свою подпись под каким-либо документом, ставили датой имена консулов не Цезаря и Бибула, но — Юлия и Цезаря, дважды называя то же лицо, по имени и по прозвищу. А вскоре из уст в уста начали передавать такие стишки:

Нечто свершилось недавно при Цезаре, не при Бибуле.
В консульство Бибула было ли что, не припомню.

Стеллатское поле [34], которое еще предки объявили неприкосновенным, и Кампанскую землю, которая для усиления средств государства находилась в аренде, он разделил вне жребия тем гражданам, числом до 20 тысяч, которые имели трех или более детей. По просьбе публиканов о сбавке откупной суммы он понизил ее на треть и открыто советовал им при сдаче на откуп новых податей не набавлять чрезмерно цену. Также и в остальном, чего бы кому ни захотелось, он раздавал щедрой рукой, причем возражений никто не делал, а если кто и пытался, того он запугивал. Марка Катона за его интерпелляцию он приказал ликтору вытащить из курии и отвести в тюрьму. На Люция Лукулла, выступившего было против него более решительно, он навел такой страх облыжными обвинениями, что тот повалился ему в ноги. Когда Цицерон, произнося речь в одном судебном процессе, стал сетовать на состояние республики, то он в девятом часу [35] того же дня устроил переход от патрициата к

плебсу[36] его врагу, Публию Клодию, который уже давно тщетно добивался этого. Наконец, против всей враждебной партии он выставил доносчика, подкупом побудив его сделать заявление, будто некоторые лица подговаривали его убить Помпея; было условлено, что он всенародно перед рострами назовет имена этих лиц, установленные заранее, но когда несколько имен были действительно названы, причем это вышло бездоказательно и возбудило подозрение в обмане, тогда Цезарь, сомневаясь в удачном исходе столь рискованного предприятия, как говорят, приказал отравить доносчика.

21. Около этого же времени он взял себе в жены Кальпурнию, дочь Луция Пизона, своего будущего преемника по консульству, а собственную дочь, Юлию, выдал за Гнея Помпея; для этого он предварительно отказал уже помолвленному с нею Сервилию Цепиону, который незадолго перед тем особенно усердно помогал ему в борьбе с Бибулом. Заключив этот новый родственный союз, он стал в сенате первым спрашивать о мнении Помпея, до этого же времени спрашивал первым Красса, а между тем было в обычае, чтобы консул весь год сохранял тот порядок опроса мнений, который сам же установил 1 января.

22. Из общего числа провинций он, при содействии тестя и зятя, выбрал для себя преимущественно перед другими Галлию, ибо богатые возможности и счастливые условия этой провинции являлись залогом будущих триумфов. Сначала, в силу закона Ватиния, он получил Галлию Цизальпийскую, с присоединением Ил-

лирика; вскоре сенат прибавил к ним также Коматскую[37] Галлию, ибо сенаторы боялись, что в случае их отказа он все равно получит ее от народа. В радости он зарвался до того, что, несколько дней спустя, в курии при большом стечении сенаторов посмел хвастливо заявить, что, вопреки нежеланию и воплям своих противников, он достиг того, к чему стремился: теперь-то он оседлает их всех. Когда кто-то, желая оскорбить его, заявил, что женщине это сделать не легко[38], он ответил словно в шутку: «В Ассирии тоже царствовала Семирамида, а большей частью Азии владели некогда амазонки».

23. Когда, по сложении им должности консула, преторы Гай Меммий и Люций Домиций сделали доклад о пересмотре мероприятий истекшего года, расследование о них он поручил произвести сенату; сенат отклонил это поручение, и три дня прошли в безрезультатных пререканиях; тогда он отбыл в свою провинцию. Немедленно же — характерный прецедент — привлекли к суду Цезарева квестора, по ряду обвинительных пунктов. Вскоре и самого его потребовал к ответу народный трибун Люций Антистий, и только благодаря апелляции к коллегии трибунов Цезарь добился того, чтобы, пока он отсутствует по делам государства, процессов против него не возбуждали. Поэтому, в интересах собственной безопасности на будущее время, он стал всячески стараться сделать так, чтобы магистраты каждого года были люди ему обязанные, а из искателей должностей он помогал только тем и только тех допускал

к занятию их, которые в его отсутствие брались быть его защитниками; в подтверждение этого условия он не колебался брать с некоторых клятву или даже письменное обязательство.

24. Но когда кандидат в консулы Луций Домиций начал открыто грозить, что, заняв эту должность, он осуществит то, что ему не удалось сделать, будучи претором, а именно отнимет у Цезаря войско, то последний вызвал Красса и Помпея на свидание в город своей провинции, Луку, и побудил их искать вторично консульства ради устранения Домиция; он добился также того, что командование ему было продлено еще на пять лет[39]. Упрочив этим свое положение, он к тем легионам, которые получил от государства, прибавил еще другие, набранные на свои частные средства, причем один из них навербовал из трансальпийцев, дав ему также и имя галльское — Алауда[40]; дисциплина и вооружение в этом легионе были римские, а впоследствии он в полном составе получил от Цезаря право римского гражданства. С этих пор Цезарь не упускал ни одного повода к войне, даже несправедливой или опасной, причем первый нападал как на племена, состоявшие в союзе, так и на враждебные и варварские, так что сенат однажды постановил отправить комиссию для обследования положения в Галлии, а некоторые предлагали даже выдать Цезаря неприятелю. Но так как его предприятия сопровождались успехом, то по их поводу сенат назначал большее число раз, чем когда-либо раньше, благодарственные молебны и на большее количество дней.

25. В течение девяти лет своего командования Цезарь свершил следующее:

Всю Галлию, в границах между Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Рейном и Роной, пространством почти на 3200 миль в окружности, он обратил в провинцию, вне которой оставались только союзные и доказавшие свою дружбу государства; на эту провинцию он наложил ежегодную дань в 40 000 000 сестерциев [41]. Он первый напал на германцев, живущих по ту сторону Рейна, построил мост через эту реку и нанес им ряд тяжелых поражений; напал он также на британцев, о которых раньше никто и не знал, и, победив их, взял с них дань и заложников. При стольких успехах он потерпел неудачи не более трех раз: в Британии его флот едва не погиб от бури; в Галлии, под Герговией, один его легион был разбит наголову; в Германии его легаты [42] Титурий и Аврункулей попали в засаду и были уничтожены.

26. В эти же годы он потерял сначала мать, затем дочь, наконец, немного позднее — внука. Между тем, когда в связи с убийством Публия Клодия республика была повергнута в полное расстройство и сенат принял решение поставить единого консула и определенно назвал для этого Гнея Помпея, а народные трибуны предназначали его в коллеги Помпею,— он повел с ними переговоры, прося их лучше предложить народу, чтобы ему, Цезарю, было разрешено вторично искать консульство заочно на исходе срока его командования, дабы ради этого искательства ему не пришлось покинуть провинцию

слишком рано, не докончив войну[43]. Добившись этого, Цезарь, помышляя уже о целях более высоких и преисполнясь надежд, не упускал ни одного случая в общественных и частных отношениях, дававшего повод обнаружить щедрость или оказать услуги, кто бы при этом ни имелся в виду. На средства из военной добычи он начал постройку форума, для которого одна площадь обошлась свыше ста миллионов сестерциев. Он обещал народу гладиаторские игры и угощение в память своей дочери, чего до него не делал никто. Чтобы довести ожидание в народе до высшей степени, он хотя и сдал приготовления к пиршеству в подряд кухмистерам, однако производил их также с помощью частных хозяйств. Когда известным гладиаторам приходилось где-нибудь сражаться с риском не получить пощады от зрителей, он поручал уводить их силою и сохранять их для себя. Гладиаторов-новичков он обучал не в школах и не у ланист[44], но в частных домах, у римских всадников и даже у сенаторов, хорошо владевших оружием, настойчиво прося их, как это явствует из его писем, чтобы они брали на себя обучение отдельных бойцов и во время упражнений лично сообщали им правила борьбы.

Цезарь навсегда увеличил жалованье легионам вдвое. Когда хлеб имелся в изобилии, он отпускал его солдатам без меры и счета, а иногда раздавал из добычи рабов на каждого солдата по одному.

27. Чтобы сохранить родственную связь с Помпеем и расположение его к себе, он предложил ему руку Октавии, внучки своей сестры,

которая была замужем за Гаем Марцеллом, а сам просил руки Помпеевой дочери, хотя она уже была помолвлена за Фавста Суллу[45]. Всех окружающих Помпея, а также большую часть сенаторов он обязал себе, ссужая им деньги либо вовсе без процентов, либо за ничтожный процент; но он осыпал щедрыми подарками также лиц из других сословий, которых он приглашал или которые сами являлись к нему, равно и их вольноотпущенных и молодых рабов, бывших в милости у своих патронов или господ. Таким образом, он являлся единственной и самой надежной опорой для людей, находившихся под судом, запутавшихся в долгах, а также для молодежи, привыкшей к широкому образу жизни, за исключением тех, которые уж слишком были подавлены бременем преступлений, нужды или мотовства, чтобы ожидать от него помощи; этим он говорил напрямик, что им нужна гражданская война.

28. С неменьшим усердием старался он по всему свету привлечь к себе царей и провинции: одним он предлагал в дар тысячи пленников, другим, не спрашивая разрешения сената и народа, посылал военную помощь, куда бы и сколько бы раз они ни пожелали. Не только в Италии, Галлии и Испании, но также в Азии и Греции он украшал главные города замечательными сооружениями. В конце концов, когда уже все были приведены в изумление и спрашивали себя, к чему поведет все это, консул Марк Клавдий Марцелл объявил в эдикте, что он собирается поставить на очередь вопрос о спасении государства, и сделал сенату пред-

ставление о том, чтобы Цезарю уже до срока был послан преемник, так как война окончена, мир заключен и победоносное войско подлежит расформированию; кроме того, по его мнению, не следовало допускать заочной кандидатуры Цезаря, поелику и сам Помпей впоследствии отменил плебисцит. Дело в том, что Помпей, внося закон о праве магистратов, в главе, в которой упразднялось заочное искание должностей, по забывчивости не сделал исключения для Цезаря: уже когда закон был нанесен на медную доску и сдан в казначейство, он исправил свою ошибку[46]. Не довольствуясь лишением Цезаря его провинции и данной ему льготы, Марцелл предложил также, чтобы у колонистов, которых Цезарь, согласно Ватиниевой рогации, вывел в Новый Ком, было отнято право гражданства, ибо Цезарь дал его им из честолюбия и с превышением предписаний закона.

29. Все это привело Цезаря в смущение. Он полагал и, говорят, часто заявлял, что его, первого человека в государстве, труднее вытеснить из высшего ранга во второй, нежели из второго в последний. Поэтому он начал всеми силами сопротивляться, пользуясь частью интерцессией трибунов, частью содействием другого консула, Сервия Сульпиция. Также и в следующем году, когда Гай Марцелл, преемник по консульству своего двоюродного брата Марка, предпринял аналогичные попытки, Цезарь создал себе защитников в лице его коллеги, Эмилия Павла, и самого дерзновенного трибуна, Гая Куриона, подкупив обоих огромной суммой денег. Но когда он увидел, что против него

действуют все настойчивее и что назначенные консулы принадлежать к противной ему партии, он обратился к сенату с письменной просьбой, чтобы его не лишали льготы, дарованной ему народом, в противном же случае, чтобы и прочие полководцы сложили с себя командование войсками[17]; как полагают, он был при этом уверен, что, в случае надобности, сам он легче созовет своих ветеранов, нежели Помпей — новобранцев. В переговорах с своими противниками он соглашался отказаться от восьми легионов и Трансальпийской Галлии, с тем, чтобы до выборов его в консулы ему были оставлены два легиона и Цизальпийская провинция, или, в крайнем случае, один легион и Иллирик.

30. Но так как и сенат уклонялся от посредничества, и противная Цезарю партия отказывалась притти с ним к какому-либо соглашению касательно государственных дел, он перешел в Цизальпийскую Галлию и, покончив с судебными делами в этой провинции, выбрал своим местопребыванием Равенну, в намерении отстаивать свое право оружием, в случае если сенат примет слишком суровое постановление по отношению к народным трибунам, интерцедирующим в его пользу.

Это и послужило для него предлогом к гражданской войне; причины же ее, по общему мнению, были другие. Гней Помпей нередко говорил, что с помощью своих частных средств Цезарь не мог бы ни докончить начатые им постройки, ни оправдать ожиданий, которые народ возлагал на его появление в Риме, и по-

тому решил все в государстве перевернуть кверху дном. Другие говорят, что он боялся, как бы его не призвали к ответу за все то, что он совершил в свое первое консульство вопреки ауспициям, законам и трибунским интерцессиям; ибо Марк Катон беспрестанно заявлял, подкрепляя свои слова клятвой, что он немедленно привлечет его к суду, как только он отпустит свое войско; в народе также говорили открыто, что если он вернется частным лицом, то ему придется предстать перед судом, подобно Милону, в окружении вооруженной стражи. Все это кажется тем вероятнее, что и Азиний Поллион рассказывает, как Цезарь при Фарсале, глядя на разбитых и бегущих врагов, произнес буквально такие слова: «Вот чего они хотели. Я, Гай Цезарь, после стольких моих деяний был бы осужден, если бы не искал защиты у войска». Некоторые думают, что, повинуясь привычке властвовать и взвесив силы — свои и вражеские,— он воспользовался случаем присвоить себе власть, к которой стремился с раннего возраста. Так, по-видимому, думал и Цицерон, который в третьей книге своего трактата «Об обязанностях» пишет, что Цезарь постоянно повторял стих Эврипида [48], передаваемый им так:

Если уж право нарушить, то ради господства,
А в остальном надлежит соблюдать справедливость.

31. Итак, когда он получил известие, что интерцессия трибунов сведена на-нет, а сами они покинули Рим, он тотчас тайно, чтобы не возбуждать подозрения, отправил вперед ко-

горты, а сам, как ни в чем не бывало, появился на публичном спектакле, затем смотрел план гладиаторской школы, которую собирался построить, и по обыкновению присутствовал на многолюдном обеде. Затем после захода солнца в повозку были впряжены мулы, взятые с ближайшей мельницы, и Цезарь, в сопровождении всего нескольких лиц в строжайшей тайне отправился в путь. Факелы погасли; Цезарь сбился с дороги и долго блуждал, пока, наконец не нашел проводника, который по узким тропинкам, пешком, к рассвету привел его к цели. Он нагнал свои когорты у реки Рубикона, представлявшей границу его провинции. Здесь он ненадолго остановился и, внутренне проверяя все значение задуманного им предприятия, сказал, обращаясь к присутствующим: «Еще нам есть возможность возврата; а перейдем этот мостик, и все уже придется решать оружием».

32. В этот момент колебаний было ему такое видение: внезапно появился кто-то неизвестный, необычайного роста и красоты; сидя по близости, он играл на свирели. Послушать его сбежались не только пастухи, но и многие солдаты с постов, а среди них и трубачи: вырвав у одного из них трубу, неизвестный бросился к реке и, оглушительно заиграв военный сигнал, направился к другому берегу. «Вперед,— воскликнул тогда Цезарь.— куда зовет нас знамение богов и несправедливость противников! — И прибавил: — Жребий брошен».

33. Затем он переправил войско [19], и на сходке, в присутствии народных трибунов, которые тем временем прибыли из Рима как изгнанники,

он, со слезами, разорвав на груди одежду, обратился к солдатам, прося у них помощи. Говорят даже, будто он обещал каждому солдату всадническое состояние; однако это недоразумение: дело в том, что среди своей речи, убеждая солдат, Цезарь часто поднимал левую руку с вытянутым пальцем и утверждал, что ради вознаграждения всех, кто будет защищать его достоинство, он не пожалеет отдать и это кольцо; при этом солдаты в задних рядах сходки, которым было лучше видно, чем слышно оратора, приняли за сказанное то, о чем они догадывались по жестам; поэтому разнесся слух, будто он обещал им всаднические кольца и четыреста тысяч сестерциев в придачу.

34. Порядок и краткий очерк главных свершенных им деяний таковы. Он занял Пицен, Умбрию и Этрурию. Луция Домиция, который в порядке военного положения был назначен ему преемником и защищал с гарнизоном Корфиний, он принудил капитулировать, но отпустил на свободу и поспешил по берегу Адриатики к Брундизию, куда уже раньше бежали консулы и Помпей в намерении как можно скорее переправиться на восток. Его попытки всяческими средствами помешать их отъезду оказались безуспешны. Тогда он направился в Рим. Здесь он призвал сенаторов оказать ему поддержку в государственных делах и затем устремился против сильнейших армий Помпея, которые находились в Испании под командой трех легатов: Марка Петрея, Луция Афрания и Марка Варрона. Перед выступлением он объявил своим, что «идет в поход против войска

без вождя, а затем обратится против вождя без войска». Несмотря на необходимость осаждать Массилию, заперевшую перед ним ворота в этом походе, а также на чрезвычайный недостаток продовольствия, он вскоре все подчинил себе.

35. Из Испании Цезарь возвратился в Рим, а затем переправился в Македонию. В течение четырех месяцев он держал Помпея в осаде, окружив его широкой линией земляных укреплений; наконец разбил в сражении при Фарселе [50], преследовал до Александрии, где нашел его уже убитым. Затем ему пришлось вести крайне трудную войну с царем Птолемеем, который, как он видел, и против него готовил предательское нападение. Борьба велась в чрезвычайно невыгодных для него условиях места и времени, ибо была зима, он же находился в стенах города, властителем которого был богатый средствами и изворотливый враг, а сам он нуждался во всем и был совсем не подготовлен. Одержав победу, он отдал Египетское царство Клеопатре и ее младшему брату, ибо боялся превратить его в провинцию, предвидя, что если во главе ее когда-либо окажется слишком предприимчивый правитель, то она послужит великолепной базой для мятежа. Из Александрии он прошел в Сирию, а затем в Понт. Туда заставляли его торопиться вести о Фарнаке: этот царь, сын Митридата Великого, пользуясь благоприятным моментом, вел войны и совершенно зарвался благодаря ряду достигнутых успехов. Едва через пять дней по своем прибытии и через четыре часа после появления

неприятеля. Цезарь уже разбил его наголову в первом же и единственном бою. По этому поводу Цезарь не раз говаривал о счастливой доле Помпея, который свою громкую военную славу приобрел победами над столь невоинственными врагами. После этого он одержал победу над Сципионом и Юбой, пытавшимися вдохнуть новую жизнь в остатки помпеянцев в Африке, и, наконец, над сыновьями Помпея в Испании [51].

36. В течение всей гражданской войны он лично не потерпел ни одного поражения, а только в лице своих легатов. Так, Гай Курион погиб в Африке, Гай Антоний попал в Иллирике в руки врагов, в том же Иллирике Публий Долабелла потерял флот, а в Понте Гней Домиций Кальвин лишился войска. Сам же Цезарь сражался всегда с блестящим успехом, причем исход сражения никогда не оставался сомнительным, за исключением только двух случаев: один раз при Диррахии, когда он был разбит в сражении, но не был преследуем Помпеем, — тут он сказал, что Помпей побеждать не умеет; второй раз — в последнем сражении в Испании, когда, отчаявшись в победе, он уже собирался покончить с собою.

37. По окончании войн он отпраздновал пять триумфов; из них четыре — после победы над Сципионом в течение одного месяца, но с промежутками в несколько дней, и еще один после поражения Помпеевых сыновей. Первый и самый блестящий триумф был гальский, следующий — александрийский, затем — понтийский, ближайший к нему — африканский и последний — испанский, причем все различались подбором

и видом проносимых перед публикой предметов. В день галльского триумфа, при проезде через Велабр[52], у колесницы сломалась ось, и Цезарь едва не упал с нее. На Капитолий он поднялся при свете огней: справа и слева сорок слонов несли светильники. В понтийском триумфе среди прочих трофеев процессии несли надпись, составленную из трех слов: „пришел, увидел, победил»; в отличие от прочих изображений, эта надпись не обозначала события войны, но отмечала самый факт ее быстрого окончания.

38. Каждому пехотинцу из легионов ветеранов, сверх выплаченных в начале гражданской войны двух тысяч сестерциев, он выдал еще в качестве добычи по двадцать четыре тысячи. Он наделил их также землею, однако не сплошной массой, чтобы не сгонять с земли прежних владельцев. Народу он раздал, сверх десяти модиев[53] хлеба и стольких же фунтов оливкового масла на человека, еще по триста сестерциев, обещанных уже давно, с прибавкой к ним по сто сестерциев за промедление.

Кроме того, он сложил годовую квартирную плату, размером до двух тысяч сестерциев в Риме и до пятисот сестерциев в прочей Италии. Ко всему этому он прибавил публичное пиршество и раздачу мяса, а после победы в Испании — еще два угощения завтраком: дело в том, что первое угощение показалось ему слишком скудным и не соответствующим его щедрости, и тогда, спустя пять дней, он дал второе, весьма роскошное.

39. Он устроил также самые разнообразные зрелища: гладиаторский бой, театральные пред-

ставления во всех частях города, — причем актеры играли на всех языках, — а также цирковые состязания, борьбу атлетов и морское сражение. В гладиаторском бою на форуме участвовал Фурий Лептин, преторской фамилии, и Квинт Кальпен, бывший некогда сенатором и выступавший поверенным в судебных процессах. Военный танец исполняли дети первых граждан Азии и Вифинии. Среди театральных представлений римский всадник Децим Лаберий играл пантомиму собственного сочинения; он получил в награду пятьсот тысяч сестерциев и золотое кольцо и со сцены прошел через орхестру, чтобы занять свое место в четырнадцати рядах скамей, отведенных всадникам. Для состязания площадь цирка была увеличена с обеих сторон и обведена вокруг наполненным водою рвом, а бег колесниц четверней и парой и вольтижировку выполняли самые знатные юноши. Троянскую[54] игру провела двойная турма[55] мальчиков старшего и младшего возраста. Травля зверей продолжалась пять дней, а в заключение было дано сражение двух отрядов, в которых с той и другой стороны участвовало по пятьсот пехотинцев, по двадцать слонов и по триста всадников. Чтобы было больше простора для боя, меты[56] были сняты, а на их месте были сооружены, друг против друга, два лагеря. Борьба атлетов длилась три дня в выстроенном для этого на Марсовом поле временном стадионе. В морском сражении, для которого было вырыто озеро на поле под названием Малый Кодет, сражались биремы, триремы и квадриремы[57] тирского и египетского флотов с многочислен-

ным экипажем. На все эти зрелища собралось отовсюду столько народу, что множество прибывших ночевало в палатках, разбитых на улицах и переулках, и часто в толпе оказывалось много раздавленных насмерть, в том числе два сенатора.

40. Затем Цезарь обратился к устроению государства. Он исправил календарь, который благодаря погрешностям понтификов, позволявших себе вставки месяцев, не считаясь с правилами, уже давно пришел в такое расстройство, что праздник жатвы падал не на лето, а праздник сбора винограда — не на осень. Год он определил сообразно солнечному круговороту, сделав его равным триста шестидесяти пяти дням, вставной месяц был упразднен, в каждый же четвертый год вставлялся один день. А чтобы впредь, начиная от ближайшего нового года счет времени велся более удачно, он между ноябрем и декабрем вставил два других месяца. Таким образом, год, в котором производилась эта реформа, оказался состоящим из пятнадцати месяцев, считая с обычным вставным, пришедшимся как раз на этот год[58].

41. Он пополнил сенат, создал новых патрициев, увеличил число преторов, эдилов, квесторов, а также второстепенных магистратов; лишенных звания по постановлению цензоров или приговоренных судом за подкуп избирателей он восстановил в прежних правах. Выборы в должности он разделил между собою и народом таким образом, что, за исключением кандидатов в консулы, из всех прочих кандидатов считались избранными: одна половина согласно

воле народа, другая же — согласно его собственному назначению. В рассылаемых по трибам записках он коротко объявлял: «Диктатор Цезарь такой-то трибе. Рекомендую вам того-то и того-то, дабы вашими голосами они получили сообразное их достоинству». Он вернул право искать должности также и детям проскрибированных. Состав судебных комиссий он ограничил двумя категориями судей: всадниками и сенаторами; эрарных же трибунов, составлявших до того третью категорию, он упразднил [59].

Народную перепись он произвел не обычным способом и не в обычном месте, но по улицам, через посредство владельцев больших доходных домов; из прежнего числа получавших хлеб от казны в 320 000 человек он вычеркнул около 150 000; а чтобы в связи с внесением в списки получателей не произошли какие-нибудь беспорядки, он постановил, чтобы претор ежегодно на места умерших получателей выбирал новых, по жребию, из числа не состоявших в списках.

42. В колониях, основанных за морем, Цезарь расселил 80 000 граждан; затем, с целью пополнить сильную убыль населения Рима, он запретил гражданам старше двадцати и моложе сорока лет, не находящимся на военной службе, долее трех лет кряду отлучаться из Италии; он запретил также сенаторским сыновьям уезжать за границу иначе как в должности контубернала [60] или в свите магистратов; он предписал, чтобы скотоводы не менее трети пастухов набирали из взрослых свободных граждан [61]. Он пожаловал право римского гражданства всем за-

нимавшимся в Риме врачебной деятельностью и преподавателям свободных искусств, чтобы этим приохотить их к постоянному жительству в Риме, а также привлечь в него новых лиц той же категории. Что касается долговых обязательств, то он не оправдал неоднократно возникавшую надежду на их полную кассацию и, в конце концов, постановил, чтобы должники удовлетворили заимодавцев посредством оценки своих имений согласно стоимости их до гражданской войны, причем из суммы долга вычиталось то, что было уже уплачено или переведено в качестве процентов: при таком условии заимодавцы теряли около четверти ссуды. Все коллегии [62], за исключением тех, которые были учреждены в древности, Цезарь распустил. Кары за преступления он усилил. А так как для состоятельных людей совершить преступление было тем легче, что они могли итти в изгнание со всем своим имуществом, то он, как пишет об этом Цицерон, наказанием для убийц назначил полную конфискацию имущества, а для прочих преступников — половинную.

43. Цезарь творил суд с величайшей тщательностью и строгостью. Сенаторов, уличенных в лихоимстве, он даже удалял из сословия. Он расторгнул брак одного бывшего претора, который заключил его всего два дня спустя после развода его невесты с ее первым мужем, хотя насчет прелюбодеяния их при этом подозрения не было. Он установил так называемые портории, т. е. пошлины на заграничные товары. Он запретил пользоваться носилками и одеваться в пурпуровые платья и жемчуга, за исключе-

нием некоторых лиц определенного возраста и в определенные дни. Особенно ревностно соблюдал он закон против роскоши: вокруг съестного рынка были расставлены сторожа, которые должны были задерживать и отправлять к нему запрещенные продукты: иногда же он посылал в частные дома ликторов и солдат, которые реквизировали уже из столовых запрещенные кушанья, попавшие туда по недосмотру сторожей.

44. Его проекты украшения и благоустройства Рима, а также безопасности империи и расширения ее границ с каждым днем становились многочисленнее и грандиознее: это были, во-первых, постройка храма Марса, какого еще не видывали нигде, на месте озера, где он раньше давал морские битвы, которое для этой цели должно было быть засыпано и сравнено с берегами; затем огромной величины театр, прилегающий к Тарпейской скале; внесение в гражданское право известной системы, причем из огромной и бессвязной массы законов, самые лучшие и необходимые предполагалось собрать в возможно меньшее количество книг; открытие как можно большего числа общественных библиотек из греческих и латинских книг, с возложением на Марка Варрона заботы по их приобретению и устройству; осушка Помптинских болот: спуск Фуцинского озера; постройка дороги от Верхнего моря[63] через Апеннинский хребет вплоть до Тибра; прорытие канала через Истм; отражение даков, вторгнувшихся в Понт и Фракию, и затем поход против парфян через Малую Армению, причем

предполагалось принять решительное сражение лишь после испытания их в мелких стычках. Все эти занятия и проекты пресекла смерть. Прежде чем говорить о ней, я считаю не лишним вкратце изложить все, что касается его наружности, манеры держать себя, манеры одеваться и образа жизни, равно как его гражданских и военных трудов.

45. Был он, как говорят, высок ростом, белолиц, хорошо сложен, лицо имел несколько полное, глаза черные и живые, здоровье превосходное, и только в последнее время с ним довольно часто бывали случаи внезапного обморока, а также испуга во сне. Кроме того, два раза в жизни он во время занятий делами имел припадки эпилепсии. В физическом уходе за собою он был педант, так что не только тщательно стригся и брился, но и выщипывал на теле волосы, что иные ставили ему в упрек; его весьма огорчала плешивость, ибо ее безобразие давало обильную пищу остротам недоброжелателей. Поэтому, чтобы замаскировать недостаток волос, он обычно зачесывал их с темени на лысину, а из всех почестей, декретированных ему сенатом и народом, ничего он не принял и не использовал с таким удовольствием, как право постоянно носить лавровый венок.

Он выделялся также своей манерой одеваться: носил широкоокаемчатую тунику с длинными, украшенными бахромой рукавами и подпоясывался не иначе, как поверх нее, притом свободно, откуда и идут известные слова Суллы, который часто говаривал в назидание оптима-

там, чтоб они остерегались небрежно подпоясанного юноши.

46. Жил он сначала в Субуре[64] в довольно скромном доме; став великим понтификом, поселился на Священной улице, в доме, принадлежащем государству. По словам многих, он был страстный любитель изящества и роскоши: так, виллу близ Ариции, им же заложенную и доведенную до конца постройкой с большими издержками, он будто бы приказал разрушить до основания, ибо она вышла не вполне такой, как он ожидал, а между тем, в то время он был еще небогат и обременен долгами; в походах он возил с собою полы, украшенные мозаикой и инкрустациями.

47. В Британнию он отправился будто бы в надежде добыть жемчужин; иногда он занимался тем, что сравнивал их объем и на собственной руке определял их вес; он постоянно с большим увлечением скупал разные камни, чеканной работы сосуды, статуи и картины старинных мастеров; за красивых и хорошо обученных рабов он платил такие деньги, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать эту трату в расходную книгу.

48. Проживая в провинциях, он часто давал званые обеды, причем устраивал два особых стола: за одним возлежали военные и состоявшие при нем ученые греки, за другим — римляне гражданской службы и знатнейшие из жителей провинции. Свой дом, как в больших, так и в малых вещах, он держал в таком порядке и строгости, что однажды заключил в оковы пекаря, подававшего ему другой хлеб, нежели гостям,

а своего любимого вольноотпущенника за его связь с женой римского всадника предал смертной казни, хотя ни с чьей стороны на него не поступало жалобы.

49. Репутация его нравственности потерпела только от одного случая, а именно от его подозрительного сожительства с Никомедом, которое, правда, сильно и навсегда осрамило его и вызвало против него всеобщее осуждение. Не говорю уже об общеизвестных стихах Лициния Кальва:

Чем некогда владела Вифиния
И Цезарев мужелюбовник.

Обхожу речи, произнесенные в сенате Долабеллой и Курионом-отцом, в которых Долабелла называет его соперницей царицы, внутренней подставкой царской постели, а Курион — Никомедовым бордачком и вифинской борделью. Опускаю также эдикты Бибула, в которых тот прописывает своего коллегу «вифинской царицей» и говорит, что «раньше ему мил был царь, а теперь мила царская власть». Около того же времени, как рассказывает Марк Брут, некий Октавий, которому ради того, что голова была у него не в порядке, позволялась вольность в речах, однажды в весьма многолюдном собрании титуловал Помпея царем, а, приветствуя Цезаря, назвал его царицей. Однако Г. Меммий упрекает его также в том, что он вместе с прочими молодыми распутниками разносил у Никомеда вино гостям на многолюдном пиршестве, на котором присутствовало несколько негоциаторов [65] из Рима, названных им поименно. Ци-

церон же в некоторых своих письмах писал, будто царские прислужники провели его в царскую опочивальню, где он в пурпурной одежде возлег на золотом ложе, и здесь в Вифинии был растлен цвет юности его, потомка Венеры; не довольствуясь этим, Цицерон однажды, когда Цезарь выступил в сенате в защиту Низы, Никомедовой дочери, и упоминал благодеяния, оказанные ему царем, сказал ему следующее: «Оставь, пожалуйста, все это, ибо ведь известно, что дал тебе он и что дал ему ты». Наконец, во время галльского триумфа его солдаты, наряду с прочими песнями, которые они в шутку распевают, следуя за триумфальной колесницей, преподнесли также и такую весьма и весьма распространенную песенку:

Галлией овладел Цезарь, Цезарем же Никомед.
Празднует триумф свой Цезарь, овладевший Галлией,
Нет триумфа Никомеду, овладевшему Цезарем.

50. Согласно установившемуся мнению, Цезарь был весьма склонен к любовным наслаждениям и денег на это не жалел: он соблазнил множество знатных женщин, в том числе жену Сервия Сульпиция, Постумию, жену Авла Габиния, Лоллию, жену Марка Красса, Тертуллу, и даже жену самого Гнея Помпея, Муцию. В самом деле, Курионы, отец и сын, а также многие другие порицали Помпея за то, что, дав из-за Цезаря развод жене, родившей ему троих детей, привыкнув негодующе называть Цезаря Эгистом, он, из жажды власти, впоследствии взял в жены дочь этого самого Цезаря. Но более всех прочих женщин любил он мать

Марка Брута, Сервилию; в первое свое консульство он купил для нее жемчуг стоимостью в 6 миллионов сестерциев, а во время гражданской войны, сверх прочих дарений, оставил за нею на аукционе за самую низкую цену прекраснейшие поместья; когда многие удивлялись их дешевизне, Цицерон на этот счет весьма тонко сострил: «Дабы вы знали, что покупка еще выгоднее, замечу, что уступлена еще третья часть»[66]; дело в том, что, как говорили, Сервилия свела с Цезарем также и дочь свою Терцию.

51. Также и в провинциях он не воздерживался от связей с замужними женщинами; это явствует хотя бы из двустишья, которое распевали в том же галльском триумфе солдаты:

Жители города, жен берегите: вот идет лысый развратник.
Золото, в Риме взятое в ссуду, ты в Галлии промотал на любовниц.

52. Он имел любовные связи также и с царицами, между прочим и с мавританкой Евноей, женою Богуда; ей и ее мужу, как пишет Назон, он неоднократно делал подарки огромной ценности; но больше всех из цариц он любил Клеопатру; с нею он часто пировал до самого рассвета, и на корабле, снабженном великолепными каютами, он достиг бы вместе с нею Эфиопии, проехав весь Египет, если бы армия не отказалась следовать за ним; наконец он пригласил ее в Рим и отпустил в Египет лишь после того, как осыпал ее величайшими почестями и наградами; он также позволил назвать своим именем родившегося у нее сына.

Некоторые греки передают, что этот сын был похож на Цезаря наружностью и походкой. Также и Марк Антоний утверждал в сенате, что Цезарь признал этого сына своим, о чем знали Гай Матий и Гай Оппий, а также прочие его друзья; один из них, Гай Оппий, словно дело это нуждалось в защите и покровительстве, написал целую книгу о том, что ребенок, выдаваемый Клеопатрою за Цезарева сына, на самом деле таковым не был. Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него имеется написанный и готовый закон, который Цезарь приказал издать в свое отсутствие: закон этот разрешал ему в целях прижития детей брать в жены любых женщин и в любом числе. А что о его безнравственности и прелюбодействах шла наихудшая молва, это явствует из слов Куриона-отца, который в одной речи называет его мужем всех жен и женою всех мужей.

53. Даже и враги его не отрицали, что в отношении вина он был чрезвычайно воздержан. Известны слова о нем Марка Катона: «Цезарь, единственный из всех, трезвым приступил к ниспровержению республики». Гай Оппий сообщает, как равнодушен был он к пище: однажды хозяин подал на стол консервированное оливковое масло вместо свежего; прочие гости побрезгали им, один лишь Цезарь брал его даже больше обычного, чтобы не показать, будто он упрекает хозяина в нерадении или незнании хорошего тона.

Бескорыстия Цезарь не выказал ни в военных командованиях, ни в отправлении государственных должностей.

54. Некоторые лица в своих мемуарах утверждают, что, будучи проконсулом в Испании, он выпросил у союзников деньги на уплату долгов, а некоторые города лузитанов разграбил, словно враг, хотя они не отказывались выполнять его приказания и при его приближении открыли ему ворота. В Галлии он начисто обобрал наполненные дарами святилища и храмы богов, а города разрушал чаще из-за добычи, чем в наказание за провинность. В результате он собрал золото в таком изобилии, что распродавал его по Италии и провинциям как товар, по три тысячи сестерциев за фунт. В первое свое консульство он похитил из Капитолия три тысячи фунтов золота и положил взамен столько же фунтов позолоченной меди. За деньги он раздавал звание союзника римского народа и царские престолы; с одного Птолемея он взял почти 6000 талантов для себя и для Помпея. Позднее же путем очевиднейших хищений и ограблений храмов он смог выдержать тягости гражданских войн и покрыть издержки своих триумфов и щедрот народу.

55. В красноречии и военном искусстве он достиг равной славы с некоторыми самыми выдающимися людьми, а иных даже превзошел. После своего выступления обвинителем против Долабеллы он был безоговорочно причислен к светилам судебного красноречия в Риме. И в самом деле, Цицерон в своем трактате, посвященном Бруту, перечисляя ораторов, затрудняется указать, кому из них Цезарь должен был бы уступить первенство: он говорит при этом, что его речь была изящна, полна блеска и

соединяла с этим какую-то возвышенность и благородство; а к Корнелию Непоту о том же Цезаре Цицерон писал так: «Что? Какого оратора ты поставишь выше его из числа тех, которые посвятили себя исключительно этому искусству? Кто превосходит его остроумием или обилием сентенций? Чья речь более украшена и более изыскана в выборе слов?» Повидимому, в красноречии он еще юношей взял себе образцом Цезаря Страбона; некоторые выражения из речи последнего «В защиту сардов» он даже дословно перенес в свою собственную дивинацию [67]. Как говорят, произносил он речи голосом звонким, с движениями и жестами пылкими, но полными прелести. После него осталось несколько речей, однако некоторые из них приписываются ему без всякого основания. О речи «В защиту Квинта Метелла» Август не без резона думает, что она является скорее записью скорописцев, плохо поспевавших за его речью, нежели собственным изданием оратора; действительно, на некоторых экземплярах я нахожу заглавие не «В защиту Метелла», но «Речь, написанная для Метелла», а между тем Цезарь произносит ее от собственного лица и опровергает в ней обвинения своих и Метелловых хулителей. Тот же Август считает едва ли принадлежащей ему «Речь к солдатам в Испании», которая, впрочем, передается в двух видах: одна, произнесенная будто бы перед первым сражением, другая — перед последующим, в котором, по словам Азиния Поллиона, у него не было даже и времени для словоизлияний по причине внезапной атаки врагов.

56. Он оставил также записки о своих деяниях в галльской войне и в гражданской против Помпея; кто же был автором записок о войнах александрийской, африканской и испанской, остается неизвестным: одни считают таковым Оппия, другие — Гирция, который докончил последнюю, не дописанную самим Цезарем книгу о галльской войне. О записках Цезаря Цицерон в том же «Бруте» говорит так: «Он написал записки, заслуживающие высокой похвалы; они изложены просто, точно и изящно, причем с языка, словно с тела одежда, сняты всякие прикрасы. Однако, намереваясь дать готовый материал для желающих писать историю, он, пожалуй, оказал услугу бестактным глупцам, которые решатся обработать его своими вычурами, зато людей здравомыслящих заставил скорее воздерживаться от писательских опытов». О тех же записках Гирций заявляет следующее: «Всеобщее одобрение является не поощрением, а скорее помехой для прочих писателей; все же я восхищаюсь ими еще более, нежели другие; ибо они знают, как хорошо и точно написал их Цезарь, я же знаю еще и то, с какою легкостью и быстротою он писал». Однако, Азиний Поллион полагает, что записки составлены недостаточно тщательно и правдиво, ибо, с одной стороны, Цезарь часто принимал слишком на веру деяния своих сподвижников, с другой же стороны — многое из собственных своих действий, либо умышленно, либо по ошибке памяти, представлял в ложном виде; Поллион полагает также, что он намеревался написать их заново и исправить. Цезарь оставил еще сочи-

нение «Об аналогии», в двух книгах, и «Антикатонов», тоже в двух книгах, а также поэму под заглавием «Путешествие». Первое из этих произведений он написал при переезде через Альпы, когда, по окончании судебных сессий в Цизальпинской Галлии, возвращался к армии, второе — около времени битвы при Мунде, последнее же — во время двадцатичетырехдневного путешествия из Рима в Дальнюю Испанию. Имеются также его письма к сенату, которым он, кажется, первый дал форму записной книжки, написанной на отдельных небольших страницах, тогда как до того консулы и полководцы писали свои послания к сенату сплошь на одном большом листе. Существуют и письма его к Цицерону, а также к знакомым о делах домашних, причем, желая сообщить что-либо под секретом, он писал шифром, т. е. придавал такой порядок буквам, чтобы в них нельзя было угадать ни одного слова. Если кто-либо хочет их расшифровать и прочесть, тот должен четвертую букву алфавита, т. е. D, изменять в А и соответствующим образом изменять все остальные. Называют тоже некоторые его произведения, написанные в ранней юности, как то, «Похвала Геркулесу», трагедию «Эдип», а также «Сборник изречений». Публикацию всех этих писаний Август запретил в весьма кратком и простом послании к Помпею Макру, которому поручил устройство библиотек.

57. Цезарь превосходно владел оружием и ездил верхом; выносливость его превосходила всякое вероятие. В походе он обычно шествовал во главе колонны, иногда верхом, чаще пеш-

ком, с открытой головой, одинаково под солнцем и дождем; длиннейшие переезды он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сто миль ежедневно; если путь замедлялся реками, он переправлялся через них вплавь или с помощью надутых воздухом мехов; таким образом, весьма часто опережал посланных, несших весть о его приближении.

58. Трудно сказать, чего больше обнаруживал он, приступая к военным операциям: осмотрительности или отваги; никогда он не вел войско по дорогам, удобным для засады, иначе, как выяснив предварительной разведкой положение мест; прежде чем переправиться в Британнию, он лично обследовал гавани, условия плавания и подступы к острову. И тот же Цезарь, получив известие об осаде его лагерей в Германии, пробрался к своим промежду военных постов неприятеля, переодевшись в галльскую одежду. Он переправился из Брундизия в Диррахий зимою, посреди противостоящих кораблей неприятельского флота; когда же войска, которым он приказал следовать за собой, замешкались, он сначала несколько раз, однако безуспешно, посылал за ними и, в конце концов, сам сел в маленькое суденышко тайно, ночью, без спутников, закутав голову плащом. Он открыл свое инкогнито и разрешил кормчему уступить бушевавшей навстречу буре лишь после того, как барка была едва не опрокинута волнами.

59. Ничто, даже суеверный страх, ни разу не заставило его отказаться от какого-либо пред-

приятия или отсрочить его. Он не отложил выступления против Сципиона и Юбы, хотя при жертвоприношении животное убежало. Когда, во время высадки на африканский берег, он нечаянно упал, то, перетолковывая предзнаменование к своей выгоде, он воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!» А для того чтоб лишить силы предсказания, согласно которым имя Сципиона в этой провинции волею судеб считалось счастливым и непобедимым, он держал при себе в лагере какое-то ничтожество из рода Корнелиев, которому за его позорную жизнь было дано прозвище Сальвитон [68].

60. На битву Цезарь выходил не только по предварительному решению, но также по случайному поводу, причем часто тотчас после похода, иногда в самую отвратительную погоду, когда всего менее можно было ожидать, что он двинет войска в поле. Только в последние годы он стал менее решительно принимать сражения, ибо полагал, что чем больше он насчитывал побед, тем менее следовало ему подвергать себя риску, а новая победа не принесла бы ему столько, сколько могла отнять у него одна неудача. Всякий раз после победы он тут же захватывал также и лагерь противника, чтобы не дать ему времени оправиться от паники. Если исход сражения колебался, он отсылал всех коней в тыл, начиная с своего собственного, дабы, отняв у солдат возможность спастись бегством, тем успешнее заставить их стоять до конца.

61. Замечателен был его конь; ноги у него были почти как у человека, с копытами, раз-

делеными наподобие пальцев. Конь этот родился в собственной конюшне Цезаря, и когда гаруспики [69] объявили, что он предвещает хозяину власть над всею землею, Цезарь с большой заботливостью стал растить этого коня и первый сел на него верхом, меж тем как других всадников конь не терпел. Впоследствии он поставил его изображение перед храмом Венеры Родительницы.

62. Часто Цезарь один восстанавливал дрогнувшие ряды своего войска: он становился на пути бегущих солдат, задерживая их поодиночке, и, схватив за горло, поворачивал против неприятеля; при этом ему приходилось большей частью иметь дело с людьми, охваченными паникой настолько, что однажды знаменосец замахнулся древком знамени на удерживавшего его Цезаря, а другой оставил знамя у него в руках.

63. Как велико было его присутствие духа, можно видеть из еще более важных случаев: после битвы при Фарсале он послал войска вперед в Азию, а сам на небольшом транспортном судне переправлялся через Геллеспонт. Встретив здесь помпеянца Луция Кассия с десятью военными кораблями, он не только не отступил назад, но направился прямо на врага, сам потребовал от него сдачи и принял его к себе, как просителя о помиловании.

64. В Александрии во время борьбы из-за моста неприятель внезапно сделал вылазку, и Цезарь принужден был спрыгнуть в лодку; когда в нее же спрыгнули еще многие солдаты, он бросился в море и вплавь спасся на ближний

корабль, проплыв 200 футов с поднятой над водой левой рукой, чтобы не замочить таблички, находившейся в ней, а в зубах тащил за собой военный плащ, чтобы не оставить его врагу в качестве трофея.

65. В солдатах он ценил не хорошие нравы и не состоятельность, но исключительно физическую силу, и обращался с ними в равной мере строго и снисходительно. Строгость он применял однако не всюду и не всегда, но только в виду неприятеля; тогда он проводил самую суровую дисциплину, так что солдатам не сообщалось заранее ни время выступления, ни время боя, но во всякий момент они должны были быть готовы к внезапному выступлению, куда бы Цезарь ни повел их. Часто он так и делал, без всякой причины, особенно в дождливые и праздничные дни. Часто также, призвав солдат наблюдать за ним, он внезапно, днем или ночью, исчезал из виду и спешил вперед с целью утомить слишком медленно следовавших за ним.

66. Когда на солдат нападал страх при слухах о численности врагов, он ободрял их, причем не отрицал или преуменьшал истину, но, наоборот, раздувал ее и выдумывал небылицы. Так, когда солдаты трепетали в ожидании прибытия Юбы, он созвал их на сходку и сказал: «Да будет вам известно, что в кратчайший срок появится царь во главе десяти легионов, тридцати тысяч конницы, ста тысяч легко вооруженных и трехсот слонов. А потому пусть некоторые из вас прекратят свои расспросы или предположения и верят мне, знающему дело

в точности; а не то я посажу их на самый ветхий корабль и предоставлю любому ветру везти их на все четыре стороны».

67. Не на все проступки солдат он обращал внимание и налагал взыскания не по соразмерности вины. Но дезертиров и бунтовщиков он подвергал строжайшему допросу и наказанию, а в остальном был снисходителен. Иногда после большого сражения, увенчавшегося победой, он освобождал солдат от нарядов по службе и давал полную волю их потребности выбеситься, причем обычно самодовольно говорил, что его солдаты умеют хорошо сражаться даже надушенные. В своих обращениях на сходках он называл их не солдатами, но «соратниками» — именем, льстившим их самолюбию; он заботился об их блестящей внешности, для чего снабжал их оружием в серебряной и золотой оправе, как для красоты, так и для того, чтобы в сражении, боясь убытка от потери, они тем крепче держали его в руках. Он до такой степени был привязан к своим солдатам, что при вести о поражении отряда Титурия отпустил бороду и волосы и остригся не прежде, чем отмстил за него.

68. Всеми этими способами Цезарь добился от своих солдат величайшей себе преданности и храбрости. В начале гражданской войны центурионы всех легионов предложили ему выставить каждый по одному всаднику на собственный счет, а все солдаты предложили служить бесплатно, без продовольствия и жалованья, причем богатые брали на себя содержание менее достаточных. Несмотря на всю продолжительность

этой войны, ни один солдат не изменил ему, а из попавших в плен многие на предложение получить жизнь под условием воевать против него ответили отказом. Голод и иную нужду не только как осажденные, но и как осаждающие, они выносили с таким мужеством, что во время блокады Диррахия Помпей при виде того хлеба из трав, каким они поддерживали свое существование, воскликнул, что он ведет борьбу со зверями; он приказал немедленно спрятать его и не показывать никому, боясь, как бы его армия не пала духом при виде выносливости и упорства врагов. С какою храбростью умели сражаться солдаты Цезаря, свидетельствует один случай под Диррахием: побежденные в сражении, они сами потребовали для себя наказания, так что полководцу пришлось скорее утешать их, чем наказывать. В других же сражениях они без труда побеждали бесчисленные войска врагов, сами будучи в числе значительно меньшем. Достаточно сказать, что одна единственная когорта шестого легиона, составлявшая гарнизон крепости, в течение нескольких часов выдерживала натиск четырех легионов Помпея и почти до последнего человека была перебита массою неприятельских стрел, коих сто тридцать тысяч было найдено внутри крепостных валов. Это и не удивительно, коль скоро мы взглянем на подвиги отдельных его воинов, например центуриона Кассия Сцевы или солдата Гая Ацилия, не говоря уже о других. С выбитым глазом, с бедром и плечами, пронзенными насквозь, со щитом, пробитым ста двадцатью ударами, Сцева не покинул защиту ворот порученного ему

укрепления. Ацилию же в морском сражении у Массилии отрубили правую руку, которой он ухватился за корму неприятельского корабля; тогда, подражая знаменитому у греков примеру Кинегира[70], он впрыгнул в неприятельский корабль и одним щитом погнал перед собой противников.

69. В течение десяти лет галльской войны солдаты Цезаря ни разу не поднимали бунта; во время же гражданских войн бунты происходили несколько раз, однако повиновение снова быстро восстанавливалось, притом не столько благодаря мягкости полководца, сколько благодаря его авторитету; ибо ни разу он не уступил бунтовщикам, но всегда давал им отпор; девятый легион у Плаценции, бунтовавший, несмотря на то, что Помпей еще стоял во главе вооруженных сил, Цезарь распустил полностью с позором, затем лишь с неохотой принял солдат обратно после их долгих жалостных просьб и только после наказания зачинщиков.

70. Когда солдаты десятого легиона в самом Риме, со страшными угрозами и с величайшей опасностью для города, требовали отставки и обещанных наград, меж тем как в Африке еще бушевала война, Цезарь, невзирая на предостережения друзей, не задумался выйти к ним и дать им отставку. Однако, одним лишь словом, назвав их в обращении «квириты»[71], вместо «солдаты», он так легко повернул их настроение и смирил их, что они тотчас же стали кричать ему в ответ, что они солдаты и вопреки его отказу сами пойдут за ним в Африку. Несмотря на это, он все же наказал самых ярых бунтов-

щиков, сократив на треть их долю добычи и земельного надела.

71. Еще в юности он показал себя усердным и верным в отношении своих клиентов. Знатного юношу Масинту он с таким упорством защищал против царя Гиемпсала, что в споре схватил за бороду царского сына Юбу. Когда же Масинта был объявлен данником царя, он тут же отнял его у лиц, намеревавшихся его увести, и долго скрывал его у себя; позднее, отправляясь в Испанию в качестве пропретора, он увез Масинту с собою в своих носилках среди ликторских фасций и провожавших его друзей.

72. К друзьям он был в высшей степени внимателен и добр. Когда однажды провожавший его в лесистой местности Гай Оппий слег от внезапной болезни, он уступил ему единственную находившуюся там маленькую гостиницу, сам же переночевал на земле, под открытым небом. Уже захватив власть, он провел на высшие должности некоторых из своих друзей, людей самого низкого происхождения. Когда его обвиняли за это, он открыто объявил, что «если бы сохранить подобающее положение в государстве ему помогли бродяги и убийцы, то и им он отплатил бы такою же благодарностью».

73. Напротив, враждебные чувства к людям никогда не были в нем настолько глубоки, чтобы он не мог при случае охотно отделаться от них. На весьма резкие речи Гая Меммия он отвечал не менее язвительно, и однако позже он сам поддерживал кандидатуру Меммия в консулы. Когда Гай Кальв, сочинявший на него порочащие эпиграммы, через друзей изъявил жела-

ние помириться с ним, он с готовностью, первый написал ему письмо. По его собственному признанию, стишки Валерия Катулла на Мамурру навеки запятнали его имя; однако после его извинений он в тот же день пригласил его к обеду, а с отцом его все время поддерживал обычные дружеские отношения.

74. Даже когда он мстил, он обнаруживал свою чрезвычайную природную мягкость: пиратов, державших его в плену, он заставил сдаться и хотя уже раньше поклялся распять их на кресте, все же приказал сначала удавить их, а уже затем распять. Он не дал в обиду Корнелия Фагита, от которого в свое время едва избавился подкупом, когда, будучи болен и скрываясь от Суллы, попал к нему в ночную засаду. Филимона, своего раба-секретаря, который обещал врагам отравить его, он приказал просто умертвить, не наложив на него более тяжкого наказания. Призванный в суд свидетелем против Публия Клодия, любовника своей жены Помпеи, в связи с этим обвиненного в осквернении религиозного обряда, он заявил, что об этом деле ему ничего неизвестно, хотя его мать Аврелия и сестра Юлия все уже по правде рассказали тем же судьям. Когда же его спросили, почему в таком случае он развелся с женою, он отвечал: «Потому что я считаю, что мои близкие должны быть чисты как от преступления, так и от подозрения в нем».

75. Как в самой гражданской войне, так и после победы он проявил изумительные умеренность и милосердие. На объявление Помпея, что он будет считать за врагов всех, кто не

явится на защиту республики, Цезарь ответил, что он будет считать за своих тех, которые останутся между партиями и не примкнут ни к той, ни к другой. Всем, кому он предоставил командные должности по рекомендации Помпея, он дал возможность перейти на сторону последнего. Когда у Илерды[72] шли переговоры об условиях сдачи и между обеими армиями происходили оживленные сношения, Афраний и Петрей, внезапно раскаявшись в своем попустительстве, схватили в своем лагере цезарианцев и умертвили их. Цезарь же не пожелал последовать этому примеру направленного против него вероломства. В Фарсальской битве он дал приказ щадить римских граждан, а затем каждому из своих позволил сохранить жизнь одному из противников по собственному выбору. При этом никто не погиб иначе, как в самом сражении, за исключением Афрания, Фауста и юноши Люция Цезаря. Однако думают, что и эти были убиты не по его воле, хотя из них первые два, уже получив прощение от Цезаря, снова подняли против него оружие, а Люций Цезарь не только зверски замучил огнем и железом вольноотпущенных и рабов Цезаря, но истребил даже зверей, приготовленных им для увеселения народа. Наконец, уже в самое последнее время он позволил вернуться в Италию и занять гражданские и военные должности всем тем, которые еще не получили от него прощения. Он поставил также на прежнее место сброшенные чернью статуи Суллы и Помпея. Если же впоследствии против него возникали враждебные замыслы или велись враждебные

разговоры, он предпочитал пресекать их, нежели преследовать. Поэтому также и обнаруженные заговоры и ночные сборища он наказывал только тем, что объявлял в эдикте, что ему все известно, а против лиц, резко отзывавшихся о нем, он довольствовался тем, что советовал им на народной сходке не слишком увлекаться. Он совершенно спокойно отнесся к тому, что Авл Цецина своей клеветнической книгой и Питолай бранными стихами поносили его репутацию.

76. Однако все эти качества перевешиваются другими его словами и делами, и потому господствует взгляд, что он злоупотребил своею властью и был убит заслуженно. Он не только принял совершенно непомерные почести, как то консульство из года в год, бессрочную диктатуру и надзор за нравами, сверх того титул императора [73], как собственное имя, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, трон в орхестре [74], но он позволил вознести себя выше предела, подобающего смертному: так, сенатскими декретами ему предоставили золоченое кресло в курии и перед трибуналом [75], такие же, как богам, колесницу и носилки для его статуи во время игр в цирке, храмы, алтари, изображения рядом с изображениями богов, пульвинарии [76], фламина, луперков [77], название одного месяца по его имени; не было также такого отличия, которое бы он не взял и не дал по собственной прихоти. Свое третье и четвертое консульство он отправлял только номинально, ибо ему было достаточно диктаторской власти, предоставленной ему одновре-

менно с консульствами, и в оба эти года он назначал вместо себя двух консулов на три последние месяца; так что в течение всего этого времени комиции собирались только для выборов народных трибунов и плебейских эдилов, ибо и преторов он заменил префектами, которые должны были править столицей в его отсутствие. Случилось, что один из консулов внезапно скончался накануне нового года, и Цезарь, по просьбе одного лица, предоставил ему вакантную должность на несколько, остававшихся до ее истечения часов. Так же произвольно и в нарушение традиции он назначил магистратов на много лет вперед, дал консульские знаки отличия десяти лицам, занимавшим только претуру, принял в сенат новоиспеченных римских граждан и даже полуварваров — галлов. Кроме того, во главе управления монетным делом и государственными налогами он поставил своих собственных рабов. Управление и командование тремя легионами, оставленными им в Александрии, он передал своему развратному любимцу Руфиону, сыну своего вольноотпущенника.

77. Он потерял всякое чувство меры также и в выражениях, которые, по словам Тита Ампия, он высказывал совершенно открыто: «Республика — ничто, лишь пустое имя без плоти, без блеска», «Сулла был младенцем в политике, коль скоро добровольно сложил с себя диктатуру», «К разговору с ним, Цезарем, люди должны относиться осмотрительнее и считать сказанное им законом». Он дошел до такой дерзости, что однажды, когда гаруспик доложил ему, что внутренности жертвенного животного

неблагоприятны и не имеют сердца, ответил: «Впредь они будут счастливее, коль скоро я того пожелаю; да и не следует считать за несчастное предзнаменование, если животному недостает сердца».

78. Однако, величайшую, смертельную ненависть к себе он возбудил по следующему случаю. Когда сенат в полном составе явился к нему с сообщением множества самых почетных для него декретов, он принял его сидя. Сцена произошла перед храмом Венеры Родительницы. Некоторые полагают, что он сделал движение, чтобы встать, но его будто бы удержал Корнелий Бальб; другие же считают, что он вовсе и не пытался встать и, напротив, не очень ласково взглянул на Гая Требация, который посоветовал ему подняться с места. Этот его поступок показался тем менее выносимым, что сам он пришел в величайшее негодование, когда во время триумфа при его проезде перед скамьями трибунов один из них, Понтий Аквила, осмелился не встать. Он крикнул ему: «Аквила, требуй же от меня, чтобы я вернул тебе республику, благо ты трибун!» и долго еще потом, давая кому-либо какое-нибудь обещание, неизменно приговаривал: «если, впрочем, то позволит Понтий Аквила».

79. К этому поразительному неприличию, проявленному им в неуважении к сенату, он прибавил нечто гораздо более дерзкое. Когда он возвращался с Латинского жертвоприношения [78], то среди превосходивших всякую меру и еще неслыханных приветствий народа, какой-то человек из толпы возложил на его статую золотой

венок, обвитый белой повязкой. Народные трибуны Епидий Марулл и Цезетий Флав приказали снять повязку с венка, а человека того отвести в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что этот намек на царскую корону так плохо удался, или на то, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и отрешил их от должности. С этих пор он уже ничем не мог снять с себя нарекание в стремлении к царскому титулу, хотя однажды он и ответил толпе, приветствовавшей его именем царя, что его прозвище не Царь, а Цезарь [79]; он также отверг царскую диадему, которую консул Антоний на празднике Луперкалий перед рострами пытался несколько раз возложить ему на голову, и приказал отнести ее на Капитолий, в храм Юпитера Лучшего и Величайшего. Распространились даже различные слухи, будто бы он собирается переселиться не то в Александрию, не то в Илион и туда же перенести центр империи, а из Италии путем военных конскрипций выжать все соки и управление Римом поручить своим друзьям; как говорили, в ближайшем заседании сената квиндецимвир [80] Люций Котта имел заявить, что, так как согласно Сивиллиным книгам парфян может победить только царь, то Цезарь и должен получить этот титул.

80. Эта-то причина и заставила заговорщиков ускорить выполнение замысла, во избежание необходимости голосовать за это предложение. В общем собрании они приняли теперь решение, которое раньше обсуждали порознь, часто сходясь по двое, по трое; уже и народ был не-

доволен существующим положением, но явно и тайно тяготился единовластием Цезаря и мечтал об освобождении республики. Когда чужестранцы были приняты в сенат, на стенах появилась такая афиша: «В добрый час[81]! Не показывать новым сенаторам дорогу в курию!» Повсюду распевали песенку:

Галлов Цезарь вел в триумфе, ввел их также и в сенат;
Сняв штаны[82], они надели тогу с пурпурной каймой.

Когда Квинт Максим, которого Цезарь поставил в консулы взамен себя на три месяца, вошел в театр, и ликтор приказал публике, по обычаю, встать, все в один голос закричали, что он не консул. После увольнения от должности трибунов Цезеция и Марулла, в ближайших комициях было найдено множество голосовальных дощечек, избирающих их в консулы. На статуе Люция Брута[83] кто-то написал: «О, если бы ты был жив!» А на статуе Цезаря:

Царей изгнавший Брут стал консулом впервые,
А этот, консулов изгнав, царем стал под конец.

В заговоре против него приняло участие более шестидесяти человек, а вождями его были Гай Кассий и Бруты, Марк и Децим. Сначала заговорщики колебались, где его убить: на Марсовом ли поле во время комиций, когда он призовет трибы к голосованию, причем одни должны были столкнуть его с моста[84], а другие подхватить внизу и заколоть, или на Священной дороге, при входе в театр. Но после того как на мартовские иды[85] было назначено заседа-

ние сената в курии Помпея, они тотчас же признали время и место наиболее удобными.

81. Однако угроза насильственной смерти была возвещена Цезарю явными предзнаменованиями. За два-три месяца перед тем поселенцы, выведенные в силу Юлиева закона в колонию Капую, занимались сломом древнейших могильных памятников для постройки собственных ферм; они занимались этим тем ревностнее, что, исследуя эти памятники, они нашли в них множество сосудов старинной работы. Между прочим, в гробнице, в которой считался похороненным основатель Капуи — Капис [86], была найдена медная доска с такой греческой надписью: «Если когда-либо будут открыты кости Каписа, то его потомок падет от руки родственников, а затем месть за него будет сопряжена со страшными бедствиями для Италии». Это не миф и не выдумка, ибо сообщение идет от ближайшего друга Цезаря, Корнелия Бальба. Вскоре затем Цезарю стало известно, что кони, которых он некогда при переправе посвятил реке Рубикону и оставил бродить в табунах на свободе, упорно отказываются от корма и проливают обильные слезы. Во время жертвоприношения гаруспик Спуринна убеждал его остерегаться опасности, угрожающей ему не позже мартовских ид. Накануне этих же ид птица крапивник стремительно влетела в курию Помпея, неся в клюве лавровую ветвь, различные же другие птицы преследовали ее от соседней рощи и растерзали в курии. В последнюю ночь перед убийством сам он видел во сне, словно он то летает выше облаков, то подает

правую руку Юпитеру; а жене его Кальпурнии снилось, будто фронтон их дома валится, а ее мужа убивают в ее объятиях; и вдруг двери опочивальни сами собой распахнулись настежь.

По причине этих предзнаменований, а также недомогания Цезарь долго колебался, не остаться ли ему дома и не отложить ли назначенные к обсуждению в сенате вопросы; но после увещаний Децима Брута, просившего не лишать своего присутствия собравшихся в большом числе и давно ожидавших его сенаторов, он приблизительно в пятом часу отправился в заседание. Кто-то из встречных подал ему записку, содержавшую донос о заговоре, но он смешал ее с прочими записками, которые держал в левой руке в намерении прочесть позже. Затем пришлось заколоть кряду нескольких жертвенных животных, ибо всякий раз предзнаменования оказывались неблагоприятны; тогда, не считаясь с предупреждениями богов, он вошел в курию. Тут он посмеялся над Спуринной как над лжепророком, заметив, что вот мартовские иды наступили, а он все же цел и невредим; Спуринна ответил, что иды, правда, наступили, но еще не прошли.

82. Когда Цезарь сел, заговорщики, как бы оказывая ему внимание, окружили его толпой, и тут-то Тиллий Кимвр, взявший на себя первую роль, подошел к нему поближе, точно намереваясь о чем-то его попросить; но когда Цезарь движением руки показал, что откладывает вопрос на другое время, Тиллий схватил его тогу на обоих плечах. Цезарь воскликнул: «Да ведь это насилие!» и в то же мгновение получил

рану сзади, несколько ниже глотки от одного из Каск. Схватив руку Каски, Цезарь пронзил ее стальным грифелем и хотел было вскочить, но второй удар остановил его; тут, видя отовсюду направленные на себя кинжалы, он окутал голову тогой, а левой рукой спустил ее складки на самые голени, чтобы тело, закрытое в своей нижней части, и при падении сохранило пристойный вид. Так был он пронзен двадцатью тремя ударами и только при первом издал стон, но не произнес ни слова, хотя некоторые и говорят, будто, видя устремившегося на него Марка Брута, он промолвил по-гречески: «И ты тоже, сын мой». Все разбежались, а он несколько времени лежал бездыханный; наконец три каких-то раба отнесли его домой на носилках, с которых одна рука его свисала вниз. И из стольких-то ран врач Антистий признал смертельной лишь одну — вторую, нанесенную в грудь. Заговорщики намеревались было бросить тело убитого в Тибр, конфисковать его имущество и отменить все распоряжения, однако страх перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом удержал их.

83. По требованию Цезарева тестя Луция Пизона, его завещание, которое он составил в последние сентябрьские иды в своем Лабиканском поместье и отдал на хранение старшей деве-весталке, было вскрыто и прочитано в доме Антония. Квинт Туберон передает, что от первого своего консульства до начала гражданской войны Цезарь неизменно назначал своим наследником Гнея Помпея и читал это свое завещание на сходке солдатам. Но в последнем

завещании он назначил трех наследников, внуков своих сестер: Гая Октавия — в трех четвертях своего состояния, а Луция Пинария и Квинта Педия — в остальной четверти; в заключительной части он даже усыновил Октавия и передал ему свое имя. Среди опекунов сына, в случае если бы таковой родился у него, он назначил многих из лиц, ставших его убийцами, а Децима Брута сделал даже одним из вторых наследников. Римскому народу он завещал свои сады вокруг Тибра, а каждому гражданину в отдельности по 300 сестерциев.

84. К дню, назначенному для похорон, на Марсовом поле подле гробницы Юлии был воздвигнут костер, а перед рострами — вызолоченная постройка, изображающая храм Венеры Родительницы; внутри стояло ложе, устланное золототканным пурпуром, и у изголовья — трофей с одеждой, в которой был убит Цезарь. Так как было очевидно, что дня не хватит для возложения на костер погребальных даров, то лицам, желавшим принести их, было объявлено, чтобы они несли их на Марсово поле, не соблюдая определенного порядка, какими кто хотел бы улицами. Среди погребальных игр пели стихи из трагедии Пакувия «Суд об оружии», хорошо подходившие для возбуждения жалости к нему и ненависти к его убийцам:

Не я ль их пощадил, чтоб пасть от их руки?

Пели также стихи подобного же содержания из Ацилиевой «Электры». Вместо похвального слова консул Антоний объявил через глашатая постановление сената, в силу которого Цезарю

были определены все божеские и человеческие почести, а также клятву, в силу которой все сенаторы обязывались заботиться о его неприкосновенности; к этому он прибавил немного слов от себя. Магистраты, состоявшие в должности и бывшие, отнесли погребальные носилки на форум к рострам. В то время, как одни предполагали предать их огню в храме Юпитера Капитолийского, а другие — в курии Помпея, внезапно появились два неизвестных, с мечами у пояса и с двумя копьями в руках, и восковыми факелами подожгли костер. Тотчас же стоявшая вокруг толпа стала валить в него сухой хворост, скамьи, судейские кресла и все, что было принесено в дар покойному. Затем флейтисты и сценические актеры стали стаскивать с себя одежды, взятые из арсенала триумфальных принадлежностей и надетые специально для этого случая, и, разорвав их, бросали в огонь; ветераны-легионеры бросали свое оружие, с которым они сопровождали похоронную процессию, а множество матрон — свои украшения, а также буллы и претексты [57] детей.

К выражениям народного горя присоединяли свои сетования множество чужестранцев, каждая нация в свой черед, в особенности же иудеи, которые по целым ночам посещали пепелище.

85. Немедленно после похорон народ с факелами устремился к домам Брута и Кассия; с трудом отогнанная от них толпа набросилась на Гельвия Цинну, попавшегося ей навстречу. По ошибке приняв его за Корнелия Цинну, которого она отыскивала за его враждебную Це-

зарю речь накануне, она убила его и понесла по улицам его голову, воткнутую на копье. Впоследствии на форуме была воздвигнута цельная колонна из нумидийского мрамора почти в двадцать футов вышины с надписью «отцу отечества». У этой колонны народ еще много времени спустя ревностно совершал жертвоприношения, давал обеты и улаживал тяжбы, принося клятвы именем Цезаря.

86. У близких Цезарю лиц осталось впечатление, что он не имел желания жить дольше и не заботился о жизни, ибо здоровье его пошатнулось; вот почему он пренебрег и предзнаменованиями и сообщениями своих друзей. Некоторые думают, что, полагаясь на упомянутые выше постановления и клятву сената, он отказался от сопровождения вооруженных мечами испанских телохранителей. Напротив, другие полагают, что он предпочитал один раз подвергнуться отовсюду грозившим опасностям, нежели быть принужденным вечно остерегаться их. По словам некоторых, он часто говорил, что сохранение его жизни важно-де не столько для него самого, сколько для республики, ибо уже давно он с избытком добыл себе власть и славу; если же с ним случится несчастие, то спокойствию государства наступит конец, и оно вновь переживет гражданские войны в гораздо худших условиях.

87. Приблизительно все согласны между собою в том, что род его смерти почти вполне соответствовал его желанию. Действительно, читая однажды у Ксенофонта, что Кир во время своей последней болезни сделал некоторые рас-

поряжения касательно своих похорон, Цезарь выразил отвращение к такой медленной кончине и пожелал для себя смерти внезапной и быстрой. А накануне своей гибели, на обеде у Марка Лепида, в разговоре на тему о наилучшем конце жизни, он сказал, что предпочитает конец внезапный и неожиданный.

88. Цезарь погиб на 56-м году жизни. Он был причислен к сонму богов не только устами лиц, сделавших такое постановление, но и внутренним убеждением простого народа. Ведь и во время игр, данных в честь его наследником Августом впервые после его обоготворения, на небе появилась комета, блиставшая семь дней кряду около одиннадцатого часа; отсюда возникла вера, что это была душа Цезаря, взятого на небо; по этой причине его статуи имеют обычно на темени звезду.

Курию, в которой он был убит, было постановлено замуровать, а мартовские иды назвать днем отцеубийства и никогда не назначать на этот день заседания сената.

89. Из его убийц ни один не пережил его долее трех лет и не умер своею смертью. Все они были осуждены и погибли от разных причин: кто в кораблекрушении, кто в бою. Иные же покончили с собою тем же кинжалом, которым когда-то закалывали Цезаря.

БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

1. Многое говорит за то, что в старину род Октавиев играл большую роль в городе Велитрах. Так, одна улица в самой населенной части города искони называлась Октавиевой; показывали также жертвенник, посвященный одному из Октавиев; этот Октавий, командуя войсками в войне с соседями, как-то приносил жертву Марсу; внезапно пришла весть о набеге неприятеля; Октавий схватил с очага полусырые жертвенные внутренности, рассек их на части, затем вступил в сражение и вернулся домой победителем. Существовало даже официальное постановление, чтобы и впредь жертвенные внутренности таким же образом отдавались Марсу, а остатки приносились Октавиям.

2. Род этот царем Тарквинием Приском был включен в сенат в группу меньших родов [1], затем царем Сервием Туллием причислен к патрицианским, но с течением времени перешел к плебсу и снова через большой промежуток времени божественным Юлием был возвращен в среду патрициата. Из его членов первым получил выборную магистратуру Г. Руф. Будучи квесторием, он произвел на свет двух сыновей,

Гнея и Гая, от которых пошли две линии Октавиев не одинакового общественного положения: Гней и следующие за ним все прочие члены этой линии достигали высших должностей, Гай же и его потомки, по собственному ли желанию, или волею судьбы, состояли в сословии всадников до отца Августа включительно. Прадед Августа во время второй пунической войны служил в Сицилии военным трибуном под командой Эмилия Папа. Его дед довольствовался городскими должностями у себя на родине и состарился, наслаждаясь полным достатком и спокойствием. Однако все это рассказывали другие; сам же Август пишет о себе только, что он происходит из всаднической семьи, древней и богатой, в которой первым сенатором стал его отец. Марк же Антоний упрекает его тем, что прадед его будто бы был вольноотпущенник, канатный мастер из Фурийского округа, а дед — меняла. Вот все, что я узнал о предках Августа по отцу.

3. Отец Августа, Гай Октавий, уже в юности обладал большим состоянием и был в большой чести; так что мне кажется удивительным, что некоторые выдают его за менялу и даже за дивизора[2] и агента по подкупам в комициях. Выросши в богатстве, он без труда достиг должностей и отлично отправлял их. После претуры он по жребию получил в качестве провинции Македонию. Направляясь туда, он, действуя в силу чрезвычайного поручения сената, уничтожил остаток банд Спартака и Катилины — беглых рабов, захвативших область Фурий. В управлении своей провинцией он выказал столько же

справедливости, как и мужества. В большом сражении он разбил бессов[3] и фракийцев, а с союзниками обращался так, что Марк Цицерон в письме к своему брату Квинту, который в это же время правил Азией, но доброй славы своими действиями не приобрел, всячески убеждал его подражать своему соседу Октавию в его хлопотах о благе союзников.

4. На обратном пути из Македонии он внезапно скончался, не успев выставить своей кандидатуры в консулы и оставив после себя детей: Октавию-старшую от Анхарии, Октавию-младшую и Августа от Атии. Атия же была дочь Марка Атия Бальба и Юлии, сестры Гая Цезаря. Бальб по отцу происходил из Ариции и имел среди предков много сенаторов, по матери же был в ближайшем родстве с Помпеем Великим; после претуры он в качестве вигинтивира[4] занимался наделением земли плебсу в Кампании, согласно закону Юлия. И опять же Антоний, стараясь унизить предков Августа также и со стороны матери, ставит ему в упрек, будто прадед его был родом африканец и держал не то лавку с мазями, не то мельницу в Ариции. А Кассий из Пармы в одном письме в таких выражениях поносит Августа, как внука не только мельника, но и менялы: «Мать твоя испечена из муки с самой последней мельницы в Ариции; а замесил ее засаленными от денег руками нерульский[5] меняла».

5. Август родился в консульство Марка Туллия Цицерона и Гая Антония 23 сентября[6], незадолго до восхода солнца, на Палатине, в квартале, называемом «К бычьим головам», где

теперь находится его святилище, построенное значительно позже его кончины. В самом деле, в протоколах сената значится, что молодой патриций Гай Леторий, прося о смягчении тяжкого наказания за прелюбодейство, помимо своей молодости и знатного происхождения ссылался еще и на то, что он является владельцем и как бы стражем священной почвы, которой впервые коснулся новорожденный божественный Август, почему он и просит о помиловании ради его собственного, как бы особо перед другими ему принадлежащего божества. Сенат постановил превратить эту часть дома в храм.

6. Еще и теперь показывают комнатку в дедовском подгородном имении подле Велитр, где Август рос младенцем, — крохотную и похожую скорее на кладовую, и в тех местах все считают, что тут же он и родился. Существует как бы священный завет входить туда только по необходимости и притом с благоговением, причем с давних пор держится мнение, что на праздных посетителей нападает жуть и страх, что и подтвердилось вскоре. В самом деле, новый владелец поместья, то ли случайно, то ли из любопытства, отправился туда спать. И что же случилось? Не прошло и нескольких часов, как вдруг какая-то неведомая сила выбросила его оттуда; его нашли затем перед входом вместе с постелью, полуживым.

7. Ребенком Август получил прозвище Фурийского в память происхождения предков, либо же потому, что его отец вскоре после его рождения уничтожил в области Фурий шайку беглых рабов. Что его прозвали Фурийцем, для

этого я мог бы представить достаточно веское доказательство: мне посчастливилось достать маленькое старинное бронзовое его изображение ребенком, с начертанным на нем этим именем железными, почти стершимися буквами. Я принес его в дар принцепсу[7], который благоговейно поместил его среди ларов в своей опочивальне. Также и Марк Антоний часто с намерением оскорбить его называет его в письмах Фурийцем, сам же Август в ответ на это только удивляется, что прежнее его имя ему бросают в виде ругательства. Впоследствии Август принял прозвище сначала Гая Цезаря, а затем Августа, первое — в силу завещания двоюродного деда, второе — по предложению Мунация Планка. Некоторые были того мнения, что его должно назвать Ромулом, ибо и он был как бы основателем города; однако победило мнение Мунация, что ему лучше называться Августом; прозвание это было не только ново, но и более значительно, так как и священные места, на которых что-либо посвящается богам посредством гадания по птицам, называются augusta от слова auctus (увеличение) или avium gestus или gustus (полет или кормление птиц), как и Энний пишет об этом:

По августейшем гаданьи основан был Рим
знаменитый.

8. Четырех лет Август потерял отца. Отроком одиннадцати лет он публично произнес похвальное слово на похоронах своей бабки Юлии. Через четыре года, уже облеченный в тогу взрослого[8], он получил по случаю африканского

триумфа Цезаря военные награды, хотя по своему возрасту еще не участвовал в войне. Вскоре после этого, едва оправившись от тяжкой болезни, он отправился догонять своего двоюродного деда, выступившего в поход в Испанию против сыновей Гнея Помпея; он проехал по дорогам, небезопасным от неприятеля, с весьма немногими спутниками и даже потерпел кораблекрушение; он в высшей степени расположил к себе Цезаря, которому вскоре доказал также и другие свои способности, помимо умения быстро передвигаться.

Когда после замирения Испании Цезарь проектировал поход против даков, а затем против парфян, Август был послан в Аполлонию, где предался учению. Узнав об убиении Цезаря и о своем назначении его наследником, он долго колебался, не обратиться ли за помощью к близстоявшим легионам. Однако он отказался от этого плана, считая его опрометчивым и преждевременным. Впрочем, в Рим он вернулся и принял наследство, хотя мать его была полна опасений, а вотчим Марций Филипп, бывший консул, решительно отговаривал его от этого шага. Набрав себе войско, он с этих пор стал властителем республики, сначала совместно с Марком Антонием и Марком Лепидом, затем, в течение почти двенадцати лет, совместно с одним Антонием, а последние сорок четыре года — один.

9. Сообщив как бы краткое резюме его жизни, я подвергну рассмотрению ее части в отдельности, не в порядке времени, но по категориям явлений, чтобы их можно было нагляднее представить себе и лучше понять.

Август вел пять гражданских войн: мутинскую[9], филиппийскую[10], перузинскую[11], сицилийскую[12] и актийскую[13]; первую и последнюю он вел против Марка Антония, вторую — против Брута и Кассия, третью — против Люция Антония, брата триумвира, четвертую — против Секста Помпея, сына Гнея.

10. Началом и причиной всех этих войн послужило его убеждение в том, что главной его обязанностью является месть за двоюродного деда и сохранение в силе государственных актов последнего. В соответствии с этим он тотчас же по возвращении из Аполлонии задумал напасть врасплох на Брута и Кассия, а так как те, учуяв опасность, скрылись, то он решил действовать против них законами и осудить их заочно. Он сам дал народу игры в честь победы Цезаря, ибо магистраты, на долю которых выпала эта обязанность, уклонились от нее. Чтобы иметь возможность со всей энергией выполнить прочие свои намерения, он выступил кандидатом на освободившуюся должность внезапно умершего народного трибуна, хотя он был патрицием и еще не заседал в сенате. Однако консул Антоний, у которого он как раз рассчитывал встретить наибольшее содействие, стал мешать всем его начинаниям и даже действие общего и традиционного права во всех делах распространял на него не иначе, как выговорив себе весьма крупную награду. Тогда Август, видя, что оптиматы ненавидят Антония, примкнул к их партии: эта ненависть была вызвана в особенности тем, что Антоний задумал силою выгнать Децима Брута из его провинции, Цизальпийской

Галлии, в свое время данной ему Цезарем и подтвержденной сенатом, и осадил его в Мутине[14]. Поэтому, по настоянию некоторых лиц, Август подослал к Антонию убийц; но злоумышление было открыто, и тогда, боясь подобного же ответного покушения против себя, Август, чтобы защитить себя, а вместе и республику, стал набирать ветеранов, раздавая им деньги со всей возможной для него щедростью. Сенат поставил его во главе набранного им войска с полномочиями пропретора и поручил вместе с новыми консулами, Гирцием и Пансой, подать помощь Дециму Бруту; эту порученную ему войну он кончил на третий месяц двумя сражениями. Антоний пишет, будто в первом сражении он бежал и появился снова только на третий день без плаща и коня; во втором же сражении, как это всем известно, он выполнял обязанности не только полководца, но и солдата: когда в самый разгар боя знаменосец его легиона был тяжело ранен, он сам взял знамя и долго носил его на собственном плече[11]. В этой войне Гирций погиб в бою, а Панса немного позже скончался от раны; поэтому возник и упорно держался слух, что смерть их была делом его рук: таким образом, теперь, когда Антоний был разбит, а государство осталось без консулов, он один мог захватить командование над победоносными войсками. В особенности смерть Пансы казалась настолько подозрительной, что врач Гликон был посажен под стражу на том основании, что он отравил рану ядом. К этому Аквилий Нигер прибавляет, что другой консул, Гирций, был убит самим Августом в смятении и суматохе битвы.

12. Когда же он узнал, что Антоний после своего бегства нашел убежище у Марка Лепида, а прочие вожди и армии стали на его сторону, он без всякого колебания разорвал союз с оптиматами. В оправдание этой измены он лицемерно приводил слова и действия некоторых лиц: одни будто бы называли его «мальчишкой», другие же говорили, что его надо сначала обласкать, а затем спровадить, чтобы потом не пришлось награждать по заслугам его и ветеранов. А чтобы яснее показать, что он раскаивается в своем прежнем союзе с оптиматами, он жестоко наказал нурсийцев [15] за то, что они на общественный счет воздвигли памятник павшим в бою с надписью «Погибшим за свободу», — сначала он наложил на них огромный штраф, и когда они не смогли уплатить его, изгнал их из их собственного города.

13. Заключив союз с Антонием и Лепидом [16], Август вел филиппийскую [17] войну, будучи совсем больным, и покончил ее в двух сражениях; в первом из них он потерял лагерь и с трудом спасся бегством к крылу, которым командовал Антоний. В торжестве по поводу победы он не соблюл умеренности; напротив, голову Брута он послал в Рим, с приказанием бросить ее к подножию статуи Цезаря, и свирепо расправился с знатнейшими пленниками, прибавив к этому еще оскорбления словами: так, когда один из них умолял его дать погребение его телу, он, как говорят, ответил: «Об этом уже позаботятся птицы»; когда двое пленников, отец и сын, просили его о пощаде, он приказал им решить дело жребием или игрою на пальцах,

кому из двух должна быть подарена жизнь; однако он увидел смерть обоих, ибо вслед за отцом, который сам отдал себя на казнь, также и сын сам наложил на себя руки. Поэтому остальные, и среди них Марк Фавоний, известный последователь Катона, когда их вели на казнь в оковах, почтительно приветствовали полководца Антония, Августу же в лицо бросали самые жестокие оскорбления.

После победы Антоний и Август поделили между собой обязанности. Антоний отправился приводить в порядок отношения на Востоке. Августу же досталась задача отвести ветеранов в Италию и наделить их землею в муниципиях; задача эта не принесла ему благодарности ни тех, ни других, ибо владельцы жаловались, что их сгоняют с земель, а ветераны — что их вознаграждают далеко не соразмерно их заслугам.

14. В это время Луций Антоний замыслил произвести в Италии переворот, полагаясь на полученную им консульскую власть и на могущество своего брата; Август принудил его укрыться в Перузии и, осадив его в ней, голодом заставил капитулировать. Однако и перед этой войной и в самой войне ему пришлось перенести немалые опасности. Так, однажды во время игр он приказал приставу вывести из мест, предоставленных сенаторам, усевшегося там рядового солдата; тогда его ненавистники распустили слух, будто этого солдата он тут же предал мучительной казни, и сбежавшаяся негодующая толпа солдат едва не растерзала его. Его спасло то, что солдат, которого считали убитым, вдруг появился цел и невредим. А под

стенами Перузии он едва не был захвачен во время жертвоприношения отрядом гладиаторов, сделавших вылазку из города.

15. После взятия Перузии он покарал многих: их попытки просить прощения или оправдываться он встречал одним лишь словом: «Повинны смерти». Некоторые пишут, что из сдавшихся в Перузии были выбраны триста человек из сословия сенаторов и всадников и наподобие жертвенных животных зарезаны в мартовские иды у жертвенника, воздвигнутого Божественному Юлию. Были и такие, которые передавали, будто он нарочно подстроил эту войну, в расчете, что тайные противники и те, которые держались спокойно не по доброй воле, а из страха, при возможности иметь своим вождем Люция Антония обнаружат себя и что, победив их и отобрав имущество, он сможет уплатить обещанные награды ветеранам.

16. Сицилийскую войну он предпринял очень рано, но тянул ее долго и часто прерывал, то ради починки своих флотов, которые дважды разбивали бури, один раз даже летом, то в силу перемирия, заключенного им по требованию народа, вызванному прекращением подвоза в Рим и обострением голода; наконец, выстроив заново корабли и посадив на весла двадцать тысяч отпущенных на волю рабов, он построил возле Бай [18] гавань Юлия, соединив море с озерами Лукринским и Авернским. Целую зиму он упражнял в ней флот, а затем одержал победу над Помпеем между Милами и Навлохом. Перед самым сражением он внезапно впал в столь крепкий сон, что друзьям пришлось бу-

дить его для того чтобы он дал знак к битве. Я думаю, что именно это дало Антонию повод для такого упрека: «Он не мог даже прямо взглянуть на выстроенные войска, но в оцепенении лежал на спине и смотрел в небо, затем поднялся и явился к войскам только после того, как вражеские корабли были обращены в бегство Марком Агриппой». Некоторые осуждают его слова и поступок, а именно: когда буря погубила его флоты, он будто бы воскликнул, что «даже против воли Нептуна одержит победу», а затем, в день ближайших игр, он удалил из торжественной процессии изображение этого бога. Едва ли в какой-либо другой войне он подвергался более многочисленным и более страшным опасностям. Когда, переправив войско в Сицилию, он возвращался в Италию за остальной частью армии, он подвергся внезапному нападению подчиненных Помпею командиров, Демохара и Аполлофана, и с величайшим трудом спасся на единственном корабле. Другой раз, идя пешком в Регий мимо Локров, он увидел биремы Помпея, плывшие подле самого берега. Приняв их за свои, он спустился к воде и едва не был захвачен в плен. В этот же раз, когда он спасался по труднопроходимым тропам, раб его спутника, Эмилия Павла, скорбевший о смерти Павла-отца, некогда погибшего в проскрипциях, пользуясь представившимся случаем для мести, покушался убить его.

После бегства Помпея он отнял войско у своего товарища по триумвирату, Марка Лепида. Его он уже раньше вызвал из Африки себе на помощь. Преисполненный гордости, в

надежде на поддержку со стороны своих двадцати легионов, Лепид с угрозами потребовал было себе львиную долю в триумвирате. На его мольбы о помиловании Август даровал ему жизнь и навсегда сослал на жительство в Цирцеи.

17. Союз с Марком Антонием всегда был сомнителен и ненадежен; кое-как Август подогревал его различными соглашениями, но наконец разорвал. Чтобы убедительнее доказать, до какой степени Антоний забыл свой долг римского гражданина, он вскрыл оставленное Антонием в Риме завещание, в котором тот осмелился сделать своими наследниками детей Клеопатры, и велел прочесть его на сходке граждан. Однако, объявив Антония врагом римского народа, он всем его родственникам и друзьям позволил уехать к нему и, между прочим, Гаю Созию и Титу Домицию, которые в то время еще занимали должности консулов. Равным образом он уволил от клятвы на верность, принесенной ему всей Италией, жителей Бононии, как исконных клиентов Антониева рода. Немного времени спустя он одержал у Акция победу в морском сражении, которое затянулось до позднего вечера, так что победителю пришлось ночевать на корабле. От Акция Август отправился было на зимовку в Самос, но получил тревожную весть о мятеже солдат, которых после победы он, выбрав из всей армии, отправил в Брундизий, — солдаты требовали награды и отставки. На обратном пути в Италию он дважды был застигнут бурею, — первый раз между мысами Пелопоннеса и Этолии, вторично

у Керавнских гор; в оба раза часть его либурнийских кораблей[19] утонула, а на его собственном корабле были повреждены снасти и сломан руль. Не более двадцати семи дней остался он в Брундизии, пока улаживались требования солдат; затем, кружным путем через Азию и Сирию, он направился в Египет и, осадив Александрию, куда бежали Антоний и Клеопатра, вскоре овладел ею. Антония, который делал запоздалые попытки заключить мир, он принудил наложить на себя руки и затем полюбопытствовал взглянуть на его мертвое тело. Ему хотелось во что бы то ни стало сохранить Клеопатру в живых для своего триумфа, и так как ее смерть приписывали укусу виперы, то он послал к ней псиллов[20], чтобы высосать яд из раны. Обоим он оказал честь совместного погребения и приказал закончить начатую ими гробницу. Юношу Антония, старшего из двух сыновей Фульвии, он велел умертвить, оттащив от статуи Божественного Юлия, у которой тот искал убежища, после того как все его мольбы оказались тщетны. Также и Цезарион, о котором Клеопатра разглашала, что он был зачат ею от Цезаря, был настигнут в бегстве, приведен назад и казнен. Прочих же детей Антония и царицы, словно они были ему близкими родственниками, Август оставил в живых, а впоследствии дал им содержание и оказывал милости сообразно их высокому положению.

18. Среди всех этих событий он осмотрел гроб и тело Александра Великого, которые приказал вынести из склепа: свое преклонение перед его памятью он выразил возложением зо-

лотого венка и цветов; когда же его спросили, не желает ли он посмотреть также гробницу Птолемеев, он ответил, что «хотел видеть царя, а не мертвецов». Египет он обратил в провинцию; чтобы повысить его плодородие и лучше использовать для снабжения Рима продовольствием, он заставил солдат прочистить всю сеть каналов, принимающих в себя разлив Нила, которые от времени занесло илом. С целью как можно больше прославить в потомстве память Актийской победы, он основал у Акция город Никополь и учредил в нем игры, праздновавшиеся каждые пять лет; древний храм Аполлона он расширил, а место, где находился его собственный лагерь, украсил трофеями морской победы и посвятил Нептуну и Марсу.

19. После гражданских войн ему в разное время приходилось подавлять многочисленные мятежи, попытки переворота и заговоры, открытые благодаря доносу раньше, чем они успевали распространиться. То были заговоры молодого Лепида, затем Варрона Мурены и Фанния Цепиона, далее — Марка Эгнатия, потом Плавтя Руфа и Люция Павла, женатого на Августовой внучке, сверх того Люция Авдасия, слабоумного калеки, осужденного за подделку завещаний, также Азиниа Эпикада, получужестранца с примесью парфянской крови, наконец Телефа, раба-номенклатора[21], принадлежавшего одной женщине. Таким образом, и со стороны людей самого низкого звания угрожали ему заговоры и опасности. Авдасий и Эпикад намеревались похитить дочь Августа Юлию и внучку Агриппину с островов, куда они были сосланы, и привезти в

армию; Телеф же, мнивший себя предназначенным судьбой во властители, задумал напасть на самого Августа и на сенат. Мало того, однажды ночью рядом с его опочивальней схватили какого-то маркитанта из иллирийского войска, с охотничьим ножом за поясом: он пробрался туда, обманув привратников; осталось невыясненным, был ли он безумец или притворялся таковым, ибо на допросе от него нельзя было добиться ни одного слова.

20. Из внешних войн он самолично вел только две: еще юношей в Далмации и после победы над Антонием в Кантабрии[22]. В далматской войне он был ранен, один раз в правое колено камнем, другой раз при провале моста в голень и обе руки. Остальные войны вели за него легаты; однако в некоторых войнах в Паннонии[23] и Германии он принимал и сам известное участие или находился недалеко от театра военных действий, выезжая из Рима до Равенны, Милана или Аквилеи.

21. В войнах этих, командуя частью сам, частью через легатов, он покорил Кантабрию, Аквитанию, Паннонию, Далмацию со всем Иллириком, а также Рецию[24], винделиков и салассов — племена, живущие в Альпах. Он отразил также набеги даков, уничтожив трех их вождей вместе с их полчищами; германцев он оттеснил за реку Эльбу; отдавшиеся под его власть племена свевов и сикамбров он перевел в Галлию и поселил на прилегающих к Рейну землях. Равным образом он привел к повиновению другие народы, не дававшие римлянам покоя. Ни с одним племенем не начинал он войны, если не

имел к тому законной и необходимой причины; желание во что бы то ни стало увеличить пределы империи или свою военную славу было ему настолько чуждо, что он заставил некоторых варварских князей поклясться в храме Марса Мстителя в том, что просимые ими дружбу и мир они будут соблюдать с верностью; от некоторых же племен он пробовал брать заложников нового рода, а именно женщин, ибо видел, что мужчинами, отдавая их в заложники, они не дорожат. В то же время всем варварам он всегда разрешал брать обратно своих заложников, сколько бы раз они ни пожелали. Самое большое наказание, которому он подвергал даже те племена, которые нарушали мир слишком часто и вероломно, состояло в том, что он продавал в рабство взятых у них пленных, под непременным условием, чтобы их не оставляли в области, соседней с их родиной, и не отпускали на свободу ранее тридцати лет. Молва о добродетели и умеренности Августа, донесшаяся даже до индусов и скифов, побудила их добровольно отправить к нему послов с предложением дружбы ему и римскому народу. Также и парфяне без труда удовлетворили его притязания на Армению и возвратили по его требованию знамена, в свое время отнятые ими у Марка Красса и Марка Антония; сверх того они предложили ему взять заложников, а когда у них поднялся спор между несколькими претендентами на царство, они признали лишь того, кого выбрал Август.

22. Храм Януса Квирина, который за все время от основания города и до Августа запирался только два раза, он в гораздо более ко-

роткий промежуток времени, водворив мир на суше и на море, запер трижды[25]. Дважды он вступал в Рим с овацией[26], первый раз после филиппийской, второй раз после сицилийской войны. Настоящие же триумфы он праздновал трижды — далматский, актийский и александрийский, каждый триумф в течение трех дней.

23. Только два раза понес он тяжкое бесчестие и поражение, и не в ином месте, как в Германии; то были поражения Лоллия[27] и Вара[28], первое, принесшее более позора, чем ущерба, второе же почти погибельное, ибо были уничтожены три легиона вместе с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. Получив о нем известие, Август по всему городу приказал расставить караулы, дабы предупредить мятеж, а наместникам провинций продлил власть, чтобы с помощью людей опытных и привычных держать союзников в подчинении. Он дал также обет устроить в честь Юпитера Лучшего и Величайшего грандиозные игры, если положение республики изменится к лучшему: так уже поступали некогда, во время войн с кимврами и марсами. Говорят, событие это повергло его в такое отчаяние, что в течение нескольких месяцев он не стриг волос и бороды, порою же бился головою о двери и восклицал: «Квинтилий Вар, отдай легионы!» Годовщина этого поражения навсегда осталась для него днем печали и траура.

24. В военном деле Август произвел много перемен и нововведений, а кое в чем вернулся к старым обычаям. Дисциплину он соблюдал строжайшую. Даже никому из легатов он не раз-

решал свидания с женами, разве только в зимние месяцы, да и то неохотно. Одного римского всадника он приказал продать в рабство с аукциона вместе с его имуществом за то, что тот двум своим юным сыновьям отрубил большой палец с целью освободить их от военной службы. Однако, когда Август увидел, что публиканы намереваются купить его[29], он присудил его своему вольноотпущеннику, с тем чтобы тот отправил его в деревню и позволил ему жить, как свободному человеку. Десятый легион, неохотно исполнявший приказания, Август распустил весь с бесчестием; равным образом и другим легионам, которые, не считаясь ни с чем, требовали увольнения, он дал отставку, лишив их положенных ветеранам наград. Когорты, отступившие в бою, он, казнив в них десятого, перевел на довольствие ячменем вместо пшеницы. Центурионов, покинувших свое место в строю, он карал смертью так же, как и рядовых солдат; за проступки же другого сорта он подвергал их разного рода бесчестью, например приказывал целый день стоять перед преторием[30], иногда в одной тунике и без пояса, иной раз с шестами для обмера или даже с кусками дерна в руках[31].

25. По окончании гражданских войн Август ни на сходках, ни в приказах не называл солдат «товарищами», но «солдатами», и не допускал, чтобы их называли иначе также его сыновья или пасынки, занимавшие высшие командные посты. Первое же обращение он находил чересчур заискивающим и не соответствующим ни порядку военной службы, ни наступившей устой-

чивости политического положения, ни высокому рангу своему и своего дома. Вольноотпущенных он брал в солдаты только для пожарной службы в Риме или когда по причине дороговизны возникало опасение народных волнений; кроме этого, он взял их лишь два раза: первый раз для защиты пограничных с Иллириком колоний, второй раз для охраны берега Рейна; их, как своих рабов, выставляли по его приказу владельцы, богатые мужчины и женщины; Август тотчас давал им свободу и ставил в отдельные отряды, не смешивая с свободнорожденными солдатами и вооружив особым образом.

В качестве боевых наград Август охотнее раздавал фалеры [32] и ожерелья, предметы из золота и серебра, нежели венки за взятие вала или стены, которые как почетное отличие превосходили все остальное; эти последние он жаловал чрезвычайно скупо, не в угоду, а лишь за действительные заслуги, и часто останавливал свой выбор на простых солдатах. Марка Агриппу, после его морской победы в Сицилии, он наградил знаменем сине-зеленого цвета. Одних только триумфаторов он считал недозволенным награждать подарками, хотя бы они и были сотоварищами его походов и соучастниками его побед, ибо они сами имели право одарять кого угодно по собственному желанию. Ничто не считал он в большей мере неподобающим для совершенного полководца, как поспешность и опрометчивость. Поэтому его любимой поговоркой было:

σπεῦδε βραδέως! [33]

ἀσφαλὴς γάρ ἐστ' ἀμείνων ἢ θρασὺς στρατηλάτης [34];

а также: «Коли что сделано хорошо, то, значит, и скоро». Он говорил, что вступать в сражение или начинать войну следует лишь тогда, когда надежда на выгоду превышает страх возможной потери. В самом деле, говорил он, кто ищет малой пользы с большим риском, тот уподобляется человеку, удящему рыбу на золотой крючок, ибо, коль скоро крючок оборвется, потерю его не возместит никакой улов.

26. Государственные должности и почетные отличия он принимал раньше нормального срока, причем некоторые из них носили необычный характер, а некоторые не были ограничены временем. Консульством он завладел, имея всего девятнадцать лет от роду, причем предварительно привел к Риму легионы[35], угрожая ему нападением, и отправил к сенату посольство, которое, от имени армии, потребовало для него эту должность; когда сенат медлил, глава посольства, центурион Корнелий, распахнул плащ и, показывая на рукоять меча, посмел заявить в самой курии: «Если вы не дадите консульства, то даст вот этот». Вторично он был консулом через девять лет, в третий раз еще через год, а следующие консульства, вплоть до одиннадцатого, он занимал непрерывно; затем он много раз отказывался от предложений занять его снова и лишь через большой промежуток времени, а именно через семнадцать лет, получил его в двенадцатый раз; тринадцатого консульства он искал сам через два года, чтобы в качестве высшего должностного лица вывести на форум своих сыновей, Гая и Люция, для

облечения их в тогу совершеннолетних. Пять промежуточных консульств, от шестого по десятое, он занимал каждое в течение целого года, прочие же — в течение девяти, шести, четырех или трех месяцев, второе же консульство — в течение всего нескольких часов. В самом деле, утром 1 января, ненадолго заняв курульное кресло перед храмом Юпитера Капитолийского, он сложил с себя должность, поставив взамен себя другое лицо. Кроме того, не всегда он вступал в должность в Риме: четвертое консульство он принял в Азии, пятое — на острове Самосе, восьмое и девятое — в Тарраконе.

27. Пост триумвира по устроению государства он занимал в течение десяти лет. Став триумвиром, он довольно долго не давал своим товарищам согласия на объявление проскрипций; но когда проскрипции начались, он применял их с большей жестокостью, чем Антоний и Лепид. Между тем как оба они, в угоду кому-либо или уступая просьбам, давали себя умилостивить в отношении многих опальных, Август прилагал все усилия к тому, чтобы никто не получил пощады; он подверг проскрипциям даже своего опекуна Кая Торания, который некогда был товарищем его отца Октавия по эдильству. Мало того, — Юлий Сатурнин рассказывает, что по окончании проскрипций Марк Лепид старался оправдать происшедшее и подал в будущем надежду на более милосердное отношение со стороны триумвиров, ибо наказание применено уже в достаточной степени. Напротив, Август заявил, что он «согласился положить предел проскрипциям, лишь имея в виду сохра-

нить за собою для будущего полную свободу действий». Однако впоследствии, желая загладить свое упорство, он возвел во всадническое достоинство Тита Виния Филопемена за то, что тот, как говорили, в свое время дал убежище своему опальному патрону. Будучи триумвиром, он своими поступками во многих возбудил к себе ненависть. Так, он приказал в своем присутствии заколоть римского всадника Пинария, принятого им за шпиона, ибо он заметил, как тот потихоньку записывал что-то для себя во время речи, которую Август держал на сходке солдат в присутствии толпы посторонних. Тедия Афра, выбранного в консулы, который дурно говорил о каком-то его поступке, Август так терроризировал угрозами, что тот бросился с высоты и разбился насмерть. Когда претор Квинт Галлий явился для обычного приветствия, он заподозрил, что тот имеет при себе меч, ибо он скрыто держал под одеждой двойные таблички; однако обыскать его тут же он не решился, боясь, что у него окажется что-либо другое; но немного спустя он приказал центурионам и солдатам стащить его с трибунала и подверг пыткам, словно раба; когда же тот ни в чем не сознался, он все же приказал его убить, причем сначала собственноручно выколол ему глаза. Однако сам Август пишет, что Галлий, испросив себе аудиенцию, пытался произвести на него покушение, за что был заключен в тюрьму. Затем он был отпущен, с запретом жить в Риме, и погиб либо в кораблекрушении, либо подвергшись нападению разбойников. Август облек себя бессрочной трибунскою властью, во

время которой дважды брал себе товарища по должности, всякий раз на пять лет. Он взял на себя также надзор за нравами и выполнением законов, тоже на не ограниченное сроком время; в силу этого полномочия он, не будучи собственно цензором, три раза производил всенародную перепись, в первый и третий раз совместно с коллегой, во второй раз — один.

28. Два раза он помышлял о восстановлении республики; в первый раз — непосредственно после победы над Антонием, ибо он помнил, что тот часто упрекал его, будто препятствием к ее восстановлению является единственно он, Август. Второй раз причиной явилось невыносимое душевное состояние, вызванное долгой болезнью; в этот раз он даже призвал к себе на дом магистратов и сенат и передал им полный реестр состояния государства. Однако, принимая во внимание, что, с одной стороны, вернувшись в положение частного лица, ему нельзя будет жить в безопасности, а с другой — было бы опрометчиво предоставить республику в распоряжение многих, он решил попрежнему оставить власть за собою, и трудно сказать, что оказалось лучше: само ли намерение или его результат. Это намерение он высказывал неоднократно и объявил его в одном эдикте в следующих словах: «Да будет мне дано установить государство на его основе целым и невредимым и получить желаемый мною плод этого деяния — быть названным творцом наилучшего порядка и унести с собой в могилу надежду, что заложенные мною основания государства прочно останутся на своем

месте». Осуществления своего обета он достиг, всячески стремясь к тому, чтобы ни один человек не имел повода пожаловаться на новый порядок вещей.

Город Рим, не отвечающий своим внешним видом величию империи и подверженный наводнениям и пожарам, он так украсил, что по справедливости мог хвалиться, что, «приняв его кирпичным, оставляет мраморным». Насколько ум человеческий в силах предусматривать, Август обеспечил ему безопасность также на будущее время.

29. Он выстроил множество общественных зданий, из коих важнейшими являются, бесспорно, следующие: форум с храмом Марса Мстителя, храм Аполлона на Палатине, храм Юпитера Громовержца на Капитолии. Постройка нового форума была вызвана многочисленностью посещавшей его публики и совершавшихся на нем судебных процессов, так что двух прежних форумов казалось недостаточно и требовался третий. Поэтому он был открыт спешно, до окончания храма Марса, причем было объявлено, что он предоставляется специально для процессов общественного характера и для жеребьевки судей. Храм Марсу Август построил согласно обету, который принес в филиппийской войне, предпринятой с целью отомстить за отца. Поэтому он постановил, чтобы в нем происходили совещания сената о войнах и триумфах, чтобы отсюда отправлялись в свои провинции наместники и чтобы возвращавшиеся в Рим победителями приносили сюда украшения своих триумфов. Храм Аполлона он воздвиг в

той части своего палатинского дома, которая, по толкованию гаруспиков, была избрана богами посредством удара молнии. К нему он пристроил портик с библиотекой латинских и греческих книг; уже в старости он часто созывал сюда заседания сената и проверял здесь декурии[36] судей. Храм Юпитеру Громовержцу он посвятил в память своего избавления от опасности, когда в кантабрском походе во время ночного марша молния ударила совсем рядом с его носилками и убила раба, шедшего впереди с факелом. Некоторые здания он воздвиг не от своего имени, а от имени своих внуков, супруги и сестры; это были портик и базилика Гая и Люция, портики Ливии и Октавии и театр Марцелла. Также и других первенствующих лиц в государстве он часто уговаривал украшать город соразмерно их средствам и с этой целью либо строить новые памятники, либо восстанавливать и украшать старые. Многие лица построили в то время множество зданий; так, Марций Филипп построил храм Геркулеса Мусагета, Люций Корнифиций — храм Дианы, Азиний Поллион — атрий[37] Свободы, Мунаций Планк — храм Сатурна, Корнелий Бальб — театр, Статилий Тавр — амфитеатр. Марк же Агриппа воздвиг множество великолепных зданий.

30. Все пространство Рима он разделил на части и уличные кварталы; над первыми, согласно его установлению, надзирали ежегодные магистраты, распределявшие между собой обязанности по жребию, над вторыми — особые должностные лица, избиравшиеся из обывателей каждого квартала. Как средство против по-

жаров он завел ночные караулы и дозоры. Для противодействия наводнениям Тибра он велел расширить и очистить его русло, засоренное щебнем и суженное развалинами зданий. Чтобы сделать более легким сообщение Рима с внешним миром, он взял лично на себя шоссирование Фламиниевой дороги до Аримина, прочие же дороги распределил между бывшими триумфаторами для шоссирования их на деньги, вырученные ими от продажи добычи.

Август заново отстроил храмы, пришедшие в разрушение от ветхости или уничтоженные пожаром, и сделал весьма щедрые пожертвования для украшения как этих храмов, так и других. Так, в один раз он принес в дар святилищу Юпитера Капитолийского семнадцать тысяч фунтов золота и кроме того на пятьдесят миллионов сестерциев драгоценных камней и жемчугов.

31. Когда после смерти Лепида, которого при его жизни Август ни за что не хотел лишить сана великого понтифика, он возложил, наконец, на себя этот сан, то он приказал отовсюду собрать ходившие в публике греческие и латинские пророческие книги, анонимные или принадлежавшие некомпетентным авторам, и все их, числом свыше двух тысяч, предать огню. Он сохранил только сивиллинские книги, да и те по предварительному выбору: он приказал хранить их в двух золоченых ларцах под пьедесталом статуи Палатинского Аполлона.

Календарный год, упорядоченный Юлием Цезарем, но в последующее время благодаря небрежности снова приведенный в расстройство,

Август восстановил на прежних правильных основаниях; при этом он по своему прозвищу дал имя месяцу секстилию, предпочтительно перед месяцем своего рождения — сентябрем, ибо и первое его консульство, и важнейшие его победы падали именно на вышеназванный месяц.

Август увеличил число жреческих должностей, поднял их престиж и умножил выгоды; в особенности постарался он для дев-весталок. Когда надлежало на место умершей весталки избрать новую и многие ходатайствовали перед ним об изъятии их дочерей от участия в жеребьевке, он клятвенно заявил, что, если бы хоть одна из его внучек подходила по возрасту, он сам предложил бы ее в весталки. Он восстановил также немало древних религиозных учреждений и обрядов, постепенно пришедших в забвение, как то: обычай производить гадание о спасении государства, должность фламина Юпитера Луперкалии, Секулярные [38] и Компитальные [39] игры. Он запретил юношам, еще не имевшим бороды, участвовать в беге во время Луперкалий, а молодежи обоего пола разрешил посещение ночных зрелищ во время Секулярных игр только в сопровождении кого-либо из старших родственников. Украшение цветами ларов уличных перекрестков он предписал производить два раза в год: весною и летом. На втором месте после бессмертных богов окружил он почетом память вождей, которые из ничтожества превратили Рим в величайшую державу. Поэтому он восстановил их сооружения, сохраняя на них надписи, а в обоих портиках своего форума по-

ставил статуи их всех в триумфальном одеянии и кроме того объявил в эдикте, что он «придумал это для того, чтобы деятели прошлого служили гражданам мерилом для суждения как о нем самом, пока он жив, так и о первенствующих людях грядущих времен». Также статую Помпея он вынес из курии, в которой был убит Цезарь, и поставил на мраморной арке против роскошного портика его театра.

32. В общественной жизни оставалось еще много самых отрицательных явлений, либо унаследованных от обычаев и распущенности гражданских войн, либо возникших в годы мира. Действительно, множество бандитов бродило открыто с оружием у пояса, будто бы для самозащиты; в полях хватали путников без разбора, свободных и рабов, и заключали в эргастулы[40] поместьев; в большом числе составлялись также шайки под именем новых коллегий в целях совершения всевозможных преступлений. В виду всего этого Август смирил разбойников, расставив повсюду в удобных местах сторожевые посты; он произвел также ревизию эргастулов, а коллегии, за исключением разрешенных уже с давних пор, распустил. Списки давнишних недоимщиков казны, бывшие источником всякого рода судебных притеснений, он велел сжечь. Казенные городские участки, правовое положение которых было спорно, он присудил частным владельцам. Он прекратил дела всех обвиняемых, коих процессы почему-либо затянулись и коих траур доставлял только радость их врагам, причем объявил, что, если кто вздумает возобновить против кого-либо из них обвинение, тот

сам рискует навлечь на себя одинаковое с ними наказание. А чтобы какое-либо злодеяние или судебное дело не осталось без наказания и не затянулось, он посвятил судебным разбирательствам тридцать с лишним дней, в течение которых праздновались почетные игры. К трем декуриям судей Август присоединил четвертую, из лиц с более низким имущественным цензом; она называлась декурией дуценариев[11] и разбирала иски на сравнительно небольшие суммы. В число судей он принимал с тридцатилетнего возраста, т. е. на пять лет раньше, чем то было обычно. А так как множество лиц старалось избавиться от исполнения судебных обязанностей, то в конце концов он согласился, чтобы каждая декурия имела поочередно годовой отпуск и чтобы в ноябре и декабре месяцах судебных разбирательств вообще не производилось.

33. Суд творил он также самолично, с большим вниманием, засиживаясь иногда даже до ночи, а когда чувствовал себя нездоровым, то оставался при этом в постели, поставленной перед трибуналом, или даже судил, лежа у себя дома. Он творил суд не только чрезвычайно тщательно, но и весьма снисходительно. Так, например, явно уличенного в отцеубийстве он, говорят, спросил: «Ты, конечно, не убил твоего отца?» Этим он хотел избавить его от казни мешком[12], которая применялась лишь к открыто сознавшимся в таком преступлении. Другой раз, когда разбиралось дело о подложном завещании, причем все подписавшиеся, согласно закону Корнелия, подлежали наказанию, он роздал

судьям не только обычные две таблички с надписями «обвиняю» и «оправдываю», но еще и третью, которую можно было подать за прощение вины тем, которые, как выяснилось на суде, дали свои подписи, будучи введены в обман или по ошибке. Апелляционные жалобы от тяжущихся в самом Риме он ежегодно направлял к городскому претору, а жалобы из провинций — к тому из консуляров, которому им же было поручено заведывание делами данной провинции.

34. Август подверг пересмотру существующие законы и некоторым целиком вернул их прежнюю силу; таковы законы против роскоши, прелюбодеяний, разврата, подкупов в комициях, о поощрении браков лиц существующих сословий. Этот последний закон был составлен гораздо строже, нежели прочие, и Август смог преодолеть бурные протесты и провести его, только уничтожив или смягчив часть наказаний, разрешив трехлетнюю свободу от брака и увеличив награды. Но когда и после этих смягчений всадники на одном общественном спектакле стали настойчиво требовать его отмены, то он подозвал к себе детей Германика, посадил их частью к себе на колени, частью на колени к их отцу и затем жестами и выражением лица старался показать всадникам, что они не должны отказываться следовать примеру этого молодого человека. Когда же он убедился в том, что закон обходят посредством обручений с слишком юными невестами и посредством частых разводов, он сократил срок состояния в обручении и количество дозволенных разводов.

35. Число сенаторов необычайно увеличилось вследствие принятия массы презренных и негодных элементов: их числилось свыше тысячи, и были среди них недостойнейшие лица, назначенные после гибели Цезаря Антонием по протекции или за взятку, которых народ прозвал «замогильными». Август вернул сенату его блеск и прежний численный состав, для чего дважды произвел пересмотр его списков: в первый раз решение было предоставлено самим сенаторам таким образом, что один сенатор назначал другого; во второй же раз пересмотр производил сам Август совместно с Агриппой. Думают, что в этот раз он заседал в сенате, имея под одеждой панцырь и меч, а вокруг его кресла стали десять его друзей сенаторов, отличавшихся огромной физической силой. Кремуций Корд пишет, что при этом никто из сенаторов не мог подойти к нему иначе, как в одиночку и предварительно подвергшись обыску. В некоторых случаях он апеллировал к чувству скромности самих сенаторов, рекомендуя им добровольный отказ, причем и после отказа сохранял за ними право носить сенаторское платье, в театре занимать место в орхестре и участвовать в публичных пиршествах. Что же касается тех сенаторов, которые были признаны достойными и оставлены в их звании, то, с целью заставить их проникнуться сознанием священного значения своих обязанностей и не тяготиться ими, он постановил, чтобы каждый, раньше чем занять свое место в заседании, приносил жертву ладаном и вином на алтаре бога, в храме которого заседание про-

исходило. Он постановил также, чтобы ежемесячно было не более двух регулярных собраний сената, в календы и иды[43], далее — чтобы в сентябре и октябре в сенате присутствовали только специально избранные жребием, которых было бы достаточно для составления декретов. Себе в помощь он постановил каждые шесть месяцев выбирать по жребию совет, с которым он мог бы предварительно обсуждать вопросы, предлагаемые затем общему собранию сенаторов. При обсуждении более важных дел он опрашивал сенаторов о мнении не в предписанном обычаем порядке их рангов, но по собственному усмотрению, чтобы каждый с одинаковым вниманием отнесся к вопросу и действительно высказывал собственные мысли, а не ограничивался присоединением к мнению других.

36. Ему принадлежат также и другие мероприятия, как то: прекращение публикации сенаторских протоколов; установление некоторого промежутка времени между сложением магистратами своих полномочий в Риме и их отъездом на должность в провинцию; ассигновка проконсулам определенных сумм для покупки мулов и палаток, поставка которых раньше обычно сдавалась казной в подряд; изъятие казначейских обязанностей от городских квесторов и передача их бывшим или настоящим преторам; перенесение с бывших квесторов на децемвиров обязанности собирать центумвиральный суд[44].

37. Для того чтобы большее количество лиц приняло участие в управлении государством, он создал ряд новых ведомств: заведывание об-

щественными постройками, дорогами, водоснабжением, хлебными раздачами народу, надзор за исправностью русла Тибра, должность городского префекта, комиссию триумвиров для пополнения личного состава сената и другую такую же комиссию для смотров всаднических турм всякий раз, как это понадобится. При нем после долгого промежутка времени вновь были выбраны цензоры. Число преторов было увеличено. Он потребовал также, чтобы всякий раз, когда он будет избран в консулы, в коллеги ему давался бы не один консул, а два; его предложение однако не прошло, ибо все запротестовали, что уже и так его достоинство слишком умаляется тем, что почетные обязанности консула он несет не один, но делит их с другим лицом.

38. Не скупился Август также и на оказание почестей воинским доблестям. По его предложению более тридцати полководцам было разрешено отпраздновать полные триумфы и еще большему их количеству были присуждены триумфальные отличия.

Для того чтобы дети сенаторов быстрее приучались к занятиям государственными делами, он разрешил им немедленно по совершеннолетии носить ширококаемчатую тогу и присутствовать на заседаниях сената; при вступлении же их на военную службу он назначал их на должность не только трибунов легионов, но и префектов конницы; а чтобы все они на практике познакомились с военной службой, он ставил их по двое в начальники каждого конного отряда.

Смотры всаднических турм он производил часто и после долгого промежутка времени снова ввел в обычай их торжественный проезд. Однако он не разрешал, чтобы при этом кто-либо сходил с лошади по требованию своего обвинителя, — обычай, практиковавшийся прежде. Лицам престарелым или страдавшим каким-либо физическим недостатком он позволил, проведя своего коня в общем строю, являться на вызов начальства пешком. Позже он разрешал сдавать коней тем из всадников, которые, будучи старше тридцати пяти лет, не пожелали бы продолжать конную службу.

39. Август просил сенат дать ему десять помощников и совместно с ними привлек всех всадников поочередно к отчету в их образе жизни; на провинившихся в чем-нибудь он наложил либо наказание, либо бесчестие; большинство же он подверг выговору, но не одинаково строгому. Самая легкая форма выговора состояла в том, что всаднику в присутствии других лиц передавалась табличка, которую он должен был тут же прочесть про себя. Некоторых лиц Август подверг взысканию также за то, что они, беря взаймы деньги под низкий процент, сами давали их в ссуду под высокий.

40. Когда кандидатов в народные трибуны из числа сенаторов оказывалось неполное число, Август выбирал трибунов из римских всадников, с тем условием, что по отбытии трибунской должности им предоставлялось либо оставаться в своем сословии, либо переходить в сенаторское. Состояние многих всадников сильно уменьшилось по причине гражданских войн, вслед-

ствие чего они из боязни театрального штрафа, не решались на представлениях занимать места в четырнадцати рядах, предоставленных их сословию. Тогда Август объявил, что штраф не распространяется на тех, которые либо сами обладали, либо чьи родители некогда обладали всадническим цензом.

Народную перепись Август произвел по уличным кварталам. Чтобы не отрывать народ от его занятий ради хлебных раздач, он назначил выдачу марок на получение хлеба три раза в год, каждый раз за четыре месяца; однако он снова уступил привычке народа к прежнему обычаю, чтобы выдача производилась ежемесячно. Он восстановил также древние права комиций и многообразными наказаниями старался сдерживать попытки подкупа при выборах. Своим же родным трибам, Фабиевой и Скаптиевой, в день выборов он раздавал по тысяче сестерциев на человека из собственных денег, дабы они не требовали чего-нибудь от какого-либо кандидата.

Август придавал большое значение тому, чтобы римский народ сохранял чистоту своего состава и не примешивал к своей крови кровь чужестранцев и рабов. Поэтому он весьма скупо давал римское гражданство и ограничил право отпуска рабов на волю. Тиберию, просившему права гражданства для одного грека, своего клиента, он письменно ответил, что удовлетворит просьбу только в том случае, если Тиберий лично убедит его в основательности мотивов своей просьбы. Когда Ливия просила о том же для какого-то галла, данника римского народа,

он отказал галлу в праве гражданства, но освободил его от подати, заявив, что ему легче лишить казну некоторого дохода, нежели уронить престиж римского гражданства.

Август не довольствовался тем, что множеством препятствий затруднил рабам выход на свободу и еще больше затруднил им получение полной свободы, ибо он тщательно оговорил число, состояние и различия подлежащих отпуску на волю, — он сверх того еще постановил что раб, когда-либо подвергнувшийся заключению и пытке, никаким способом отпуска на волю не может стать римским гражданином.

Август старался также снова ввести в употребление старинную римскую одежду. Увидев однажды на сходке толпу людей, одетых в темные плащи, он с негодованием воскликнул: «Гляди: вот римский народ, владыки вселенной, носители тоги» [45].

После этого он поручил эдилам наблюдать впредь за тем, чтобы все находящиеся на форуме или близ него обязательно снимали верхние плащи и оставались в тогах.

41. По многообразным поводам проявлял он свою щедрость ко всем сословиям. Действительно, когда в Рим в связи с александрийским триумфом была привезена египетская царская казна, то здесь оказалось такое огромное количество наличных денег, что ссудный процент упал, а цены на землю необычайно возросли; также и после этого, в случаях изобилия денег, вырученных от продажи имуществ осужденных, Август разрешал беспроцентные ссуды на определенный срок тем лицам, которые представляли

под них залог двойной стоимости. Он повысил имущественный ценз сенаторов, с 800 000 сестерциев, доведя его до 1 200 000, и пополнил средства тех сенаторов, имущество которых не достигало этой суммы.

Он неоднократно делал денежные подарки народу, всякий раз неодинаковой ценности: то 400, то 300, иногда же 250 сестерциев; при этом он не исключал и малолетних мальчиков, хотя дети обычно получали подарки лишь начиная с одиннадцатилетнего возраста. В случаях продовольственных затруднений он часто продавал жителям Рима хлеб за ничтожную цену, иногда же раздавал его просто даром, а денежные выдачи удваивал.

42. Однако во всех этих поступках он проявлял себя как доброжелательный к народу глава государства, а не как честолюбец. Это видно из одного случая, когда народ жаловался на недостаток и дороговизну вина. На эти жалобы Август дал весьма суровую отповедь, что-де, «зять его Агриппа, соорудивший в Риме много водопроводов, достаточно позаботился о том, чтобы население не ощущало жажды». В другой раз, когда тот же народ требовал от него подарка, правда, уже обещанного им, он ответил, что он «умеет держать свое слово». Когда же однажды народ стал требовать того, что ему вовсе не было обещано, Август в эдикте назвал такое поведение гнусностью и бесстыдством и заявил, что он «не даст народу ничего, хотя уже собирался дать». Ту же строгость и твердость проявил он, узнав, что в ожидании подарка в число граждан провели мно-

жество нарочито отпущенных на волю рабов; он заявил, что те, кому ничего не было обещано, ничего и не получат, а прочим он дал меньше обещанного, дабы предположенной суммы денег хватило на всех. Однажды во время неурожая и значительных продовольственных затруднений Август выселил из Рима работорговцев с их рабами и ланист с их гладиаторами, кроме того всех иностранцев, за исключением врачей и преподавателей, а также часть рабов. По этому поводу он пишет, что после прекращения дороговизны он «решил было навсегда отменить раздачи хлеба казной, ибо в расчете на них перестают заниматься земледелием; этот проект однако он оставил, в уверенности, что в будущем кто-либо ради популярности, наверное, восстановит хлебные раздачи». Впоследствии он урегулировал эти раздачи в видах равномерного соблюдения интересов, с одной стороны — городского населения, а с другой — земледельцев и хлеботорговцев.

43. Количеством, разнообразием и великолепием зрелищ, которые он давал, он превзошел все бывшие до тех пор. Как сообщает он сам, он «четыре раза давал игры от своего собственного имени и двадцать три раза от имени других магистратов, которые либо отсутствовали, либо не имели для этого достаточных средств». Спектакли он устраивал иногда по городским кварталам, причем одновременно на многих сценах актеры разыгрывали пьесы на всевозможных языках. Гладиаторские бои он давал не только на форуме и в амфитеатре, но также в цирке и в Оградах[16] Марсова поля;

часто игры состояли только из травли диких зверей. Он устраивал также состязания атлетов на Марсовом поле, где для зрителей сооружались деревянные скамьи. Дал он и морское сражение, для которого был выкопан бассейн у Тибра, там, где теперь находится роща Цезарей. В дни игр и представлений по городу расставлялись караулы, дабы вследствие ничтожного количества остававшихся дома жителей имущество их не стало легкой добычей грабителей. В цирке выступали возницы, бегуны и зверобои, причем иногда эти роли брали на себя молодые люди знатнейших фамилий. Находя соответствующим старинному похвальному обычаю давать знатной молодежи случаи показывать народу свою ловкость, Август весьма часто устраивал также Троянскую игру, в которой участвовали отроки и юноши. На этих играх он однажды наградил золотым ожерельем Нония Аспрената, нанесшего себе увечье при падении, и разрешил ему и его потомкам принять прозвище Торквата[47]. Вскоре однако он прекратил эти игры, после того как оратор Азиний Поллион резко и ожесточенно напал на них в сенате по поводу несчастного случая со своим внуком Эзернином, который тоже сломал себе голень.

К участию в театральных представлениях и гладиаторских боях он привлекал иногда также римских всадников; правда, он делал это до специального сенатского запрещения. После же него он в этом роде устроил только одно публичное выступление некоего Люция, молодого человека из почтенной семьи, который при

росте менее двух футов и весе в семнадцать фунтов отличался огромной силы голосом. Однажды в день гладиаторского боя он приказал провести по арене напоказ публике парфянских заложников, только что им полученных, и затем посадил их во втором ряду позади себя. Если в Рим привозили что-либо необычайное и заслуживающее интереса, он также и вне назначенных для зрелищ дней выставлял эти вещи напоказ в каком-либо месте, как, например, носорога в Оградах на Марсовом поле, тигра на театральной сцене, змею, длиной в пятьдесят локтей, перед комицием.

Однажды во время цирковых игр, данных им во исполнение обета, ему по болезни пришлось вести процессию колесниц с богами, лежа на носилках; другой случай был с ним во время игр при освящении театра Марцелла: связи его курульного кресла разнялись, и он упал навзничь. Во время представления, которое давали его внуки, публику вдруг охватил страх, что театр обрушится. Все старания Августа успокоить зрителей и удержать их на местах оказались тщетны; тогда он покинул свое место и сел в той части здания, которая казалась особенно ненадежной.

44. Он уничтожил обычай занимать места на зрелищах произвольно, как кому заблагорассудится, и установил для этого определенные правила; поводом ему послужило оскорбительное обращение с одним сенатором, которому в Путеолах при многолюдных играх и чрезвычайной тесноте никто не захотел дать места. По его предложению сенат издал декрет, чтобы на

всяких зрелищах, где бы они ни давались, первый ряд мест был предоставляем исключительно для сенаторов; в Риме же Август запретил сидеть в орхестре послам свободных и союзных государств, ибо, как он обнаружил, среди них иногда оказывались вольноотпущенники. Военным он отвел места отдельно от народа: женатым людям из простого народа предоставил особые ряды, а молодым людям, еще не достигшим совершеннолетия, специальный сектор и поблизости от них посадил педагогов. Простонародью он запретил занимать в театре средние места. Женщинам он разрешил присутствовать на зрелищах исключительно в верхних рядах, даже на гладиаторских боях, где раньше они по традиции садились вперемежку с мужчинами. Только девам-весталкам он дал в театре особое место насупротив трибунала претора. Всему женскому полу доступ на состязания атлетов был воспрещен, и притом настолько строго, что однажды на играх, данных им в качестве великого понтифика, он перенес на следующий день состязание двух кулачных бойцов, которого у него потребовал народ, назначив его на раннее утро, и нарочно объявил публично, что «женщинам вход в театр ранее пятого часа воспрещается».

45. Сам Август любил смотреть цирковые игры, сидя в верхнем этаже домов своих друзей или вольноотпущенных, иногда же из пульвинара [48], имея с собою супругу и детей. Иногда он покидал спектакль на несколько часов, порою на целый день, причем просил у публики извинения и поручал кому-либо заменить

его в председательстве. Но уж если он присутствовал на спектакле, то не позволял себе заниматься чем-либо иным: то ли он хотел избежать неодобрительных о себе разговоров, как о своем отце, Цезаре, которого, как он помнил, упрекали за то, что во время спектакля он занимался чтением писем и бумаг и ответами на них, то ли его захватывала страсть к зрелищам и испытываемое наслаждение, которых он никогда не скрывал и в которых часто сознавался открыто. Поэтому и на тех гладиаторских боях и играх, которые устраивали другие, он часто жаловал щедрые подарки и награды из собственных средств и ни разу не присутствовал на греческих состязаниях без того, чтобы не отличить по заслугам кого-либо из участников. С величайшим удовольствием смотрел он кулачных бойцов, особенно латинских, притом не только профессионалов, дерущихся по правилам, которых он любил выставлять против греческих бойцов, но также и любителей из горожан, которые дрались стенкой в тесноте улиц, как попало и без всяких правил искусства. Наконец он удостоил своего попечения всех лиц, так или иначе причастных к устройству публичных зрелищ; так, он сохранил в силе и даже умножил привилегии атлетов, освободил гладиаторов от обязанности сражаться до последнего издыхания, лишил магистратов принадлежавшего им издревле права в любое время и в любом месте налагать на актеров дисциплинарные взыскания, ограничив его применение только временем игр и спектаклей. Все это однако не помешало ему и

состязания атлетов и бои гладиаторов подчинить самому строгому надзору. Распущенность актеров он наказывал весьма сурово; так, узнав, что один комический актер, Стефанион, имеет у себя в услужении римскую матрону, остриженную как мальчик, он приказал три раза подряд высечь его в театре и отправить в ссылку; мимического актера Гилу он по жалобе претора публично наказал розгами в атрии своего дома, а актера Пилада выслал из Рима и Италии за то, что тот со сцены указал пальцем и направил внимание публики на зрителя, его освиставшего.

46. Таковы были его мероприятия, относящиеся к городу Риму и городской жизни. Что касается Италии, то он увеличил ее население основанием двадцати восьми колоний и обогатил разнообразными общественными сооружениями и доходами от податей; в известном отношении он до некоторой степени сравнял ее в правах и значении со столицей благодаря введению особого способа подачи голосов, в силу которого декурионы [49] колоний, каждый у себя дома, подавали голоса за тех или других кандидатов на должности в Риме и ко дню выборов последних отсылали в Рим в запечатанных пакетах [50]. Он принимал меры к тому, чтобы повсюду не убывало число граждан более высокого ранга и чтобы в народе подрастало достаточно многочисленное молодое поколение; для первой цели он жаловал всадническое достоинство лицам, просившим о назначении на командные должности в коннице, если они представляли рекомендацию властей своего города;

для второй цели он во время своих поездок по Италии награждал тех людей из народа, которые, представляя ему своих сыновей и дочерей, доказывали их благонравие; на каждого из детей он давал по тысяче сестерциев.

47. Более важные провинции, управлять которыми через ежегодно сменяющихся магистратов было нелегко и небезопасно, он взял в собственное ведение; остальные же предоставил ведению проконсулов, распределявших их между собою по жребию. Впрочем, по временам он производил обмен некоторых провинций и неоднократно посещал лично многие провинции обеих категорий. Некоторые города, находившиеся с Римом в федеративном союзе, но по вине собственной распущенности быстро шедшие к упадку, он лишил автономии; наоборот, другим, страдавшим под бременем долгов, он пришел на помощь; некоторые он заново выстроил после землетрясения, а иным, доказавшим свои заслуги перед римским народом, даровал право латинского[51] или римского гражданства. Я думаю, не было провинции, за исключением Африки и Сардинии, которую он не посетил бы лично. Когда он снаряжался для переправы в эти провинции после бегства Секста Помпея, ему помешали непрерывные и чрезвычайно сильные бури, а позже для поездки туда не представилось ни предлога, ни причины.

48. Из государств, принадлежавших царям, которыми он овладел по праву войны, он лишь немногие сохранил за Римом, большинство же либо вернул их прежним владетелям, либо отдал чужеземным правителям. Царей, состоявших

с ним в союзе, он соединил между собою взаимными узами родства, как и вообще он охотно создавал и брал под свое покровительство родственные и дружеские связи. На всех этих царей он распространял свое попечение как на члены и части Римской империи; к малолетним или заболевшим психически он обычно приставлял регентов до той поры, пока они не вырастали или не выздоравливали; детям многих из них он давал воспитание и образование вместе с своими собственными детьми.

49. Из военных сил империи легионы и вспомогательные отряды он распределил по провинциям, а флот поставил частью у Мизена, частью у Равенны для охраны Верхнего и Нижнего морей [52]. Известное число солдат он назначил для охраны как города Рима, так и своей собственной особы. Отряды калагурританов и германцев он распустил. В качестве телохранителей первые служили ему до победы над Антонием, вторые — до поражения Вара. Он никогда не держал в городе более трех преторианских когорт [53], да и те не имели своего лагеря; прочие же когорты он обычно и на зиму и на лето рассылал по соседним городам. Всех военнослужащих, где бы и сколько бы их ни было, он в отношении службы и наград подчинил точному регламенту, в котором, сообразно чину каждого, были определены срок службы и материальное обеспечение при увольнении в отставку, дабы возраст или нужда после отставки не сделали их склонными к мятежу. А чтобы обеспечить постоянный и бесперебойный приток средств на расходы по их

содержанию и обеспечению, Август учредил военную казну с новыми источниками дохода.

Дабы возможно быстрее и без затруднений получать известия и сведения о том, что происходит в каждой провинции, Август расположил по военным дорогам, на небольших промежутках, сначала молодых людей, а позже специальные повозки. Казалось предпочтительнее иметь возможность также и лично расспросить о чем-либо нужном лиц, привезших откуда-либо письма.

50. Для запечатывания дипломов, бумаг и писем Август пользовался печатью, сначала с изображением сфинкса, позже — Александра Македонского, а под конец — с своим собственным изображением, резанным рукою Диоскурида; этой печатью любили пользоваться также и последующие принцепсы. Все свои письма он снабжал пометкой не только часа дня, но также и ночи, в котором они были написаны.

51. Есть много фактов, доказывающих его милосердие и терпимость в отношении граждан. Не говоря уже о том, скольким и каким лицам враждебного лагеря он даровал прощение и безопасность и сверх того позволил занять первостепенное положение в государстве, двух простых плебеев, Юния Новата и Кассия Патавина, он почел достаточным наказать, одного — денежным штрафом, другого — изгнанием на легких условиях; а между тем, первый, под именем юноши Агриппы, опубликовал в высшей степени грубое письмо о нем, второй же на многолюдном пиршестве объявил во всеуслышание, что он чувствует в себе достаточно желания

и мужества, чтобы заколоть Августа. На одном судебном следствии некоему Эмилию Элиану, уроженцу Кордовы, среди прочих преступлений вменялось в вину в особенности то, что он имел обыкновение дурно говорить о Цезаре; тогда, обратясь к обвинителю в сильном волнении, Август сказал: «Я хотел бы, чтобы ты доказал мне это; пусть Элиан знает, что и у меня есть язык, ибо я наговорю о нем еще больше». И с своей стороны он не стал более производить следствия, ни тогда, ни позже. Когда Тиберий в письме к нему тоже выражал свое негодование по этому же делу в более сильной форме, он ответил: «Не давай воли, дорогой мой Тиберий, твоему пылкому возрасту в этом деле и не слишком возмущайся тем, что кто-то дурно отзывается обо мне; с нас уже достаточно, если мы в состоянии не допустить, чтобы кто-нибудь причинил нам зло».

52. Хотя Август знал, что существует обыкновение посвящать храмы даже простым проконсулам, однако ни в одной провинции он не согласился на посвящение себе храма иначе, как совместно с богиней Ромой. В самом же Риме он упорно отвергал все попытки оказать ему эту почесть. Он приказал расплавить некогда поставленные ему серебряные статуи и на вырученные за них деньги посвятил Палатинскому Аполлону золотые треножники. Август отверг диктатуру, предложенную ему народом; при этом ему пришлось умолять народ на коленях, сбросив с плеч тогу и обнажив грудь.

53. Величание его «господином» в обращении к нему всегда коробило его, словно оскорби-

тельное и бранное слово. На одном спектакле, когда актер в его присутствии сказал фразу: «О, господин, справедливый и добрый!», вся публика, словно это было сказано о нем, восторженно выразила свое одобрение; он же немедленно жестами и выражением лица прекратил эту неуместную лесть, а на следующий день в эдикте высказал резкое порицание такому поведению народа. После этого случая он не терпел, чтобы даже дети или внуки всерьез или в шутку называли его господином; мало того, — даже в их тесном кругу он запретил употребление подобных лестных обращений. Для въезда в Рим или иные города и выезда из них он обычно нарочито выбирал вечернее или ночное время, чтобы никого не беспокоить проводами и встречами. Будучи консулом, он большею частью ходил по улицам пешком, когда же не отправлял этой должности, то часто показывался в публике в открытых носилках. Во время общих приемов он допускал к себе также и людей низкого звания, причем был чрезвычайно обходителен со всеми обращавшимися к нему; так, например, он однажды шутливо укорял одного посетителя за то, что тот подавал ему прошение так робко, «словно монету слону». В дни сенатских заседаний он всегда приветствовал сенаторов не иначе, как в самой курии, причем они оставались сидеть, он же называл каждого по имени без подсказывания, но по памяти. Равным образом, когда он, уходя, прощался с ними, они не вставали с мест. Со многими лицами он имел обыкновение обмениваться поздравительными визитами,

и он перестал посещать семейные праздники своих знакомых, только когда уже совсем состарился, в особенности после того, как однажды, попав на обручение, был сильно утомлен толпою гостей. Когда сенатор Гай Церриний, с которым он не был особенно близок, внезапно лишился зрения и намеревался воздержанием от пищи лишить себя жизни, Август явился к нему лично и утешениями вернул ему охоту к жизни.

54. Когда однажды он произносил речь в сенате, кто-то сказал ему: «Я не понял», а еще кто-то: «Я бы возразил тебе, если бы это было возможно». Иногда, когда он, раздраженный чрезмерными пререканиями спорящих, покидал курию, некоторые кричали ему вслед, что «сенаторам должно позволить свободно говорить о государственных делах». Во время пересмотра личного состава сената, когда один сенатор назначал другого, Антистий Лабеон назначил Марка Лепида, некогда бывшего врагом Августа, а в то время жившего в изгнании. На вопрос Августа, не найдется ли других, более достойных кандидатов в сенат, он ответил, что «каждый судит по-своему». Таким образом, ни независимость, ни строптивость ни на кого не навлекали опасности.

55. Его не смутили также распространенные в сенате направленные против него пасквили. Он не дал себе труда опровергать их или доискиваться их авторов и ограничился постановлением, чтобы впредь производилось следствие о лицах, под чужим именем издающих позорящие кого-либо пасквили или стихи.

56. Будучи раздражен язвительными и дерзкими насмешками некоторых лиц, он ответил на них в эдикте. Однако он запретил сделать какое-либо постановление против свободы, выраженной в завещаниях[51]. Всякий раз, когда он принимал участие в избирательных комициях, он обходил трибы вместе с рекомендуемыми им кандидатами и с торжественным видом просил избирателей об их поддержке. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин. Выступая свидетелем в суде, он с величайшим терпением отвечал на задаваемые вопросы и выслушивал опровержение своих показаний. Свой форум он сделал менее просторным, чем ему хотелось, ибо не решился отобрать участки у соседних домовладельцев. Никогда он не рекомендовал народу своих сыновей, без того чтобы не прибавить: «если они окажутся достойными». Он высказал резкое порицание по поводу того, что однажды, когда они носили еще отроческую тогу, при их появлении в театре вся публика поднялась и встретила их рукоплесканиями. Он желал, чтобы его друзья были людьми значительными и могущественными в государстве, но чтобы в то же время они имели равные права с прочими и наравне со всеми подлежали суду. Когда Ноний Аспренат, его близкий друг, защищался в суде против Кассия Севера по обвинению в отравлении, Август запросил сенат, «как понимает он его, Августа, обязанность в этом случае, ибо сам он находится в нерешительности, так как в случае его вмешательства в процесс могут подумать, что он избавил виновного от кары закона, а в случае

его воздержания скажут, что он оставил друга без защиты и обрек его на осуждение». С общего согласия он в течение нескольких часов просидел в суде на скамье, однако все время молчал и не дал даже обычного показания в пользу обвиняемого. Также и своим клиентам он оказывал помощь в суде, как, например, обвиненному в бесчинстве Скутарию, который в свое время служил у него сверхурочным добровольцем. Только однажды он избавил виновного от суда, да и то личными просьбами умилостив обвинителя в присутствии судей. Обвиняемый этот был Кастриций, который донес ему о заговоре Мурены.

57. Легко понять, какую любовь снискал он себе таким достойным поведением. Я оставляю в стороне сенатусконсульты[55], ибо они могут показаться вынужденными либо обстоятельствами, либо чрезмерной угодливостью. Но римские всадники добровольно и по общему уговору праздновали его рождение всегда два дня подряд. Ежегодно все сословия по обету за его здоровье бросали монеты в Курциево озеро[56]; равным образом в день нового года ему приносили юбилейный подарок на Капитолий, даже если он отсутствовал. Из накопившейся таким образом суммы он покупал весьма ценные статуи богов, которые ставил на различных улицах. Таковы статуи Аполлона Сандалиария, Юпитера Трагеда и другие. На восстановление его палатинского дома, уничтоженного пожаром, ветераны, декурии[57], трибы и, кроме того, отдельные жертвователи из прочих сословий охотно сносили деньги, кто сколько мог. Однако

он только прикоснулся к этим грудам денег и ни от кого не принял больше денария[58]. Когда он возвращался из поездок в провинции, его сопровождали не только счастливыми пожеланиями, но также пением гимнов в его честь. Соблюдался также обычай, что всякий раз, как он приезжал в Рим, в этот день никого не подвергали казни.

58. Почетный титул «отца отечества» был поднесен ему всем народом по единодушному согласию, возникшему как-то внезапно; с предложением этого титула плебс сначала отправил посольство в Анций; затем, так как Август отказался от него, предложение было повторено массой украшенного лаврами народа при появлении Августа в Риме на театральном представлении; наконец, то же было сделано в сенате, не по декрету и не общим криком, а через Валерия Мессалу. По общему поручению он обратился к Августу с такими словами: «Да будет во спасение и благое поспешение тебе и твоему дому, Цезарь Август! Это то же, что пожелать вечного благополучия республике и радости этому городу; сенат в согласии с народом римским приветствует тебя, как отца отечества». Август со слезами на глазах ответил на это такими словами, — я привожу их подлинностью, как и слова Мессалы: «Достигнув исполнения моих желаний, сенаторы, о чем ином могу я просить бессмертных богов, как не о том, чтобы мне было суждено это ваше согласие донести до последнего предела моей жизни?»

59. В честь врача Антония Музы, вылечившего Августа от опасной болезни, была по-

ставлена на добровольно пожертвованные деньги статуя рядом со статуей Эскулапа. Некоторые отцы семейств в завещаниях предписали наследникам отвести на Капитолий жертвенных животных и, согласно обету, заколоть их там в благодарность богам за то, что Август их пережил; при этом перед жертвенными животными должны были нести плакаты с оповещением о происходящем. Некоторые города Италии стали вести счет годов с того дня, когда он впервые посетил их. Многие из провинций, помимо храмов и алтарей, почти в каждом городе учредили в его честь игры, празднуемые через каждые пять лет.

60. Каждый из дружественных и союзных Риму царей основал в своем царстве город Цезарею, а все вместе постановили на общие средства достроить храм Зевса Олимпийского в Афинах, начатый в отдаленной древности, и посвятить его гению Августа. Часто эти цари, покинув свои владения, сопровождали его не только в Риме, но и в поездках по провинциям, и, сняв свои царские регалии, в простых тогах, ежедневно оказывали ему различные услуги, словно его клиенты.

61. Я рассказал, каков был Август как полководец и магистрат, как правил он государством на всем его пространстве во время войны и мира. Теперь я изложу его интимную, семейную жизнь, каковы были его нравы и судьба в домашнем кругу своих, от ранней юности до последнего дня жизни.

Матери он лишился во время первого своего консульства, а сестры Октавии — на пятьдесят

четвертом году жизни. Как при их жизни он относился к ним с чрезвычайно почтительной заботливостью, так и после смерти он оказал им величайшие почести.

62. Еще юношей он был обручен с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако, когда после первой распри с Антонием между ними произошло примирение, то по требованию солдат их обоих, желавших связать их узами родства, он женился на Антониевой падчерице — Клавдии, дочери Фульвии от Публия Клодия, едва достигшей брачного возраста. Однако после начавшихся раздоров с тещей Фульвией он отпустил Клавдию, не коснувшись ее и оставив девственницей. Позже он вступил в брак со Скрибонией, уже имевшей раньше двух мужей консуляров, а от одного из них и детей. С этой женой он тоже развелся, «будучи не в силах, — как он пишет, — переносить ее развращенность». Тотчас после развода он женился на Ливии Друзилле, которую беременной отнял у ее мужа Тиберия Нерона; ее он любил и ценил так, как никого, и с неизменным постоянством.

63. От Скрибонии он имел дочь Юлию; Ливия же, от которой ему всего более хотелось иметь детей, не принесла ему ни одного ребенка. Зачатый ею плод появился на свет незрелым. Юлию он сначала выдал замуж за Марцелла, сына своей сестры Октавии, едва вышедшего из отроческого возраста, а затем, после его смерти за Марка Агриппу, для чего упросил сестру уступить ему зятя: дело в том, что Агриппа был уже женат на Марцелле, одной

из дочерей Октавии, и имел от нее детей. Когда этот муж тоже скончался, Август долго и много раз подыскивал для дочери подходящую партию, также и среди лиц всаднического сословия, и, наконец, остановил выбор на своем пасынке Тиберии, причем принудил его дать развод своей жене, беременной уже вторым ребенком. Марк Антоний пишет, что Август в первый раз обещал Юлию его сыну, а затем Котизону, царю гетов, причем, в свою очередь, просил у царя руку его дочери.

64. От Агриппы и Юлии у Августа было три внука: Гай, Люций и Агриппа, и две внучки: Юлия и Агриппина. Юлию он помолвил за Люция Павла, сына цензора, а Агриппину — за Германика, внука своей сестры. Гая и Люция он усыновил у себя дома, купив их у отца через асс и весы[59], и с ранней юности стал приучать к занятиям государственными делами, а затем, в качестве назначенных консулов, отправил осматривать провинции и войска. Воспитание, данное им дочери и внучкам, было таково, что в круг их занятий входило даже умение ткать шерсть; он разрешал им говорить и делать только то, чего им не пришлось бы скрывать и что могло бы быть занесено в ежедневные ведомости[60]; он до того оберегал их от общения с посторонними, что однажды написал Люцию Виницию, знатному и благонравному молодому человеку, что «с его стороны было нескромностью явиться с визитом к его дочери в Байях». Внуков он большей частью сам учил чтению, письму и началам прочих знаний и в особенности старался, чтобы они

подражали его почерку. Если он обедал вместе с ними, то они сидели непременно на нижнем конце его ложа; а если брал их с собой путешествовать, то они либо ехали впереди в экипаже, либо верхом рядом с ним.

65. Однако его семейные радости и веру в будущее своего потомства и нравственные устои своего дома обманула судьба. Обеих Юлий, дочь и внучку, запятнавших себя всяческим развратом, он отправил в ссылку. Гая и Люция он потерял обоих в промежутке восемнадцати месяцев: первый умер в Ликии, второй — в Массилии. Третьего своего внука, Агриппу, а также пасынка Тиберия он усыновил на форуме в силу куриатного закона [61]; однако Агриппу, по причине низменных его наклонностей и дикого нрава, он вскоре отверг и сослал в Соррент.

Он гораздо терпеливее переносил утрату своих близких, нежели их бесчестие. Смерть Гая и Люция не сломила его в такой степени, как разврат дочери; о последнем он оповестил сенат не лично, а письменно, через квестора, и потом, мучимый стыдом, долго отказывался видеть людей и даже помышлял о наказании дочери смертью. По крайней мере, когда около этого же времени вольноотпущенница Феба, одна из соучастниц разврата Юлии, повесилась, он сказал, что «предпочел бы быть отцом Фебы». В ссылке он запретил Юлии употребление вина и всякий намек на комфорт, а чей-либо доступ к ней, будь то раб или свободный, разрешал лишь при том условии, чтобы предварительно испрашивалось его позволение; при

этом его должны были уведомлять о возрасте, росте, цвете лица этого человека, вплоть до особых примет и шрамов на теле. Только через пять лет он перевел Юлию с острова на материк и несколько смягчил ее режим. Но вымолить у него полное ее освобождение было совершенно невозможно, и много раз, когда народ неотступно просил его об этом, он в ответ, на сходках, желал просителям таких же дочерей и жен. Когда у его внучки Юлии уже после ее осуждения родился ребенок, он запретил признавать и кормить его. Агриппу, которого наказание ничуть не укротило и который, напротив, с каждым днем все более терял рассудок, он перевел на остров и сверх того держал под военным караулом. Специальным постановлением сената он назначил ему навсегда одно и то же место заключения. Когда же при нем упоминали об Агриппе или о Юлиях, он скорбно вздыхал и обычно произносил стих Гомера:

αἴθ' ὄφελον ἄγαμός τ' ἔμεναι ἄγονός τ' ἀπολέσθαι.[62]

Он не называл их иначе, как тремя своими чириями и раковыми опухолями.

66. Дружбу Август завязывал нелегко, но зато был в ней в высшей степени постоянен. Он не только достойно вознаграждал добродетели и заслуги своих друзей, но также переносил недостатки и проступки — разумеется, если они не переходили известных границ. Из всех его друзей едва ли найдется кто-либо, кого бы он подверг опале, за исключением двух людей, взятых им из низкого звания: Сальвидиена Руфа, которого он возвысил до консульства,

и Корнелия Галла, которого поставил префектом Египта. Первого, замышлявшего государственный переворот, он передал на осуждение сенату, второму же за его неблагодарность и зложелательство он запретил доступ в свой дом и в свои провинции. Когда доносы обвинителей и постановления сената довели Галла до самоубийства, Август, правда, одобрил верность лиц, с таким усердием вступившихся за него, но в то же время прослезился и посетовал на свою долю, сказав, что «лишь ему не разрешается в гневе на своих друзей соблюдать меру собственного желания». Прочие же его друзья до конца жизни процветали в могуществе и богатстве в качестве первых лиц сословий, к которым каждый из них принадлежал, хотя в взаимоотношениях его с ними и не обходилось без обид. Оставлю в стороне многое и скажу только, что Август хотел бы видеть в Марке Агриппе больше покладливости, а в Меценате — больше сдержанности на язык: действительно, Агриппа, без достаточного повода заподозрив Августа в охлаждении к себе и огорчаясь предпочтением, оказанным Марцеллу, покинул всех и все и удалился в Митилену, а Меценат раскрыл своей жене Теренции державшееся в тайне разоблачение заговора Мурены.

В свою очередь, он требовал от друзей взаимной привязанности, притом при смерти их в такой же степени, как и при жизни. До получения наследств Август был, правда, отнюдь не жаден и никогда не позволял себе принять что-либо по завещанию лица, ему неизвестного. Но к посмертному суду своих

друзей он относился с ревнивой щепетильностью и не скрывал своего огорчения, если кто-либо из них поминал его в завещании сухо или с недостаточным уважением: напротив, не скрывал радости, если о нем говорили с благодарностью и благоговением. Когда же свое имущество или часть его завещали ему люди семейные, он либо немедленно отказывался от него в пользу их детей, либо, если дети состояли еще под опекой, обычно возвращал им это имущество в день совершеннолетия или свадьбы, да еще и с добавлением от себя.

67. Как патрон и господин он был столь же строг, сколь доступен и милостив. Многих из своих вольноотпущенных он держал в чести и в теснейшей к себе близости, как, например, Ликина, Келада и других. Своего раба Косма, говорившего о нем весьма враждебно, он наказал только тем, что заключил в оковы. Его управляющий, Диомед, на прогулке в испуге бросил его на произвол судьбы, когда на них внезапно наскочил дикий кабан; Август предпочел обвинить его в робости, чем в злом умысле, и все это дело, весьма опасное для провинившегося, обратил в забавное происшествие, так как в поступке Диомеда не было зложелательства. Однако тот же Август одного из любимых своих вольноотпущенных, Пола, принудил лишить себя жизни, когда узнал, что тот соблазнял римских матрон. Своему писцу Таллу он велел перебить голени за то, что тот за взятку в 500 денариев выдал содержание его письма. Воспитатель и слуги его сына Гая во время болезни и смерти последнего позво-

лили себе притеснения и хищения в провинции; он приказал навязать им на шею тяжелый груз и утопить в реке.

68. В ранней юности о нем ходили различные позорящие его слухи. Секст Помпей говорил, будто он проституировал себя, как женщина; Марк Антоний утверждал, что усыновление Юлием Цезарем он купил именно этой ценой. Брат же Антония, Луций, рассказывал, будто он был лишен невинности Юлием Цезарем, а потом в Испании отдался Авлу Гирцию за триста тысяч сестерциев, а чтобы иметь на голенях мягкие волосы, будто бы опалял их горящей ореховой скорлупой. Более того,— однажды в день спектакля на сцене был произнесен стих о бившем в тимпан жреце Великой Матери:

Зришь, как мужеложник пальцем правит миром?

И весь народ принял этот стих с шумными одобрениями, как оскорбительный намек на Августа.

69. Даже его друзья не отрицают, что он соблазнял чужих жен, хотя и оправдывают его тем, что он делал это не из сластолюбия, но из политического расчета, желая через жен легче разузнавать о замыслах мужей. Помимо слишком поспешного брака с Ливией, Марк Антоний упрекал его еще в том, что он однажды увел жену консуляра из столовой ее мужа, в его присутствии, в спальню, а затем снова привел ее на пиршество, красную до ушей и с растрепанной прической; Скрибонии он дал развод

будто бы оттого, что она позволяла себе слишком откровенно жаловаться на влияние его наложницы; будто бы для него занимались сводничеством друзья, которые заставляли раздеваться догола и осматривали матерей семейств и взрослых девушек, словно их продавал работорговец Тораний.

70. Говорили также об устроенном им в строгой тайне ужине, который в публике называли δωδεκάθεος (ужином двенадцати богов). На нем гости возлежали костюмированные богами и богинями, сам же Август — в виде Аполлона. В этом его не только упрекает в своем письме Антоний, язвительно называющий также имена отдельных участников, но и следующие общеизвестные анонимные стихи:

Как только участники пира подыскали себе декоратора,
Пред Маллией тотчас же предстали шесть богов
и шесть богинь.
И в то время, как Цезарь кощунственно принимает
Фальшивый образ Аполлона и вводит новую моду
Изображать за ужином прелюбодеяния богов, все боги
Отвращают свои взоры от земли, и сам Юпитер
покидает свой золоченый трон.

Толки об этом ужине держались тем упорнее, что в то время население Рима по причине недостатка хлеба страдало от голода, а на следующий день раздавались крики, что «весь хлеб съели боги» и что «Цезарь — впрямь Аполлон, но Аполлон Мучитель». Под таким прозвищем чтили этого бога в одной части города.

Августа порицали также за его чрезмерное пристрастие к драгоценной утвари и коринфским вазам, а также за его страсть к игре в

кости. Так, во время проскрипций под его статуей кто-то написал: «Отец мой меняла, а я коринфских ваз любитель». Это был намек на то, что он внес в проскрипционные списки некоторых лиц, будто бы добиваясь принадлежавших им коринфских ваз. А позднее, во время сицилийской войны, ходила эпиграмма:

На море в битве дважды побежденный,
Флот потеряв, усердно мечет кости он,
Чтобы хоть в чем-нибудь победу одержать.

71. Из всех этих обвинений, обоснованных или лживых, он всего легче опроверг обвинение в мужеложстве благодаря чистоте своей жизни, и тогдашней, и последующей. Равным образом опроверг он и обвинение в пристрастии к роскоши, ибо и при взятии Александрии он из всей царской утвари удержал у себя только один мурриновый[63] кубок и вскоре обратил затем в слитки золотую посуду, находившуюся в повседневном употреблении. Сластолюбию же он предавался также и позже, особенно, как говорят, любил лишать невинности девушек, которых ему доставляли отовсюду, и даже стараниями его собственной жены. Разговоры об его страсти к игре в кости не смущали его ничуть, и он, ничтоже сумняшеся, открыто играл в свое удовольствие даже в старости, не только в декабре месяце[64], но и в другие дни, будь то праздник или нет. Сомневаться в этом не приходится, ибо в одном собственноручном письме к Тиберию он говорит: «Обедал я, дорогой мой Тиберий, все с теми же лицами. К обеду пришли еще Виниций и Силий-отец. За обедом

мы по-стариковски играли и вчера и сегодня; метали талы, и кто выбрасывал собаку или шестерку, тот за каждый тал клал в общую кучу один денарий, а кто выбрасывал Венеру, тот забирал их себе» [65]. В другом письме он пишет: «Праздник Квинкватр, дорогой Тиберий, мы провели недурно. Все дни мы сидели за игрой и изрядно нагрели игорную доску. За игрой брат твой таки задал крику. Впрочем, он проиграл, в общем, не так уж много, но сверх ожидания мало-по-малу выбрался из крупного проигрыша. Что до меня, то я потерял 20 000 сестерциев, но лишь по той причине, что по своему обыкновению проявлял в игре широкую щедрость. В самом деле, если бы я истребовал прощенные мною проигрыши или если бы оставил у себя то, что дал другим, я бы выиграл до пятидесяти тысяч. Но пусть будет лучше так. Ибо моя щедрость вознесет меня до небес». Своей дочери он пишет: «Я послал тебе двести пятьдесят денариев; столько я дал каждому из гостей, если бы они пожелали за обедом сыграть в кости или в чет и нечет».

72. В других отношениях его образ жизни был, как известно, в высшей степени воздержан и безукоризнен. Сначала он жил близ старого форума, над Лестницей золотых дел мастеров, в бывшем доме оратора Кальва. Позже он жил на Палатине, но все же в скромном доме Гортензия, который не отличался ни размерами, ни отделкой, а имел короткие портики из колонн альбанского камня и простые комнаты, не украшенные мрамором или мозаичным полом. Более сорока лет прожил он в той же

опочивальне, зимою и летом, хотя убедился на опыте, что зимою город неполезен для его здоровья и, тем не менее, постоянно проводил зиму в Риме. Когда он предполагал заняться каким-либо делом, так, чтобы соблюсти его в тайне или не быть потревоженным, то у него была особая комната наверху, которую он называл Сиракузами [66] или лабораторией. Он отправлялся туда или в подгородное имение кого-либо из вольноотпущенных. Когда он бывал болен, он леживал также в доме Мецената. Из загородных мест он в особенности часто проводил время на морском берегу и на островах Кампании или в близких к Риму городах, — Ланувии, Пренесте, Тибуре, где часто творил суд в портике храма Геркулеса. Август не любил обширных и роскошных загородных домов. Он даже велел сломать до основания дом, выстроенный с большими издержками его внучкой Юлией. Свои загородные дома, при всей их скромности, он не столько украшал статуями и картинами, сколько устраивал при них галлереи для прогулок и рощи и собирал в них предметы, замечательные древностью и редкостью; таковы в его доме на Капри огромные члены морских чудищ и зверей, которые считают костями гигантов, а также оружием героев.

73. О скромности его обстановки и домашней утвари еще и теперь говорят сохранившиеся после него ложа и столы, из которых многие едва ли удовлетворили бы вкус среднего обывателя. Говорят, что и спал он на низкой кровати с простым матрацем. Он избегал носить иную одежду, чем сшитую из домашней материи, из-

готовленной руками сестры, жены, дочери и внучек. Тогу он носил ни узко, ни широко, кайму имел средней ширины, а обувь его была с довольно высокими каблуками, дабы увеличить его настоящий рост. Должностную одежду и башмаки он держал всегда в своей опочивальне, чтобы иметь их под рукой для внезапного и непредвиденного случая.

74. Званые обеды устраивал он постоянно, всегда полные [67], а при подборе гостей весьма считался с их рангом и личными качествами. Валерий Мессала сообщает, что к его столу никогда не допускались вольноотпущенные, за исключением одного Мены; впрочем, этот последний за выдачу им флота Секста Помпея получил все права свободорожденного. Сам же Август пишет, что однажды, собираясь остановиться в деревенском доме одного человека, служившего у него раньше телохранителем, он пригласил его к своему столу. К столу он иногда являлся с запозданием, а иногда покидал его рано, причем гости в этих случаях садились кушать до его прибытия и оставались после его ухода. Обед он обычно давал из трех блюд, самое большее — из шести, и хотя с не слишком большими издержками, зато с величайшим радушием. Так, если кто из гостей сидел молча или тихо разговаривал с соседями, он вовлекал его в общую беседу, а также увеселял гостей выступлением чтецов, музыкантов, актеров или же народных паяцов, а чаще всего areталогов [68].

75. Дни праздников и торжеств он справлял, не жалея расходов, иногда же празднование их заключалось в одних забавных развлечениях,

В Сатурналии, да и в другие праздники, когда ему приходила охота, он раздавал либо подарки, как то одежду, золотые и серебряные вещи, либо монеты всевозможного чекана, в том числе и старинные царские и иностранные, иногда же всего только грубые материи из козьей шерсти, губки, кочерги и щипцы для камина или что-либо иное в этом роде, обычно с загадочными и двусмысленными надписями[69]. На пирах он устраивал также лотереи с выигрышами весьма неравной ценности, или продавал гостям картины, обратив их задней стороной, и такою игрою случая либо обманывал, либо исполнял ожидания покупателей, причем гости участвовали в аукционе группами за каждым отдельным столом, а затем делили поровну проигрыш или выигрыш.

76. Ел Август, — чтобы не обойти молчанием и эту тему, — чрезвычайно мало и был на этот счет невзыскателен. Больше всего он любил простой хлеб, мелкую рыбу, пресованный руками коровий сыр и свежие фиги с деревьев, приносящих в году двукратный сбор. Ел он и до обеда, не считаясь с часами и местом, когда чувствовал аппетит. Его подлинные слова в письмах гласят: «В повозке я поел хлеба и фиников». И опять: «Возвращаясь в носилках домой из регии[70], я съел немного хлеба и несколько твердокожих виноградин». И еще: «Даже еврей не соблюдает так строго субботнего поста, дорогой Тиберий, как я соблюдал его сегодня: только в бане, через час после захода солнца, я крохотку пожевал перед растиранием». Таким образом, не соблюдая определенных часов

для еды, он иногда либо закусывал до начала общей трапезы и во время нее не прикасался ни к одному блюду, либо кушал один, уже после ухода гостей.

77. Вина он пил чрезвычайно мало по природному к нему равнодушию. Корнелий Непот рассказывает, что в лагере под Мутиной он за обедом прикладывался к стакану не более трех раз; позже, даже когда он позволял себе пить особенно много, он ограничивался только шестью секстариями[71], в противном же случае принимал затем рвотное[72]. Всего более любил он ретийское вино; впрочем, не за едой пил вообще редко. Вместо вина он глотал либо кусочки хлеба, намочив их в холодной воде, либо ломтик огурца, либо стебелек латука, либо свежее или сушеное яблоко, сок которого отзывался вином.

78. После полдника Август имел обыкновение немного прилечь, не раздеваясь, в башмаках, покрыв ноги и заслонив глаза ладонью. После же обеда он укладывался на кушетку, служившую ему для ночной работы, и оставался на ней до глубокой ночи, пока не заканчивал текущие дела, либо полностью, либо в главном. Отсюда он перебирался в свою постель, но спал большею частью не дольше семи часов, да и то не кряду, но просыпаясь в течение всего этого времени раза три-четыре. Если после такого перерыва он, как это порой случалось, не мог снова заснуть, то призывал чтеца или рассказчика и тогда снова засыпал, часто до рассвета. Впотьмах он не мог бодрствовать один, но всегда возле него сидел кто-нибудь. Он очень не лю-

бил вставать рано, и если ему приходилось слишком рано быть при исполнении какой-либо обязанности или религиозного обряда, то он, чтобы себя не беспокоить, ночевал по соседству у кого-либо из близких лиц. Все же и в этом случае его клонило ко сну, и пока его несли по улицам или ставили носилки на землю он от времени до времени снова засыпал.

79. Был он очень хорош собою и во все возрасты жизни весьма привлекателен, хотя вовсе не занимался своей наружностью; в уходе за волосами был столь небрежен, что давал их спешным порядком стричь сразу нескольким цырюльникам, а бороду то стриг, то брил, и одновременно с этим делом либо читал что-нибудь, либо даже писал. Говорил ли он или молчал, лицо его сохраняло выражение такого спокойствия и ясности, что один гальский магнат, как он сам сознался своим соотечественникам, под невыразимым впечатлением этого спокойствия отказался от своего намерения столкнуть его в пропасть; дело происходило при переходе через Альпы, причем галл под вымышленным предлогом разговора с Августом шел с ним рядом. Глаза у него были светлые и блестящие, и ему хотелось, чтобы в их выражении находили какую-то сверхъестественную силу, так что он радовался, когда кто-либо под его пронизительным взором, словно под ослепительными лучами солнца, опускал свой взгляд. Однако в старости левый глаз его стал видеть хуже. Зубы у него были редкие, мелкие и нечистые, волосы — слегка вьющиеся и рыжеватые, брови сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой

и внизу довольно острый, цвет лица — смугловатый. Ростом он был мал (впрочем, вольноотпущенный Юлий Марат в своих мемуарах определяет его в пять и три четверти футов), но этот недостаток скрывала стройность и соразмерность его членов, так что заметить его можно было только по сравнению с рядом стоящим более рослым человеком.

80. Тело, как передают, было у него в пятнышках, по груди и животу было покрыто родинками, видом, расположением и числом напоминавшими созвездие Медведицы, а также затрубениями кожи, образовавшимися от зуда на теле и вследствие постоянного и усердного употребления скребка во многих местах превратившимися в расчесы, напоминающие лишаи [73]. Тазобедренный сустав, бедро и голень его левой ноги были слабее, чем правой, так что часто он даже прихрамывал; в качестве лечебного средства для укрепления их он употреблял горячие песочные ванны и корсеты из тростника. Кроме того, в указательном пальце правой руки он чувствовал иногда такую слабость, что, когда этот палец от холода закоченевал и скрючивался, он с трудом мог писать им, вставив его в роговое кольцо. Жаловался он также на боли в мочевом пузыре, которые исчезали только после выхода мелких камешков при мочеиспускании.

81. В течение своей жизни Август несколько раз переносил тяжкие и опасные болезни. Особенно серьезно хворал он после покорения Кантабрии, когда, доведенный до отчаяния просачиваниями [74] в печени вследствие ее пораже-

ния он по необходимости применил обратный и рискованный способ лечения, а именно: так как горячие компрессы не помогали, то он, по предписанию врача Антония Музы, стал употреблять холодные.

Некоторые его недуги повторялись ежегодно в определенное время: около дня рождения он большею частью чувствовал недомогание, в начале весны страдал от вздутия живота, а в период южных ветров — от насморка. При столь расстроенном здоровьи он с трудом переносил холод и жару.

82. Зимою он помимо плотной тоги кутался еще в четыре туники, шерстяные нагрудник и фуфайку, на голенях и бедрах носил обмотки наподобие штанов и чулок. Летом он спал в опочивальне с открытыми настежь дверьми, а часто и в перистиле[75] подле фонтана, и вдобавок его обмахивали опахалом. Солнца он не переносил даже зимою, а потому также и дома гулял на открытом воздухе только в шляпе. Свои путешествия он совершал в носилках большею частью по ночам, медленно и короткими переходами, так что до Пренесте или Тибура добирался в целых два дня. Если же куда-нибудь можно было попасть морским путем, то предпочитал его. При своем слабом здоровьи он все же поддерживал его, и особенно тем, что редко мылся в бане; зато чаще натирал тело и потел у огня, затем обливался теплой или нагретой на сильном солнце водой. Когда же для лечения нервов требовались горячие морские или альбульские ванны[76], он ограничивался тем, что, сидя в деревянной ванне, которую

сам называл испанским термином «дурета», попеременно делал движения руками и ногами.

83. Полевые упражнения в езде верхом и владении оружием он прекратил тотчас после окончания гражданских войн и сначала перешел на игру в мяч, причем играл как плотным мячом, так и надутым, а потом только прогуливался верхом или пешком, причём, пройдя определенное расстояние, всякий раз делал несколько прыжков, завернувшись в кожаное или полотняное покрывало. Для отдыха от умственной работы он либо занимался ужением рыбы, либо играл в кости, в камешки или орехи с ребятишками-рабами, коих детский лепет и хорошенькие лица доставляли ему большое удовольствие; таких он набирал отовсюду, особенно среди мавров и сирийцев; напротив, к карликам, горбунам и прочим в этом роде он питал отвращение, как к какому-то посмешищу природы и чему-то зловещему.

84. Занятию красноречием и свободными науками он с ранней юности предавался с величайшей ревностью и прилежанием. Говорят, что во время мутинской войны, несмотря на подавляющее количество дел, он ежедневно читал, писал и упражнялся в декламации. Начиная с этого времени, он ни к сенату, ни к народу, ни к солдатам никогда не обращался иначе, как с заранее обдуманной и составленной речью, хотя и не был лишен способности говорить без подготовки в непредвиденных случаях. А чтобы не зависеть от каприза своей памяти и не терять времени на заучивание, он взял за правило говорить речи по записке. Также и разговоры

с отдельными лицами, даже со своей женой Ливией на более важные темы, он вел, предварительно записав свои слова и читая их по записке, дабы в зависимости от обстоятельств не сказать слишком много или слишком мало. Он говорил приятным, каким-то особенным голосом и усердно занимался с учителем правильного произношения; но временами, когда чувствовал слабость в горле, обращался к народу с речами через глашатая.

85. Он написал много прозаических произведений различного содержания, из коих некоторые читал в кругу близких лиц, как бы перед аудиторией, например «Ответ Бруту о Катоне». Это сочинение он прочитал уже стариком и, закончив значительную его часть, утомленный, передал для дальнейшего чтения Тиберию. Другие его произведения — «Поощрение к занятию философией» и нечто «О своей жизни»; последнее он написал в тринадцати книгах и довел только до кантабрской войны. Поэзией Август занимался лишь слегка. Он написал только одну книгу гекзаметром; ее тема — Сицилия, каковое название она и носит. Есть еще другая, тоже небольшая книга — «Эпиграммы», которую он почти всю сочинил во время мытья в бане. Он с большим рвением принялся было еще за трагедию «Аякс», однако уничтожил ее, так как стиль ему не удавался, и когда друзья спрашивали, как обстоят дела с «Аяксом», он отвечал, что «его Аякс пал на губку» [77].

86. В манере речи он придерживался изящества и простоты, избегая пустых и блестящих фраз и «противного запаха, — как он выра-

жался, — устарелых выражений». Особенно старался он как можно яснее выражать свои мысли. Чтобы легче достигнуть этого и не запутывать или задерживать внимание читателя или слушателя, он, не колеблясь, ставил перед словами предлоги и умножал союзы, ибо, если их не ставить, то слог, хотя и выигрывает в гладкости, зато делается несколько темнее. Стилистов напыщенных и подражателей старине он равно презирал за их разнородные недостатки, а иногда и пробирал их, в особенности своего друга Мецената, коего «надушенные завитушки», как он выражается, он постоянно преследует и высмеивает, шутливо их пародируя. Не щадил он и Тиберия, искавшего иногда вышедших из употребления и забытых выражений. А Марка Антония он порицает, как сумасброда, который пишет так, чтобы люди более удивлялись ему, нежели его понимали. Затем, высмеивая его дурную и прихотливую в выборе выражений манеру, он прибавляет: «И ты колеблешься, кому тебе подражать: Цимберу ли Аннию или Веранию Флакку, чтобы пользоваться выражениями, взятыми Саллюстием Криспом из Катоновых «Начал» [78]? Или лучше тебе следует перенести в нашу речь бессмысленное пустословие азиатских ораторов?» Восхваляя в одном письме хорошие задатки своей внучки Агриппины, он говорит: «Тебе надлежит стараться говорить и писать вразумительно».

87. В обычной речи, как видно из его писем, некоторые выражения он употреблял особенно часто, другие же — своеобразно: так, намекая на лиц, от которых нечего ждать уплаты долга,

он часто говорит, что «они заплатят в греческие календы [79]»; убеждая довольствоваться настоящим, каково бы оно ни было, он говорит: «будем довольны этим Катоном [80]»; желая выразить, с какою поспешностью что-либо сделано, он говорит: «быстрее, чем спаржа сварилась». Вместо «дурак» он постоянно говорит «болван», вместо «черный» — «темный», вместо «рехнувшийся» — «без винта в голове», вместо «плохо себя чувствовать» — «киснуть», вместо «быть вялым» — он говорит «глядеть свеклой», а не «скапуститься», как принято в просторечии. Равным образом он говорит simus вместо sumus и в родительном падеже единственного числа — domos вместо domus. Эти две формы он никогда не употреблял иначе, дабы кто-либо не подумал, что это ошибка, а не привычка.

Также и в его почерке я заметил следующую особенность: он не разделяет слов и не уместившиеся на конце строки буквы не переносит на начало следующей строки, но подписывает тут же и обводит чертою.

88. Орфографию, т. е. установленные грамматиками норму и способ писания, он соблюдал не слишком и, повидимому, следовал мнению тех, которые считают, что писать нужно так, как говорить. Ибо, если он зачастую изменяет или выпускает не буквы только, но и целые слоги, то это является ошибкой, свойственной вообще людям. Я не обратил бы на это внимания, если бы мне не показалось удивительным то, что рассказывали о нем некоторые, а именно, что он отставил одного легата, бывшего консула, за его невежественность и безграмот-

ность, ибо заметил, что тот вместо ipsi написал ixi. Когда Август писал шифром, то вместо A писал B, а вместо B — C и так далее, по этому же правилу; вместо же X он ставил двойное A.

89. Он имел также большую склонность к греческому языку и литературе и в занятиях ими обнаружил большие успехи под руководством учителя красноречия Аполлодора Пергамского, которого, несмотря на его преклонные годы, еще юношей взял с собою также и в Аполлонию. Затем он приобрел разнообразные познания благодаря близкому общению с философом Ареем и его сыновьями, Дионисием и Никанором. Все же он не достиг умения бегло говорить по-гречески и не решался самостоятельно писать на этом языке; в случае необходимости он писал сначала по-латыни и затем давал кому-либо сделать перевод. Тем не менее, он был хорошо знаком с греческой поэзией, ценил в особенности древнюю комедию и заставлял часто ставить ее на сцене. При чтении греческих и латинских авторов ничто не интересовало его в такой степени, как наставления и примеры, полезные для общественной и частной жизни; он делал соответствующие дословные выписки из текста и сообразно тому, кому какое надлежало сделать напоминание, посылал их своим домашним, а также командирам войск, правителям провинций и городским магистратам. Даже целые произведения прочитывал он сенату, а народу делал ссылки на них в эдикте, как, например, на речи Квинта Метелла о размножении потомства и Рутилия о правилах домостроения; этим он хотел доказать, что не он

первый возбуждает внимание к обоим вопросам, но что уже для древних они были предметом попечения.

Он всячески поощрял литературные таланты своего века; с сочувствием и неослабным вниманием выслушивал их чтение своих произведений, не только поэтических и исторических сочинений, но также речей и диалогов. Однако он не любил, чтобы ему посвящали хвалебные произведения, разрешал это только самым выдающимся поэтам, по серьезным поводам, и просил преторов не позволять на состязаниях поэтов трепать его имя.

90. В области религии и суеверия Август, как рассказывают, проявлял себя следующим образом. Гром и молния нагоняли на него такой страх, что против них он всегда и всюду имел при себе шкуру морского теленка, а при малейших признаках приближения сильной грозы удалялся в укрытое помещение со сводами. Этот страх был следствием потрясения, пережитого при ночном ударе молнии, о котором мы рассказывали выше[81].

91. Он придавал большое значение снам, как своим, так и чужим, поскольку они относились к нему. В битве при Филиппах он, будучи болен, решил было не выходить из своей палатки, однако, под влиянием сна своего друга, все же вышел. То было его счастье, ибо по взятии лагеря враги, думая, что он все еще лежит в постели, искололи и изрубили палатку в куски. Сам он обыкновенно каждой весной неоднократно видел страшные сны, впрочем ложные и несбывавшиеся, в остальные же времена

года сны бывали реже, зато сбывались чаще. Когда он стал часто посещать им же посвященный на Капитолии храм Юпитера Громового, ему приснилось, будто другой Юпитер, Капитолийский, жаловался, что он лишает его почитателей, и будто он, Август, отвечал ему, что Юпитера Громового он назначил ему в привратники. Поэтому он вскоре приказал повесить на фронтоне нового храма колокольчики, ибо они обычно висели у входных дверей. Под влиянием одного ночного сновидения он ежегодно в определенный день даже стал просить милостыню у римского народа, протягивая пустую руку за подаваемыми ему ассами.

92. Некоторые приметы и предзнаменования он считал безусловно верными; если утром башмак надевали ему не на ту ногу, т. е. левый вместо правого, то в его глазах это предвещало что-нибудь недоброе; если в день, назначенный им для дальнего путешествия по суше или по морю, выпадала роса, это считалось у него признаком скорого и благополучного возвращения. В особенности же производили на него впечатление необычайные явления природы. Когда перед его домом из щели в соединении двух камней появился росток пальмы, он перенес его в комплувий[82] к богам-пенатам и всячески заботился, чтобы росток принялся. На острове Капри усыхавшие и опустившиеся к земле ветви древнего ясеня при его прибытии внезапно ожили; он так обрадовался этому событию, что выменял у Неаполитанской республики этот остров на остров Энарию. Он соблюдал также дни известные и остерегался отправляться в

дорогу на другой день после нундин [83] или начинать серьезное дело в ноны [84]; в последнем случае, как он говорит в письме к Тиберию, его удерживало от этого неблагозвучное название дня.

93. Что касается иноземных религиозных обрядов, то, поскольку древние и давно установленные он почитал, постольку же к прочим относился с презрением. Получив в Афинах посвящение в мистерии, он впоследствии производил в Риме судебное разбирательство о привилегии жрецов Аттической Цереры; при этом речь зашла о некоторых вещах, державшихся в тайне; тогда Август удалил судей и публику и выслушал спорящие стороны один. Напротив, во время поездки по Египту он не пожелал сделать в пути небольшой крюк ради того, чтобы увидеть Аписа, а впоследствии похвалил своего внука Гая за то, что тот, проезжая по Иудее, не совершил жертвоприношения в Иерусалиме.

94. Раз уж я заговорил на эту тему, то я кстати расскажу о происшествиях, имевших место как задолго до его рождения, так и в самый его день и непосредственно после, из чего можно было усмотреть будущее его величие и неизменное счастье. Еще в древности в Велитрах молния ударила в стену, и по поводу этого было дано объяснение, что гражданин этого города со временем станет владыкой мира. Полагаясь на это предсказание, велитринцы сейчас же вслед за ним, а также и позже, стали вести войны с римским народом почти до полной своей погибели; лишь впоследствии результат

показал, что вышеназванное явление природы предвещало могущество Августа.

По словам Юлия Марата, за несколько месяцев до рождения Августа в Риме на улице произошло чудесное явление, которое возвещало, что природа произведет на свет царя римскому народу; сенат в страхе постановил, чтобы никому из родившихся в этот год не было дано надлежащего воспитания; однако лица, жены которых были беременны, в надежде, что предсказание относится к ним, постарались, чтобы постановление сената не вступило в силу.

В книгах «О богах» Асклепиада из Мендеса я прочел, что однажды Атия для присутствия на торжественном богослужении Аполлону вошла в полночь в его храм; поставив в нем носилки, она заснула, пока прочие матроны тоже спали; внезапно к ней вполз дракон и немного спустя выполз и скрылся; она же, проснувшись, омылась, словно после сношения с мужем. Тотчас же на ее теле появилось пятнышко, похожее на рисунок дракона; Атия ничем не могла вытравить его, так что, в конце концов, совсем перестала посещать публичные бани. На десятом месяце у нее родился Август, и потому он считался сыном Аполлона. Той же Атии перед родами приснилось, словно ее внутренности возносятся до небесных светил и развертываются по всему пространству земли и неба. Также и отец Августа, Октавий, видел во сне, что из чрева Атии появился луч солнца.

В день его рождения в сенате шли дебаты о заговоре Катилины, и Октавий, задержанный родами жены, несколько опоздал на заседание:

тогда, как известно, Публий Нигидий, узнав о причине его промедления и о том, в какой час произошли роды, заявил, что родился будущий владыка вселенной. Позднее, когда Октавий вел войско по глухим местам Фракии, то в священной роще Вакха с помощью местных обрядов он старался узнать будущую судьбу своего сына. Жрецы подтвердили ему предсказание Нигидия на том основании, что, когда на алтарь было налито чистое вино, то вспыхнуло такое сильное пламя, что, поднявшись выше фронтона храма, оно устремилось до самого неба. Подобное знамение было послано только Александру Македонскому, когда он приносил жертву на этом же алтаре. Также и в следующую ночь он увидел во сне своего сына ростом более человеческого, с молнией и скипетром и в облачении Лучшего и Величайшего Юпитера, в короне из лучей, сидящего на увенчанной лаврами колеснице, везомой шестью парами лошадей ослепительной белизны. А у Гая Друза мы читаем, что еще во младенчестве кормилица положила его однажды вечером в колыбели на ровном месте; на следующее утро его не нашли на этом месте, и только после долгих поисков он был, наконец, найден на очень высокой башне лежащим лицом к солнечному восходу.

Когда он только еще начал говорить, он однажды в подгородном имении своего деда приказал замолчать лягушкам, и с тех пор, как говорят, лягушки там не квакают. Однажды он завтракал в роще у четвертого мильного камня Кампанской дороги. Внезапно орел выхватил у него из руки хлеб и, поднявшись на огромную

высоту, а затем, так же внезапно спустившись медленно вниз, вернул ему хлеб.

Квинт Катул после посвящения им Капитолия две ночи подряд видел сны: в первую ночь ему чудилось, что Лучший и Величайший Юпитер, вокруг алтаря которого играло несколько отроков, выбрал одного из них и в его пазуху положил печать республики, которую держал в руке; в следующую ночь Катул увидел на коленях у Капитолийского Юпитера того же мальчика; когда он приказал снять его с колен, то бог воспретил ему, сказав, что мальчик воспитывается у него как будущий попечитель римской республики. На следующий день Катул встретил Августа, которого вообще не знал; вглядевшись в него, он с удивлением заявил, что он имеет чрезвычайное сходство с приснившимся ему мальчиком. Первый сон Катула некоторые рассказывают иначе, а именно: будто бы много отроков просили себе у Юпитера опекуна; Юпитер указал на одного из них и велел им обращаться к этому мальчику с своими пожеланиями; затем, погладив мальчика по лицу, он поцеловал его.

Однажды Марк Цицерон, сопровождая Цезаря на Капитолий, рассказывал присутствовавшим тут же друзьям сон, который он видел в предшествующую ночь: мальчик с благородными чертами лица был на золотой цепи спущен с неба и стал у ворот Капитолия, а Юпитер передал ему бич; затем внезапно появился Август, которого до тех пор почти никто не знал и которому его дед Цезарь велел явиться к жертвоприношению. Тогда Цицерон объявил, что

это тот самый мальчик, которого он видел во сне.

Когда Август в первый раз надевал тогу взрослого, то его туника с широкой каймой расстегнулась на обоих плечах и упала к его ногам. Нашлись лица, которые объяснили, что этот случай означает не что иное, как то, что сословие, отличием которого является широкая кайма [85], когда-нибудь попадет к нему в подчинение.

Божественный Цезарь, разбивая лагерь близ Мунды, вырубал лес; он приказал оставить в целости найденное в лесу пальмовое дерево как предзнаменование победы. От пальмы тотчас же пошел отросток и в несколько дней так вырос, что не только сравнялся со старой пальмой, но и покрыл ее своими ветвями; на нем завелось также множество голубиных гнезд, хотя этот вид птицы вообще избегает деревьев с жесткой и грубой листвой. Говорят, что в особенности это предзнаменование побудило Цезаря выбрать себе в преемники не кого иного, как внука своей сестры.

Во время своего уединенного пребывания в Аполлонии Август совместно с Агриппой посетил обсерваторию астролога Теогена. Когда Агриппа, который первый спрашивал о себе, получил многообещающие и почти невероятные предсказания, Август скрыл час своего рождения и ни за что не хотел его сказать, из самолюбивого опасения, как бы ему не оказаться незначительнее Агриппы. Когда однако после многих увещаний он неохотно и нерешительно дал о себе сведения, Теоген вскочил и с благоговением склонился перед ним. После этого Ав-

густ возымел такую веру в свою судьбу, что разгласил небесные знаки, сопровождавшие его рождение, и выпустил серебряную монету с изображением Козерога, под которым он был рожден.

95. Когда после убийства Цезаря Август возвратился из Аполлонии, то при вступлении его в Рим, при ясном и чистом небе, вокруг солнца появился круг наподобие радуги и тотчас вслед за тем в гробницу Цезаревой дочери Юлии ударила молния. Когда он при вступлении в первое консульство, согласно обычаю, наблюдал вещий полет птиц, то ему, как некогда Ромулу, явились двенадцать коршунов, а во время жертвоприношения у всех животных печени оказались в нижней части завернутыми кнутри, так что все сведущие люди сошлись между собою в том, что это означало счастливые и великие предзнаменования.

96. Так же и исход всех войн узнавал он заранее. Когда войска триумвиров были собраны у Бононии, то орел, севший на его палатку, поразил и поверг на землю двух воронов, напавших на него с обеих сторон. Отсюда все войско поняло, что когда-нибудь между коллегами произойдет раздор, каковой на самом деле и последовал, и уже теперь угадало его исход. При Филиппах предстоящую победу предсказал некий фессалиец, извещенный об этом божественным Цезарем, который появился ему на глухой и безлюдной дороге.

Во время осады Перузии жертвоприношения однажды оказались неблагоприятными, и Август велел привести новых животных; враги, сделав

внезапную вылазку, унесли с собою все принадлежности жертвоприношения; тогда гаруспики пришли к согласному решению, что все опасное и несчастливое, что было возвещено тому, кто приносил жертву, должно теперь обратиться на тех, кто захватил внутренности. Так именно и вышло. Накануне морского сражения в Сицилии, когда он прогуливался по берегу, из моря выпрыгнула рыба и осталась лежать у его ног. Когда он шел к войскам перед самым сражением при Акции, ему навстречу попался осел с погонщиком; имя погонщика оказалось Евтихий, а осла — Никон [86]. После победы Август поставил бронзовое изображение их обоих в храме, который соорудил на прежнем месте своего лагеря.

97. Также и его смерть, о которой речь будет потом, а равно и его обожествление после смерти стали известны заранее благодаря очевидным знамениям. Когда он при огромном стечении народа совершал на Марсовом поле торжественные очистительные жертвы, то вокруг него несколько раз облетел орел и затем, перелетев на соседнее здание, сел над первой буквой имени Агриппы. Заметив это, он поручил своему товарищу по должности [87], Тиберию, произнести по обычаю обет на следующее пятилетие; ибо, хотя этот обет уже был написан на табличках и мог быть произнесен им, однако, он отказался взять на себя то, чего ему не суждено было выполнить. Около этого же времени ударом молнии была уничтожена первая буква его имени в надписи на его статуе; это было истолковано так, что ему остается жить только сто дней,— ибо именно это число означает буква С, — и что

после этого он будет принят в число богов, ибо «aesar» (т. е. оставшаяся в надписи часть его имени) означает по-этрусски «бог».

Он намеревался отпустить Тиберия в Иллирик, а сам хотел проводить его до Беневента, но многие лица, обращавшиеся к нему за решением все новых судебных процессов, задерживали его этим судопроизводством. Тогда он воскликнул, что «если даже все станет его задерживать, он более не останется в Риме». Также и эти слова позже были приняты за предвещание. Отправившись в путь, он доехал до Астуры. Отсюда, вопреки своему обыкновению, он еще с ночи выехал на корабле, чтобы не упустить попутного ветра. Тут он заболел поносом, который явился началом его последнего недуга.

98. Объехав берег Кампании и ближайших островов, он провел четыре дня на Капри, в настроении духа, склонном к покою и веселому времяпрепровождению.

Случайно он плыл вдоль Путеольского залива как раз в тот момент, когда туда только что прибыл корабль из Александрии. Пассажиры и матросы в белых одеждах и с венками на головах приносили в жертву ладан, осыпали его благопожеланиями и превозносили до небес: только-де, по его милости они живут, по его милости путешествуют по морю, по его милости пользуются свободой и своим имуществом. В высшей степени обрадованный этим, Август роздал своим спутникам по сорок золотых и взял со всех и каждого клятву и ручательство, что полученные деньги они истратят только на покупку александрийских товаров. Но и потом

несколько дней подряд он делал различные подарки и, между прочим, дарил тоги и плащи, причем было условлено, чтобы римляне одевались и говорили по-гречески, а греки — по-римски. Он усердно посещал также упражнения греческих юношей, разные виды которых еще сохранялись на острове Капри как старинный греческий обычай. Он устроил для них также угощение, на котором присутствовал сам, причем не только была допущена, но и поощрялась свобода веселых шуток, расхищение фруктов, лакомств и других бросаемых гостям подарков. Словом, Август предавался всем видам удовольствий.

Соседний с Капри остров он называл Апрагополем (город праздных), на том основании, что его спутники предавались на нем ничегонеделанию. Одного из своих любимцев, Масгабу, он еще раньше имел обыкновение называть по-гречески «Ктистом», т. е. основателем этого острова. Когда он увидел из своего триклиния [88], что большая толпа со множеством светильников находится у могилы Масгабы, умершего за год перед тем, он громким голосом произнес тут же сложенный им по-гречески стих:

κτίστου δὲ τύμβον εἰσορῶ πυρούμενον [89].

При этом, обратившись к одному из свиты Тиберия, по имени Тразиллу, возлежавшему за столом против него и не посвященному в суть дела, он спросил его, какому поэту, по его мнению, принадлежит этот стих. Когда тот затруднялся ответить, он прибавил еще один стих:

Ὁρᾷς φάεσσι Μασγάβαν τιμώμενον;

и спросил его также и об этом стихе. Когда тот в ответ сказал только, что, чьи бы эти стихи ни были, они великолепны, Август громко захохотал и рассыпался в шутках. Потом он переехал в Неаполь, хотя уже тогда болел животом, причем болезнь то усиливалась, то ослабевала. Тем не менее, он до конца досмотрел гимнастические состязания, дававшиеся каждые пять лет в его честь, и сопровождал Тиберия до назначенного места. Но на обратном пути вследствие ухудшения болезни он, наконец, слег в постель в Ноле. Он отозвал Тиберия назад и долго пробыл с ним наедине в тайной беседе, а после этого уже не занимался никаким серьезным делом.

99. В день своей кончины он неоднократно спрашивал, заметна ли уже тревога за него в народе. Он потребовал зеркало и велел причесать себе волосы и привести в приличный вид свое исхудавшее лицо. Затем он спросил пришедших к нему друзей, «как думают они, хорошо ли он провел свою роль в комедии жизни» и прибавил тут же заключительный стих:

Ἐπεὶ δὲ πάνυ καλῶς πέπαισται
δότε κρότον, καὶ πάντες ἡμᾶς μετὰ χαρᾶς προπέμψατε [91].

Затем он отпустил всех. В это время кто-то прибыл из Рима; он спросил о здоровьи больной дочери Друза и в этот момент испустил дух на руках у Ливии со словами: «Ливия, помни о нашей общей жизни и прости».

Судьба послала ему легкую кончину, какую он всегда себе желал. Ибо всякий почти раз, когда он слышал, что кто-либо умер быстро и без

страданий, он высказывал и себе и своим близким пожелание такой же *εὐθανασί* [92] — он и слово обычно употреблял именно такое. Только один раз перед кончиной обнаружились у него признаки помрачения рассудка: он внезапно почувствовал страх и стал жаловаться, что его тащат какие-то сорок юношей. Также и это было скорее предчувствием, нежели ослаблением рассудка, поелику его действительно вынесли к народу сорок преторианцев.

100. Август скончался в той же спальне, что и его отец Октавий, в консульство Помпея и Аппулея, которые оба носили имя Секст, 19 августа [93], в девятом часу дня, имея от роду без тридцати пяти дней семьдесят шесть лет.

Его тело декурионы муниципиев и колоний перенесли из Нолы до самых Бовилл; по причине жаркого времени года его несли по ночам, а на день ставили в базилике или в главном храме каждого лежавшего по пути города. В Бовиллах его тело приняли всадники всем сословием, внесли в Рим и поставили в вестибюле его дома.

По поводу его торжественных похорон и увековечения памяти сенаторы во взаимном соревновании дошли до такого усердия, что среди прочих предложений некоторые полагали необходимым, чтобы погребальная процессия шла через триумфальные ворота, чтобы впереди несли взятую из курии статую Победы, а траурные песни пели мальчики и девочки из знатнейших фамилий; другие предложили, чтобы в день похорон сенаторы и всадники сняли золотые кольца и надели железные, а некоторые счи-

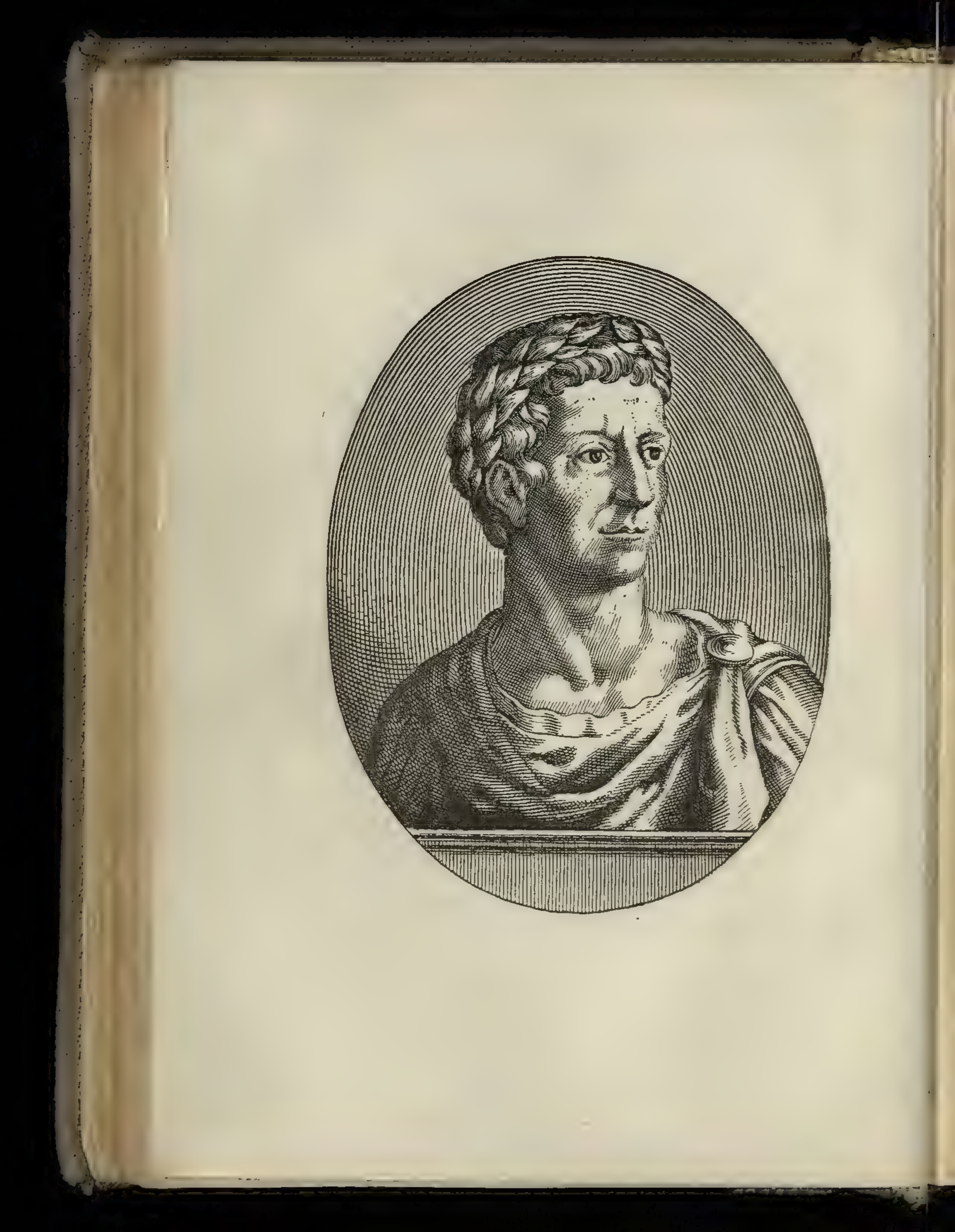
тали необходимым, чтобы после сожжения тела кости были собраны жрецами высших коллегий. Нашелся сенатор, который советовал перенести название месяца в его честь с августа на сентябрь, ибо в последнем месяце он родился, а в первом — умер. Другой сенатор предложил, чтобы весь период времени от дня его рождения и до кончины был назван веком Августа и под таким именем был внесен в фасты [94]. Однако в почестях, ему оказанных, была соблюдена известная мера. Похвальное слово ему было произнесено дважды: во-первых, Тиберием перед храмом Божественного Юлия и, во-вторых, Друзом, сыном Тиберия, перед старыми рострами. Вынесен был он на Марсово поле на плечах сенаторов и ими же сожжен. Нашелся некий бывший претор, который клятвенно заявил, что видел, как образ сожженного Августа вознесся к небесам. Прах его собрали первые лица всаднического сословия, босые и одетые в одни туники без пояса, и похоронили его в Мовзолее. Август воздвиг это здание в год своего шестого консульства между Фламиниевой дорогой и берегом Тибра и уже в то время передал государству окружающие рощи и место прогулок, предназначенные для пользования народа.

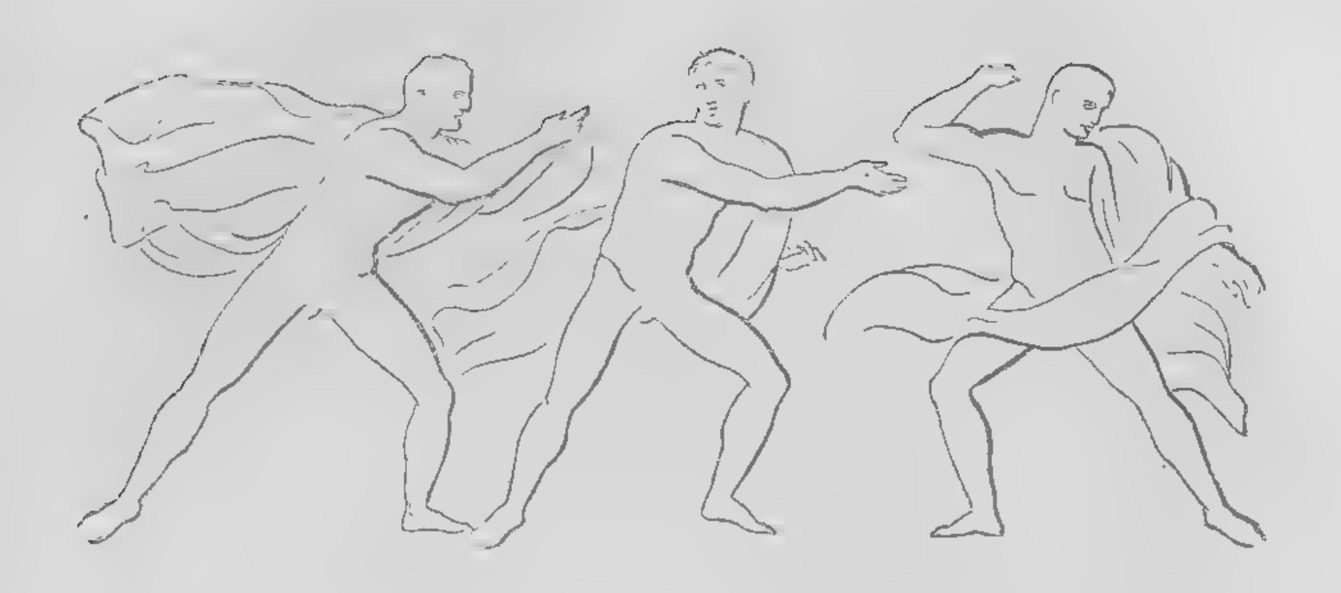
101. Завещание было составлено им 3 апреля, в консульство Луция Планка и Кая Силия, за год и четыре месяца до смерти: оно состояло из двух частей, написанных частью его собственной рукой, частью рукою вольноотпущенных, Полибия и Илариона, и было положено на хранение у дев-весталок. Они представили его

вместе с тремя другими таким же образом запечатанными свитками. Все это было вскрыто и прочтено в сенате. Первыми наследниками он назначил: Тиберия — в половинной и шестой частях, Ливию — в третьей части. Обоим он приказал принять свое имя [95]. Вторыми наследниками — Тибериева сына Друза — в третьей части, а в остальных частях — Германика и трех его детей мужского пола. Наследниками третьей степени он назначил многих родственников и друзей. Римскому народу он завещал сорок миллионов сестерциев, трибам — три с половиной миллиона, преторианцам — на каждого по тысяче сестерциев, солдатам городских когорт — по пятисот, легионерам — по триста. Эту сумму он приказал выплатить наличностью, ибо она была отложена отдельно и всегда хранилась в его казне. Прочие суммы он завещал в разном размере и некоторые довел до 20 000, для уплаты которых назначил годовой срок; в извинение отсрочки он ссылался на небольшой размер своего состояния и объявлял, что его наследникам достанется только 150 миллионов сестерциев, хотя за последние двадцать лет он, по завещаниям друзей, получил 1400 миллионов сестерциев. Почти всю эту сумму, вместе с обоими отцовскими имениями и прочими наследствами, он истратил на государство. Обеих Юлий, дочь и внучку, он после их смерти запретил хоронить в своей гробнице. Из трех упомянутых выше свитков один содержал предписания касательно его похорон, другой — перечень его деяний, который он поручил вырезать на медных досках и поставить перед Мавзолеем, третий — ведомость всей импе-

рии, сколько и где стояло войск, сколько имелось денег в эрарии, фиске[96] и в недоборах податей. Он прибавил также имена вольноотпущенных и рабов, от которых можно было потребовать отчета.

ТИБЕРИЙ





1. Патрицианский род Клавдиев — был также и плебейский род Клавдиев, не менее могущественный и знаменитый,— происходил из сабинского городка Регилл. Оттуда этот род с огромным количеством клиентов переселился в Рим. Случилось это либо вскоре после основания Рима по побуждению Ромулова соправителя — Тита Тация, либо, согласно более точным известиям, приблизительно на шестом году после изгнания царей, по инициативе главы рода — Атты Клавдия. Род был принят в число патрицианских и сверх того получил от государства землю за рекой Анио для поселения на ней клиентов и участок у подножия Капитолия для погребения. В течение последующего времени представители этого рода двадцать восемь раз занимали консульство, пять раз — диктатуру, семь раз — цензуру, имели шесть триумфов и две овации. Они носили различные собственные имена и отличительные прозвища, но имя Люция, по общему согласию, было исключено из рода Клавдиев, после того как два его члена, носившие это имя, были уличены, один в грабеже, а другой в убийстве. Среди прочих прозвищ им было

принято и прозвище «Нерон», которое на сабинском языке значит «храбрый и предприимчивый».

2. За Клавдиями числится множество великих заслуг, однако по отношению к государству они позволили себе также многое совсем иное. Упомяну только важнейшие из этих деяний. Аппий Клавдий Цек некогда отсоветовал заключить союз с царем Пирром как вредный для государства[1]. Клавдий Каудик первый переправился с флотом через Сицилийский пролив[2] и изгнал карфагенян из Сицилии. Тиберий Нерон уничтожил явившегося из Испании с огромной армией Аздрубала[3], не дав ему соединиться с его братом Аннибалом. С другой стороны, Клавдий Регилльский, будучи децемвиром для составления законов[4], побуждаемый нечистой страстью, попытался насильно присвоить себе свободную девушку, как свою рабыню, каковое покушение явилось причиной нового разрыва плебеев с патрициатом и удаление их из Рима. Клавдий Друз поставил у Аппиева Форума[5] свою статую с царской диадемой на голове и сделал попытку с помощью своих клиентов захватить власть в Италии[6]. Клавдий Пульхр в Сицилии бросил в море вещих кур, которые во время гадания не пожелали клевать корм, выказав этим свое презрение к религии, причем сказал такие слова: «Пусть пьют, коли не хотят есть». После этого он вступил в морское сражение. Он был разбит и получил от сената приказ назначить диктатора; тогда опять, словно издеваясь над критическим положением государства, он назначил своего курьера Глицию[7].

Равно различны в этом роде также и примеры

женщин; в самом деле, к одному и тому же роду принадлежали и та Клавдия, которая стащила с мели застрявший в Тибре корабль с священным изображением Идейской матери богов, во всеуслышание помолившись: «Да следует за мною сей корабль лишь в том случае, если я соблюдала свое целомудрие»[8], и та Клавдия, которая — случай для женщины неслыханный — подверглась обвинению в оскорблении величества римского народа за то, что, с трудом продвигаясь в экипаже сквозь густую толпу, громко заявила: «Хорошо бы, если бы воскрес мой брат Пульхр и еще раз потерял в сражении флот; тогда бы в Риме черни стало поменьше». Кроме того, всем и каждому известно, что, за исключением одного лишь Публия Клодия, который, ради того чтобы изгнать из Рима Цицерона, путем усыновления перешел в семью ничтожного плебея, к тому же младше его возрастом, все Клавдии были всегда настоящими оптиматами и, как никто другой, отстаивали достоинство и влияние патрициев; по отношению к плебсу они были до того буйны и строптивы, что никто из них, даже будучи обвинен в преступлении, за которое грозила смертная казнь, не унизился до того, чтобы надеть траурную одежду или умолять народ о снисхождении. Некоторым из них в ссоре и перебранке случалось наносить побои народным трибунам. Из этого же рода одна дева-весталка, когда ее брат без позволения народа праздновал триумф, взошла вместе с ним на колесницу и проводила его до самого Капитолия, дабы ни один из трибунов своей интерцессией не мог воспретить ему триумф[9].

3. Из этого-то рода происходил Тиберий Цезарь, и притом с обеих сторон: по отцовской линии от Тиберия Нерона, по материнской — от Аппия Пульхра, которые оба были сыновьями Аппия Цека. Он принадлежал также и к семье Ливиев, ибо дед его по матери вошел в нее путем усыновления. Хотя род Ливиев и был плебейским, однако он тоже достиг замечательного расцвета, получив высшие почести в виде восьми консульств, двух цензур, трех триумфов и даже одной диктатуры и начальничества конницей. Прославили его также и замечательные мужи, а всего более Ливий Салинатор и Ливии Друзы. Салинатор, будучи цензором, объявил всем трибам порицание за легкомыслие, ибо, осудив его, Салинатора, после его первого консульства и наложив на него пеню, они, тем не менее, вторично избрали его в консулы, а затем в цензоры. Друз, убив в поединке неприятельского вождя Дравза, получил от этого свое прозвище, которое и передал потомству. Говорят, что, будучи пропретором, он вернул в Рим из Галльской провинции золото, данное некогда сенонам во время осады Капитолия и, вопреки преданию, не отнятое у них Камиллом. Его правнук за свои чрезвычайные услуги против Гракхов получил прозвание «покровителя сената»; после него остался сын [10], который в подобных же гражданских раздорах строил различные политические планы и был вероломно убит противной партией.

4. Отец Тиберия, Нерон, в качестве квестора Гая Цезаря командовавший флотом в александрийской войне, весьма много содействовал одер-

жанию победы. За это он был назначен понтификом на место Публия Сципиона и послан в Галлию для вывода колоний, в том числе Нарбоны и Арелата. Тем не менее, после убиения Цезаря, когда все сенаторы из боязни новых смут постановили считать это деяние как бы не бывшим, он подал голос даже за то, чтобы убийцам тирана была назначена награда. Затем он исполнял должность претора, и, когда на исходе его года начался раздор между триумвирами, он остался в должности сверх законного срока и, примкнув к Люцию Антонию, брату триумвира, последовал за ним в Перузию; когда прочие сдались Августу, он один остался в рядах враждебной партии и спасся сначала в Пренесте, а оттуда в Неаполь, где безуспешно пытался призвать рабов к свободе, и, наконец, бежал в Сицилию. Однако, возмущенный тем, что Секст Помпей заставил его ждать личной аудиенции и запретил ему иметь при себе ликторов, он переправился в Ахайю к Марку Антонию. Вскоре, по заключении общего мира, он возвратился вместе с ним в Рим. Здесь по просьбе Августа он уступил ему свою жену Ливию Друзиллу, в то время беременную и уже раньше принесшую ему одного сына. Вскоре за тем он скончался, оставив после себя двух сыновей: Тиберия и Друза Неронов.

5. Некоторые полагали, что Тиберий родился в Фундах [11], лишь на том, вовсе недостаточном основании, что бабка его по матери была уроженкой Фунд и что впоследствии, согласно постановлению сената, там была на государственный счет поставлена статуя богине Благоден-

ствия. Однако большинство авторов, и притом более надежных, передают, что он родился в Риме, на Палатине, 16 ноября, в консульство Марка Эмилия Лепида, вторичное, и Луция Мунация Планка, во время филиппийской войны [12]. Так же значится и в фастах и в официальных ведомостях. Однако, есть и такие авторы, которые датируют его рождение то годом раньше, в консульство Гирция и Пансы, то годом позже, в консульство Сервилия Исаврика и Луция Антония.

6. Его детство и отрочество протекли среди невзгод и испытаний, и он был неразлучным спутником родителей повсюду в их невольных скитаниях. У Неаполя, когда они при внезапном появлении врагов тайно бежали на корабль, он дважды едва не выдал их своим плачем: первый раз, когда его отняли от груди кормилицы, второй раз — когда его поспешно взяли с рук матери спутники, желавшие для ускорения бегства освободить женщин от ноши. Его возили с собою также по Сицилии и Ахайе и передали на общественное попечение лакедемонянам, состоявшим клиентами рода Клавдиев; на возвратном пути оттуда он однажды ночью едва не погиб, когда в лесу вдруг начался пожар и огонь так тесно окружил ехавших вместе с ним, что у Ливии оказались частью обгоревшими одежда и волосы. Еще до сих пор существуют подарки, которые он получил в Сицилии от Помпеи, сестры Секста Помпея: хламида и застежки, а также золотые буллы: их показывают в Байях. После возвращения в Рим он был по завещанию усыновлен сенатором Марком

Галлием и вступил в наследство, однако потом отказался носить имя Галлия, ибо последний принадлежал к враждебной Августу партии. В возрасте девяти лет он произнес похвальное слово над гробом отца перед рострами. Затем, уже юношей, во время триумфа после актийской победы он сопровождал колесницу Августа, сидя верхом на левой пристяжной, в то время как сын Октавии Марцелл ехал на правой. Он руководил также городскими играми, участвовал в Троянской игре в цирке, причем был предводителем турмы мальчиков старшего возраста.

7. В жизни Тиберия после его совершеннолетия, в годы молодости и последующие годы до самого принципата, можно отметить в общем следующее.

Один раз давал он гладиаторские бои в память своего отца, другой раз в память деда Друза, в различное время и в различных местах: первый раз на форуме, второй раз в амфитеатре, причем на них выступали также и выслужившие отставку гладиаторы за жалованье в сто тысяч сестерциев. Он давал также и игры, но заочно; все это он устраивал с большою пышностью на средства своей матери и вотчима.

Он женился на Агриппине, дочери Марка Агриппы, внучке римского всадника Цецилия Аттика, известного перепиской с ним Цицерона; от нее у него родился сын Друз, и хотя он жил с нею в полном ладу и она забеременела вторично, он был принужден развестись с нею и тотчас вступить в брак с Юлией; для него это был настоящий удар, ибо к Агриппине он питал глубокую привязанность, а поведение

Юлии осуждал, так как чувствовал, что еще при первом муже она была непрочь вступить с ним в связь, о чем знали также и в обществе. Развод с Агриппиной еще и позднее причинял ему скорбь, а однажды, случайно встретившись с нею, он проводил ее долгим взглядом, полным такой тоски, что после этого старались всячески предупреждать возможность новой его встречи с нею. С Юлией он жил первоначально в согласии и взаимной любви, но затем между ними произошел разрыв, и настолько серьезный, что он стал постоянно спать отдельно от нее, после того как их сын, залог взаимной связи, родившийся в Аквилее, умер еще младенцем. Своего брата Друза он потерял в Германии [13]; его тело он провожал до Рима, всю дорогу идя пешком впереди погребальной процессии.

8. К первым опытам выполнения общественных обязанностей относится его защита царя Архелая, траллийцев [14] и фессалийцев, в их различных процессах, разбирательство которых вел сам Август. Он выступал в сенате ходатаем за граждан Лаодикеи, Тиатиры и Хиоса, которые претерпели землетрясение и умоляли о помощи; он привлек к суду за оскорбление величества Фанния Цепиона, составившего вместе с Варроном Муреной заговор против Августа, и добился его осуждения. Среди этих дел он выполнял два правительственных поручения: во-первых, заведывание снабжением столицы в связи с недостатком продовольствия и, во-вторых, ревизию по всей Италии помещений для рабов, коих владельцы возбудили против себя всеобщее возмущение тем, что скрывали в них не только

захваченных насильно путников, но и тех людей, которых страх военного набора приводил в подобного рода убежища.

9. Военную службу он начал в походе против кантабров в качестве военного трибуна, а затем, отправившись во главе войска на Восток, восстановил Тиграна на престоле Армении и перед своим трибуналом возложил ему на голову царскую диадему. Он же принял от парфян знамена, отнятые ими у Марка Красса. После этого в течение почти года он управлял Коматской Галлией [15], тревожимой как набегами варваров, так и внутренними раздорами местной знати. Затем он вел войны в Реции и Винделикии [16], позже в Паннонии [17], а еще позже в Германии [18]. В ретийской и винделикийской войнах он покорил альпийские народы, в паннонской — бревков и далматов, а в германской — привел в Галлию сорок тысяч пленников и поселил их близ берега Рейна, в отведенных для них местах жительства. В награду за эти деяния он вступил в город с овацией и на колеснице, с триумфальными украшениями, которых, как думают некоторые, он удостоился первый — новый и еще никем не полученный вид почести.

Магистратуры он начал занимать ранее обычного срока [19] и прошел их одну за другой почти без перерыва — квестуру, претуру и консульство. Через некоторое время он был вторично избран в консулы и получил также трибунскую власть на пять лет [20].

10. В таких-то счастливых обстоятельствах, в цвете лет и здоровья Тиберий внезапно принял решение покинуть Рим и подальше уеди-

питься от житейской суеты. Трудно сказать, было ли этому причиной то, что он тяготился женой, которую он не смел ни обвинить, ни отвергнуть и в то же время более не переносил, или он хотел избегнуть докуки, которую могло бы причинить другим его постоянное присутствие, и своим удалением сохранить в их глазах собственный вес или даже увеличить его к тому времени, когда государству могли бы понадобиться его услуги. Некоторые полагают, что, когда дети Августа выросли, он добровольно уступил им второе место в государстве, которое вследствие долгого обладания им стало как бы его собственностью, следуя в этом примеру Марка Агриппы, который после привлечения к государственным делам Марка Марцелла удалился в Митилену, чтобы не подумали, будто своим присутствием он преграждает ему дорогу или умаляет его значение. Именно этот мотив приводил и он сам, правда уже позже. Но в то время он попросил отставки, ссылаясь на усталость от государственной деятельности и необходимость отдыха от трудов; он не уступил ни мольбам своей матери, ни вотчиму, который даже жаловался в сенате на то, что Тиберий бросает его одного. Когда его попробовали удержать упорным отклонением просьбы, он четыре дня воздерживался от пищи. Когда он получил, наконец, разрешение удалиться, он тотчас же уехал в Остию, не сказав ни слова никому из провожавших его и лишь немногих облобызав при расставании.

11. От Остии он поплыл вдоль берега Кампании; здесь он на некоторое время задержался.

получив весть о нездоровьи Августа. Но когда стали все настойчивее говорить, будто он медлит на случай осуществления своих высших надежд, он чуть что не в бурю отплыл в Родос, который пленил его прелестью и здоровым климатом еще тогда, когда он побывал в нем на обратном пути из Армении. Здесь он обзавелся скромным домом и не более роскошной подгородной виллой и повел жизнь вполне частного человека, ходил иногда на прогулку в гимназии без ликтора или прислужника и общался с греками, почти как равный с равными.

Как-то, распределяя утром занятия своего дня, он объявил, что хотел бы посетить всех больных в городе. Окружающие неправильно поняли его слова, и был дан приказ, чтобы всех больных отнесли в общественный портик и разложили по роду болезней. Озадаченный неожиданным оборотом дела, Тиберий долго не знал, как ему быть, и, наконец, обошел всех больных, извиняясь за случившееся даже перед людьми самыми маленькими и неизвестными. Был отмечен только один единственный случай, в котором он проявил свою трибунскую власть: усердно посещая школы и аудитории профессоров, он как-то вмешался в резкий спор, поднявшийся между противоположными партиями софистов; но тут нашелся один, который напал на него с бранью за его будто бы пристрастие к противной стороне. Тиберий спокойно отправился домой и затем внезапно появился с судебными приставами, вызвал через глашатая ругателя к своему трибуналу и приказал заключить его в тюрьму.

Затем он узнал, что его жена Юлия осуждена за распутство и прелюбодеяния и что по приказанию Августа ей от его имени дан развод. Хотя эта весть и обрадовала его, он однако почел своим долгом сделать все, что было в его силах, чтобы неоднократными письмами вымолить у отца прощение дочери и предоставить ей все, что он сам когда-либо подарил ей, как ни мало она того заслуживала. Когда окончился срок его трибунской власти, он, наконец, признался, что единственной целью добровольного изгнания было избегнуть подозрения в соперничестве с Гаем и Люцием Цезарями; так как, по его словам, на этот счет он был теперь совершенно спокоен, ибо Гай и Люций уже возмужали и легко могут сохранять свое второе после Августа место, то он просил, чтобы ему было позволено снова вернуться к своим близким, по которым он стосковался. Однако он не только не получил желаемого позволения, но и выслушал такое наставление: «Пусть он отложит попечение о своих близких, которых в свое время так настойчиво стремился покинуть».

12. Итак, против собственной воли он остался в Родосе, причем хлопотами матери ему едва удалось добиться того, чтобы, для замаскирования наложенной на него опалы считалось, будто бы он не находится при Августе в виду возложенной на него миссии.

С этих пор он стал вести себя не только как частный человек, но и как человек приниженный и полный страхов: он удалился во внутреннюю часть острова и старался уклонять-

ся от знаков внимания со стороны проезжавших лиц, которые во множестве являлись к нему, ибо всякий, кто отправлялся куда-либо с военным или гражданским служебным назначением, непременно заезжал в Родос. Были у него также мотивы для более серьезных опасений. В самом деле, когда он явился в Самос, чтобы повидаться с своим пасынком Гаем, назначенным верховным правителем Востока, он почувствовал со стороны последнего какую-то холодность и недоверие, вызванные наветами Марка Лоллия, спутника и руководителя Гая. Возникло даже подозрение, что некоторым обязанным ему своим служебным назначением центурионам, возвращавшимся из отпусков к месту службы, он дал какие-то двусмысленные поручения ко многим их товарищам, как казалось, желая таким путем испытать их отношение к возможности правительственных перемен. Когда Август известил его об этом подозрении, он стал неотступно просить, чтобы к нему был прислан человек какого угодно ранга в качестве наблюдателя за его поступками и словами.

13. Он отказался также от верховой езды и занятий фехтованием, которым обычно предавался, снял традиционный римский костюм и стал носить исключительно греческий плащ и сандалии. Так он прожил почти два года, с каждым днем все более возбуждая к себе презрение и ненависть. Дело дошло до того, что жители Немауза[21] удалили из общественных мест его бюсты и статуи, а однажды на одном интимном обеде у Гая Цезаря, когда зашел разговор о нем, нашелся человек, который пред-

ложил хозяину, что стоит ему пожелать, и он тотчас отправится в Родос и привезет ему голову «изгнанника» (таково было прозвище Тиберия). Теперь уже не собственные только страхи, но явная опасность побудила его, как личными своими просьбами, так и неотступными мольбами матери, выхлопотать себе возвращение, чего он и достиг, в значительной степени благодаря помощи случая. Август уже раньше постановил не принимать по этому делу никакого решения, не согласуясь с волею старшего своего сына; а этот в то время был случайно настроен против Марка Лоллия и потому оказался весьма доступен просьбам в пользу вотчима. Итак, с разрешения Гая он был отозван в Рим, однако под условием воздерживаться от всякого участия в государственных делах.

14. Он возвратился в Рим на восьмом году после своего удаления[22], полный великих и верных надежд на будущее, которые с младенческих лет внушили ему знамения и предсказания.

Когда Ливия была беременна им и по всяким предзнаменованиям старалась узнать, родит ли она мальчика, она вынула из-под наседки яйцо и, чередуясь со своими служанками, нагревала его рукою, пока из него не вылупился цыпленок с порядочным гребешком. В младенчестве он получил блестящие предсказания от астролога Скрибония, что он даже когда-либо будет царствовать, не имея отличий царской власти; последнее понятно, так как в то время не имели еще представления о характере власти Цезарей. Когда он начал свой первый поход в качестве полководца и вел войско в Сирию через Ма-

кедонию, то произошло следующее: близ Филипп посвященные некогда жертвенники победоносных легионов внезапно сами собой засверкали огнями. Позднее, направляясь в Иллирик, он посетил оракул Гериона[23] близ Патавия, где жребием ему было указано для получения ответа на интересующие его вопросы бросить золотые талы в источник Апона; оказалось, что брошенные им талы показали высшую цифру; до сих пор их можно видеть под водой. За несколько дней до его отозвания в Рим орел, птица на Родосе вообще никогда невиданная, сел на самый верх крыши его дома. А накануне получения им вызова, когда он менял одежду, то показалось, что туника его как бы охвачена огнем. Тогда он в особенности убедился в проницательности астролога Тразилла, которого он держал при себе в качестве учителя мудрости; ибо Тразилл утверждал, что показавшийся в виду корабль несет ему радость. Это произошло в тот самый момент, когда они оба гуляли вместе, и Тиберий собрался было столкнуть его в море как обманщика, неосторожно посвященного в его тайны, ибо перед тем его дела приняли неблагоприятный и совершенно противный предсказаниям Тразилла оборот.

15. Вернувшись в Рим, он представил народу на форуме своего сына Друза по случаю его совершеннолетия и тотчас за тем переселился из своего дома в Каринах[24], некогда принадлежавшего Помпею, на Эсквилин в сады Мецената и повел тихую жизнь, поддерживая только частные отношения и воздерживаясь от государственных дел.

В течение ближайшего трехлетия Гай и Люций оба сошли в могилу, и тогда Тиберий был усыновлен Августом одновременно с третьим братом покойных, юношей Марком Агриппой, причем предварительно он должен был усыновить Германика, сына своего брата. С этих пор он уже ни в чем не вел себя как независимый домохозяин и не старался удержать хотя бы часть прав, утраченных им при усыновлении. Так, он не сделал никакого дарения, не произвел ни одного отпуска на волю, ни разу не принял наследства или отказанного ему имущества иначе, как признавая принятое им как бы полученным от отца. С этих пор не было упущено ничего для вящшего возвышения его особы, особенно после того, как Агриппа был отвергнут и сослан, и стало ясно, что Тиберий становится единственным наследником.

16. Он снова получил трибунскую власть на пять лет, был отправлен для умиротворения Германии, и, когда явившиеся в Рим послы парфян выполнили возложенное на них поручение у Августа, им было предложено посетить также и его в провинции. Когда же пришла весть о восстании Иллирии, он отправился туда для ведения этой новой войны, которая оказалась самой тяжкой из всех внешних войн Рима после войн с Карфагеном. Он вел ее в течение трех лет[25], командуя тридцатью легионами и таким же количеством вспомогательных войск, среди великих затруднений всякого рода и величайшей нужды в продовольствии. И хотя ему приходилось часто отлучаться с театра войны, он, тем не менее, настойчиво продолжал

ее, боясь, как бы находящийся близко по соседству и могущественный враг не начал, в случае отступления римлян, собственного энергичного наступления на них. Его настойчивость была вознаграждена по заслугам, ибо весь Иллирик, находящийся между Италией, Нориком, Фракией, Македонией, рекой Дунаем и Адриатическим морем оказался усмиренным и приведенным к покорности.

17. Его слава получила еще больший блеск вследствие своевременности победы. Ибо приблизительно в то же время Квинтилий Вар с тремя легионами погиб в Германии, и никто не сомневался, что победители-германцы соединились бы с паннонцами, если бы уже раньше иллирийская война не была окончена. За эти подвиги Тиберию был присужден триумф и многие великие почести. Некоторые предлагали даже дать ему прозвище Паннонского, другие — Непобедимого, третьи — назвать его Пием[26]. Однако Август высказался против этих прозвищ, обещав, что Тиберий останется доволен тем, которое ему предстоит получить после его, Августа, смерти. Тиберий сам отложил свой триумф по случаю государственного траура в связи с поражением Вара[27]; тем не менее, он вступил в город в пурпуровом плаще и лавровом венке, взошел на воздвигнутый в Оградах[28] трибунал, окруженный стоящими сенаторами, и занял место рядом с Августом посреди обоих консулов; затем, принеся приветствие народу, он в сопровождении присутствующих обошел храмы.

18. В следующем году он снова отправился

в Германию. Он понял, что причиною поражения Вара были опрометчивость и небрежность полководца и поэтому сам не стал предпринимать ничего без предварительного одобрения своего совета. Вообще он всегда действовал по собственному усмотрению и советовался только с самим собой; теперь же, вопреки обыкновению, он привлек многих к обсуждению способов войны. Он выказал также, против обычного, гораздо большую осмотрительность. Переправляясь через Рейн, он весь обоз с припасами, ограниченный определенным реестром предметов, начал переводить через реку лишь после того, как, стоя на берегу, самолично осмотрел поклажу повозок, чтобы не допустить перевозки неразрешенных и излишних вещей. За Рейном его образ жизни был таков: он принимал пищу, сидя на голом дерне, часто ночевал без палатки, все распоряжения на следующий день, а также и чрезвычайные поручения, отдавал в письменном приказе: при этом он разъяснял, что со всеми сомнениями надлежит обращаться прямо к нему, и ни к кому другому, во всякое время дня и ночи.

19. Он соблюдал строжайшую дисциплину, причем восстановил древние формы наказаний и выговоров; так, он объявил выговор даже легату легиона за то, что тот послал на охоту на другой берег реки нескольких солдат со своим вольноотпущенником. Хотя вообще он в высшей степени редко полагался на счастье и случай, однако с гораздо большей уверенностью вступал в сражение, если случалось, что, когда он работал ночью, его лампа вне-

запно опрокидывалась и гасла без какого-либо толчка со стороны. Он говорил, что доверяет этой примете как уже предкам его доказавшей свою безошибочность при всяком командовании. Однако после одного удачного сражения он едва не был убит каким-то бруктером[29], которого по его взволнованному виду открыли среди свиты Тиберия и пытками вынудили сознание в преступном намерении.

20. Через два года он вернулся из Германии в Рим и отпраздновал отложенный им триумф в сопровождении своих легатов, для которых выхлопотал триумфальные знаки отличия. Перед тем как направить колесницу к Капитолию, он сошел с нее и пал на колени перед отцом, занимавшим председательское место. Он наградил щедрыми подарками и отправил на жительство в Равенну паннонского вождя Батона в благодарность за то, что тот в свое время дал ему возможность уйти из непроходимой местности, в которой он оказался запертым со своими войсками. Затем он задал народу угощение на тысяче столов и подарок в триста сестерциев на человека. Он посвятил также храм Согласию, и другой храм — Кастору и Поллуксу, от своего имени и от имени брата, соорудив их на средства из добычи.

21. Вскоре после этого, по инициативе консулов был издан закон, чтобы Тиберий управлял провинциями совместно с Августом и с ним же произвел ценз[30]; тогда, закончив ценз и совершив очистительные жертвы, он отправился в Иллирик. Но он был тотчас отозван с пути назад и нашел Августа в тяжелом состоянии,

однако еще в живых, и провел с ним наедине целый день.

Я знаю, что множество лиц уверено в том, будто, когда Тиберий вышел от Августа после этой тайной беседы, спальники услышали такие слова Августа: «Злополучный римский народ! В такие-то медленно жующие челюсти предстоит ему попасть!» Известно мне и то, что некоторые рассказывали, будто Август явно и не скрывая порицал мрачную суровость его характера до такой степени, что иногда при его появлении обрывал свой непринужденный и веселый разговор; однако, он будто бы не отказался усыновить его, лишь уступая настойчивым просьбам жены, либо даже из честолюбивого желания заставить впоследствии пожалеть о себе при сравнении с подобным преемником. Однако ничто не заставит меня допустить, будто бы этот в высшей степени осторожный и мудрый принцепс мог поступить опрометчиво, в особенности в столь важном деле. Взвесив недостатки и достоинства Тиберия, он нашел вторые преобладающими, тем более, что и на сходке перед народом поклялся, что усыновляет его ради блага государства, а во многих письмах расхваливает его как знатока военного дела и единственный оплот римского народа. Для примера я привожу здесь кое-что из этих писем:

«Прощай, милейший Тиберий, желаю тебе удачи во славу мою и муз, мой наилучший полководец!» — «Милейший и, клянусь счастьем, храбрейший муж и искуснейший вождь, будь здоров!» — «Каков план твоего похода! Я думаю, дорогой Тиберий, что среди стольких загруд-

нений и при такой беспечности солдат никто не мог вести себя более благоразумно, нежели ты. Также и бывшие с тобою все признают, что к тебе можно отнести знаменитый стих:

Один муж своею бдительностью спас наше
государство[31].

Случится ли что-либо, о чем надо подумать поприлежнее или досадую на что-нибудь,—боги свидетели!—я жажду видеть моего Тиберия и мне приходит на мысль стих Гомера:

Τούτου γ' ἑσπομένοιο καὶ ἐκ πυρὸς αἰθομένοιο
ἄμφω νοστήσαιμεν, ἐπεὶ περίοιδε νοῆσαι[32].

Когда я слышу и читаю, что ты переутомился непрерывными трудами, то, да погубят меня боги, если я не содрогаюсь всем моим существом. Прошу, побереги себя; ибо одна весть о твоей болезни сведет в могилу и меня, и твою мать, а существованию империи будет грозить опасность.

Мне безразлично мое собственное здоровье, если ты не будешь здоров.

Молю богов, чтобы они сберегли тебя для нас и послали тебе здоровье ныне и всегда, если только римский народ им не ненавистен».

22. Тиберий сообщил о смерти Августа лишь после того, как погубил юношу Агриппу. Его убил военный трибун, приставленный для его охраны, прочтя письменный приказ, коим ему повелевалось это сделать; относительно этого приказа было сомнение, оставил ли его, умирая, сам Август, чтобы устранить всякий повод к смутам после своей смерти, или его продиктовала Ливия от имени Августа, с ведома или

без ведома Тиберия. Когда трибун доложил Тиберию, что приказание его исполнено, он ответил, что ничего не приказывал и что трибун должен отдать отчет сенату; в тот момент он, очевидно, хотел отвести от себя ненависть за происшедшее, ибо впоследствии он замалчиванием предал дело забвению.

23. Тиберий созвал сенат по праву своей трибунской власти и, начав речь, внезапно застонал, как бы не в силах преодолеть скорбь; заявив, что он желал бы потерять не только голос, но и жизнь, он передал свою речь для прочтения своему сыну Друзу. Затем было принесено завещание Августа; из лиц, скрепивших его своими печатями, были допущены только сенаторы, прочие же освидетельствовали свои печати вне курии. Завещание прочитал вольноотпущенный. Оно начиналось следующими словами: «Поелику жестокая судьба отняла у меня сыновей, Гая и Люция, пусть моим наследником будет Тиберий Цезарь в половинной и шестой части». Это подкрепило подозрение тех, которые считали, что Тиберий был избран наследником скорее по необходимости, чем по свободному желанию, коль скоро Август не воздержался в завещании от подобного вступления.

24. Хотя Тиберий не питал никаких сомнений насчет необходимости немедленно взять власть принцепса и пользоваться ею,— ибо он окружил себя военной стражей, в каковой и заключается сила и внешнее проявление господства,— тем не менее он долго отказывался от этой власти и с бесстыднейшим притворством то упрекал увещевающих его друзей, говоря, что они «не

знают, что это за зверь императорская власть», то двусмысленными ответами и хитрой медлительностью держал в неведении сенат, коленопреклоненно его умолявший. Дело дошло до того, что у некоторых лопнуло терпение, и один среди общего шума воскликнул: «Пусть либо правит, либо уходит!» Другой же сказал ему прямо в лицо, что «иные медлят исполнить то, что обещали, он же медлит обещать то, что уже исполняет». Наконец, словно по принуждению и жалуясь, что на него налагают ужасное и тяжкое рабство, он принял власть, однако не иначе, как подав надежду, что когда-нибудь ее с себя сложит. Его собственные слова при этом были: «Пока я не доживу до поры, когда вам, может быть, покажется справедливым дать некоторый отдых моей старости».

25. Причиной его колебаний был страх перед отовсюду грозившими опасностями, так что он часто говорил, что «держит волка за уши». Действительно, раб Агриппы, по имени Клемент, собрал немалую шайку людей для отмщения за смерть своего господина, а Луций Скрибоний Либон, человек знатный, тайно замышлял государственный переворот; кроме того, сразу в двух местах, в Иллирике и Германии, поднялся мятеж солдат. Оба войска предъявили много чрезвычайных требований, и прежде всего уравнения жалованья с преторианцами. Сверх того, стоявшая в Германии армия и слышать не хотела о принцепсе, поставленном не ею, но с величайшей настойчивостью принуждала Германика, в то время ее главнокомандующего, взять власть, несмотря на упорное его сопро-

тивление. Это событие всего более пугало Тиберия, и он просил сенат дать ему в управление ту часть республики, какую ему, сенату, заблагорассудится, ибо, чтобы управлять всем одному, ни у кого не хватит сил, разве только с помощником, и даже не с одним. Он прикидывался также и больным, чтобы заставить Германика спокойнее дожидаться скорого наследства или, по крайней мере, соучастия во власти. Когда военный мятеж улегся, он хитростью захватил в свои руки также и Клемента. Против Либона, не желая на первых порах принимать сильных мер, он временно удовольствовался мерами предосторожности и только на второй год обвинил его в сенате. Эти меры предосторожности заключались в том, что во время совместных с ним жертвоприношений в коллегии понтификов он приказывал вместо стального жертвенного ножа подсовывать ему свинцовый, а когда Либон просил у него особой аудиенции, он давал ее не иначе, как в присутствии своего сына Друза и, прохаживаясь с ним, держал его за правую руку, словно опираясь на нее, пока не кончался разговор.

26. Впрочем, когда страхи миновали, он вначале проявлял в своем поведении большой общественный такт и мало чем отличался от частного лица. Из предложенных ему многочисленных и величайших почестей он принял лишь немногие и наиболее скромные. День его рождения совпадал с плебейскими играми, но он позволил почтить его прибавкой всего лишь одной колесницы. Он воспретил ставить себе храмы и назначать фламинов и жрецов, а статуи

и бюсты допускал лишь с предварительного своего разрешения; последнее же он давал лишь с тем условием, чтобы их ставили не среди изображений богов, но среди украшений храмов. Он пресек также попытки ввести обычай клятвы его деяниями и назвать месяц Сентябрь Тиберием, а Октябрь — Ливием. Равным образом он отверг титул «императора» в качестве личного имени, прозвание «отец отечества» и предложение повесить гражданскую корону в вестибюле своего дома. Даже имя Августа, хотя он получил его по наследству, он употреблял только в письмах царям и династам. Консульство он принял всего лишь три раза; первое отправлял несколько дней, второе — три месяца, третье — до 15 мая.

27. Он питал такое отвращение к лести, что не допускал к своим носилкам ни одного сенатора, ни ради приветствия, ни по делу; когда один бывший консул, прося у него прощения, бросился перед ним на колени, он попятился назад с такой поспешностью, что упал навзничь. И даже, если в беседе или в обращенной к нему речи о нем говорили в льстивых выражениях, он резко прерывал говорившего, делал ему замечание и тут же заставлял изменить выражение. Когда кто-то назвал его «господином», он предупредил его впредь не издеваться над ним таким образом. Когда кто-то другой употребил выражение: «твои священные занятия», а еще кто-то «по твоему приказанию я обратился в сенат», он заставил изменить выражение и вместо «приказание» сказать «совет», а вместо «священные» — «полные трудов».

28. Он стойко и терпеливо относился к хулительным речам, дурным слухам и пасквильным стихотворениям, направленным против него самого или его близких, и часто говаривал, что «в свободном государстве мысль и язык должны быть свободны». Как-то сенат требовал назначения судебного расследования о подобных преступлениях и их виновниках. Тиберий возразил: «Мы не так богаты досугом, чтобы ввязываться во множество дел; стоит вам только открыть эту дверь, и у вас не будет возможности заниматься чем-либо другим: под этим предлогом все понесут к вам свои личные счеты». Существует его речь в сенате, полная гражданского духа: «Если кто-либо станет дурно говорить обо мне, то и я постараюсь поступать так, чтобы я мог дать отчет в моих поступках и словах; если же он будет упорствовать в своем злословии, я, в свою очередь, возненавижу его».

29. Все это тем более замечательно, что сам он в своих обращениях и выражениях почтения как в отношении отдельных лиц, так и всех вместе почти переступал границы обычной вежливости. Однажды, разойдясь в сенате во мнениях с Гаем Гатерием, он сказал: «Прошу простить меня, если я, как сенатор, позволю возразить тебе слишком свободно». Затем обращаясь ко всем, он сказал: «Я говорил как теперь, так часто и раньше, сенаторы, что хороший и заботящийся об общем благе принцепс, которому вы вручили столь великую и обширную власть, должен быть слугою сената и часто также всего гражданства, а иногда и отдельных лиц; в этих моих словах я не раскаиваюсь.

ибо вы и были, и продолжаете быть для меня господами добрыми, справедливыми и снисходительными».

30. Он ввел даже некоторое подобие свободы, оставив сенату и магистратам их прежнее величие и власть. Всякое дело, общественное или частное, как бы мало или велико оно ни было, поступало на обсуждение сената: подати и монополии, сооружения, или ремонт общественных зданий, даже набор и увольнение солдат, а также определение контингентов легионов и вспомогательных войск, наконец, продление командования тем или иным лицам или поручение чрезвычайных войн, а также содержание и форма ответов на послания царей. Одного кавалерийского начальника, обвиненного в насилии и грабеже, он подверг суду сената. В курию он всегда входил не иначе, как один; однажды, будучи болен, он явился туда в носилках и в этом случае велел спутникам выйти.

31. Когда дело решалось несогласно с его мнением, он даже не жаловался на это. Несмотря на то, что он не считал позволительным для назначенных магистратов отлучаться из Рима, дабы, присутствуя лично, они подготовлялись к своей должности [33], один назначенный претор добился для себя отправления в вольную командировку [34]. В другой раз, вопреки его заявлению, что следует позволить жителям Требии употребить для мощения дороги сумму, завещанную им на постройку нового театра, он не смог воспрепятствовать утверждению воли завещателя. Однажды решение сената производилось путем расхождения присутствующих на

две стороны[35]; он присоединился к меньшинству, но никто из остальных не последовал за ним.

Также и все прочее производилось через посредство магистратов и в обычном порядке, причем авторитет консулов был столь велик, что послы из Африки явились к ним с жалобой на то, что Цезарь, к которому они посланы, слишком затягивает их дело. В этом нет ничего удивительного, ибо всем было известно, что он сам вставал перед консулами и уступал им дорогу.

32. Он объявил порицание консулярам, стоявшим во главе войск, за то, что они не отдали отчета в своих действиях сенату и спросили его, Тиберия, распоряжений насчет военных наград, словно сами они не имели права назначить какие угодно награды. Он похвалил претора, который, вступив в должность, возобновил старинный обычай в речи перед народной сходкой с похвалой упоминать о своих предках. Погребальные процессии некоторых знатных лиц он проводил до самого костра.

Такую же умеренность обнаружил он и в отношении малых лиц и дел. Вызвав к себе однажды магистратов Родоса, которые передали ему официальную бумагу без подписи, он даже не сделал им замечания, но, приказав только подписаться, отпустил обратно. У грамматика Диогена в Родосе был обычай вести диспуты по субботам; когда Тиберий пришел к нему, чтобы послушать его в неурочный день, тот его не принял и через своего раба предложил ему пожаловать в седьмой день; когда

Диоген явился в Рим и предстал у дверей Тиберия, чтобы приветствовать его, тот ограничился тем, что предложил ему явиться через семь лет. Когда правители провинций советовали ему обложить провинции налогами, он ответил, что «хороший пастух стрижет овец, а не сдирает с них шкуру».

33. Понемногу стал в нем выявляться наружу настоящий властитель, правда еще долго с неустановившимися тенденциями, однако в большинстве случаев все же скорее покладистый и радеющий об общественной пользе. Спачала он пускал в ход свой авторитет лишь для того, чтобы предупреждать злоупотребления. Таким образом, он отменил некоторые постановления сената, а также часто предлагал себя в советники магистратам, производившим судебное разбирательство перед трибуналом, причем садился либо рядом с ними, либо насупротив, впереди. И когда для присутствующих становилось очевидно, что обвиняемый уходит от наказания по пристрастию к нему судей, Тиберий был тут как тут и либо с своего места, либо с трибуны председателя обращался к судьям с напоминанием о законе, их присяге и о судимом ими преступлении. Точно так же, если в нравах общества, вследствие распущенности или дурных обычаев что-либо клонилось к упадку, он сам принимался за исправление.

34. Он сократил расходы на игры и гладиаторские бои, урезав жалованье актерам и сведя к определенной норме число пар гладиаторов. Он жестоко порицал то, что цена на коринфские вазы поднялись до невозможных размеров.

и что за три краснобородки[36] платят тридцать тысяч сестерциев; поэтому он постановил определить известный предел количеству дорогой утвари и ежегодно распоряжениями сената регулировать цены на продукты, эдилам же поручил сократить торговлю в харчевнях и кабачках настолько, чтобы в них не разрешалось даже выставлять на продажу печенье. А для поощрения всеобщей бережливости собственным примером он на парадных обедах приказывал подавать вчерашние и уже начатые кушания, например половину кабана, говоря, что у половины «есть все то же, что и у цельного».

Он эдиктом запретил ежедневное приветствие поцелуем, а также обычай обмениваться новогодними подарками после 1 января. Сам он раньше давал ответные подарки обычно вчетверо дороже и собственноручно. Однако, докучаемый тем, что лица, не могшие попасть к нему в день праздника, являлись к нему в течение целого месяца, он оставил этот обычай.

35. Он издал распоряжение, чтобы запятнавшие себя развратом замужние женщины, против которых не оказывалось общественного обвинителя, подвергались наказанию, по обычаю предков, общим советом родственников. Одного римского всадника, который раньше поклялся, что никогда не разведется с своей женой, он освободил от клятвы и разрешил ему развод, ибо тот обнаружил ее связь с своим зятем. Известные своим распутством женщины с целью избавиться от стеснительных прав и достоинства, присущих порядочным женщинам, и этим избежать кары, начали открыто объявлять себя

проститутками, а наиболее распутные из молодежи обоих высших сословий добровольно подвергали себя позору бесчестящего судебного приговора, дабы таким образом не подлежать изданному сенатом постановлению, запрещающему членам двух высших сословий профессию актера и гладиатора. Всех таких лиц обоего пола, пытавшихся найти убежище в обмане, Тиберий подверг ссылке. Одного сенатора он лишил звания, узнав, что тот накануне 1 июля уехал за город, чтобы после этого дня нанять квартиру подешевле [37]. Другого сенатора он лишил квестуры за то, что тот, взяв жену накануне жеребьевки [38], на следующий день развелся с нею.

36. Он запретил совершение чужеземных религиозных обрядов, в особенности же египетских и иудейских, и принудил их последователей сжечь свои богослужебные одежды со всем аппаратом культа. Иудейскую молодежь, под предлогом военной службы, он разослал по провинциям с суровым климатом, а прочих людей этого племени или последователей сходных культов удалил из Рима под угрозой вечного рабства за ослушание. Он изгнал было также и астрологов, однако по их просьбе, сопровождаемой обещанием отказаться от своего искусства, отменил это решение.

37. Особенное внимание обращал он на соблюдение безопасности от ночных бродяг, разбоев и своеволия смутьянов. По всей Италии он распределил военные посты в количестве, большем обыкновенного. В Риме он устроил лагерь, в котором стали помещаться преторианские когорты, до тех пор не имевшие посто-

янного местопребывания и находившиеся на постое у граждан.

Он всячески старался предупреждать народные волнения, а когда таковые возникали, подавлял их с большой суровостью. Когда как-то в театре в споре произошло убийство, он выслал из Рима главарей партий [39] и актеров, из-за которых начался спор, и никакие просьбы народа не заставили его согласиться на их возвращение Однажды в Полленции [40] на похоронах одного старшего центуриона чернь до тех пор удерживала погребальную процессию на форуме, пока не вынудила у наследников покойного денег на устройство гладиаторского боя; тогда Тиберий отправил туда одну когорту солдат из Рима и другую из царства Коттия [41], приказав держать в тайне их место назначения; когорты внезапно, обнажив оружие, с военными сигналами, через различные ворота вступили в город; большинство граждан и декурионов были схвачены и навсегда заключены в тюрьму. Тиберий уничтожил также право и обычай убежища [42], где таковые еще существовали. Он лишил жителей Кизика [43] автономии, полученной ими за заслуги в войне с Митридатом, за то, что они осмелились совершить насилие над несколькими римскими гражданами.

Против покушений внешних врагов он с течением времени перестал лично предпринимать военные экспедиции, но отражал их с помощью своих легатов, да и то несколько нерешительно и лишь в действительно необходимых случаях. Он приводил к покорности враждебных или внушавших подозрение царей не столько силой,

сколько угрозами и обвинениями. Некоторых из них он заманил к себе лестью и обещаниями и затем уже не отпустил обратно. Так поступил он с германцем Марободом, фракийцем Раскупоридом, каппадокийцем Архелаем; царство последнего он даже обратил в провинцию.

38. После принятия власти в течение целых двух лет кряду он не покидал римской городской черты; в последующее время он тоже никуда не отлучался, за исключением окрестных городов, однако не дальше Анция, да и то очень редко и всякий раз лишь на несколько дней. Наряду с этим он часто объявлял о своем намерении произвести ревизию провинций и армий и почти каждый год подготовлял свой отъезд, для чего собирались повозки, по колониям и муниципиям заготовлялось продовольствие; под конец он разрешал даже произносить обеты за свой счастливый отъезд и возвращение. В результате в народе дали ему шутливое прозвище Каллиппида, который, согласно греческой поговорке, вечно бежал, но не продвигался вперед дальше одного локтя.

39. Но когда он потерял обоих сыновей, из коих Германик скончался в Сирии, а Друз — в Риме, он удалился в уединение в Кампанию [44]; при этом почти все были уверены и постоянно говорили, что он более уж не вернется и скоро умрет. То и другое едва не осуществилось. Действительно, в Рим он более не вернулся и вскоре после отъезда едва не погиб: он обедал близ Террацины в одном загородном доме под названием «Грот»; внезапно множество огромных камней свалилось сверху на дом,— много

сотрапезников и слуг было раздавлено, но сам он каким-то чудом спасся.

40. Проехав Кампанию, он в Капуе посвятил Капитолий, а в Ноле — храм Августа, что и было предлогом его путешествия; затем он отправился на остров Капри, который он особенно облюбовал, ибо остров имел доступ только с одной небольшой части берега и со всех сторон был окружен огромной высоты обрывистыми скалами и глубоким морем. Однако очень скоро он снова вернулся на материк, так как народ настойчиво призывал его, будучи взволнован катастрофой, происшедшей у Фиден [15], где во время гладиаторского боя вследствие обвала амфитеатра погибло свыше двадцати тысяч человек; в этот раз всякий мог свободно получить к нему доступ, тем более, что раньше, при отъезде из Рима, он эдиктом воспретил всякие обращения к себе и по всему пути отказывался принять лиц, желавших его видеть.

41. Вернувшись на остров, он почти вовсе оставил государственные дела, так что ни разу не пополнил даже декурий всадников, ни разу не сменил военных трибунов, префектов или наместников провинций,— допустил, чтобы Испания и Сирия несколько лет оставались без консулярных легатов и остался совершенно равнодушен к тому, что парфяне заняли Армению, даки и сарматы опустошили Мезию, а германцы — Галлию. Последнее нанесло большой ущерб престижу империи и в неменьшей степени подвергло ее опасности.

42. Получив свободу благодаря возможности окружить себя тайной, как бы удалившись от

взоров государства, он выявил, наконец, все свои пороки, так долго и с таким трудом скрываемые. О них я расскажу по отдельности с самого начала.

Будучи еще новичком в военной службе, он за свою чрезмерную жадность к вину получил в лагере название вместо Тиберия — Биберий (пьяница), вместо Клавдия — Калдий (разгоряченный вином), вместо Нерона — Мерон (из чистого вина). Позднее, будучи уже принцепсом, он в самый разгар своей деятельности по исправлению общественных нравов провел кряду два дня и ночь в пирах и попойках с Помпонием Флакком и Люцием Пизоном; тотчас после этого он дал одному из них в качестве провинции Сирию, а другому — городскую префектуру[16], и в своих рескриптах об этих назначениях объявил их своими любезнейшими и всегдашними друзьями. К Цестию Галлу, сластолюбивому и расточительному старику, которого Август некогда наказал бесчестием, а сам он несколько дней раньше порицал в сенате, он назвался на ужин с тем условием, чтобы тот не изменял и не уменьшал ничего из своих обычных порядков и чтобы за ужином прислуживали голые девушки. Человека совершенно неизвестного он выдвинул в кандидаты на квестуру предпочтительно перед самыми знатными лицами за то, что тот на пиру выпил целую амфору[17] вина, поднесенную ему от его, Тиберия, имени. Азеллию Сабину он подарил двести тысяч сестерциев за диалог, в котором он изобразил спор о первенстве между грибом, куликом, устрицей и дроздом. Наконец, он учредил новую должность

«заведующего удовольствиями», назначив на нее римского всадника Тита Цезония Приска.

43. В своем уединении на Капри он устроил особую диванную комнату, место своего тайного разврата. В ней во множестве собранные отовсюду девушки и мальчики, употребляемые для мужеложества, а также изобретатели противоестественных совокуплений, которых он называл «спинтриями»[48], соединенные по трое, взаимно растлевали друг друга у него на глазах, возбуждая этим зрелищем его гаснущие любовные желания. Свои различного вида спальни он украсил картинами и изваяниями самого непристойного содержания и снабдил сочинениями поэтессы Элефантиды, дабы к услугам всякого, предававшегося там любовным наслаждениям, был образец предписанного способа. Также повсюду в лесах и рощах он устроил посвященные Венере места, а в пещерах и расселинах скал у него совокуплялись переодетые в сатиров и нимф юноши и девушки. За все это его открыто называли в народе Каприном (козлом), коверкая таким образом название острова.

44. О его разврате ходила еще худшая и более позорящая молва, которую едва ли подобает передавать и слушать. Говорят, что однажды, во время жертвоприношения, он так распалился на прелесть мальчика, несшего кадильницу, что не смог удержаться, и тотчас по совершении обряда отвел его в сторону и растлил его, а заодно с ним также и его брата, флейтиста; потом он приказал им обоим перебить голени за то, что они попрекали друг друга этим бесчестием.

45. Какие надругательства он позволял себе также над женщинами, к тому же знатными, это ясно показывает смерть некоей Маллонии. Он велел привести ее к себе, но она упорно отказывалась отдаться ему; тогда он выставил против нее доносчиков и даже на суде не переставал спрашивать, не чувствует ли она раскаяния. Наконец за такое непотребство она назвала его старым и вонючим козлом и, убежав из суда, бросилась домой и пронзила себя кинжалом. Поэтому на ближайших играх сильнейшим одобрением был встречен следующий стих Ателланы[49]:

Старый козел лижет половые органы коз.

46. Что касается денег, то тут он был бережлив и даже скареден. Спутникам своих путешествий и экспедиций он никогда не платил жалованья, но давал только содержание. Лишь однажды он выказал по отношению к ним щедрость, правда за счет своего вотчима; разделив их на три класса по значению каждого, он выдал первому классу шестьсот тысяч сестерциев, второму — четыреста, а третьему — двести; однако лиц последнего класса он называл не друзьями, а греками[50].

47. В качестве принцепса он не соорудил никаких отличающихся великолепием построек, то же немногое, что начал, а именно храм Августа и реставрацию Помпеева театра, тянул много лет и оставил недоконченным; он также совсем не устраивал зрелищ. Даже на тех зрелищах, которые давали другие, он присутствовал чрезвычайно редко, боясь, чтобы у него не выпросил

чего-нибудь народ, в особенности после того, как публика принудила его отпустить на волю актера Акция. Он пополнил скудные средства лишь нескольких сенаторов и, чтобы ему не пришлось оказать помощь еще многим, отказался поддерживать кого-либо иначе, как при условии предъявления таковым сенату уважительных причин своей нужды. Согласиться на такое условие многим не позволили скромность и стыд; среди прочих был и Гортал, внук оратора Квинта Гортензия, который при небольшом своем состоянии женился по совету Августа и прижил четырех детей.

48. Только два раза проявил он щедрость для общественной пользы: во-первых, дал беспроцентную ссуду в сто миллионов сестерциев на три года, и, во-вторых, возместил убытки некоторым владельцам доходных домов на Целии, уничтоженных пожаром. К первому его принудили требования помощи со стороны народа во время чрезвычайного недостатка наличных денег, когда по его приказу сенат постановил, чтобы все занимавшиеся отдачей денег в рост две трети своих состояний вложили в земельную собственность, а должники немедленно уплатили бы две трети своих долгов; из этого, впрочем, ничего не вышло [51]. Вторым своим поступком он хотел облегчить тяжкие последствия бедствия. Этому благодеянию он придавал такое значение, что приказал называть холм вместо Целия Августом [52]. Солдатам он выплатил завещанную им Августом сумму в двойном размере, но после этого не делал никаких дарений, за исключением двух случаев: уплаты преторианцам по тысяче

денариев за то, что они не пошли за Сеяном[53], и выдачи некоторых наград сирийским легионам за то, что они единственные, не поместили статуи Сеяна среди знамен для оказания ей почитания. Он как можно реже увольнял ветеранов в отставку, ибо их старость давала ему надежду на их смерть, а смерть — на экономию денег[54]. Даже провинциям он не приходил на помощь своей щедростью, за исключением Азии, в которой города разрушило землетрясением.

49. С течением времени он стал проявлять грабительские наклонности. Хорошо известно, как довел он богача Гнея Лентула Авгура до такого страха и тревоги, что жизнь ему стала невмоготу, и как он внушил ему сделать его, Тиберия, своим единственным наследником. Благороднейшая женщина Лепида была осуждена в угоду консуляру Квирину, человеку весьма богатому и бездетному, который, разведшись с ней двадцать лет перед тем, обвинил ее, будто она еще тогда собиралась его отравить. Кроме того, он конфисковал имущество виднейших граждан Галлии, Испании, Сирии и Греции, основываясь на облыжных обвинениях, совершенно несерьезных и наглых; например, некоторым было поставлено в вину, что часть своего имущества они держали в наличных деньгах; у многих общин и частных лиц были отняты старинные привилегии, а также право эксплоатации рудников и сбора податей. Мало того,— царь парфян, Вонон, который, будучи изгнан своими, с несметной казной явился в Антиохию, как бы под покровительство римского народа, был вероломно ограблен и убит.

50. Свою ненависть к родственникам Тиберий обнаружил прежде всего против брата Друза, выдав его письмо, в котором тот предлагал ему принудить Августа восстановить свободу республики, а потом и против остальных. По отношению к своей жившей в ссылке жене Юлии он выказал так мало даже самого обыкновенного внимания и человечности, что, помимо ее заключения в одном городе согласно распоряжению отца, он сверх того запретил ей выходить из дома и общаться с людьми. Мало того,— он отнял у нее данную ей отцом долю имущества и ежегодное содержание, прикрываясь при этом законностью, ибо Август-де в своем завещании не оставил на этот счет никаких распоряжений. На свою мать Ливию он жаловался, будто бы она притязает на равную с ним власть; он избегал слишком частых встреч, а также продолжительных и секретных разговоров с нею, дабы не подумали, что он руководится ее советами, каковыми он однако же иногда пользовался, чувствуя в них нужду. Его весьма возмутило, когда в сенате зашла речь о том, чтобы к его титулам, наряду с наименованием «сын Августа», прибавить еще наименование «сын Ливии». Поэтому он не позволил ей ни называться «матерью отечества», ни принять какое-либо важное почетное отличие от имени государства. Напротив, он часто уговаривал ее воздерживаться от более важных и не свойственных женщине занятий, особенно с тех пор, как заметил, что она лично участвовала в тушении пожара, приключившегося однажды рядом с храмом Весты, и призывала народ и солдат

помогать усерднее, как привыкла делать при жизни мужа.

51. Потом дело дошло до настоящей ссоры между ними, как передают — по такому поводу. Ливия часто требовала, чтобы он включил в число судей одного человека, получившего право гражданства; он же отказывался сделать это иначе, как при условии, что в списке судей он рядом с его именем сделает примечание о том, что «назначение вынуждено у него матерью». Раздраженная этим Ливия извлекла из святилища[56] какие-то старые адресованные ей письма Августа, в которых тот жаловался на жестокий и тяжелый нрав Тиберия, и прочла их ему. Он был так огорчен тем, что она столь долго хранила эти письма и с такой злобой попрекнула его ими, что, по мнению некоторых, это-то огорчение и оказалось едва ли не главной причиной, заставившей его удалиться от людей. По крайней мере, за все три года, проведенные им в удалении еще при ее жизни, он видел ее только раз, всего лишь в течение нескольких часов одного дня. Также и позже, во время ее болезни, он не подумал о том, чтобы навестить ее; а когда она скончалась, он все обещал приехать, но приезд все откладывал, пока, наконец, через несколько дней тело почти совсем разложилось. После похорон он запретил причислить ее к сонму богов, под тем предлогом, будто она сама так наказала в свое время. Также и ее завещание он объявил недействительным, а всех ее друзей и близких, даже тех, которым она перед смертью поручила заботу о своих похоронах, он в скором времени вверг

в несчастия, причем одного из них, римского всадника, даже приговорил к каторжным работам.

52. Ни к родному своему сыну Друзу, ни к приемному сыну Германику он не питал отеческих чувств. К Друзу он относился даже враждебно за его пороки, ибо тот был легкомыслен и вел распущенную жизнь. Поэтому он даже не слишком был огорчен его смертью и едва ли не тотчас после похорон принялся за обычные занятия, запретив более долгий траурный перерыв в отправлении государственных дел. Да и послам Илиона[57], которые выказали ему свое соболезнование с некоторым запозданием, он, словно скорбь его уже была забыта, с насмешкой ответил, что, «и он, в свою очередь, скорбит о том, что они некогда потеряли превосходного своего гражданина Гектора». Достоинства Германика он умалял до такой степени, что доблестные его деяния представлял как излишние и незначительные, а самые славные его победы хулил как принесшие вред государству. А на то, что Германик, по случаю жестокого и внезапного голода, явился в Александрию, не спросив его разрешения[58], он даже пожаловался в сенате. Существует также мнение, что причиной смерти Германика был он, причем действовал через легата Сирии, Гнея Пизона; некоторые думают, что только то, что поручение дано было без свидетелей, помешало Пизону разоблачить его на суде. Поэтому во многих местах находили надписи, а по ночам часто возглашали: «Отдай нам Германика!» Это подозрение подтвердил впоследствии сам Тибе-

рий своим жестоким обращением с женой и детьми Германика.

53. Когда его невестка Агриппина после смерти мужа стала слишком свободно жаловаться на что-то, он схватил ее за руку и сказал ей греческим стихом: «Ты, дочка, считаешь для себя за обиду то, что не ты властвуешь!» После этого случая он не удостоивал ее разговором. Однажды за обедом она не решилась отведать яблоко, которое он сам подал ей; тогда он перестал приглашать ее, под тем предлогом, что она, мол, обвиняет его в намерении ее отравить; однако поведение их обоих было результатом сознательной провокации: его подговорили предложить ей яблоко для испытания ее доверия, ей же посоветовали остерегаться этого предложения, как очевидного покушения. В конце концов он взвел на нее клевету, будто она собиралась искать убежища не то у статуи Августа, не то у войска, и сослал ее на остров Пандатарию, а когда она стала поносить его бранью, центурион, по приказанию Тиберия, наказал ее плетью, причем вышиб ей глаз. Агриппина решила уморить себя голодом, но он велел насильно открывать ей рот и запихивать в него пищу. Однако, когда ее упорство взяло верх, и она скончалась, он и тут не перестал самым жестоким образом поносить ее. Так, он предложил день ее рождения почитать среди несчастливых и даже хвалился, как актом снисходительности, тем, что не приказал просто удавить ее и бросить в Гемонии [59]. Он допустил также, чтобы сенат в виду такого его милосердия издал декрет о выражении ему благодарности

и о принесении Капитолийскому Юпитеру дара из золота.

54. От Германика у него было три внука: Нерон, Друз и Гай, от Друза же один — Тиберий. Когда смерть похитила у него сыновей, он представил сенату старших сыновей Германика — Нерона и Друза, а день их совершеннолетия ознаменовал подарком народу. Но когда он узнал, что на новый год стали также и за них приносить всенародные молитвы, он предложил сенату постановить, что «такого рода отличия подобают только испытанным и достигшим зрелого возраста мужам». Таким образом, он открыл свои тайные к ним чувства и отдал их в жертву клевете; после того как различными хитростями их довели до того, что они стали резко отзываться о нем, что тотчас же было донесено ему, он обвинил их в послании, полном самых ядовитых нареканий, и, осудив их как врагов, уморил голодом: Нерона — на острове Понтии, а Друза — в отдаленнейшей части дворца. Некоторые думают, что Нерона принудили к добровольной смерти, когда к нему явился якобы присланный по приказанию сената палач, который предъявил ему веревки и крюки, а Друз был голодом доведен до того, что пробовал жевать шерсть своего матраца. Их тела рассекли на части и так разметали в разные стороны, что собрать их было уже невозможно.

55. Помимо прежних своих друзей и доверенных, он взял себе из числа первых лиц республики двадцать человек в качестве как бы советников в государственных делах. Однако из всего этого числа он оставил в живых едва ли

двух или трех, всех же прочих, под тем или иным предлогом, истребил, среди них и Элия Сеяна вместе с наибольшим числом жертв. Сеяна он в свое время наделил высшей властью не столько из благосклонности к нему, сколько ради того, чтобы с помощью его услуг и козней погубить детей Германика, а своего внука от родного сына, Друза, утвердить в наследовании империи.

56. Не более снисходительным показал он себя также и по отношению к своим обычным завсегдатаям, ученым грекам, общение с которыми вообще очень любил. Однажды он спросил одного из них, Ксенона, говорившего слишком вычурно: «Что это за скучный такой диалект?» Ксенон ответил: «Дорический». Тогда Тиберий сослал его на остров Кинарию, ибо принял его ответ за насмешливый намек на его прежнее изгнание: ведь родосцы говорят по-дорийски. Тиберий имел также привычку задавать за обедом вопросы из прочитанного им за день. Однажды он узнал, что грамматик Селевк выведывает у его слуг, какими авторами он в данное время занимается, и таким образом является к обеду подготовленный. За это Тиберий сначала удалил его от себя, а затем довел его даже до самоубийства.

57. Его жестокая, бесчувственная натура сказывалась уже в детстве. Повидимому, его наставник в красноречии Теодор Гадарский, первый с проницательностью разгадал его и верно охарактеризовал, называя его в минуты гнева *πηλὸν αἵματι πεφυραμένον*, т. е. «грязью, смешанной с кровью». Но гораздо сильнее эта натура

проявилась, когда он стал принцепсом, даже вначале, пока он еще искал к себе расположения, симулируя умеренность. Когда один шутник, встретив похоронную процессию, громко поручил мертвецу известить Августа о том, что «завещанное им римскому народу до сих пор еще не выплачено», Тиберий велел привести его к себе, выдать следуемое ему по завещанию и повести на казнь, дабы он сообщил Августу правду. Немного позже случилось, что один римский всадник, именем Помпей, не соглашался на что-то в сенате. Тиберий пригрозил ему тюрьмой и заявил, что он «из Помпея превратит его в помпеянца». Этой жестокой шуткой он надсмеялся одновременно и над именем этого человека и над судьбой политической партии.

58. Около этого же времени на вопрос претора, велит ли он созывать суд по делам об оскорблении величества, он ответил, что «законы подлежат выполнению»; и действительно, он выполнял их с жестокостью. Некий человек снял голову у статуи Августа, чтобы приставить к ней чью-то чужую. Дело разбиралось в сенате и вследствие отсутствия явных улик при допросе прибегли к пыткам. Обвиняемый был осужден, а в преследованиях этого рода дошли до того, что стали наказывать смертью, если кто-либо перед статуей Августа сек раба или переодевался или если кто приносил при себе в харчевню либо в публичный дом монету или кольцо с его изображением, наконец, если кто высказывал хотя бы легкое неодобрение слов или поступков Августа. Погиб даже человек,

допустивший, чтобы в его родном городе ему была оказана почесть в тот самый день, в какой некогда она была оказана Августу.

59. Кроме того, под видом строгости и исправления нравов, а в сущности повинуясь своей природе, он совершал такие жестокости, что некоторые в стихах клеймили его за совершаемые злодеяния и предсказывали еще новые:

Неумолимо ты жесток: сказать ли коротко?
Погибнуть я готов, коль любит тебя мать.

———

Не римский всадник ты: ста тысяч не имеешь.
А чтобы все сказать, тюрьмою [60] был тебе Родос.

Век золотой ты уничтожил, Цезарь.
Пока ты жив, железный будет век.

———

Вино противно ему, ибо жаждет он уже крови,
Столько же пьет он ее, столь прежде пил от вина.

———

Ромул, [61] на Суллу взгляни: счастлив себе, не тебе он;
Брось и на Мария взгляд по возвращеньи его,
Также на то, как Антоний, руки в крови обагривший,
Войны гражданские движет одну за другой.
«Рим погибает», скажи. Кто на царство пришел из изгнанья,
Тот и на царстве потоками кровь будет лить.

Сначала он хотел понимать эти стихи так, будто они подсказаны не внутренним убеждением, но досадой и раздражением людей, недовольных строгими мерами и часто говаривал: «Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись». Но потом он своим поведением сам заставил пове-

рить тому, что сказанное о нем было совершенно истинно и точно.

60. Через несколько дней после его прибытия на Капри, когда он совершал уединенную прогулку, перед ним внезапно появился рыбак и поднес ему в подарок огромную краснобородку. Тиберий, испуганный тем, что рыбак пробрался к нему с задней части острова, через обрывистые и непроходимые тропинки, приказал чешуей этой самой рыбы скрести ему лицо. Во время этого наказания рыбак возблагодарил судьбу, что не подарил ему еще и огромного лангуста, тоже пойманного им. Тогда Тиберий приказал терзать ему лицо также и лангустом. Одного преторианца он казнил смертью за то, что тот украл из парка павлина. Однажды во время его пути его носилки попали в заросль терновника, мешавшего двигаться далее; тогда он приказал разложить на земле центуриона первых когорт, разведывавшего путь, и засек его почти до смерти.

61. Вскоре уже не оставалось такого рода жестокости, которую бы он не проявил, а в поводах для нее недостатка не было: он преследовал родных и даже знакомых сначала матери, потом внуков и снохи, наконец Сеяна. После гибели последнего его свирепство уже не знало пределов. Отсюда ясно, что Сеян не столько подстрекал его к злодеяниям, сколько доставлял его природной жестокости искомые случаи для проявления. Хотя в своей краткой автобиографии он и решился написать, будто «Сеяна он покарал за то, что тот, как ему стало известно, свирепствовал против детей его

сына Германика», однако на самом деле одного из этих детей он погубил, когда Сеян уже находился под подозрением, а другого — когда Сеян был уже казнен.

Было бы слишком долго приводить по отдельности его злодеяния. Достаточно перечислить их виды в качестве примеров его жестокости. Не проходило дня, чтобы он кого-либо не подвергал наказанию; не были изъяты даже дни, посвященные религиозным обрядам и заповедные. Некоторые подверглись наказанию в день нового года. Многие были обвинены и осуждены вместе со своими детьми, а многие по доносу собственных детей. Родственникам было запрещено оплакивать приговоренных к смерти. Обвинителям, а иногда также и свидетелям, были назначены чрезвычайные награды. Веру давали всякому доносчику, а за всякий проступок полагалась смерть, даже за несколько простых слов. Одному поэту вменили в вину то, что действующим лицам своей трагедии он позволил поносить Агамемнона, а одному историку [62] — что Брута и Кассия он назвал последними римлянами. Обоих авторов наказали и сочинения их уничтожили, хотя за несколько лет до того эти же сочинения были читаны в присутствии Августа и получили одобрение. Некоторых, посаженных в заключение, не только лишили возможности находить утешение в занятии науками, но запретили им даже вообще разговаривать с кем бы то ни было. При получении вызова в суд некоторые уже дома наносили себе раны, будучи уверены в предстоящем осуждении и желая избавить себя от

мучений и позора, некоторые же принимали яд в самой курии. Тем не менее, на их раны накладывали повязки и полуживых, но еще трепещущих, бросали в тюрьму. Буквально всех казненных волокли крюками и сбрасывали в Гемонии, причем как-то в один день было сброшено двадцать человек, среди них женщины и дети. Так как с давних пор обычай запрещал умерщвлять удавкой девственниц, то девочек-подростков палач сначала растлевал, а затем удавливал. Желавших смерти насильно оставляли в живых. Ибо Тиберий считал простую смерть слишком легким наказанием, и когда он услышал, что один из обвиненных, по имени Карнул, предвосхитил ее самоубийством, то воскликнул: «Карнул ускользнул из моих рук!» Когда однажды во время осмотра им тюрем кто-то из заключенных просил его ускорить наказание, он ответил: «Я еще не помирился с тобою». Один консуляр в своих мемуарах рассказывает, между прочим, что на одном многолюдном пиршестве, на котором присутствовал также и он, какой-то карла, стоявший у стола среди прочих паяцев, внезапно во всеуслышание спросил Тиберия, почему Паконий, обвиняемый в оскорблении величества, так долго еще находится в живых. Хотя Тиберий в тот момент и выбранил карлу за вольность языка, однако через несколько дней написал сенату, чтобы он поторопился вынести Паконию приговор.

62. Ожесточенный раскрытой им истинной причиной смерти своего сына Друза, он довел свою ярость до крайности. Раньше он думал,

что Друз погиб жертвой болезни и собственной невоздержанности; но когда он узнал, что он коварным образом отравлен своей женой Ливиллой и Сеяном, он уже не останавливался ни перед каким видом пытки или казни. Он до такой степени предался розыску по одному этому делу, что когда ему доложили о прибытии одного его близкого знакомого, родосца, которого он уже раньше пригласил в Рим любезным письмом, он приказал немедленно подвергнуть его пыткам, словно он явился в качестве одного из подлежавших допросу. Когда же затем ошибка была выяснена, он приказал его убить, дабы он не огласил учиненное ему беззаконие. На Капри показывают место, где он занимался истязаниями: с этого места он приказывал в своем присутствии сбрасывать в море осужденных, перенесших долгие и утонченные пытки: внизу их подхватывала кучка матросов, которые шестами и веслами превращали трупы в кашу, дабы в ком-либо, чего доброго, не осталась последняя искорка жизни. Среди других видов пытки он придумал еще такой: людей обманным образом сильно напаивали вином и затем внезапно перевязывали им детородные члены, так что шнуровка и задержка мочи одновременно причиняли им страшное мучение. Если бы его не предупредила смерть и если бы Тразилл, как говорят, умышленно не посоветовал ему отложить некоторые казни, внушив надежду на долгую жизнь, он истребил бы еще гораздо большее количество людей и наверное не пощадил бы и остальных внуков. Ведь и против Гая[63] он питал подозрения, и Тиберия[64]

презирал, считая его зачатым в прелюбодеянии. Все это весьма похоже на правду, ибо он часто называл «Приама счастливым за то, что тот пережил всех своих родных».

63. Многое свидетельствует о том, что в это время он был не только ненавистен и отвратителен для всех, но жил также в постоянном страхе, подвергаясь даже всеобщему поношению. Он запретил спрашивать совета гаруспиков иначе, как открыто и при свидетелях[65]. Он пытался даже уничтожить находившиеся вблизи Рима оракулы, однако чудесно проявившееся величие пренестинских жребиев[66] навело на него такой страх, что он отказался от своего намерения. Дело в том, что жребии эти были запечатаны в ларце и привезены в Рим, но по вскрытии ларца оказались исчезнувшими, и вновь объявились в нем лишь после того, как ларец был отвезен обратно в храм. Он назначил двух консуляров наместниками провинций, но не решился отпустить их и все удерживал при себе, пока несколько лет спустя не назначил им преемников в должности, хотя они продолжали находиться в Риме; до той же поры они сохраняли титул своей должности и даже неоднократно получали от Тиберия поручения, которые затем выполняли через посредство легатов и помощников.

64. После осуждения своей снохи и внуков он приказал, чтобы они передвигались не иначе, как в кандалах и в носилках с зашитыми занавесками, причем конвойные запрещали встречным и путникам оглядываться на них или останавливаться.

65. Сеян замышлял государственный переворот, и хотя дело дошло уже до того, что день его рождения стал официальным праздником, а его золоченым статуям во многих местах оказывались почести, Тиберий лишь едва-едва, притом более хитростью и коварством, чем своим авторитетом принцепса, добился, наконец, его падения. В самом деле, прежде всего с целью удалить его от себя под предлогом почетного назначения он сделал его своим коллегой по консульству, которое нарочито для этой цели принял в пятый раз, заочно, после долгого промежутка времени. Затем он прикинулся, будто готов породниться с Сеяном и облечь его трибунской властью, и, обманув его этой надеждой, внезапно обвинил перед сенатом в послании, по своему содержанию презренном и жалком; в нем он, между прочим, просил сенаторов, чтобы они прислали одного из консулов [67], который его, одинокого старика, с военной охраной препроводил бы в их собрание. Однако, и тут не имея уверенности в успехе и опасаясь волнений, он приказал, в случае нужды, освободить и провозгласить командующим военными силами своего внука Друза, которого дотоле держал в Риме в заключении. Он даже приготовил заблаговременно корабли, в намерении спастись бегством к каким-нибудь легионам, и с самой высокой скалы то и дело следил за сигналами, которые на случай запоздания курьеров уже раньше приказал подавать издалека для сообщения о ходе событий. Все же и после подавления заговора Сеяна он еще не почел свое

положение достаточно надежным и прочным и в течение девяти ближайших месяцев не покидал так называемой виллы Ионы[68].

66. Как огненные стрелы, поражали его встревоженную душу отовсюду направленные на него поношения. Ибо все осужденные всячески поносили его либо прямо в глаза, либо в листках, разбросанных по сенаторским местам в театре. Эти нападения действовали на него различно: то, движимый стыдом, он как бы не замечал их и старался замалчивать, то высказывал к ним свое презрение и сам сообщал другим или даже разглашал во всеобщее сведение. Даже парфянский царь Артабан написал ему уничтожающее письмо, в котором упрекал его в истреблении родственников, убийствах, трусости и распутстве и увещевал его как можно скорее добровольной смертью удовлетворить чувству величайшей и справедливейшей ненависти граждан.

67. В конце концов он сам стал себе в тягость и высказал все бремя своих несчастий в таких вступительных словах одного послания к сенату: «Что должен или как должен я писать вам, сенаторы, или чего мне вовсе не следует писать вам в настоящее время, если мне ведомо это, то да ввергнут меня боги и богини в еще худшую гибель, нежели та, которая, как я чувствую, каждодневно увлекает меня за собой».

Как полагают некоторые, он, благодаря своему дару предугадывания, все это предчувствовал и уже задолго предвидел, какая ненависть и бесславие ждут его впоследствии; а потому,

принимая власть, он самым упорным образом отказывался от титула «отца отечества» и от принесения гражданами клятвы его делами[69], ибо боялся, что впоследствие бесчестие будет еще сильнее, если он окажется недостойным таких почестей. Это легко можно усмотреть из речи, сказанной им по поводу обоих предложений. Он говорит: «Я всегда останусь самим собой и, пока буду пребывать в здравом уме, не изменю своего характера; однако ради примера на будущее время сенат должен остерегаться связывать себя клятвой делами какого-либо лица, которое впоследствии, в силу случая, может перемениться». И в другой раз он говорит: «Если когда-либо вам придется сомневаться в моем поведении и в моей вам преданности,— впрочем, да погибну я прежде, чем это могло бы случиться и да избавлюсь этим от такой перемены вашего обо мне мнения,— то титул «отца отечества» не прибавит мне почета, а для вас станет укором либо за опрометчивость, с какой вы мне его дали, либо за непостоянство, с каким вы переменили обо мне мнение».

68. Тиберий был полнотел и крепко сложен, роста выше среднего, широк в груди и плечах, и все члены его от головы до ног были замечательно пропорциональны. Его левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы ее настолько крепки, что он мог пальцем проткнуть свежее цельное яблоко, а щелчком в голову мог причинить ссадину не только мальчику, но и взрослому. Цвет кожи его был бел, затылок сильно зарос волосами, которые спускались даже на шею, что, повидимому, было наследственной осо-

бенностью в его роде. Лицо его было благородно, однако его портили внезапно появляющиеся во множестве прыщики. Глаза его были огромной величины и, что удивительно, могли видеть также ночью в темноте, хотя и недолгое время, тотчас после его пробуждения от сна, а затем острота их снова притуплялась. Ходил он держа голову прямо и закинув назад, почти всегда насупившись, и большей частью молчал, а если разговаривал, то весьма мало, даже с самыми близкими, причем говорил чрезвычайно медленно, сопровождая речь легкими движениями пальцев. Август, с одной стороны, порицал эту неприятную, оскорбительную манеру держаться, с другой же стороны — часто старался оправдать ее перед сенатом и народом, говоря, что «в этих недостатках повинна природа, а не собственная его воля». Здоровье его было превосходно, так что в течение всего своего правления он почти вовсе не бывал болен, хотя, начиная с тридцатилетнего возраста следил за ним исключительно сам, без помощи и советов врачей.

69. К богам и религиозным обрядам он был довольно равнодушен, придавая чрезвычайное значение астрологии и будучи глубоко убежден, что все управляется роком. Тем не менее, гром наводил на него чрезмерный страх, так что, когда на небе появлялись тучи, он всегда надевал на голову лавровый венок, ибо существовало мнение, что молния не поражает листвы лавра.

70. Он с большим рвением предавался занятиям свободными искусствами на обоих языках. Среди римских ораторов он был последователем

Корвина Мессалы, почитателем которого сделался еще в юности, когда тот был уже стариком. Однако чрезмерной напыщенностью и педантизмом он затемнял свой стиль, так что его речи, произнесенные экспромтом, выходили лучше подготовленных заранее. Он сочинил также лирическое стихотворение, озаглавленное «Сетование о кончине Люция Цезаря». Писал он стихи также и по-гречески, подражая Евфориону, Риану и Парфению, поэзией которых он наслаждался чрезвычайно; их бюсты и произведения он поставил в публичных библиотеках наряду с древними и первостепенными авторами. Поэтому многие ученые, словно соревнуя друг с другом, издавали исследования об этих поэтах, посвящая их Тиберию. Однако всего более интересовался он баснословной историей, даже до нелепости и до смешного. Действительно, он постоянно обращался к грамматикам, общество которых, как мы сказали, особенно любил, с вопросами такого рода: «Кто была мать Гекубы? Какое имя носил Ахилл, живя среди девушек? Что обычно пели сирены?» Когда в первый день по кончине Августа он вошел в курию, то, как бы выполняя свой долг благоговейного почитания его памяти и религиозный обряд, он по примеру Миноса принес жертву ладаном и вином, но без флейтиста, подобно тому как некогда Минос сделал это по смерти сына.

71. Хотя вообще он бегло и свободно говорил по-гречески, однако далеко не всегда и всюду употреблял этот язык и в особенности воздерживался от него в сенате. В этом он дошел

до того, что однажды, когда ему надо было сказать слово «монополия», он заранее попросил извинения, что ему приходится употребить иностранное слово. А когда в каком-то сенатском декрете встретилось слово ἔμβλημα[70], он заявил, что слово это надо заменить и отыскать вместо иностранного слова свое собственное, а если такового не отыщется, то передать содержание описательно, хотя бы и многословно. Равным образом одному солдату, у которого в суде просили на греческом языке дать показание, он велел дать таковое не иначе как по-латыни.

72. За все время своего удаления на Капри он дважды собирался вернуться в Рим: в первый раз он подплыл на триреме до ближайших к навмахии[71] садов, где по берегу Тибра были выставлены посты, удалявшие лиц, шедших к нему навстречу; второй раз он дошел по Аппиевой дороге до седьмого мильного камня. Однако он только издали взглянул на стены города и, не войдя в них, вернулся назад; неизвестно, почему он сделал это в первый раз, во второй же его напугала примета. Он для развлечения держал у себя змею; по обыкновению, он хотел покормить ее из собственной руки, но нашел ее съеденной муравьями. Это он почел за предупреждение остерегаться насилия народной толпы. Поэтому он поспешно возвратился в Кампанию, но в Астуре внезапно захворал; немного оправившись, он продолжал путь до Цирцей. Чтобы не возбудить подозрений насчет своей болезни, он не только появился на военных играх, но также пробовал сверху метать копья в выпущенного на арену

кабана. Немедленно он почувствовал боль в боку, а после того как его разгоряченного обдуло ветром, он снова впал в тяжкую болезнь. Однако некоторое время он бодрился, хотя, доехав до Мизена, ни в чем не изменил обычного образа жизни и даже не отказался ни от пиршества, ни от других удовольствий, отчасти вследствие невоздержанности, отчасти из желания скрыть болезнь. Врач Харикл, получив разрешение удалиться и выходя с пиршества, взял его за руку, чтобы поцеловать ее. Тиберий решил, что он сделал это, чтобы пощупать ему пульс, и пригласил его остаться и снова возлечь за трапезу, а сам затянул пиршество дольше. И, как обычно, также и в этот раз он стал посреди триклиния, имея рядом с собой ликтора, и называл по имени каждого из гостей, прощаясь с ними.

73. Между тем, он прочитал в сенатских протоколах, что сенатом отпущено даже без допроса несколько обвиненных, о которых он уже раньше коротко и ясно написал, что на них к нему поступил донос. Он пришел в негодование, приняв такое поведение за презрение к себе. Поэтому он решил во что бы то ни стало добраться до Капри, предполагая не предпринимать ничего рискованного иначе, как из безопасного убежища. Но его задержало ненастье и обострение болезни, и вскоре после он скончался в Лукулловой вилле на семьдесят восьмом году жизни и на двадцать третьем году своего правления, 16 марта[72], в консульство Гнея Ацеррония Прокула и Гая Понтия Нигрина.

Некоторые думают, что он погиб от данного ему Гаем медленно изнуряющего яда; другие

предполагают, что он умер от того, что ему не давали есть, когда лихорадка неожиданно ослабла и он попросил пищи; некоторые думают, что во время обморока у него сняли с руки кольцо и когда он очнулся и стал искать его, то его задушили подушкой. Сенека пишет, что, когда он понял, что силы его слабеют, он снял с пальца кольцо, словно желая кому-то его передать, затем, подержав его некоторое время в руке, снова надел на палец; потом он долго лежал, сильно сжав левую руку. Внезапно он позвал слуг, но, не получив ответа, встал и затем, потеряв силы, упал бездыханный недалеко от постели.

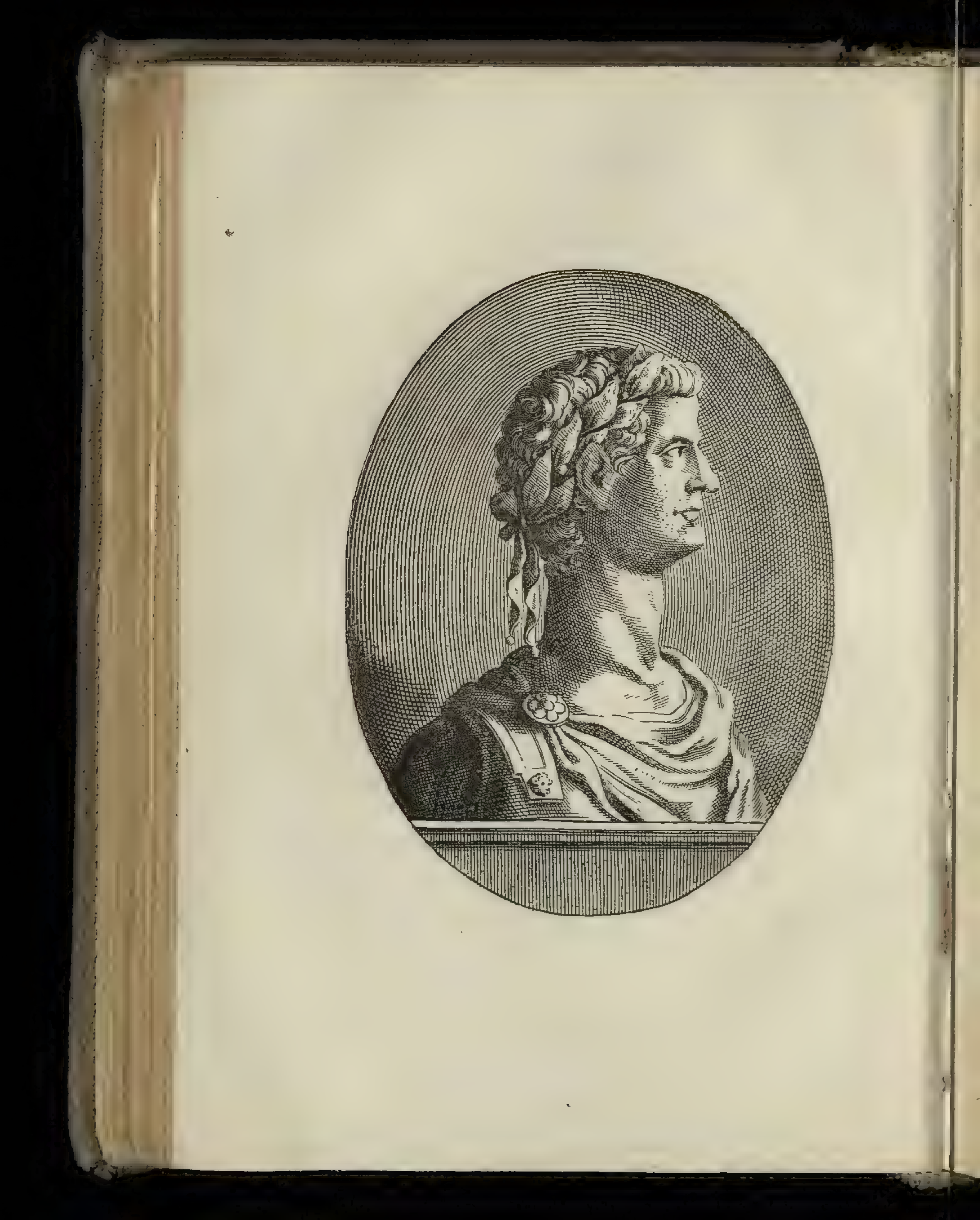
74. В последний день своего рождения он видел во сне Аполлона Теменитского, коего статую необыкновенной величины и искусной работы он выписал из Сиракуз для помещения в библиотеке нового храма. Аполлон объявил, что ему, Тиберию, не придется самому поставить статую в храме. За несколько же дней до его смерти на Капри землетрясением был разрушен маяк. А в Мизене случилось следующее: в комнату были внесены для нагревания жар и горящие уголья; когда они уже потухли и охладели, к вечеру пепел внезапно воспламенился и непрерывно горел до глубокой ночи.

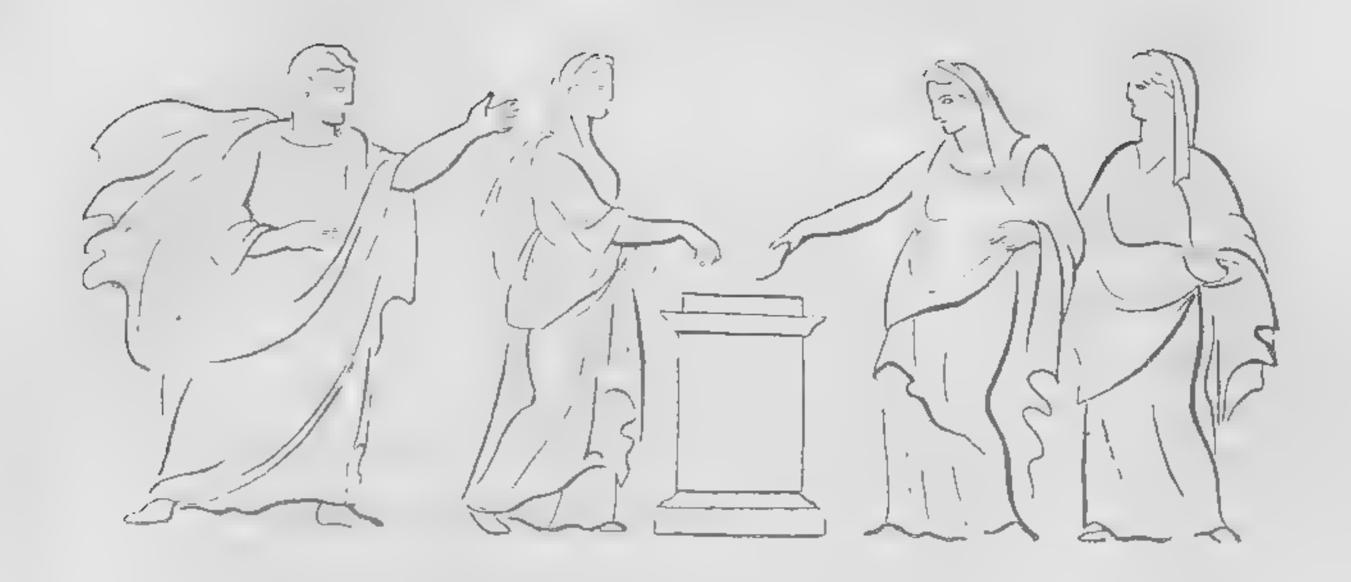
75. Его смерть вызвала в народе такую радость, что при первом известии о ней все пришло в движение; часть кричала: «Тиберия в Тибр!», часть молилась Матери-земле и богам манам [73], чтобы они отвели место покойнику не иначе, как с нечестивцами; некоторые угро-

жали его трупу крюками и Гемониями. Помимо воспоминания о прежних злодействах Тиберия, они были возмущены последними зверствами. В самом деле, согласно постановлению сената, казнь осужденного всегда откладывалась на десятый день, и теперь случилось так, что в самый день казни некоторых из осужденных пришла весть о смерти Тиберия. Они умоляли окружающих о заступничестве, но ввиду отсутствия Гая не было никого, к кому можно было бы обратиться с просьбой, и стражи, не желая отменять заведенного порядка, задушили их и выбросили в Гемонии. Это событие усилило ненависть народа, ибо казалось, что и после смерти тирана продолжает действовать его жестокость. Когда тело понесли из Мизена, то многие кричали, что лучше отнести его в Ателлу и там немного поджарить в амфитеатре. Однако солдаты принесли его в Рим, где он и был сожжен в официальном обряде погребения.

76. За два года до смерти он составил завещание в двух списках: одном — собственноручном, а другом — написанном рукою вольноотпущенника; оба были одинакового содержания и запечатаны печатями людей весьма низкого звания. В этом завещании он назначил наследниками в равных долях своих внуков: Гая, сына Германика, и Тиберия, сына Друза. Кроме того, каждый из них назначался наследником другого. Он отказал также доли многим другим, между прочим девам-весталкам, а также всем солдатам и каждому человеку из римского плебса и сверх того особо старостам уличных кварталов Рима.

ГАЙ КАЛИГУЛА





1. Отец Гая Цезаря, Германик, сын Друза и Антонии Младшей, был усыновлен своим дядей Тиберием. На пять лет раньше законного срока он получил квестуру и тотчас после нее отправлял должность консула. Он был послан в Германию командовать войсками. Когда пришла весть о смерти Августа, то все легионы стали упорно отказываться признать императором Тиберия и предлагали верховную власть ему. Но он укротил легионы, проявив при этом столько же сыновней верности, сколько стойкости, а затем, одержав победу над германцами, отпраздновал триумф. Затем он был вторично избран в консулы и еще до вступления в должность принужден отправиться устраивать дела на Востоке. Он победил царя Армении, превратил Каппадокию в провинцию, но затем после продолжительной болезни умер в Антиохии на тридцать четвертом году от рождения, причем возникло подозрение, что он был отравлен. Ибо, помимо синих пятен по всему телу и пены, истекавшей через рот, после сожжения его тела сердце было найдено целым среди костей; а в силу природного свойства сердце, как полагают,

не поддается разрушению огнем, коль скоро оно пропитано ядом.

2. Существовало мнение, что он погиб вследствие козней Тиберия, который пользовался при этом услугами Гнея Пизона; последний был в то время наместником Сирии. Он не скрывал, что ему придется быть во вражде либо с отцом, либо с сыном, словно это было неизбежно, и даже во время болезни Германика наносил ему тяжкие оскорбления и словами, и поступками, преступая при этом всякую меру. За это, по возвращении своем в Рим, он едва не был растерзан народом, а сенат присудил его к смертной казни.

3. Как известно, Германик соединял в себе все добродетели, телесные и душевные, так, как никто другой. Он был прекрасен и храбр, обладал выдающимися способностями в красноречии и литературе на обоих языках, отличался чрезвычайной доброжелательностью к людям и удивительным умением располагать их к себе и внушать им любовь. Его наружность несколько страдала только от худобы ног, однако он постепенно укрепил их постоянной ездой верхом на коне, обычно после принятия пищи. В рукопашном бою он не раз лично поражал врагов; он выступал в судебных процессах, даже уже будучи удостоен почестей триумфа; как плод своего литературного творчества, он оставил, между прочим, также греческие комедии. Проявляя гражданский такт и дома и на чужбине, он появлялся в автономных и союзных городах без ликторов[1]. Коль скоро ему становилось известно существование где-либо гробниц знаме-

нитых мужей, он приносил жертвы их отошедшим душам. Когда он решил похоронить в одной могиле истлевшие и разбросанные останки погибших при поражении Вара, он первый собственноручно начал собирать и сносить их в кучу. К своим хулителям, кто бы они ни были и какова бы ни была причина их вражды, он относился так мягко и снисходительно, что даже когда Пизон стал отменять его распоряжения и обижать его клиентов, он начал гневаться на него лишь тогда, когда узнал, что тот ищет погубить его ядом и колдовством; да и тогда он ограничился лишь тем, что, по обычаю предков, официально отказал ему в своей дружбе, а своим домашним предписал отмстить за себя, если бы с ним что-либо приключилось.

4. Германик пожал обильные плоды своих добродетелей: родные до такой степени чтили и любили его, что Август,— о прочих родственниках я уж и не говорю,— долго колебался, не назначить ли его своим преемником, и, наконец, заставил Тиберия усыновить его; у народа же он пользовался такой любовью, что, по словам многих лиц, всякий раз, как он появлялся в каком-либо месте или покидал его, его встречала и провожала такая толпа, что иногда он подвергался опасности быть задавленным; когда же после усмирения мятежа легионов он возвращался из Германии в Рим, то навстречу ему вышли все преторианские когорты, хотя было приказано выступить только двум, а римские граждане обоего пола всех возрастов и сословий высыпали ему навстречу вплоть до двадцатого мильного камня.

5. Однако гораздо сильнее и убедительнее проявилось суждение о нем в момент его смерти и после нее. В тот день когда он скончался, в храмы кидали камни, опрокидывали жертвенники богов, некоторые же выбрасывали на улицу своих домашних ларов или отвергали детей, только что рожденных их женами. Говорят, что даже варвары, ведшие войны между собой или с нами, по общему согласию заключали перемирие, словно их постигло собственное домашнее и общее всем горе. Некоторые царьки остригли себе бороды, а женам обрили волосы в знак величайшей скорби. Царь же царей[2] наложил на себя воздержание от охоты и пиров со своими вельможами, что у парфян равняется нашему официальному перерыву судебной деятельности.

6. В Риме первое известие о его болезни повергло в оцепенение и печаль все население; с нетерпением ждали следующих вестников, и вдруг к вечеру неизвестно через кого распространился слух, будто он выздоровел. Тогда все с факелами и жертвенными животными устремились на Капитолий и, торопясь выполнить данный обет, едва не свалили ворота храма. Тиберий проснулся от голосов, поздравлявших друг друга, и доносившихся отовсюду возгласов:

Риму жить, жить нашей родине, жить тебе,
Германик наш!

Когда же, наконец, стало известно, что он умер, никакие утешения и эдикты не могли сдержать выражений всеобщей печали, которые не прекращались также и в праздничные дни

декабря[3]. Его слава и тоска по нем народа увеличились благодаря наступившему затем периоду ужасов, ибо все совершенно основательно думали, что вскоре проявившаяся жестокость Тиберия сдерживалась до тех пор только уважением к Германику и страхом перед ним.

7. Он состоял в браке с Агриппиной, дочерью Марка Агриппы и Юлии, и имел от нее девять детей. Двое из них умерли еще в детстве, причем один, достигший отроческого возраста, отличался необыкновенной прелестью. Его изображение, в виде Купидона, Ливия посвятила в храме Венеры Капитолийской, а Август поместил его в своей опочивальне и всякий раз, как входил туда, целовал его. Прочие дети Германика пережили его. Это были три девочки: Агриппина, Друзилла и Ливилла, рожденные одна за другой в течение трех лет, и три мальчика: Нерон, Друз и Гай Цезарь. Нерона и Друза сенат по обвинению Тиберия признал врагами.

8. Гай Цезарь родился 31 августа[4], в консульство своего отца и Гая Фонтея Капитона. Где он родился, остается неизвестным благодаря разноречию сообщений. Гней Лентул Гетулик пишет, что он родился в Тибуре, Плиний Секунд называет местечко Амбитарвий, выше Конфлуэнтов[5], в области треверов. В качестве доказательства, он, между прочим, сообщает, что в этом месте показывают алтарь с надписью: «По случаю разрешения от бремени Агриппины». Стишки, получившие распространение уже после начала правления Гая, как место его рождения называют зимний лагерь:

Рожденный в лагере, воспитанный среди отцовских войск,
То было знаменьем, что принцепсом он будет.

В официальном журнале я нашел, что он родился в Анции. Плиний опровергает Гетулика, как солгавшего из лести, с целью к похвалам по адресу юного и тщеславного принцепса прибавить еще связь его с городом, посвященным Геркулесу; это ложное указание дано с тем большей уверенностью, что почти годом раньше в Тибуре у Германика родился сын, тоже названный Гаем Цезарем, о котором мы упомянули выше, как о прелестном ребенке, безвременно скончавшемся. Самого же Плиния опровергает счет времени. Ибо лица, писавшие о деяниях Августа, согласно утверждают, что Германик был отправлен в Галлию по исправлении им должности консула, когда Гай уже был рожден. Мнение Плиния нисколько не подтверждается надписью на алтаре, ибо в том же месте Агриппина дважды разрешилась от бремени дочерьми, и, какого бы пола ни было новорожденное дитя, разрешение одинаково называется puerperium, в согласии с тем, что древние называли девочек puerae, как и мальчиков puelli. Существует также письмо Августа, написанное им за несколько месяцев до смерти внучке своей Агриппине об этом самом Гае (ибо в то время другого младенца того же имени не было): «Вчера я уговорился с Таларием и Азиллием, чтобы они, если то угодно богам, 18 мая отвезли маленького Гая к отцу. Кроме того, я отправляю с ним из числа моих рабов врача, которого Германик, как я писал ему, может

удержать у себя, если желает. Прощай, дорогая Агриппина; постарайся в добром здоровии прибыть к твоему Германику». Мне кажется совершенно ясным, что Гай не мог родиться там, куда он впервые был отвезен из Рима почти двухлетним ребенком. Это же соображение лишает достоверности вышеприведенное двустишие, тем более, что автор его неизвестен. Поэтому надлежит следовать авторитету официального документа, как единственного остающегося у нас свидетельства, тем более, что Гай всегда предпочитал Анций всем иным местам и любил его именно так, как любят свою родину; говорят даже, что, наскучивши Римом, он собирался перенести туда резиденцию империи.

9. Прозвище Калигулы [6] было дано ему в шутку солдатами, ибо он воспитывался среди них и носил обычно солдатскую одежду. Сколь сильна была любовь и преданность к нему солдат, вызванная этим долговременным воспитанием среди них, явствует особенно из того, что во время их мятежа после смерти Августа, когда они готовы были на всякие неистовства, только его вид подействовал на них успокаивающе. Действительно, они прекратили мятеж лишь после того, как увидели, что его хотят удалить от опасности и отправить в ближайший город. Только тогда они почувствовали раскаяние, задержали повозку и стали просить не навлекать на них такого позора.

10. Калигула сопровождал своего отца в его поездке в Сирию. По возвращении оттуда он сначала жил при своей матери, а затем, когда она была сослана, при своей прабабке Ливии

Августе. При ее погребении он произнес ей похвальное слово перед рострами, хотя был тогда еще несовершеннолетним. Он перешел на жительство к своей бабке Антонии и на девятнадцатом году жизни был призван Тиберием на Капри и в один и тот же день надел тогу взрослого и сбрил впервые бороду без каких-либо почестей, которые выпали на долю его братьев при их совершеннолетии. Здесь он сделался предметом всевозможных козней, ибо у него старались вынудить жалобу против Тиберия; однако ни разу он не выдал себя и показывал такое забвение несчастий своих близких, словно с ними и в самом деле ничего не случилось. А то, что приходилось перенести ему самому, он пропускал мимо с невероятным притворством и выказывал такую покорность деду и его приближенным, что не без основания о нем говорили, что «не было еще лучшего раба и худшего владыки».

11. Однако и в то время он не мог удерживать проявлений своей свирепой и порочной натуры: он со страстью предавался зрелищу наказаний и мучений осужденных, а по ночам, замаскировавшись париком и длинной одеждой, таскался по кабакам и публичным домам, а также находил большое удовольствие в сценических представлениях, пляске и пении. Тиберий снисходительно смотрел на это, надеясь, что его дикий нрав может таким образом укротиться. Проницательный старик так ясно видел этот его нрав, что несколько раз говорил, что «Гай существует для его, Тиберия, и для всеобщей погибели и что для римского народа

он воспитывает в его лице змею, а для всего мира Фаэтона»[7].

12. Вскоре после своего совершеннолетия Калигула вступил в брак с Юнией Клавдиллой, дочерью знатнейшего мужа, Марка Силана. Затем он был предназначен в авгуры на место своего брата Друза, но еще до получения этого жречества был сделан понтификом в виде особого признания его родственной почтительности к Тиберию и обнаруженных им дарований, ибо теперь, когда Сеян находился уже под подозрением, а вскоре и вовсе был уничтожен, Калигула все больше приближался к надежде стать наследником. Чтобы еще прочнее утвердить эту надежду, он, когда Юния умерла от родов, склонил к прелюбодеянию с собой Эннию Невию, жену Макрона, бывшего в то время начальником преторианских когорт, и обещал жениться на ней, если со временем завладеет высшей властью. Это обещание он подкрепил клятвой и собственноручной подписью. Чрез ее посредство он втерся в доверие Макрона и, как полагают некоторые, отравил Тиберия ядом и приказал снять у него, еще живого, с руки кольцо, а так как Тиберий, казалось, его не отдавал, то он велел набросить на него подушку и даже собственной рукой сдавил ему горло; при этом один вольноотпущенный, у которого злодеяние это вызвало возглас возмущения, был немедленно отправлен на крест. Этот рассказ, повидимому, близок к истине, ибо некоторые говорят, что позже он сам сознавался, если не в выполнении этого убийства, то в обдумывании его плана; действительно, говоря о своей сы-

новней любви, он постоянно похвалялся, что с целью отмстить за смерть матери и братьев, он как-то с кинжалом вошел в опочивальню Тиберия, который в то время спал; однако, почувствовав жалость, он отбросил кинжал и удалился; по его словам, Тиберий, хотя и заметил все, однако не посмел произвести расследование или наказать его.

13. То, что он достиг власти, явилось исполнением пылких упований римского народа и даже всего рода человеческого: он был желательнейшим принцепсом для большей части провинциалов и солдат, ибо многие из них знали его ребенком, а также и для всего городского плебса, хранившего память об его отце Германике и скорбевшего о почти полной гибели его семьи. Итак, когда он отправился из Мизена, хотя и в траурной одежде, сопровождая погребальную процессию Тиберия, он шел однако среди алтарей, жертвоприношений и горящих факелов, среди встречавшей его густой ликующей толпы, которая, помимо прочих поздравлений, называла его и своим «солнышком», и «цыпленочком», и «куколкой», и «питомцем».

14. Когда Калигула вошел в город, то, по взаимному согласию сената и ворвавшейся в курию толпы, немедленно была объявлена недействительной воля Тиберия, который в своем завещании назначил сонаследником другого, еще несовершеннолетнего своего внука, и вся власть полностью была предоставлена Калигуле среди всеобщего ликования, которое было таково, что в течение ближайших трех месяцев, и даже не

полностью, было, как говорят, заколото свыше ста шестидесяти тысяч жертвенных животных.

Когда через несколько дней он отправился на ближайшие острова Кампании, народ приносил обеты за его возвращение, не пропуская малейшего случая выказать свою заботу о его здоровье. Когда же он заболел, то весь народ ночевал вокруг дворца, и находились такие, которые давали обет сражаться[8] за его выздоровление, другие же на вотивных дощечках[9] объявляли публично, что готовы за его жизнь отдать свою собственную. К этой необычайной любви граждан присоединялось замечательное расположение со стороны чужестранцев. В самом деле, парфянский царь Артабан, всегда явно показывавший свою ненависть и презрение к Тиберию, сам предложил дружбу Калигуле, явился для переговоров с бывшим консулом, его легатом, и, переправившись через Евфрат, явился для оказания почестей римским орлам и знаменам, а также изображениям Цезарей.

15. Калигула и сам старался усилить любовь к себе народа всякого рода угождениями. Проливая обильные слезы, он произнес перед собранием народа похвальное слово Тиберию и самым пышным образом совершил обряд его похорон; тотчас же после этого он поспешил на Пандатерию и Понции для перевозки оттуда праха матери и брата, причем поездкой в бурную погоду хотел подчеркнуть свою сыновнюю преданность. Он с благоговением приступил к их праху и собственноручно сложил его в урны. С не менее торжественной инсценировкой он привез их в Остию на биреме, с водру-

женным на корме знаменем, а оттуда в Рим по Тибру; знатнейшие лица всаднического сословия среди дня, при огромном стечении народа, на двух носилках перенесли их в Мавзолей. Он учредил в их честь ежегодные общественные религиозные обряды, а матери — еще сверх того цирковые игры, на которых ее статуя должна была провозиться в торжественной процессии на колеснице. В память своего отца он назвал сентябрь месяц Германиком. Затем посредством одного сенатусконсульта он предоставил своей бабке Антонии все те почести, которые когда-либо получила Ливия Августа; своего дядю Клавдия[10], который до того времени был римским всадником, он сделал своим коллегой по консульству, а брата Тиберия в день его совершеннолетия усыновил и назвал предводителем молодежи. Что же касается сестер, то он постановил, чтобы ко всякой присяге делалось такое добавление: «ни я сам, ни дети мои не будут мне дороже, нежели Гай и его сестры», а к докладам консулов сделал такое добавление: «да будет сие во благо и благоденствие Гаю Цезарю и его сестрам».

В том же духе угождения народу он восстановил в правах осужденных и сосланных и объявил всеобщую амнистию по обвинениям, оставшимся от прежнего времени. Материалы, относящиеся к процессам своей матери и братьев, он приказал свезти на форум и во всеуслышание, призвав богов в свидетели того, что он не читал и даже не прикоснулся ни к одному из них, приказал их сжечь; этим он освобождал от всякого страха на будущее время

всех доносчиков и свидетелей по этим процессам. Он не принял поданного ему письменного доноса об умысле против его жизни, заявив, что «не сделал ничего такого, за что стал бы ненавистен для кого бы то ни было», и присовокупил, что «для доносчиков у него нет ушей».

16. Он изгнал из Рима спинтриев, предававшихся разврату в самых чудовищных его формах, причем сначала хотел утопить их, от чего его едва удалось отговорить. Он приказал разыскать сочинения Тита Лабиена, Кремуция Корда и Кассия Севера, уничтоженные раньше сенатусконсультами, и разрешил всем держать их у себя и читать, заявив, что «для него самого в высшей степени важно, чтобы память о всяком деянии сохранилась в потомстве». Он снова стал обнародовать отчеты о состоянии государства, что было заведено Августом, но прекращено при Тиберии. Магистратам он позволил вести судебные разбирательства свободно и решать их в последней инстанции. Он произвел смотр римским всадникам строго и тщательно, но в то же время снисходительно: конь был публично отнят лишь у тех, которые запятнали себя каким-либо недостойным или бесчестным поступком, тех же, коих вина была легче, он лишь пропустил при чтении поименного списка. Чтобы облегчить труд судьям, он к четырем их прежним декуриям прибавил пятую. Он сделал также попытку вернуть народу право голосования, восстановив обычай народных собраний. Он добросовестно и без отговорок выплатил наличностью отказанное по завещаниям не только Тиберия, хотя оно было объ-

явлено недействительным, но и Юлии Августы, хотя последнее уничтожил сам Тиберий. Он освободил Италию от полупроцентного налога на аукционы. Многим лицам он возместил причиненные пожарами убытки. Восстанавливая некоторых царей на престоле, он дополнительно выплачивал им также весь доход от налогов и поступления, причитающиеся за промежуточное время. Так, Антиоху Коммагенскому были выплачены конфискованные сто миллионов сестерциев. Чтобы выказать себя покровителем всякого благородного поступка, он подарил 80 тысяч сестерциев одной вольноотпущенной за то, что в свое время даже под самыми жестокими пытками она не выдала вины своего патрона. За все эти деяния, среди прочих оказанных ему почестей, было постановлено, чтобы ежегодно в определенный день коллегии жрецов несли в Капитолий золотой щит[11] с его поясным изображением, причем их сопровождал бы сенат и знатные мальчики и девочки с мерным пением стихов, прославлявших его добродетели. Было также постановлено, чтобы первый день его правления назывался Парилием[12], как бы в свидетельство вторичного основания города.

17. Должность консула он занимал четыре раза: в первый раз - в течение двух месяцев, начиная от 1 января, второй раз — от 1 января в течение 30 дней, в третий раз — до 13 января, в четвертый — до 7 января. В третье свое консульство он вступил один, находясь в Лионе. Вопреки мнению некоторых, он поступил так не из высокомерия или небрежности, но потому, что, находясь далеко от Рима, не мог

знать, что его коллега скончался накануне 1 января. Дважды делал он денежный подарок народу, по триста сестерциев на человека. Столько же раз он устраивал роскошнейший пир для сенаторов и всадников, причем были приглашены также их жены и дети. На втором пире гостям были сверх того розданы: мужчинам — присвоенное званию каждого платье, а женщинам и детям — пурпуровые и голубые повязки[13]. Чтобы навсегда увеличить продолжительность общественных увеселений, он к празднику Сатурналий прибавил один день, названный им Ювеналом[14].

18. Он много раз давал бои гладиаторов, частью в амфитеатре Тавра[15], частью в Оградах; он прибавлял к ним толпы африканских и кампанских кулачных бойцов, набрав считавшихся лучшими в их местности. На зрелищах он не всегда председательствовал сам, но часто поручал эту обязанность магистратам или друзьям. Часто также давал он разнообразные театральные представления в различных местах, иногда ночью при зажженных по всему городу факелах. Он разбрасывал разнообразные подарки народу, а также поголовно наделял граждан корзинами с хлебом и съестными припасами. Во время этого угощения один римский всадник, сидевший против Калигулы, так весело и с таким аппетитом ублаготворялся едой, что он послал ему также и свою собственную долю, а одному сенатору, по той же причине, отправил свой указ, в котором вне очереди назначил его на должность претора. Он часто давал также цирковые состязания, длившиеся от раннего

утра до вечера, с перерывами, в которых устраивалась либо африканская охота, либо троянский бег. На некоторых из этих цирковых игр, отличавшихся особенной пышностью, арену посыпали суриком или горной зеленью, а к состязанию на колесницах допускались только сенаторы. Он устраивал игры также и экспромтом; так, однажды, когда он смотрел из Гелотианского дома[16] на приготовления в цирке, несколько лиц, глядевших из Мениевых лож[17], попросили его об этом.

19. Кроме того, он придумал новый и еще невиданный род зрелищ, а именно: он соединил мостом Байи и Путеоланский мол через промежуточное пространство длиною почти в три тысячи шестьсот шагов, для каковой цели отовсюду были стянуты и поставлены в двойном ряде на якорях грузовые суда, а на них сделана земляная насыпь наподобие Аппиевой дороги. В течение двух дней подряд он разгуливал по этому мосту взад и вперед; в первый день он сидел верхом на коне в богатой сбруе, красуясь дубовым венком, испанским щитом и мечом и затканной золотом хламидой. На следующий день он появился в виде возницы на колеснице, запряженной парой знаменитых беговых коней, имея впереди себя отрока Дария, одного из парфянских заложников, сопровождаемый отрядом преторианцев и ближней свитой в боевых колесницах. Как мне известно, многие считали, что этот мост Гай придумал, соревнуя с Ксерксом, который некогда, к всеобщему удивлению, соединил мостом гораздо более узкий Геллеспонт; другие же полагали, что слухом о каком-

либо грандиозном сооружении он хотел напугать Германию и Британнию, с которыми собирался воевать. Но еще в детстве я слышал, как мой дед объяснял причину этого предприятия, выданную приближенными придворными слугами: дело в том, что астролог Тразилл заявил Тиберию, несившемуся с вопросом о наследнике и гораздо более склонявшемуся в пользу своего родного внука, что «Гай не будет императором, так же как он не проедет на лошадях по Байскому заливу».

20. Калигула устраивал зрелища также и вне Италии; в Сиракузах в Сицилии — астические[18] игры, а в Лионе в Галлии — смешанные. Здесь происходило также состязание в красноречии на греческом и латинском языках, причем, как говорят, побежденные должны были сами уплачивать награды победителям и составлять им хвалебные гимны; тем же, которые всего менее угодили публике, приказывали стирать написанное губкой или языком, под угрозой, в случае ослушания, быть битыми розгой или брошенными в ближайшую реку.

21. Калигула докончил недостроенные при Тиберии здания, храм Августа и театр Помпея. Сам он начал строить близ Тибура акведук и амфитеатр возле Оград; первую из этих построек его преемник Клавдий докончил, вторую же так и оставил. В Сиракузах были восстановлены рухнувшие от ветхости стены и храм. Он предполагал также восстановить на Самосе дворец Поликрата, а в Милете — храм Аполлона, кроме того построить город на вершине Альп, но прежде всего прокопать Истм в Ахайе. Для

производства измерений он уже отправил туда одного из примипиларов[19].

22. До сих пор мы говорили о Калигуле как о принцепсе; остается характеризовать его как чудовище.

Он принял множество прозваний, как то: «благочестивый», «сын лагеря», «отец войска» и «лучший, величайший Цезарь»; услышав однажды, как цари, явившиеся к нему на поклонение, спорили у него за обедом о знатности их родов, воскликнул:

εἷς κοίρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς[20].

При этом он уже совсем было возложил на себя диадему и переменил знаки своей власти принцепса на атрибуты царского достоинства. Однако ему указали на то, что он стоит выше и принцепсов и царей, и с этих пор он стал присваивать себе свойственное богам величие. Он приказал привезти из Греции изображения богов, прославленные почитанием или художественной ценностью, между прочим статую Зевса Олимпийского; отняв у них головы, он приставил к ним свою собственную. Часть Палатинского дворца он расширил до самого форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его вестибюль: здесь он часто стоял между статуями обоих божественных братьев, предоставляя посетителям оказывать себе божеское поклонение; и некоторые действительно приветствовали его именем Юпитера Лациара[21]. Он построил также храм своему гению с особыми жрецами и замысловато придуманными жертвоприношениями. В храме стояла его статуя из золота, точь-в-

точь в натуральную величину, каковую ежедневно облекали в такую же одежду, какую носил он сам. Самые богатые люди занимали в нем по очереди должности жрецов, пуская в ход, чтобы добыть их, все свое влияние и наперерыв предлагая крупнейшие суммы. Для жертвоприношений брали фламинго, павлинов, глухарей, нумидийских кур, цесарок, фазанов, причем каждый день в жертву приносили какой-нибудь один из этих видов птиц. По ночам он настойчиво обращался к полной сияющей луне с приглашением притти к нему в объятия и возлечь с ним на ложе, а днем с глазу на глаз вел беседу с Юпитером Капитолийским, причем то шептал ему на ухо и затем подставлял ему свое, то говорил громко и бранился. По крайней мере, слышали его угрожающие слова:

ἤ μ' ἀνάειρ' ἤ, ἐγὼ σέ [22]

Наконец, по его словам, бог его умилостивил и пригласил жить совместно с ним, вследствие чего он соединил Палатин с Капитолием, перебросив мост над храмом Божественного Августа; а позже, чтобы жить ближе к Юпитеру, заложил фундамент нового дома на площади Капитолия перед его храмом.

23. Он не желал, чтобы его считали и называли внуком Агриппы, ибо последний был низкого происхождения, и гневался, если кто-либо в речи или в стихотворении причислял Агриппу к предкам Цезарей. Он утверждал, что его мать родилась от кровосмесительной связи Августа с собственной дочерью Юлией. Не довольствуясь таким опорочением Августа, он запретил помп-

нать общественными празднествами победы, одержанные при Акции и в Сицилии, как якобы несчастные и губительные для римского народа. Свою прабабку Ливию Августу он обычно называл Одиссеем в юбке и в одном послании к сенату посмел даже упрекнуть ее в низком происхождении, так как ее дедом по матери был будто бы какой-то декурион из Фунд; а между тем, из официальных документов явствует, что Ауфидий Лургон занимал государственные должности в Риме. Свою бабку Антонию он отказался принять для разговора наедине, о чем она его просила, и соглашался дать ей аудиенцию только в присутствии префекта преторианцев Макрона. Такого рода обиды и огорчения явились причиной ее смерти; некоторые же думают, что он ускорил ее также ядом. Также и после ее смерти он не оказал ей никаких почестей, а на ее погребальный костер смотрел из своей столовой. Своего брата Тиберия, не ожидавшего никакой беды, он умертвил, внезапно послав к нему военного трибуна. Тестя же своего Силана он принудил к самоубийству: бритвою тот перерезал себе горло. Причины обоих поступков были, по его словам, такие: Силан не последовал за ним в морское плавание в бурную погоду и остался, якобы в надежде захватить Рим, в случае если бы по причине бури с ним, Калигулой, что-либо приключилось. От Тиберия же пахло будто бы противоядием, которое он принимал, для предохранения себя от отравы. А между тем, Силан просто хотел избежать невыносимой для него морской болезни и тягости морского путешествия, а Тиберий

принимал лекарство против постоянного и все усиливающегося кашля. Своего же дядю Клавдия Калигула оставил в живых только себе на потеху.

24. Со всеми своими сестрами он находился в преступной связи, и на званых обедах они поочередно возлежали ниже его на одном ложе, в то время как собственная его жена возлежала выше его. Одну из сестер, Друзиллу, он, как говорят, лишил невинности, еще будучи мальчиком. Его бабка Антония, у которой оба они воспитывались, будто бы застала их спящими вместе. Позже Друзилла была выдана за бывшего консула Луция Кассия Лонгина, но Калигула, отнял ее у мужа и открыто жил с нею, как бы с законной женой; однажды, заболев, он назначил ее наследницей своего имущества и власти. Когда же Друзилла умерла, он объявил по ней публичный траур, в течение которого под страхом смертной казни было запрещено смеяться, ходить в баню и обедать с родителями, женою и детьми. Не в силах выносить свою скорбь, Калигула однажды ночью внезапно покинул Рим, проехал через Кампанию и отправился в Сиракузы, но оттуда снова поспешно возвратился с отпущенной бородой и волосами. После этого он по всякому поводу, говоря перед народом или перед солдатами, клялся только гением Друзиллы. Прочих своих сестер он любил далеко не с такой страстью и не оказывал им такого почета; часто даже он предоставлял своим любовникам пользоваться ими. Поэтому он не задумался осудить их в связи с процессом Эмилия Лепида, обвинив их

как прелюбодеек и соучастниц в злоумышлении на его жизнь. Он не только огласил их собственноручные письма, которые он добыл средствами обмана и вовлечения в разврат, но также посвятил Марсу Мстителю три меча, приготовленные для его, Калигулы, умерщвления, снабдив их соответствующей надписью.

25. Трудно решить, когда он действовал всего постыднее: вступая ли в брак, или расторгая его, или оставаясь в брачном сожительстве. Когда Ливия Орестилла выходила замуж за Гая Пизона, он тоже явился на свадьбу и приказал отвести новобрачную к себе, но через несколько дней отослал ее прочь, а спустя два года отправил в ссылку, ибо в промежутке этого времени она, повидимому, снова сошлась со своим первым мужем. Другие рассказывают, что он участвовал в брачном пиршестве и написал Пизону, возлежавшему против него: «Не смей касаться моей жены», и тотчас после этого увел ее с собою с пира, а на следующий день всенародно объявил, что он «нашел себе супругу по способу Ромула и Августа»[23]. Лоллия Павлина была замужем за бывшим консулом Гаем Меммием, командовавшим войсками. Когда однажды в разговоре кто-то заметил, что ее бабка была прекраснейшей женщиной своего времени, он внезапно вызвал ее из провинции, отнял ее у мужа и вступил с нею в связь, а затем вскоре отверг ее и навсегда запретил ей половое сожительство с кем бы то ни было. Цезонию, которая не отличалась красотою лица и была немолода, к тому же имела от другого мужа трех дочерей, но зато предавалась безграничной

роскоши и разврату, он любил со страстью и постоянством. Часто он брал ее с собою на показ солдатам, причем она ехала верхом на коне рядом с ним, наряженная в плащ, с шлемом и щитом, а друзьям своим он показывал ее также и голую. После родов он удостоил ее имени своей супруги и в тот же день объявил себя ее мужем и отцом родившегося у нее ребенка. Эту девочку, получившую имя Юлии Друзиллы, он носил по храмам всех богинь, затем положил на колени к Минерве, поручив последней ее вскармливание и воспитание. В его глазах самым верным свидетельством кровной ее с ним связи была дикость ее нрава, которая уже в то время проявлялась столь сильно, что она злобно царапала пальцами лицо и глаза игравших с ней детей.

26. После всего сказанного покажется, пожалуй, незначительным и бледным то, как обращался он с родственниками и друзьями, а именно с Птолемеем, сыном царя Юбы, своим кузеном (ибо Юба был внуком Марка Антония от дочери последнего, Селены), и особенно с самим Макроном и Эннией, помогшими ему достигнуть власти; во исполнение своих родственных обязательств и в награду за их заслуги он заплатил им кровавой смертью.

Не более уважения или мягкости проявлял он в обращении с сенатом. Некоторых из сенаторов, занимавших высшие должности, он заставлял, одевшись в тогу, бежать рядом со своей колесницею на расстоянии нескольких миль, а за обедом не стеснялся ставить их за спинкой своего ложа или у своих ног с по-

лотняных фартуках, как рабов. Других, тайно предав их казни, он, тем не менее, продолжал вызывать в сенат, а затем через несколько дней лживо сообщал, будто они сами наложили на себя руки. Однажды консулы забыли объявить в эдикте о дне его рождения; за это он отставил их от должности, так что республика в течение трех дней оказалась без высших магистратов. Своего квестора, имя которого было упомянуто в одном заговоре, он подверг сечению розгами, причем с него стащили одежду и подложили ее под ноги солдатам, дабы при нанесении ударов они могли стоять тверже.

Такие же высокомерие и насильственность он проявил в обращении с прочими сословиями. Однажды его обеспокоил шум толпы, занимавшей среди ночи даровые места в цирке, и он приказал выгнать всех палками; в происшедшей вследствие этого толкотне было раздавлено более двадцати римских всадников и столько же матрон, помимо бесчисленного количества остальных. На театральных представлениях, желая вызвать ссоры между народом и всадниками, он приказывал выдавать контрамарки на свободные места ранее обычного[24], чтобы места всадников мог захватить даже самый последний простолюдин. На гладиаторских боях он иногда в самую сильную жару приказывал убирать полотняный навес над публикой и запрещал выпускать кого-либо из амфитеатра. Вместо настоящей программы представления он приказывал выводить на арену больных зверей, самых плохих и дряхлых от старости гладиаторов, также самих устроителей гладиаторских игр и по-

ченных, но известных каким-либо телесным недостатком отцов семейства. Иногда же он запирал государственные житницы и подвергал народ голодовке.

27. Жестокость своей натуры он в особенности проявил в следующем. Когда вздорожал скот, покупаемый для кормления диких зверей, предназначенных для гладиаторских игр, он приказал дать им на растерзание преступников; осматривая ряд заключенных, он не интересовался взглянуть на надписи, обозначающие вину каждого, но, стоя в середине портика, велел вести всех, «от первого лысого до последнего»[25]. Одного человека, который дал обет, в случае его выздоровления, поступить в гладиаторы[26], он заставил выполнить этот обет, и сам смотрел, как тот сражался мечом, причем отпустил его лишь после того, как тот остался победителем и долго молил его об этом. Другого человека, который дал обет пожертвовать жизнью за его выздоровление, но затем медлил с выполнением обета, он передал рабам, которым приказал, «надев ему на голову венок из жертвенных трав и жертвенную повязку, водить его по улицам, требуя выполнения обета, пока тот не бросится вниз с городской стены». Многих лиц, далеко не низкого звания, Калигула сначала уродовал наложением клейма, а затем отправлял на работу в рудниках или на постройках дорог, либо осуждал на растерзание зверями, либо, словно зверей, сажал на четвереньках в клетки, либо распиливал на две части пилой. Далеко не все из них обвинялись в чем-либо важном, но часто лишь в том, что неодобрительно отозвались об

устроенных им играх, или — что никогда не клялись его гением. Родителей он заставлял присутствовать при казни детей; когда один из них попробовал отговориться болезнью, он послал к нему носилки, другого же тотчас после вынесенного им зрелища казни сына, пригласил к своему столу, причем оказывал ему всяческое внимание и старался вызвать на веселые шутки. Одного своего заведующего гладиаторскими боями и звериными травлями он приказал в течение целого ряда дней бить в своем присутствии цепями и позволил его прикончить лишь после того, как почувствовал отвращение от запаха разлагающегося мозга. Автора одной ателланской комедии за стих, содержащий двусмысленную шутку, он приказал сжечь посреди арены амфитеатра. Одного римского всадника он бросил на растерзание зверям; когда тот закричал, что он невинен, он приказал привести его обратно, отрезать ему язык и снова бросить зверям.

28. Однажды он расспрашивал одного человека, сосланного Тиберием и возвращенного им из ссылки, чем тот занимался в своем изгнании; стараясь польстить ему, ссыльный ответил: «Я все время молил богов о том, чтобы Тиберий погиб, а ты бы стал императором, как это и вышло в действительности». Калигула, подумав, что сосланные им самим тоже молятся о ниспослании ему гибели, тотчас разослал по островам людей с приказанием умертвить всех ссыльных. Замыслив разорвать на части одного сенатора, он подговорил людей, которые напали на этого сенатора при входе его в курию, крича,

что он враг римского народа. Заколов его грифелями, они передали его на растерзание другим. Калигула успокоился, лишь насытившись зрелищем его членов и внутренностей, которые таскали по улицам и, в конце концов, сложили перед ним в кучу.

29. Чудовищность своих деяний он увеличивал отвратительным цинизмом своих речей. Он говорил, что среди его собственных природных качеств ни одно он не считает столь похвальным, и заслуживающим одобрения, как ἀδιατρεψία (таково его собственное выражение), т. е. полное отсутствие стыда. На увещания своей бабки Антонии он, словно с его стороны мало было отказа ей в повиновении, дал такой ответ: «Помни, что мне позволено все и по отношению ко всем». Намереваясь убить брата и подозревая, что тот из страха отравления укрепляет себя противоядиями, он воскликнул: «Как, противоядия против Цезаря?» Отправив в ссылку сестер, он угрожал им, что «у него есть не только острова, но и кинжалы». Один бывший претор проживал в Антикире, куда удалился для лечения, и часто просил о продлении себе отпуска. Калигула приказал убить его, причем заметил, что «ему необходимо пустить кровь, так как ему долго не помогает чемерица» [27]. Каждые десять дней он выписывал известное число заключенных, подлежащих смертной казни, и тогда говорил: «Я подытоживаю счет». Осудив на смерть сразу несколько человек галлов и греков, он хвастался, что «покорил Галлогрецию» [28].

30. Он требовал, чтобы осужденных наказывали не иначе, как частыми и несильными ударами, согласно его постоянному и известному правилу: «Бей так, чтобы он чувствовал, что умирает». Когда был наказан кто-то другой, ибо он по ошибке назвал не то имя, он заявил. что и этот заслуживает одинаковой кары. Часто он повторял стих из одной трагедии[29]:

Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

Часто он разражался обвинениями против всех сенаторов сразу, как против клиентов Сеяна и доносчиков на свою мать и братьев, причем приносил документы их процесса, которые он в свое время для вида сжег[30], и оправдывал жестокость Тиберия как необходимую, ибо ему-де приходилось верить стольким обвинителям. Всадническое сословие, за его чрезмерное пристрастие к театру и цирку, он постоянно преследовал колкостями. Однажды в раздражении на народ, отдававший свое предпочтение иному актеру, нежели он сам, он воскликнул: «О, если бы весь народ римский имел одну голову!» Когда однажды народ требовал, чтобы разбойник Тетриний был выведен на борьбу со зверями, он заявил, что и сами требующие суть те же Тетринии. Однажды пять ретиариев, одетых в туники, сражаясь совместно против стольких же секуторов[31], были почти без сопротивления побеждены этими последними. Народ потребовал их смерти, но тут один из ретиариев, схватив трезубец, перебил всех победителей. По поводу этого события Калигула проливал в эдикте лицемерные слезы, называя его жесточайшей бой-

ней и проклиная всех, у которых хватило духу смотреть на подобное зрелище.

31. Говоря о своем времени, он открыто сожалел, что оно не отмечено никакими общественными бедствиями. Принципат Августа, по его словам, оставил по себе память поражением Вара, принципат Тиберия — катастрофой в цирке в Фиденах[32], его же собственное правление, вследствие всеобщего благополучия, ожидает забвение; поэтому он неоднократно призывал на империю поражения войск, голод, чуму, пожары, землетрясения.

32. Жестокость в поступках и словах не покидала его и тогда, когда он хотел отдохнуть душой и предавался забавам и пирам. Часто во время завтрака или пирушки у него на глазах производился допрос с пытками, а солдат, искусный в отрубании голов, снимал головы заключенным, приведенным из тюрьмы. При посвящении моста в Путеолах, о котором мы говорили выше[33], он пригласил к себе на мост много лиц с берега и затем внезапно сбросил их в море, а когда некоторые из них пытались удержаться за рули барок, их сталкивали в воду веслами и шестами. В Риме на одном публичном пиршестве раб выломал у ложа серебряную инкрустацию; за это он был немедленно отдан палачу с приказанием отрубить ему руки, повесить их на шею и водить его среди пирующих, неся впереди плакат с объяснением причины такого наказания. Однажды он упражнялся в фехтовании на деревянных рапирах с мирмилионом[34]; мирмилион нарочно упал, а Калигула заколол его железным кинжалом и по обычаю

победителей стал бегать вокруг с пальмовой ветвью в руках. Когда однажды к алтарю было приведено жертвенное животное, Калигула, одевшись в костюм закалывателя жертв, взмахнул молотом и поразил им насмерть другого закалывателя. На одном веселом пиршестве он внезапно разразился громким хохотом. Возлежавшие близ него консулы учтиво спросили его, почему он смеется. «Потому,— ответил он,— что одного моего кивка достаточно, чтобы немедленно удавить вас обоих».

33. Среди его забав был и такой случай. Однажды, стоя с трагическим актером Апеллесом перед статуей Юпитера, он спросил его, кто кажется ему больше: он или Юпитер. Когда же Апеллес замешкался с ответом, он приказал бить его плетьми, а когда тот стал молить о пощаде, он сверх того еще похвалил его голос, говоря, что его стенания очень приятны для слуха. Целуя шею жены или любовницы, он приговаривал: «Столь прекрасная шея, а стоит мне приказать, и она полетит с плеч долой». Более того: он часто говорил, что «добьется-таки от Цезонии, хотя бы пыткой, почему он ее так любит».

34. С такою же завистью и злобой, как надменностью и свирепством, бушевал он против людей почти всех эпох прошлого. Вследствие тесноты Капитолийской площади Август в свое время велел перенести на Марсово поле статуи знаменитых мужей; эти статуи он сбросил с пьедесталов и так расшвырял, что их нельзя было восстановить соответственно с уцелевшими надписями, и впредь он запретил ставить где

бы то ни было статуи или бюсты кому-либо из живущих, иначе как испросив предварительное его разрешение. Он помышлял даже об уничтожении поэм Гомера, причем говорил: «Почему не может он позволить себе то, что позволил себе Платон, изгнавший эти поэмы из придуманного им государства?» Впрочем, он едва не удалил из всех библиотек сочинения и бюсты Вергилия и Тита Ливия; первого он хулил как бездарность и полного невежду, а второго — как болтливого и небрежного историка. Насчет юристов, словно намереваясь вовсе вывести из употребления их науку, он часто клятвенно уверял, что «скоро юридические советы будет давать один только он, Калигула».

35. У знатнейших мужей он отнимал древние отличия их семей: у Торквата — ожерелье, у Цинцинната — локон, у Гнея Помпея, человека древнего рода, — прозвище Великий. Птолемея, о котором я уже говорил [35], он сам вызвал из его царства и принял его с почетом, а затем умертвил его только потому, что тот при появлении своем на устроенном Калигулой бое гладиаторов привлек всеобщее внимание необычайной яркостью своего пурпурового плаща. Встречая красивых людей с длинной шевелюрой, он приказывал брить им затылок и обезображивал их этим. Был некто Эзий Прокул, сын примипилара, за свой рост и физическую силу прозванный Колоссеротом [36]. Неожиданно Калигула приказал взять его с его места на трибунах, вывести на арену и заставить сражаться сначала с фракийцем, а затем с гопломахом [37]. Когда тот победил обоих, он приказал его свя-

зать, одеть в лохмотья и водить по улицам напоказ женщинам, а затем удавить. Словом, не было человека, не исключая самых жалких и ничтожных, которому он не постарался бы так или иначе нагадить. Против жреца Диановой рощи, который уже много лет занимал свою должность, он выставил более сильного соискателя.[38]. Однажды на бое гладиаторов колесничный боец Порий, по случаю удачного исхода борьбы, отпустил своего раба на свободу, за что народ устроил ему овацию. Калигула с такой стремительностью бросился вон из цирка, что, наступив ногой на волочившийся край своей тоги, покатился вниз по ступеням лестницы, причем в бешенстве кричал, что «народ, владыка всего человеческого рода, из-за пустяка оказывает гладиатору больше почестей, нежели своим покойным обожествленным принцепсам или ему, здесь присутствующему».

36. Самого сѐбя он запятнал противоестественным развратом, вовлек в него также и других. Говорят, что он занимался им взаимно с Марком Лепидом, мимическим актером Мнестером и некими заложниками. Валерий Катулл, юноша из рода, члены которого занимали консульскую должность, во всеуслышание заявил, что от сношений с Калигулой у него болят чресла. Не говоря уже о кровосмесительной связи его с сестрами и известной его любовной связи с блудницей Пираллидой, он не пощадил почти ни одной знатной женщины. Большей частью он вместе с мужьями приглашал их к обеду и, когда они проходили мимо него, пристально и неспеша рассматривал их,

словно купец товар, причем позволял себе поднимать рукою лицо, если какая-нибудь от стыда опускала его. Затем, сколько бы раз ему ни заблагорассудилось, он выходил из столовой вместе с той, которая ему всего больше нравилась, и вскоре возвращался, причем по наружности его было видно, какими делами он занимался. При этом он либо расхваливал, либо бранил своих любовниц, подробно объясняя достоинства и недостатки их тела и поведения при совокуплении. Некоторым женщинам он сам послал развод от имени их отсутствующих мужей и приказал внести его в официальные ведомости.

37. Своей расточительностью он превзошел все придуманное когда-либо знаменитыми мотами. Он изобрел новый вид бань и экстравагантные яства и обеды, например мылся теплыми и холодными благовониями, проглатывал драгоценные жемчужины, распустив их в уксусе, на пирах подавал гостям хлеб и кушанье на золотой посуде, приговаривая, что «жить следует либо во всем себе отказывая, либо по-цезарски». Мало того,— в течение нескольких дней он с крыши Юлиевой базилики разбрасывал в народ деньги, в общем немалую сумму. Он соорудил также либурнские суда в десять рядов весел; корма их была разукрашена драгоценными камнями, паруса — разноцветные, и на них имелись обширные бани, портики и триклинии, а также разнообразные виноградники и плодовые деревья. На этих-то судах он объезжал берега Кампании, уже днем возлежа среди танцев и музыки. При постройках заго-

родных дворцов и вилл он совершенно не считался со здравым смыслом и стремился выполнить прежде всего то, что всеми признавалось невыполнимым. Он закладывал дамбы как раз там, где море было особенно бурно и глубоко, ломал скалы из самого твердого камня, с помощью насыпей доводил поля до высоты гор, а горные хребты срывал до уровня равнин: все это выполнялось с необычайной быстротой, так как промедление наказывалось смертью. Чтобы не перечислять всего по отдельности, я скажу, что менее чем в год он истратил колоссальные суммы, в том числе оставленные Тиберием Цезарем два миллиарда семьсот миллионов сестерциев.

38. Исчерпав свои средства и нуждаясь в деньгах, он принялся грабить с помощью разных видов хитроумнейшего крючкотворства, аукционов и налогов. Так, он аннулировал право римского гражданства тех лиц, предки которых добились их для себя и для своих потомков, за исключением лишь случаев, когда эти лица были сыновьями приобретших право гражданства, ибо, говорил он, понятие «потомки» надо ограничивать этой первой ступенью родства. Предъявленные ему дипломы, выданные Божественными Юлием и Августом, он объявлял устарелыми и утратившими силу. Он объявлял неправильно составленными оценки имуществ, которые уже после по какой-либо случайной причине получали некоторое приращение. Завещания тех примипиларов, которые с начала принципата Тиберия не назначили наследником ни этого последнего, ни его самого, он объ-

явил недействительными за проявленную в них неблагодарность. Он объявил также не имеющими силы и не подлежащими исполнению завещания прочих лиц, о которых кто-либо сообщал, что они намеревались по смерти сделать наследником Цезаря. Этим он навел на людей такой страх, что незнакомые назначали его наследником в числе друзей, а родители — в числе детей; он же называл таких лиц насмешниками, ибо после назначения его наследником они продолжали еще жить, и многим посылал отравленные лакомства. В подобного рода делах он сам производил разбирательство, причем предварительно определял сумму, ради получения которой он садился в судейское кресло и покидал его не раньше, как составив такую сумму. Не терпя ни малейшего промедления, он однажды осудил сразу свыше сорока обвиняемых в различных преступлениях и тут же хвалился вставшей от сна Цезонии, «сколько дел он наделал, пока она предавалась полуденному отдыху».

Устроив аукцион, он пускал в продажу остававшийся после игр аппарат, сам назначал цены и доводил их до того, что некоторые, будучи принуждены покупать за неимоверную цену, лишались своего состояния и открывали себе жилы. Известен также случай, когда на аукционе некто Апроний Сатурнин задремал на своей скамье среди покупщиков, а Калигула напомнил глашатаю, чтобы он не упускал из вида этого бывшего претора, частыми кивками головы изъявлявшего свое согласие на предлагаемую цену, и аукцион продолжался до тех

пор, пока тринадцать гладиаторов не были присуждены Апронию за девять миллионов сестерциев.

39. Равным образом, когда он за невероятную цену продавал в Галлии украшения, утварь, рабов и даже вольноотпущенников своих осужденных сестер, огромная выручка дала ему идею вывезти туда из города все, что осталось от придворной обстановки прежних принцепсов, а для доставки их он забрал все наемные повозки и весь вьючный скот мельниц, так что в Риме часто чувствовался недостаток в хлебе, а многие тяжущиеся за отсутствием перевозочных средств не смогли явиться в суд во-время и проиграли свои процессы. Чтобы сбыть с рук эти вещи, он не останавливался ни перед каким обманом или уловкой: то он упрекал отдельных лиц в скупости и в том, что они не стыдились быть богаче его, то показывал притворное раскаяние в том, что дает частным лицам возможность приобрести вещи, принадлежавшие некогда принцепсам.

Как-то он узнал, что один богач из провинции заплатил двести тысяч сестерциев его слугам, заведывавшим приглашением гостей, чтобы обманным образом попасть к нему на пир, и он вовсе не рассердился, что честь быть гостем за его столом оценивается так высоко: на следующий день, когда этот провинциал сидел на аукционе, он послал к нему человека, который передал ему какую-то совершеннейшую безделицу за двести тысяч сестерциев, причем прибавил, что сам Цезарь приглашает его к себе на обед.

40. Новые и еще неслыханные подати, им назначенные, он собирал сначала чрез посредство публиканов, а затем, так как это было выгоднее,— с помощью центурионов и трибунов преторианской гвардии. При этом ни одна категория вещей или лиц не была изъята от налога, хотя бы в небольшом размере. С съестных припасов, какие бы только ни продавались по всему Риму, взималась определенно установленная пошлина; со всех судебных процессов, где бы они ни велись, взималась сороковая часть суммы, о которой шла тяжба, причем, если кого-либо уличали в том, что он шел на мировую или отказывался от иска, тот подлежал штрафу; с носильщиков взималась восьмая часть ежедневного заработка, а проститутки с выручки должны были платить цену, которую они брали за одно соптие. К этой главной статье закона было прибавлено, что налогу подлежали также занимавшиеся прежде проституцией и сводничеством; не изъмались из него также и браки.

41. Объявив через глашатаев о такого рода податях, он не выставил закона о них для сведения народа в письменной форме; поэтому, вследствие незнания его текста, многие навлекали на себя штраф. Наконец, по требованию народа, он выставил публично текст закона, однако он был написан мельчайшим шрифтом и вывешен в труднодоступном месте, специально для того, чтобы его невозможно было скопировать. Чтобы не пропустить никакого вида добычи, он устроил в Палатинском дворце публичный дом; было отведено и обставлено, со-

образно высокому рангу помещения, множество кабин, в которых были приготовлены для посетителей матроны и свободорожденные мальчики; по рынкам же и базиликам он разослал специальных слуг, которые должны были приглашать юношей и стариков к любовным наслаждениям. Тем, которые являлись на этот зов, он предлагал ссуду под проценты, и приставленные к этому делу слуги записывали их имена для оглашения их как содействовавших увеличению доходов Цезаря. Не брезгал он и выигрышем от игры в кости, а еще больше добывал обманом и даже нарушением клятвы. Однажды он уступил свой черед своему ближайшему соседу по игре, а сам вышел в атрий дома. Здесь он приказал задержать двух случайно проходивших мимо дома богатейших римских всадников и конфисковать их имущество. Затем он с торжествующим видом вернулся к игре и похвалялся, что никогда еще ему не случалось бросить кости столь удачно.

42. Когда у него родилась дочь, он стал жаловаться на свою бедность и на бремя не только императорских, но и родительских обязанностей, и начал принимать приношения на содержание и приданое ребенка. Он объявил также в эдикте, что в начале года будет принимать новогодние подарки, и 1 января стоял в вестибюле своего дворца, чтобы получать дары, которые толпа всякого рода лиц высыпала перед ним из рук и из подолов платья. В конце концов им овладело желание физического ощущения денег, и он часто расхаживал босиком по грудам золота, рассыпанным на

большом пространстве, и довольно долго валялся в них всем телом.

43. Он только один раз принял участие в военных делах и не преднамеренно, но случайно: когда он с целью посетить рощу и реку Клитумн прибыл в Меванию [39], ему посоветовали принять меры для пополнения числа своих телохранителей-батавов [40]. В связи с этим он задумал поход в Германию. Не откладывая, он отовсюду созвал легионы и вспомогательные войска и везде стал производить самый строгий набор рекрут, а также заготовил всякого рода продовольствие в еще невиданном количестве. Затем он выступил в поход и временами шел так поспешно и быстро, что преторианским когортам, вопреки всяким правилам, приходилось нагружать знамена на вьючных животных и таким образом поспевать за ним; временами же он передвигался лениво, с комфортом, лежа в носилках, несомых восемью рабами, и приказывая, чтобы население ближайших городов предварительно подметало и поливало дорогу от пыли.

44. Прибывши в лагерь, он, желая показать себя энергичным и строгим начальником, дал отставку с бесчестием тем легатам, которые с опозданием привели из различных мест вспомогательные войска. При смотре войска он отнял звание примипиларов у многих центурионов, уже почти выслуживших свой срок, из коих некоторым оставалось всего лишь несколько дней до отставки, под предлогом их старости и дряхлости; прочих он выбранил за их жадность и понизил награду выслужившим срок

солдатам до шести тысяч сестерциев[41]. Все его подвиги, впрочем, заключались в том, что он принял сдавшегося ему Админия, сына британского царя Кунобеллина, изгнанного отцом и перебежавшего к нему с немногочисленным отрядом; по этому поводу он отправил в Рим широковещательное послание, словно весь остров попал в его власть, а отправленным спекуляторам[42] приказал не слезать с повозки до самого форума и курии и передать послание консулам только в храме Марса при многочисленном собрании сената.

45. Однако, предлога для военных действий не оказывалось, и Калигула приказал нескольких из числа своих германских телохранителей переправить через Рейн и спрятать их там, а затем после завтрака с возможно большей шумихой возвестить себе о появлении неприятеля. Когда приказ был выполнен, он вместе с друзьями и частью преторианской конницы бросился в ближайший лес; срубив там деревья и украсив их наподобие трофеев, он вернулся уже при свете факелов, упрекая в робости и трусости тех, которые не последовали за ним, а своих спутников и участников победы одарил венками нового вида и наименования: они были украшены изображением солнца, луны и звезд и назывались «разведческими». Другой раз он приказал забрать из школы несколько заложников[43] и тайно послать их вперед, а затем внезапно покинул пир и бросился за ними в погоню с конницей, после чего привел их обратно в цепях, словно пойманных беглецов; также и в этой комедии он перешел всякую

меру. Он снова принялся за пир, а лиц, которые возвестили ему, что войско вернулось, пригласил возлечь за столом, как они были, в панцырях. При этом он ободрил их известным стихом Виргилия:

Стойкими будьте и для лучших времен свои силы
храните[44].

Между тем, по адресу отсутствующего сената и народа он разразился негодующим эдиктом, упрекая их в том, что «в то время как Цезарь воюет и подвергает себя столь великим опасностям, они целые дни напролет веселятся на пирах, в цирке и театре и приятно развлекаются за городом».

46. Наконец, словно желая разом покончить войну, он повел войско в боевом порядке по берегу океана и расположил на нем баллисты[45] и прочие военные машины, причем никто не знал и не догадывался, что он намеревался предпринять; затем он внезапно приказал солдатам собирать раковины в шлемы и подолы, называя это «трофеями, которые океан должен дать Капитолию и Палатину». В ознаменование же победы он воздвиг высочайшую башню, с которой, подобно Фаросскому маяку[46], по ночам светили огни для указания пути кораблям. Солдатам он объявил, что жалует им в дар по сто денариев; и, словно превзойдя этим всякую меру щедрости, прибавил: «ступайте же, счастливые, ступайте, богатые!»

47. После этого он занялся приготовлениями к триумфу; помимо пленных и перебежчиков из варваров, он отобрал также самых рослых

из галлов, по его выражению достойных фигурировать в триумфе, между прочим некоторых из высшей знати. Он держал их особо для торжественного зрелища и заставил не только выкрасить в рыжий цвет и отрастить свои волосы, но и выучиться германскому языку и носить германские имена. Более того: триремы, на которых он вошел в воды океана, он приказал везти в Рим большею частью сухим путем. Прокураторам[47] он написал, чтобы «триумф они приготовили с наименьшими для казны издержками, но такой, какого еще не бывало, ибо они имеют право распоряжаться имуществом всех людей».

48. Перед отъездом из провинции он принял невероятно жестокое решение истребить поголовно те легионы, которые подняли мятеж после смерти Августа, за то, что они держали в осаде Германика, его отца, а их командира, и его самого, в то время еще ребенка. Его едва удалось отклонить от этого сумасбродного решения, но невозможно было удержать его от намерения казнить десятого из всего числа легионеров. Таким образом, он уже созвал их на сходку безоружных, даже без мечей, и окружил вооруженной конницей. Однако он заметил, что многие, почуяв опасность, бросились к своему оружию на случай какого-либо насилия против них, бежал со сходки и тотчас же отправился в Рим, сваливая все на сенат и открыто угрожая ему, с целью отвратить от себя толки о столь позорном своем замысле. Между прочим, он жаловался, что его лишили полного триумфа, между тем как он сам немного раньше

под страхом смерти запретил делать предложения об оказании ему каких-либо почестей.

49. Итак, когда еще в пути к нему явились посланные от высшего сословия с просьбой ускорить свое прибытие, он как можно громче крикнул: «Приду, приду, и этот придет со мною!», причем несколько раз похлопал рукоять меча, висевшего у его пояса. В эдикте же он объявил, что «возвращается, но только для тех, кто его желает: для всаднического сословия и народа. Для сената же он отныне не будет более ни гражданином, ни принцепсом». Он даже запретил, чтобы кто-либо из сенаторов выезжал к нему навстречу. Отказавшись от триумфа или отложив его, он вошел в город с простой овацией. Менее чем через четыре месяца он погиб, осмелившись совершить ужасные преступления и носясь с еще более ужасными замыслами: так, он намеревался переселиться в Анций, а затем в Александрию, предварительно истребив самых выдающихся членов обоих высших сословий. Последнее с несомненностью явствует из того, что в его тайном архиве были найдены две тетради, одна под заглавием «Меч», другая — «Кинжал»; обе содержали имена обреченных на смерть и заметки на их счет. Был найден также огромный сундук, полный различных ядов; когда Клавдий велел бросить его в море, то вода, как говорят, была отравлена ими, причем погибла также рыба; прибоем волн эту отравленную рыбу выбросило на ближайший берег.

50. Ростом Калигула был высок, лицом бледен, телом весьма грузен; шея и ноги его были

очень тонки, глаза и виски впалы, лоб широк и насуплен, волосы редки, а на темени выпали, прочее тело было косматое. Поэтому считалось преступлением и опасным для жизни смотреть на него сверху, когда он проходил мимо, или по какому бы то ни было поводу произносить в его присутствии слово «коза»[48]. Свое лицо, по природе отталкивающее и страшное, он нарочно делал еще более диким, приучаясь перед зеркалом придавать ему ужасное, приводящее в трепет выражение.

Не обладал он ни телесным, ни душевным здоровьем. В детстве он страдал эпилепсией, в юности хотя и был вынослив, однако по временам нападала на него слабость, так что он еле мог ходить, стоять, взять себя в руки и держаться прямо. Он сам сознавал, что его рассудок не в порядке, и иногда помышлял уехать куда-нибудь для его лечения. Думают, что его жена Цезония заколдовала его напитком, правда, любовным, однако, таким, от которого он впал в безумие. В особенности мучила его бессонница: ночью он не мог заснуть более, как на три часа, да и то не спокойным сном, но тревожным вследствие различных видений; так, например, однажды почудился ему призрак моря, который разговаривал с ним. Поэтому, не в силах лежать без сна, он большую часть ночи обычно проводил, то сидя на постели, то блуждая по длинным портикам, то и дело призывая с нетерпением ожидаемый рассвет.

51. Поэтому не без основания склонен я приписывать психической болезни самые различные его пороки, величайшую самоуверенность и ря-

дом с этим чрезмерный страх. В самом деле, хотя он в высшей степени презирал богов, тем не менее при малейшем громе и молнии он зажмуривал глаза и закутывал голову, а если гроза становилась сильнее, срывался с постели и обычно залезал под кровать. Во время путешествия по Сицилии он всячески насмехался над местными чудесами и, однако, однажды ночью бежал из Мессаны, напуганный дымом и рокотом, исходившим из кратера Этны. Варварам он посылал страшнейшие угрозы; однако, когда он находился за Рейном и совершал путь в колеснице в теснинах, загроможденных войсками, кто-то сказал, что произойдет немалое смятение, если вдруг появится неприятель,— он тут же вскочил на коня и поспешно вернулся к мостам; найдя их занятыми погонщиками и обозом и не имея терпения ждать, он приказал переправить себя обратно, передавая с рук на руки над головами людей. Затем, при слухе о восстании Германии он стал готовить бегство и, как средство для него, флот, причем успокаивался на одной утешительной мысли, что у него остаются заморские провинции, если победители захватят Альпы, как кимвры, или даже самый Рим, как некогда сеноны; я думаю, что именно отсюда у его убийц возникла мысль обмануть возмутившихся солдат, сказав им, что он сам наложил на себя руки, будучи напуган известием о неудачной битве.

52. Одеждой, обувью и прочей внешностью он мало походил на настоящего римлянина и гражданина или даже на мужчину и обыкновенного смертного. Часто носил он затканную и

украшенную драгоценными камнями пенулу[49] с длинными рукавами и запястьями, появляясь в таком виде публично; иногда же надевал шелковое платье[50] или женскую мантилью; в качестве обуви он носил то сандалии или котурны[51], то солдатские сапоги, а иногда и женские легкие башмаки. Большею частью он появлялся с золоченой бородой, держа в руке молнию, трезубец или Меркуриев жезл — знаки отличия богов. Иногда его видели в костюме Венеры. Костюм же триумфатора он часто носил еще раньше своего похода, а порою надевал и панцырь Александра Великого, взятый из его гробницы.

53. Из свободных наук он всего менее занимался изучением литературы и всего более красноречием, хотя уже по природе был красноречив и находчив, особенно если ему приходилось говорить против кого-нибудь. В состоянии гнева он легко находил слова и мысли, внешнюю форму и голос; в возбуждении он не оставался на месте и был внятно слышим также далекостоящим. Приступая к речи, он угрожал «пустить стрелу своей ночной работы»; он до такой степени презирал мягкую и прикрашенную манеру писания, что о Сенеке, в то время общем любимом авторе, говорил, что тот пишет «настоящие школьные упражнения», и называл его произведения «песком без извести». Он имел тоже обыкновение писать полемические возражения на имевшие успех речи ораторов и сочинять речи, обвинительные или защитительные, в связи с процессами важных лиц в сенате, причем, по капризу его настроения,

мнение его либо ухудшало, либо облегчало их судьбу. Для слушания своих речей он эдиктами вызывал также лиц всаднического сословия.

54. Он прилежно занимался также другими разнообразными видами искусства. Он бывал фракийцем и возницей, певцом и плясуном, упражнялся в фехтовании настоящей рапирой [52] и состязался в беге на колесницах в цирках, построенных во многих местах. Страсть к пению и пляскам до такой степени увлекала его, что даже на публичных спектаклях он не мог удержаться и подпевал трагическому актеру, произносившему стихи, или подражал мимической игре актера, одобряя ее или порицая. В день своей гибели он назначил ночное празднество, повидимому, единственно по той причине, что ночное время облегчало ему первое выступление на сцене. Иногда он выступал в плясках даже ночью. Однажды, во время второй стражи [53] он призвал в Палатинский дворец трех консуляров; в то время как они трепетали за свою жизнь, их усадили на эстраду; внезапно, при громких звуках флейт и скабелл [54], выскочил Калигула, одетый в паллу [55] и длинную тунику, и, исполнив мимический танец, исчез. Как ни странно, будучи столь способен ко всем видам спорта, он не умел плавать.

55. Однажды полюбив кого-либо, он в проявлениях своей привязанности доходил до неистовства. Мимического актера Мнестера он лобызал даже во время спектакля, а если кто-либо во время его танца производил хотя бы легкий шум, он приказывал притащить его и собственноручно сек. А одному римскому всад-

нику, поднявшему шум, он через центуриона приказал немедленно ехать в Остию и оттуда доставить царю Птолемею в Мавританию письмо, в котором было написано следующее: «Присланному к тебе человеку не делай ни добра, ни зла». Командирами своих германских телохранителей он поставил нескольких гладиаторов-фракийцев, у мирмиллонов же он отнял часть их вооружения. Одному гладиатору, по имени Колумбу, вышедшему из боя победителем, но с легкой раной, он приказал влить в нее яд, который вследствие этого стал называть колумбином. Именно с такой надписью он был найден среди других ядов. Из цирковых партий он до такой степени был предан партии зеленых, что часто обедал в ее помещении и оставался в нем ночами. Однажды, во время пира он подарил наезднику Евтиху два миллиона сестерциев. Чтобы его коня Инцитата не беспокоили перед состязаниями, он через солдат приказывал соседним жителям соблюдать тишину. Помимо мраморного стойла и яслей из слоновой кости, помимо пурпуровой попоны и нагрудника из драгоценных камней, он дал этому коню особый штат придворных и рабов, а также утварь, чтобы с большей пышностью угощать лиц, приглашенных от имени коня; как говорят, он даже намеревался сделать его консулом.

56. Было немало лиц, у которых хватало мужества напасть на этого исступленного тирана. Но два заговора были открыты, а прочие медлили, не находя удобного случая. Тогда два человека сговорились между собою и вы-

полнили умысел, не без ведома самых могущественных вольноотпущенников и префектов претория; последние были, правда, ложно, поименованы среди участников одного заговора и с тех пор чувствовали, что Калигула подозревает их и ненавидит. В самом деле, он тотчас отвел их в сторону и постарался сделать их предметом общей ненависти тем, что обнажил свой меч и заявил, что «готов умереть добровольно, если и им он кажется заслуживающим смерти». После этого он не переставал обвинять одного перед другим и натравливать друг на друга.

Было решено напасть на Калигулу в полдень, во время Палатинских игр, когда он покинет спектакль. Главную роль потребовал для себя трибун преторианской когорты Кассий Херея; этот Кассий, человек уже пожилой, терпел всякие обиды от Калигулы, который называл его изнеженным любострастником: когда он приходил к Калигуле за паролем, тот давал ему слова «Приап»[56] или «Венера», а когда он в благодарность за что-либо хотел поцеловать ему руку, он подавал ее, сложив ее и жестикулируя неприличным образом.

57. Предстоящее убийство было возвещено многочисленными чудесами. В Олимпии изображение Юпитера, которое Калигула решил разобрать и перенести в Рим, внезапно разразилось таким смехом, что приставленные к нему леса сотряслись, а рабочие разбежались; и тотчас же явился некий человек, по имени Кассий, который сообщил, что ему во сне было приказание принести быка в жертву Юпитеру. 15 марта в Капуе молния ударила в Капитолий,

а также в Риме в помещение дворцового привратника. Были люди, которые заключили, что последнее предзнаменование предвещает опасность господину от его телохранителей, а первое возвещает новое убийство высокопоставленного лица, подобное тому, которое уже было совершено некогда в этот же день. Когда он совещался с астрологом Суллой о созвездии, под которым он родился, тот заявил, что близка неминуемая его смерть. Также и Анциатский[57] оракул советовал ему остерегаться Кассия: поэтому он приказал убить Кассия Лонгина, бывшего в то время проконсулом Азии, но совсем забыл, что Херея тоже зовется Кассием. Накануне дня своей гибели он видел себя во сне стоящим перед троном Юпитера; Юпитер толкнул его большим пальцем правой ноги, и он свалился на землю. Считали за предзнаменование также то, что случилось в тот самый день, незадолго до убийства. Во время жертвоприношения его обрызгало кровью фламинго. Мим Мнестер танцовал в той самой трагедии, в которой некогда трагический актер Неоптолем — на играх, во время которых был убит македонский царь Филипп. При исполнении пантомимы «Лавреол» один актер в бегстве, падая, должен был харкать кровью; вслед за ним многие второстепенные актеры наперерыв стали показывать свое искусство, и вся сцена наполнилась кровью. На ночь готовили спектакль, на котором египтяне и эфиопы должны были изображать сцены из загробной жизни.

58. 24 января, приблизительно в седьмом часу дня, Калигула колебался, итти ли ему со спек-

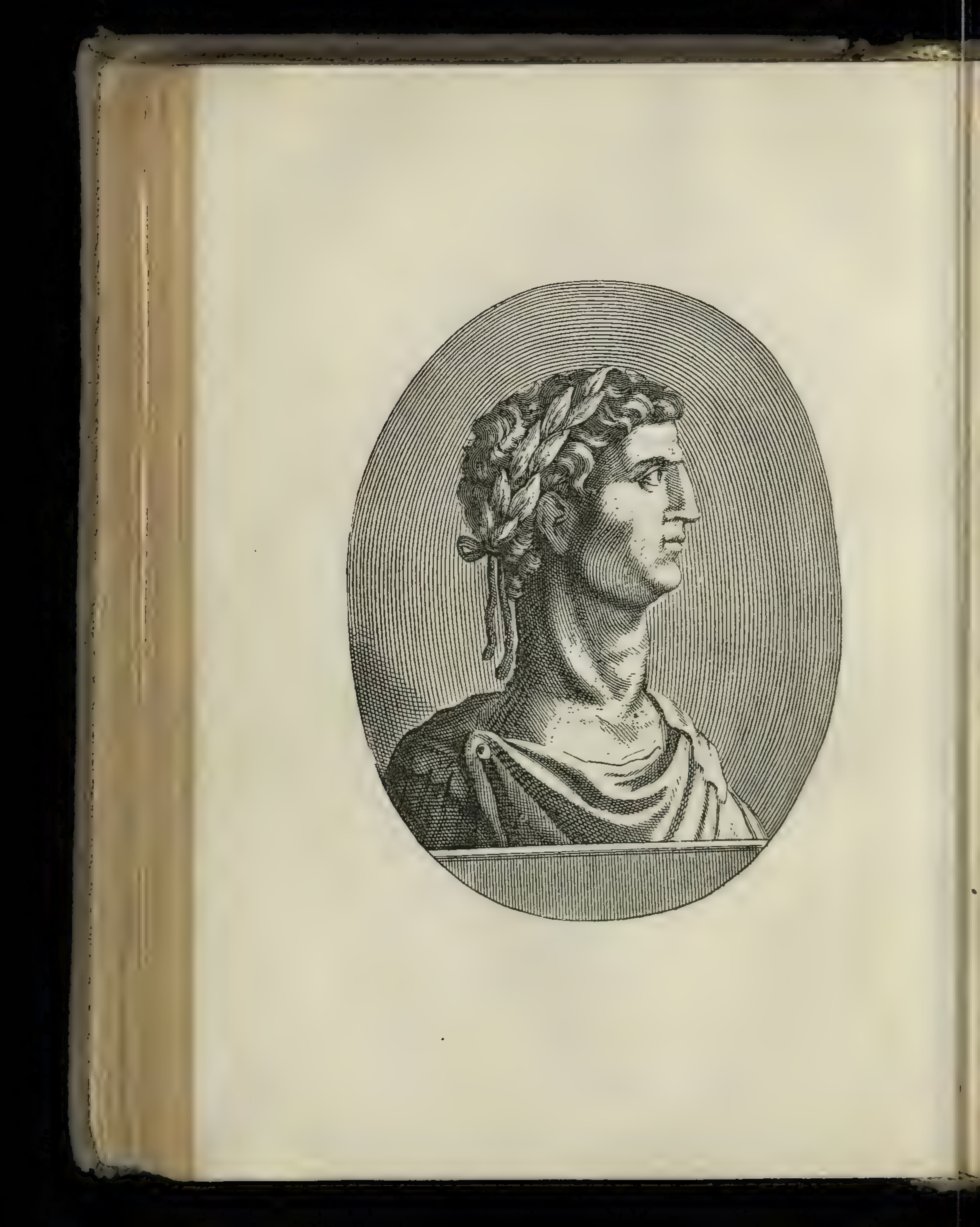
такля обедать, ибо он еще чувствовал тяжесть на желудке от пищи предшествующего дня. Наконец, повинуясь совету друзей, он вышел. В крытом коридоре, через который ему предстояло итти, знатные мальчики, выписанные из Азии для участия в сценических представлениях, готовились к выходу, и он задержался, чтобы осмотреть их и ободрить. Он уже пожелал вернуться и возобновить спектакль, но начальник труппы заявил, что чувствует себя нездоровым. Происшедшее за тем рассказывают двояко: одни передают, что во время его разговора с мальчиками Херея сзади сильно рубнул его мечом по затылку с криком: «Так его!» Вслед за тем другой заговорщик, трибун Корнелий Сабин, спереди пронзил ему грудь; другие говорят, что Сабин, с помощью центурионов, соучастников заговора, удалив толпу, по военному обычаю спросил у Гая пароль, а когда тот дал пароль «Юпитер», то Херея закричал: «Получай свой собственный приговор!», и когда Калигула оглянулся, он ударом разрубил ему челюсть. Когда он упал и, корчась, стал кричать, что еще жив, остальные заговорщики покончили с ним тридцатью ударами, ибо у всех был один сигнал: «Бей еще!», а некоторые рубили его даже по половым органам. При первом же шуме подоспели на помощь его носильщики с своими шестами, а затем германские телохранители, которые перебили некоторых из убийц Калигулы, но в том числе и нескольких ни в чем не повинных сенаторов.

59. Калигула прожил 29 лет, а императором был три года, десять месяцев и восемь дней [58].

Его труп отнесли в Ламиевы сады и наполовину сожгли на сложенном поспешно костре, а затем бросили, слегка прикрыв дерном; впоследствии сестры, возвратившись из ссылки, извлекли его, сожгли и похоронили. Как известно, до этого погребения сторожей этих садов пугали призраки. Также и в доме, в котором он был убит, ни одна ночь не проходила без каких-либо ужасов, пока сам дом не был уничтожен пожаром. Вместе с Калигулой погибла его жена Цезония, пронзенная мечом центуриона, а также и дочь, которой размозжили голову об стену.

60. Каковы были условия жизни того времени, всякий может видеть из следующего. Когда распространилась весть об убийстве, то сразу никто ей не поверил, и подозревали, что Гай сам распустил ложный слух, чтобы выведать отношение к себе людей; с другой стороны, заговорщики не назначали ему никакого преемника во власти; сенат же показал такое единодушие в намерении восстановить республику, что консулы сначала созвали его на Капитолий, а не в курию, носившую название Юлиевой; некоторые же сенаторы предложили уничтожить самую память Цезарей и разрушить их храмы. Было отмечено как нечто замечательное, что все Цезари, носившие имя Гая, погибли насильственной смертью, начиная от того, который был убит еще при Цинне.

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДІЙ



1. Отец Клавдия Цезаря, Друз, сначала прозывался Децимом, а потом — Нероном. Ливия родила его едва через три месяца после того, как, беременная, вышла замуж за Августа; подозревали, что настоящим его отцом был его вотчим, совершивший прелюбодеяние с его матерью. По крайней мере, тотчас же стали повторять греческий стих:

τοῖς εὐτυχοῦσι καὶ τρίμηνα παιδία [1].

Этот-то Друз, будучи квестором и претором, командовал в ретийской [2], а затем в германской [3] войне; он первый из римских полководцев плавал по Северному морю; по ту сторону Рейна он соорудил грандиозный канал для судов, который до сих пор называется Друзовым. Он неоднократно наносил поражение врагам, загонял их в самую глубь внутренних пустынь и прекратил преследование лишь после того, как ему явилась женщина-варварка, роста более человеческого, и на латинском языке запретила продолжать свое победоносное шествие. За эти подвиги он получил право на овацию и трнум-

фальные знаки отличия. После претуры он тотчас вступил в должность консула и возобновил свой поход, но вскоре скончался от болезни в летнем лагере, который с тех пор получил прозвание «проклятого». Первейшие граждане муниципиев и колоний принесли его тело до самого Рима, где оно было встречено декуриями писцов и погребено на Марсовом поле. Впрочем, также и его армия воздвигла в честь его холм, у которого с тех пор солдаты ежегодно в определенный день устраивали военный парад, а галльские общины совершали общественное богослужение. Сверх того, сенат, помимо иных многочисленных почестей, постановил воздвигнуть ему мраморную арку на Аппиевой дороге и присвоить ему и его потомкам прозвище Германика. О нем говорили, что ему столь же свойственна любовь к славе, как и гражданский образ мыслей. Действительно, он не только побеждал врага, но захватывал доспехи неприятельских вождей, которых нередко, с опасностью для жизни, преследовал по рядам германцев; он не скрывал тоже своего намерения восстановить республику, как только получится к этому возможность. Мне кажется, что это обстоятельство позволило некоторым утверждать, что Август взял его под подозрение и отозвал из провинции, а так как он стал медлить, отравил его ядом. Правда, последнее я сообщаю скорее ради того, чтобы не пропустить чего-либо, нежели потому, что считаю это истинным или правдоподобным. В самом деле, Август до такой степени любил его при жизни, что всегда, как однажды сам объявил об этом в сенате,

назначал его сонаследником с своими сыновьями, а после его смерти в похвальном слове молил богов, «чтобы они сделали обоих его Цезарей похожими на Друза, а ему, Августу, послали бы со временем такую же честную кончину, какую дали Друзу». Он не только начертал на его гробнице хвалебные стихи собственного сочинения, но составил также его жизнеописание в прозе.

От жены своей, Антонии Младшей, Друз имел много детей, из коих его пережили только трое: Германик, Ливилла и Клавдий.

2. Клавдий родился в консульство Юлла Антония и Фабия Африкана, 1 августа[1], в Лионе, в тот самый день, когда Август впервые посвящал там алтарь, и получил имя Тиберий Клавдий Друз. Позже, когда его старший брат по усыновлению перешел в семью Юлиев, он принял прозвище Германика. Оставшись после отца ребенком, он почти все годы отрочества и юности страдал различными трудноизлечимыми болезнями, которые настолько ослабили его душевно и телесно, что и в более позднем возрасте его считали неспособным заниматься общественными или частными делами. Он долго оставался в подчинении и под присмотром педагога даже после того, как по возрасту уже вышел из опеки. В одном своем сочинении он жалуется, что этот педагог был варвар и когда-то служил надзирателем над погонщиками скота и что его нарочно приставили к нему, чтобы он по всякому поводу самым строгим образом наказывал его. По той же причине слабого здоровья Клавдий, председательствуя на гла-

диаторских играх, данных им совместно с братом в память отца, сидел, противно обычаю, закутанный в плащ с капюшоном; также и в день совершеннолетия его без всякой торжественности, в полночь, отнесли в носилках на Капитолий. 3. Тем не менее, с раннего возраста он прилежно занимался свободными науками и часто публиковал свои опыты. Впрочем, и здесь он не сумел завоевать себе уважение или внушить надежды на какие-либо достижения в будущем.

Мать его Антония называла его «уродом, существом, только начатым природой, но не законченным»; желая упрекнуть кого-либо в тупости, она говорила, что он «глупее, чем сын ее Клавдий». Его бабка Августа относилась к нему всегда в высшей степени презрительно, говорила с ним чрезвычайно редко, а свои увещания высказывала ему не иначе, как в резком коротком письме или через третье лицо. Когда его сестра Ливилла услышала, что он со временем сделается императором, она открыто и ясно высказала свой ужас по поводу столь несправедливой и недостойной судьбы римского народа. А что хорошего и дурного думал о нем его двоюродный дед Август, это всего лучше можно видеть из прилагаемых мною здесь некоторых мест его писем:

4. «Согласно твоему поручению, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, как нам быть с твоим внуком Тиберием[5] на играх в предстоящий праздник Марса. Мы оба согласны в том, что нам надо раз навсегда принять решение, как нам действовать в отношении его.

Ибо, если это человек цельный и, так сказать, законченный, то что заставило бы нас колебаться вести его по тем же ступеням жизненной карьеры, какие прошел его брат [6]? Однако, коль скоро мы считаем его отсталым и ненормальным телесно и душевно, не следует давать людям, любящим насмехаться и издеваться, повод высмеивать и его и нас. Ибо мы всегда будем в нерешительности, если станем обсуждать наш образ действий в каждом отдельном случае, не имея уже раньше принятого решения относительно того, может ли он занимать должности или нет. Что же касается вопроса, интересующего тебя теперь, то мы не возражаем против того, чтобы на играх в честь Марса ему было поручено заведывать угощением жрецов, если только он согласится взять себе в советники сына Силана, человека, состоящего с ним в свойстве, который не позволил бы ему сделать чего-либо способного возбудить внимание и насмешки. На то, чтобы он смотрел игры из императорской ложи, я несогласен, ибо, находясь в первом ряду зрителей, он слишком привлечет на себя внимание. Несогласен я также, чтобы он шел на Альбанскую гору или находился в Риме во время Латинских ферий; ибо, если он может следовать за своим братом на гору, то почему тогда не сделать его городским префектом [7]? Вот тебе, дорогая Ливия, наше мнение, согласно которому мы считаем необходимым решить вопрос однажды навсегда, чтобы не находиться постоянно то в надежде, то в страхе. Если желаешь, можешь дать прочесть эту часть моего письма также нашей Антонии».

В другом письме Август пишет: «В твое отсутствие я каждый день буду приглашать к обеду юного Тиберия, чтобы не оставлять его обедать одного в компании с Сульпицием и Атенодором. Я хотел бы, чтобы он с большей осмотрительностью и не так легкомысленно выбирал себе образцы для подражания в жестах, манере держаться и походке. Бедняге не везет. Ибо в вещах серьезных, когда дух его не сбивается с настоящего пути, природное благородство его души становится совершенно очевидно».

То же пишет он и в третьем письме: «Что твой внук Тиберий мог понравиться мне в своем ораторском выступлении, дорогая Ливия, пропади я пропадом, если я не удивляюсь этому сам. Не понимаю, как может человек, вообще говорящий так невнятно, произносить так явственно в ораторском упражнении».

Относительно принятого Августом после этого решения сомнений не может быть. Из почетных должностей он оставил ему только жреческий сан авгура, а наследником назначил только в третьей очереди, чуть ли что не среди лиц посторонних, и только в шестой части, завещав ему сумму всего в восемьсот тысяч сестерциев.

5. Когда Клавдий стал добиваться должностей, то дядя его с отцовской стороны, Тиберий, пожаловал ему знаки консульского достоинства; когда же он начал настойчиво требовать себе действительных должностей, то Тиберий письменно ответил ему, что «к празднику Сатурналий и Сигиллариий[8] он послал ему сорок золотых». Только после этого, оставив надежду на почести, Клавдий удалился в частную жизнь;

он укромно жил то в садах и подгородном доме, то в Кампании; вращаясь среди людей совершенно негодных, он, помимо своей прежней нелестной репутации вахлака, обесславил себя еще склонностью к пьянству и игре.

Однако, несмотря на такое его поведение, люди не переставали как в частной жизни, так и публично, оказывать ему внимание и почет. 6. Всадническое сословие дважды выбирало его своим патроном в выполнении поручения от их имени: один раз, когда оно просило у консулов разрешения нести на своих плечах в Рим тело Августа, второй же раз — когда поздравляло тех же консулов с ниспровержением Сеяна. Равным образом, когда он появлялся на зрелищах, всадники имели обыкновение вставать и снимать с себя плащи. Также и сенат постановил в чрезвычайном порядке причислить его к коллегии избираемых по жребию жрецов Августа; позже он постановил также отстроить на казенный счет его дом, уничтоженный пожаром, и дать ему право брать в сенате слово вместе с бывшими консулами. Впрочем, это постановление было отменено Тиберием, который в оправдание сослался на слабоумие Клавдия, а убыток от пожара обещал возместить ему из собственных средств. Однако, умирая, Тиберий назначил его наследником третьей степени, в третьей части, отказал ему в завещании около двух миллионов сестерциев и сверх того особо рекомендовал его армии, сенату и римскому народу среди прочих родственников.

7. Только при своем племяннике Гае, который в начале своего правления всякими видами угод-

ничества старался приобрести популярность, Клавдий начал должностную карьеру и вместе с Гаем отправлял в течение двух месяцев консульство. При этом случилось так, что, когда он в первый раз, предшествуемый ликторами, вступал на форум, летевший мимо орел спустился на его правое плечо. Он и вторично получил по жребию[9] консульство через четыре года; иногда он также председательствовал на зрелищах вместо Гая, причем народ кликом «да здравствует!» приветствовал в нем то дядю императора, то брата Германика.

8. Тем не менее, ему приходилось переносить и оскорбления. В самом деле, если он несколько опаздывал к назначенному времени обеда, то он лишь с трудом находил себе место, обойдя предварительно всю столовую, а если после обеда он по своей привычке засыпал, то в него кидали косточками от оливок или фиников; иногда шуты, как бы играючи, гонялись за ним с розгами и хлыстами. Когда же он храпел, они обычно привязывали ему к рукам туфли, чтобы, внезапно проснувшись, он тер себе ими лицо.

9. Не миновали его и опасности. Во-первых, будучи консулом, он едва не был уволен от должности за то, что небрежно отнесся к порученному ему делу сооружения и постановки статуй Калигуловых братьев, Нерона и Друза. Затем, вследствие доноса кого-то из чужих или даже из своих домашних, он долго терпел всяческие неприятности. Когда же был открыт заговор Лепида и Гетулика[10], он был отправлен в составе посольства в Германию для принесения поздравления Калигуле и едва не по-

платился при этом жизнью, так как тот возмущался и кричал, что дядю послали к нему нарочно, чтобы руководить им, словно мальчишкой. Некоторые даже говорят, что его, как он был, в дорожной одежде, бросили в реку. С этих пор он подавал голос в сенате только после всех бывших консулов, ибо, с целью унизить, его спрашивали всегда последним. Допустили также судебное разбирательство дела о подложном завещании, которое, между прочим, было подписано также и им. После того как ему пришлось за вступление в новую жреческую должность заплатить восемь миллионов сестерциев, он, в конце концов, оказался в таких денежных затруднениях, что ввиду неуплаты им казначейству полученной от него ссуды, его имения, согласно закону об ипотеках, в силу эдикта префектов эрария были назначены к аукциону, но, конечно, не нашли себе покупателя.

10. Так Клавдий провел большую часть своей жизни, а на пятидесятом году он, по какой-то поразительной случайности, получил императорскую власть. Когда заговорщики, готовя покушение на Гая, удаляли публику, будто бы исполняя его желание остаться одному, то среди других они удалили также и Клавдия, который отправился в комнату, называемую Гермеум [11]; вскоре после этого, перепуганный слухом об убийстве Гая, он бросился в ближайший солярий [12] и спрятался за задернутые перед входом занавески. Случайно пробегавший мимо рядовой солдат увидел за занавеской его ноги и захотел узнать, кто бы это был; таким образом он

признал Клавдия, извлек его наружу и, когда он от страха бросился к его ногам, поздравил его императором. Отсюда он отвел его к своим товарищам, которые еще не знали, что предпринять, и только шумели. Они посадили его в носилки, и так как собственная его прислуга разбежалась, то они, сменяясь поочередно, отнесли его в лагерь[13]; он совсем приуныл и дрожал от страха, а встречные жалели о нем, словно его невинного несли на казнь. Принятый в лагерь, он провел ночь среди караулов, несколько ободренный, но еще неспокойный за будущее. Дело в том, что консулы вместе с сенатом и городскими когортами заняли форум и Капитолий в намерении восстановить республику. Также и Клавдия народные трибуны призвали в сенат для участия в обмене мнений, но он ответил, что «принуждение и обстоятельства не позволяют ему явиться». Однако на следующий день сенат, наскучив несогласиями противоположных мнений, обнаружил меньше энергии в выполнении своего предприятия, а столпившийся кругом народ стал требовать единого правителя, называя его по имени; тогда Клавдий согласился принять присягу от вооруженных солдат на сходке и обещал по пятнадцати тысяч сестерциев на человека. Он стал первым Цезарем, который обеспечил себе верность солдат не без денежной награды.

11. Утвердившись во власти, он приложил все старание к тому, чтобы уничтожить всякую память о тех двух днях, когда форма правления государством находилась под вопросом. Поэтому он объявил полное и вечное прощение и забве-

ние всего, что было тогда сказано и сделано. Он предал казни только нескольких военных трибунов и центурионов из числа заговорщиков против Гая. Этим он хотел показать устрашающий пример; кроме того, он узнал, что они требовали также и его смерти. Затем он обратился к выполнению своих родственных обязанностей и постановил, что самой священной и употребительной его клятвой будет клятва именем Августа. Он провел в сенате постановление о том, чтобы его бабке Ливии были оказаны божеские почести и чтобы в торжественной процессии в цирке ехала посвященная ей колесница, запряженная слонами, подобная Августовой. В честь своих родителей он учредил публичные поминальные жертвоприношения, сверх того в честь отца — ежегодные цирковые игры в день его рождения, а в честь матери — колесницу с ее изображением при цирковых играх, а также прозвище Августы, от которого она отказалась при жизни. Что же касается своего брата, то его память он чтил по всякому поводу и, между прочим, поставил на Неаполитанских состязаниях[14] посвященную ему театральную пьесу, которая по приговору судей была удостоена премии. Даже память Марка Антония[15] он не оставил без почестей и благодарного воспоминания: действительно, в одном эдикте он объявил, что о праздновании дня рождения своего отца Друза он столь хлопочет оттого, что день этот совпадает с днем рождения его деда Антония. В честь Тиберия он воздвиг близ театра Помпея мраморную арку, сооружение которой в свое время было постановлено декретом сената,

однако не выполнено. Он отменил все распоряжения Гая, но день его убийства, хотя и совпавший с началом его собственного принципата, он запретил считать в числе праздничных.

12. Наоборот, когда дело шло о почестях ему самому, он проявлял чрезвычайную умеренность и политический такт. Он не принял титула императора в качестве личного имени, отказался от чрезмерных почестей. Обручение своей дочери и день рождения внука он отпраздновал без шума, ознаменовав их лишь семейным религиозным торжеством. Никого из изгнанников он не вернул иначе, как по постановлению сената. Разрешение вводить с собою в сенат префекта претория и военных трибунов, а также утверждение судебных постановлений своих прокураторов он получил от сената лишь по собственной своей просьбе, как милость. Он просил у консулов дать своим частным имениям право рынка. Он неоднократно принимал участие в судебных разбирательствах магистратов в качестве одного из советников. Когда магистраты давали зрелища, он вставал перед ними вместе со всей толпой и приветствовал их возгласами и маханием руки. Когда народные трибуны явились к его судебному трибуналу, он извинился, что по причине тесноты принужден выслушивать их, не посадив предварительно. Все это вскоре снискало ему такую любовь и расположение народа, что, когда однажды во время его поездки в Остию разнесся слух, будто он погиб от злоумышления, народ пришел в совершенное отчаяние и стал осыпать проклятиями солдат, как пре-

дателей, и сенаторов, как убийц. Волнение улеглось лишь после того, как магистраты, то один, то другой и, наконец, несколько сразу, появились на рострах и заявили, что Клавдий цел и невредим и скоро прибудет самолично.

13. Однако не всегда он оставался в безопасности от покушений. Напротив, ему угрожали и отдельные лица, и комплоты, и даже гражданская война. Однажды близ его опочивальни был схвачен какой-то простолюдин, вооруженный кинжалом. Были обнаружены также двое всадников, поджидавших его в публичных местах: один имел скрытый в палке стилет и намеревался убить его при выходе из театра, другой имел охотничий нож и замышлял напасть на него во время жертвоприношения перед храмом Марса. Заговор с целью государственного переворота составили Галл Азиний и Статилий Корвин, внуки ораторов Поллиона и Мессалы, причем они привлекли к себе многих вольноотпущенников и рабов Клавдия. Гражданскую войну затеял легат Далмации, Фурий Камилл Скрибониан. Однако на пятый день он был убит солдатами тех самых легионов, которые изменили своей присяге, но затем раскаялись под влиянием религиозного страха. Раскаяние было вызвано тем, что по объявлении похода для встречи нового императора они, либо по какому-то случаю, либо по воле божества, никак не могли ни украсить орла [16], ни вытащить и сдвинуть с места военные значки.

14. Консульство Клавдий, не считая первого, отбывал четыре раза, из них первые два — непосредственно одно за другим, остальные — с

промежутками в четыре года. Последнее свое консульство он занимал шесть месяцев, прочие — по два месяца, причем в третье свое консульство он вступил как заместитель умершего консула, чего не делал еще ни один принцепс. Как в качестве консула, так и не занимая этой должности, он с величайшей тщательностью занимался судопроизводством, даже в торжественные для себя и для своих близких дни, а иногда и в установленные издревле и свято чтимые праздники. Он не всегда соблюдал предписания закона и, сообразно требованиям справедливости, изменял суровость или слабость наказаний в зависимости от вынесенного им из обстоятельств дела впечатления. Таким образом, тем из тяжущихся, которые, заявив слишком большие требования у судей по гражданским делам, проигрывали свой процесс, он разрешал возобновить дело; с другой же стороны, лиц, уличенных в более серьезном обмане, он, нарушая предписание закона, присуждал к борьбе с дикими зверями в цирке.

15. При судебных разбирательствах и произнесении приговоров он обнаруживал удивительное непостоянство мысли: иногда он выказывал осторожность и проницательность, иногда необдуманность и опрометчивость, порою же проявлял какую-то несуразность и почти безумие. Проверяя судейские декурии, он обнаружил одного судью, который не воспользовался льготой своего семейного положения для освобождения себя от обязанностей судьи, и устранил его за это, как человека, имеющего чрезмерное пристрастие к судебным разбирательствам. В дру-

той раз тяжущиеся указали судье, что он сам имеет тяжбу, на что этот судья возразил, что последняя подлежит не чрезвычайному суду, но обычному. Тогда Клавдий тотчас приказал ему самому разбирать собственную тяжбу, «дабы в своем деле дать доказательство того, сколь справедливым судьей он будет в чужом». Когда одна женщина отказывалась признать своего сына, причем доказательства обеих сторон казались сомнительны, он принудил ее к открытию истины, приказав выйти замуж за юношу. В случае отсутствия одной из сторон он не задумываясь постановлял в пользу присутствующей, не разбирая, была ли причина отсутствия уважительной или неуважительной. Когда кто-то крикнул, что уличенному в подлоге следует отрубить руки, он тотчас велел позвать палача с ножом и столом для экзекуции. При суде над обвиненным в незаконном присвоении себе прав гражданства между обвинителем и защитником поднялся пустой спор, должен ли он судиться в тоге или в паллии. Клавдий, словно желая показать полное беспристрастие, приказал обвиняемому менять одежду всякий раз, как будет говорить то обвинитель, то защитник. Говорят, что по поводу одного дела он прочитал по записке такой приговор: «Он согласен с теми, которые высказали правду». Вследствие всего этого он до такой степени уронил себя, что сделался предметом всеобщего, нескрываемого презрения. Некто старался оправдать неявку вызванного Клавдием из провинции свидетеля и заявлял, что тот не мог прибыть, однако долго не открывал причину; наконец, после неоднократных вопросов

он сказал: «Он умер, как я думаю, с твоего разрешения». Кто-то другой благодарил его за позволение говорить в защиту обвиняемого, причем прибавил: «так, впрочем, бывает обычно». От стариков я также слышал, что стряпчие привыкли до такой степени злоупотреблять его терпением, что, когда он покидал трибунал, они удерживали его не только словами, но также хватали его за край тоги, а иногда даже за ноги.

Это и неудивительно, если у одного грека, ведшего тяжбу, вырвалось в пылу спора восклицание: «καὶ σὺ γέρων εἶ καὶ μωρός» [17]. Один римский всадник обвинялся в гнусном поведении по отношению к женщинам: обвинение было ложно взведено на него раздраженными против него врагами; это факт, что, когда он увидел, что в качестве свидетелей против него призывают и допрашивают продажных женщин, он, жестоко изругав Клавдия за его глупость и жестокость, бросил ему в лицо грифель и письменные дощечки с такой силой, что изрядно оцарапал ему щеку.

16. Клавдий отправлял также должность цензора, долго остававшуюся никем не занятой после цензуры Планка и Павла [18]. Но и в ней он проявил непостоянство в настроении, чему соответствовали также неодинаковые результаты. На смотру всадников он освободил от бесчестия юношу, запятнанного пороками, которого отец всячески постарался выгородить перед ним: Клавдий ограничился замечанием, что «юноша имеет своего собственного цензора». Другому,

[illegible] обязательно и [illegible], он лишь [illegible] резко или, по крайней мере, [illegible] высказать свои юношеские вожделения [illegible]: «А и зачем мне знать, кто твоя любовница?» Зачеркивая по просьбе друзей [illegible] против кого-то порицание, он заметил: «Пусть все же останется след зачеркнутого». [illegible] знатнейшего грека, первого во всей провинции Греции, за незнание латинского языка он не только вычеркнул из списка судей, но и лишил римского гражданства. Все должны были собственными устами, как кто мог, без чужой помощи давать отчет в своей жизни. Он вынес [illegible] цензорское порицание многим, [illegible] совершенно неожиданно и по [illegible] причине, а именно за то, что они без его ведома и не взяв отпуска, отлучились из Италии. Одному досталось между прочим также за то, что, находясь в провинции, он [illegible] в свите одного из подвластных царей. При этом Клавдий сослался на то, что некогда против Рабирия Постума был возбужден процесс об оскорблении величества римского народа за то, что он ради обеспечения данной им ссуды сопровождал в Александрию египетского царя Птолемея Александра. Клавдий собирался [illegible] цензорское порицание еще [illegible] лиц, будучи введен в заблуждение [illegible] своих осведомителей, ибо, к [illegible] для него самого скандалу, оказалось, что эти [illegible] в самом деле, те, кому ставили в упрек их [illegible] положение, бездетность или бедность, доказывали, что они состоят в браке, имеют детей и богаты, а тот, которого обвиняли

в попытке к самоубийству, снял свою одежду и показал, что тело его невредимо. В цензуре его следует отметить еще и такие факты: на улице Сигиллариі продавалась серебряная колесница драгоценной работы; он приказал купить ее и уничтожить в своем присутствии. Далее, в один и тот же день он издал двадцать эдиктов, среди которых особенно выделяются два: первый рекомендовал при обильном урожае винограда хорошенько засмаливать бочки, второй оповещал, что против укуса змеи ничто не помогает так, как сок тиссового дерева.

17. Военный поход он предпринял всего один раз, да и тот не имел особого значения. Считая, что присужденные ему сенатом триумфальные украшения являются отличием слишком недостаточным для его высокого звания принцепса и стремясь к блеску настоящего триумфа, он стал искать удобного повода для получения его и остановил свой выбор преимущественно перед другими на Британнии [19], которую со времени Божественного Юлия оставили в покое и которая как раз в это время находилась в возбуждении по причине невыдачи Римом перебежчиков. В этот поход он отправился сначала морем от Остии; сильный северо-западный ветер, под названием циркий, дважды едва не потопил его: один раз — близ Лигурии, вторично — близ Стехадских островов [20]. Поэтому от Массилии до Гезориака [21] он совершил путешествие сухим путем, а оттуда отправился в Британнию и в несколько дней без единого сражения и кровопролития покорил часть острова. Затем, на шестой месяц после своего отъезда, он возвратился

в Рим и с величайшей пышностью отпраздновал триумф. На это зрелище он разрешил явиться в Рим не только правителям провинций, но также некоторым ссыльным. Среди прочих взятых у неприятеля военных трофеев он прибил к фронтону Палатинского дворца рядом с гражданской короной также морскую корону в ознаменование своего переезда через океан и как бы покорения его. За его колесницей следовала в парадном экипаже жена его Мессалина; следовали за ним также и лица, получившие в этой войне триумфальные украшения; впрочем, все они шли пешком, одетые в ширококаемчатые тоги, лишь Марк Красс Фруги ехал верхом на коне, украшенном драгоценной сбруей, одетый в затканную пальмами тунику; такое отличие было дано ему потому, что триумфальные украшения он получил вторично.

18. Клавдий всегда проявлял чрезвычайную заботливость о городе и его снабжении продовольствием. Когда в Эмилиане случился сильный пожар, то он две ночи провел в дирибитории[22], и когда толпы солдат и рабов для тушения пожара оказалось недостаточно, он через магистратов созвал из всех кварталов простой народ и, поставив перед собой корзины с деньгами, призывал людей подавать помощь, обещая каждому достойную его заслуг награду. Во время продовольственных затруднений, вызванных непрерывными неурожаями, толпа однажды задержала его на форуме; его стали осыпать бранью и забрасывать кусками хлеба, так что он лишь с трудом и только через задний ход убрался во дворец. После этого он употребил

все средства для доставки продовольствия в Рим также и в зимнее время года. Так, он обещал определенные выгоды купцам, а возможные убытки от кораблекрушений взял на себя; также и строителям торговых судов он определил награды, сообразно социальному положению каждого.

19. При этом гражданам давалось изъятие из закона Папия Поппея, латинам — полное право римского гражданства, женщинам — право четырех детей[23]. Эти постановления соблюдаются и по сей день.

20. Постройки Клавдия были немногочисленны, но зато грандиозны и отвечали потребностям. Главные из них следующие: акведук, начатый еще Гаем, спуск вод Фуцинского озера и гавань в Остии. При этом Клавдию было известно, что, несмотря на настойчивые просьбы марсов[24] о спуске озера, Август отказывал им в этом и что Божественный Юлий неоднократно планировал постройку гавани, но оставлял ее выполнение вследствие трудности дела. Для Клавдиевой воды[25] он направил в Рим свежие и обильные источники, из которых один называется Голубым, другие два — Курцием и Альбудигном; кроме того, и источник Новый Анио он повел в город по каменным трубам и распределил его воду по множеству великолепных бассейнов. Спуск Фуцинского озера он предпринял столько же ради славы, сколько и ради выгоды, ибо некоторые лица брались за это дело на свои частные средства при условии предоставления им осушенных полей. Отводный канал, длиною в три тысячи футов, частью об-

разованный срытием горы, частью высеченный в ней, был с трудом окончен в течение одиннадцати лет, хотя над ним непрерывно работало 30 000 человек. Гавань в Остии он соорудил, проведя справа и слева рукава, а у входа, уже в глубоком месте, выстроил мол; чтобы придать ему более солидное основание, он предварительно затопил корабль, на котором в свое время был привезен в Рим большой обелиск из Египта; потом, набив сваи, он построил на них высочайшую башню по образцу Фаросского маяка в Александрии, дабы по его огням корабли направляли свой бег ночью.

21. Клавдий часто раздавал подарки народу. Устроил он также множество великолепных зрелищ, не только обычного характера и в положенных для того местах, но также зрелища собственного изобретения или возобновленные старинные, притом в местах, где до него их не устраивал никто. Он дал игры по случаю посвящения Помпеева театра, заново отстроенного им после пожара; он руководил им с трибунала, сооруженного в орхестре, причем предварительно совершил молебствие в храме, расположенном над театром, а затем проследовал оттуда через места для зрителей при всеобщем молчании, среди сидевшей публики. Он дал также и Секулярные игры, под тем предлогом, что Августом они будто бы были даны преждевременно, задолго до надлежащего срока; тем не менее, сам же он в своих «Историях» говорит, что игры эти после долгого перерыва были снова приведены в порядок Августом с помощью точнейшего исчисления годов. Поэтому было

встречено смехом объявление глашатая, торжественно призывавшего к играм, которых-де никто еще не видал и никто никогда больше не увидит; а между тем, еще оставались в живых лица, смотревшие на них при Августе, да и участвовали в них некоторые актеры, которые участвовали в них тогда. Часто Клавдий устраивал цирковые состязания на Ватикане, причем иногда после каждых пяти заездов в промежутке устраивалась травля зверей. В Большом цирке он поставил мраморные загородки для колесниц и золоченые меты, тогда как раньше первые были из туфа [26], а вторые — из простого дерева; он назначил также отдельные места для каждого из сенаторов, между тем как раньше они обычно занимали места как попало [27]. Помимо состязаний колесниц четверней, он устраивал также Троянскую игру, травлю африканских зверей, которую вела турма преторианской конницы с трибунами и самим префектом во главе; далее, показывал он также фессалийских всадников, которые гоняют диких быков по всему цирку и, утомив их, прыгают им на спину и валят на землю за рога. Гладиаторские бои он давал в различных местах и самого разнообразного характера; в годовщину своего принципата он давал их в преторианском лагере, однако без травли зверей и без всякой пышности; полный же и настоящий бой он давал в Оградах. Тут же он давал внепрограммный, длившийся всего два-три дня бой, которому он со временем присвоил имя «легкой закуски», ибо, намереваясь дать его впервые, он объявил, что «приглашает народ как бы на им-

провизированное и не подготовленное заранее угощение». Ни на каком другом зрелище не проявлял он больше простоты и веселости; так, вытянув вперед левую руку, он вместе с толпой громко и по пальцам считал брошенные в награду победителям золотые и часто одобрениями и просьбами поощрял общую веселость; он то и дело употреблял обращение «государи мои» и вставлял довольно плоские и неидущие к делу остроты. Так, когда публика однажды требовала на сцену Палумба (голубя), он обещал дать его, «если только его поймают»[28]. Впрочем, одна его шутка вышла очень полезна и уместна: он уволил в почетную отставку колесничного бойца, за которого просили четыре сына, что вызвало общее одобрение публики. Тогда он тут же издал объявление, в котором увещевал народ «прилагать все старания к тому, чтобы иметь побольше детей, которые, как видно из этого случая, могут оказать защиту и добыть милость даже гладиатору». На Марсовом поле он дал военное представление, изображающее взятие приступом и разграбление города и капитуляцию британских царей. На этом представлении он председательствовал одетый в военный плащ. Также и перед выпуском Фуцинского озера он устроил на нем морское сражение. Перед боем матросы громко кричали ему: «Здрав будь, император, идущие на смерть приветствуют тебя!» Он же ответил им: «Здравы будьте и вы!» После его слов никто уже не захотел сражаться, будто бы получив от него на это разрешение. Клавдий долго колебался, не истребить ли их всех огнем и мечом; наконец соско-

чил со своего места и, отвратительно ковыляя, стал бегать вдоль по берегу озера, то угрожая, то упрашивая, пока, наконец, не заставил их драться. На этом зрелище сражались друг с другом сицилийский и родосский флоты, каждый в составе двенадцати трирем, причем из середины озера с помощью машин вынырнул серебряный тритон и трубою подал сигнал к сражению.

22. В религиозных установлениях, а также в гражданских и военных обычаях, равно как в положении всех сословий в самом Риме и вне его он произвел некоторые улучшения, кое-что пришедшее в забвение вызвал к жизни, а кое-что заново ввел в обычай. При пополнении состава жреческих коллегий он никого не выбирал иначе, как предварительно принеся присягу[29]. Он тщательно наблюдал за тем, чтобы претор всякий раз, когда случалось землетрясение в городе, созывал народ на сходку и назначал бы праздничный день; следил также за тем, чтобы, когда в Капитолии замечали предвещающую несчастие птицу, совершали молитву, которую он сам в силу своих полномочий великого понтифика произносил с ростр перед народом, повторявшим ее вслед за ним, причем рабочих и рабов предварительно удаляли с площади.

23. Судопроизводство, распределенное раньше по зимним и летним месяцам, он сделал непрерывным. Решение дел о фидеикомиссах[30], которое до того времени обычно ежегодно поручалось магистратам и производилось только в самом Риме, он сделал постоянной функцией

должностных лиц также и в провинциях. Он отменил главу, прибавленную императором Тиберием к закону Папия Поппея [31], объявлявшую стариков шестидесяти лет неспособными к деторождению. Он постановил, чтобы сиротам в чрезвычайном порядке опекуны назначались консулами и чтобы лицам, которых наместники выслали из своих провинций, не было также разрешено пребывание в Риме и в Италии. Для некоторых лиц он сам изобрел своеобразный способ ссылки, а именно — запрет отлучаться от города далее, как на три мили. Когда он обсуждал в сенате какое-либо важное дело, он занимал место на трибунской скамье между креслами консулов [32]. Он также присвоил себе право давать разрешение на отъезд из Италии, которое раньше испрашивалось обычно у сената.

24. Отличия консульского достоинства он пожаловал даже прокураторам, с содержанием в 200 тысяч сестерциев [33]. У тех всадников, которые отказывались от вступления в сенат, он отнимал также и всадническое звание. Хотя вначале он и заявил, что не примет в сенат никого, кроме лиц, у которых уже прадед был римским гражданином, однако он пожаловал широкую кайму [34] даже сыну вольноотпущенного, правда, с условием, чтобы тот был предварительно усыновлен римским всадником. Однако, боясь, что и в этом случае он вызовет против себя упреки, он объяснил, что и его предок, Аппий Клавдий Цек, принял некогда в сенат сыновей вольноотпущенных; однако он не знал, что во времена Аппия и позже вольноотпущен-

ными назывались не те, которые сами получали отпуск на волю, но их свободорожденные сыновья. Коллегии квесторов взамен заботы о мощении улиц он поручил устройство гладиаторских боев, а взамен заведывания гаванью Остии и Галлией возвратил им управление эрарием Сатурна[35], которое в предшествующем промежутке времени было поручено преторам или, как теперь, бывшим преторам.

Триумфальные отличия он пожаловал жениху своей дочери, Силану, еще не вышедшему из отроческого возраста, а взрослым раздавал эти отличия в таком числе и с такой легкостью, что появилось письмо, составленное от имени всех легионов, с просьбой, чтобы консулярные легаты одновременно с получением командования получали также и триумфальные отличия, дабы им не приходилось всеми способами изыскивать поводов к войне. Авлу Плавцию он разрешил также овацию и при его въезде в Рим вышел ему навстречу, а затем сопровождал его на Капитолий и обратно, следуя по его левую руку. Когда Габиний Секунд покорил германское племя кавхов, он разрешил ему принять прозвище Кавхинского.

25. Военную службу всадников он урегулировал так, что после командования когортой следовало командование эскадроном, а затем должность трибуна легиона. Он положил жалованье и установил также род фиктивной службы под названием сверхштатной, которая отбывалась заочно и лишь номинально. Солдатам он сенатским декретом запретил посещение домов сенаторов с целью засвидетельствования им своего

почтения[36]. Вольноотпущенных, выдававших себя за римских всадников, он наказывал конфискацией имущества, а таких, на которых их бывшие господа жаловались, как на неблагодарных, снова вернул в рабство; лицам же, выступавшим в их защиту, объявил, что не будет разбирать их тяжбы против их собственных вольноотпущенных. Некоторые лица отсылали на остров Эскулапа[37] своих больных и расслабленных рабов, тяготясь уходом за ними; по этому поводу Клавдий постановил, что все такие рабы становятся свободны и в случае выздоровления не возвращаются под власть своих господ; но если бы кто, вместо высылки их на остров, предпочел бы их умертвить, тех он объявлял подлежащими обвинению в убийстве. Посредством эдикта он запретил путешественникам проходить через города Италии иначе, как пешком или в носилках. В Путеолах и Остии он поставил по одной когорте на предмет тушения пожаров.

Иностранцам он запретил присваивать себе римские имена, а именно родовые, а лиц, присвоивших себе самовольно право римского гражданства, он обезглавил на Эсквилинском поле. Провинции Ахайю и Македонию, которые Тиберий взял в свое управление, он возвратил сенату. У ликийцев в наказание за их весьма вредные внутренние распри он отнял автономию, напротив, родосцам вернул таковую в награду за раскаяние в прежних их провинностях. Граждан Илиона, бывших якобы родоначальниками римского племени, он навсегда освободил от податей, причем прочел адресованное

им, написанное по-гречески послание сената и римского народа, в котором последние обещали царю Селевку[38] свою дружбу и союз только в том случае, если он освободит от всяких повинностей их соплеменников, илионцев. Иудеев, которые, по подстрекательству Хреста[39], заводили непрестанные смуты, он изгнал из Рима. Послам германцев он разрешил на театральных представлениях сидеть в орхестре, будучи поражен их прямотой и самоуверенностью: действительно, получив сначала место среди простой публики, они заметили, что парфяне и армяне сидят среди сенаторов; тогда они самовольно перешли туда же, заявив, что ни по доблестям своим, ни по рангу они ничуть не уступают этим нациям. Он совершенно уничтожил в Галлии друидическую религию[40], отличающуюся своей ужасной бесчеловечностью, практиковать которую при Августе было запрещено только римским гражданам; напротив, Элевзинские мистерии он пытался даже перенести из Аттики в Рим и провел постановление, чтобы храм Эрикинской Венеры в Сицилии, пришедший в совершенный упадок от ветхости, был восстановлен на средства римской казны. С царями он заключил договор, принеся на форуме жертву из свиней, причем была произнесена старинная формула фециалов[41]. Однако как это, так и прочее, да и большая часть его правительственной деятельности вообще были проявлением не столько его собственной воли, сколько произволения его жен и вольноотпущенных: почти во всех случаях он проявлял себя так, как это было выгодно или угодно им.

26. Еще в весьма ранней юности он имел двух невест; во-первых — Эмилию Лепиду, правнучку Августа, во-вторых — Ливию Медуллину, по прозвищу Камиллу, из старинного рода диктатора Камилла. От брака с первой он отказался по той причине, что родители ее оскорбили Августа; вторую у него похитила болезнь в тот самый день, который предназначался для свадьбы. Затем он женился сначала на Плавтии Ургуланилле, отец которой был триумфатором, а позже на Элии Петине, дочери бывшего консула. С обеими он развелся; с Петиной, впрочем, из-за пустых размолвок, с Ургуланиллой же по причине ее разврата и павшего на нее подозрения в убийстве. После них он сочетался браком с Валерией Мессалиной, дочерью своего кузена Барбата Мессалы. Когда он узнал, что она, помимо прочих своих пороков и бесстыдств, еще вступила в брак с Гаем Силием, причем условие о приданом было снабжено печатями авгуров, он приказал казнить ее и на сходке преторианцев заявил, что «так как в браках ему не везет, то он останется холостяком, а если не выполнит этого своего намерения, то согласен погибнуть под ударами их мечей»[42]. Однако он не мог выдержать и снова стал вести переговоры о бракосочетании, между прочим с Петиной, которой некогда дал развод, и, с Лоллией Павлиной, которая некогда была женою Гая Цезаря[43]. Однако на него так подействовали прелести Агриппины, дочери его брата Германика, с которой он по родству имел право поцелуев и ласк, что он влюбился в нее; он подговорил некоторых сенаторов, чтобы в

ближайшем же заседании сената они заявили, что его необходимо принудить к браку с Агриппиной, якобы весьма нужному для блага государства, а в связи с этим дать также и всем вообще разрешение подобных бракосочетаний, которые в то время рассматривались как кровосмесительные. Прошло не более одного дня, а он уже вступил в брак. Подражателей его примеру, впрочем, не нашлось, за исключением какого-то вольноотпущенника, да еще центуриона-примипилара, свадебное торжество которого он вместе с Агриппиной почтил своим присутствием.

27. Детей он имел от трех жен: от Ургуланиллы — Друза и Клавдию, от Петины — Антонию, от Мессалины — Октавию и сына, которого он называл сначала Германиком, а потом Британником. Друза он потерял, когда тот был еще отроком, от несчастного случая: он задохнулся от попавшей ему в горло груши, которую подбрасывал вверх и ловил разинутым ртом; за несколько дней до смерти Друз был помолвлен с дочерью Сеяна. Тем более кажется мне странным сообщение некоторых, будто он был вероломно умерщвлен Сеяном. Клавдию, зачатую от его же вольноотпущенника Ботера и рожденную почти за пять месяцев до его развода с женой, он начал было воспитывать, но затем приказал отвергнуть и бросить голой у дверей ее матери. Антонию он выдал сначала за Гнея Помпея Великого, а потом за Фавста Суллу; оба были молодые люди знатнейших родов; Октавию, обрученную сперва с Силаном, он выдал за своего пасынка Нерона[44]. Бри-

таник родился у него в двадцатый день его принципата, во второе его консульство; уже тогда, когда он был еще совсем малюткой, Клавдий перед сходкой, держа его на руках, неоднократно препоручал его попечению солдат, а на спектаклях — народу, держа на коленях или перед собой, и среди всеобщих одобрительных кликов обращался к нему с счастливыми пожеланиями. Из трех своих зятьев, Нерона он усыновил, Помпея же и Силана не только отверг, но и предал смерти.

28. Из своих вольноотпущенников он в особенности ценил евнуха Посида, которого во время британского триумфа среди прочих военных наградил почетным копьем[45]; не менее ценил он и Феликса, которого ставил во главе когорт, отрядов конницы, и, наконец, провинции Иудеи и который имел женами трех цариц[46]; затем Гарпокрана, которому он предоставил право пользоваться носилками на улицах Рима и давать публичные зрелища[47]. Кроме них, он ценил своего придворного ученого[48] Полибия, который, бывало, хаживал даже в сопровождении обоих консулов, шедших по обе его стороны. Но выше всех их он ставил своего секретаря Нарцисса и заведующего финансами Палланта. Он охотно согласился на то, что сенат, в силу декрета, не только дал им огромные денежные награды, но также почтил их знаками квесторского и преторского достоинства. Кроме того, он попустил, чтобы они обогащались и грабили в такой степени, что однажды, когда он жаловался на скудость собственной казны, ему было весьма кстати замечено, что «у него было бы

много денег, если бы двое его вольноотпущенников приняли его в товарищи по владению имуществом».

29. Попавши в руки этих людей, а также как я уже сказал, своих жен, он был уже не принцепсом, но их слугой, и ради выгоды каждого из них, либо даже просто желания или каприза, щедрой рукой раздавал государственные должности, командования, прощение проступков и наказания, при этом большей частью сам находясь в полном неведении о совершаемом им. Не упоминая в отдельности о менее значительных случаях, как-то, отобрании назад его дарений, кассировании судебных постановлений, составлении подложных или явной переделке уже данных им грамот о назначениях, приведу следующее: своего тестя Аппия Силана, а также двух Юлий, одну — дочь Друза, другую — дочь Германика, он погубил по какому-то недоказанному обвинению и не дав им возможности защититься; той же участи подверг он мужа своей старшей дочери, Гнея Помпея, и жениха младшей, Люция Силана. Первый был умерщвлен в объятиях любимого юноши, второй же был принужден 29 декабря сложить с себя претуру и наложить на себя руки в начале года, в самый день свадьбы Клавдия с Агриппиной. Он предал казни тридцать пять сенаторов и более трехсот римских всадников; он сделал это с таким легкомыслием, что когда, по случаю умерщвления одного бывшего консула, центурион донес ему, что его приказание выполнено, он ответил, что не давал никакого приказания; тем не менее, самый факт он

одобрил, а вольноотпущенники заявили, что солдаты только выполнили свой долг, без приказания, самовольно взяв на себя отмщение императора. Следующий же факт превосходит всякую меру вероятия: на свадьбе Мессалины и ее любовника Силия Клавдий собственноручно подписал брачный контракт, ибо его убедили, что все происходит лишь для видимости, с нарочитою целью отвратить от него и направить на другого опасность, которая, согласно некоторым предзнаменованиям, угрожала ему[49].

30. Его наружность не была лишена внушительности и достоинства, и когда он стоял, и когда сидел, особливо же когда возлежал. Ростом он был высок, полнотел, имел приятную внешность, красивые седые волосы и полную шею. Однако при ходьбе ему изменяли слабые колени, а в его манере делать что-либо, как в шутку, так и всерьез, многое его портило: в смехе его было что-то неприличное, еще хуже был он в гневе, когда его рот наполнялся слюной, из носа текло, язык заплетался, а голова, как вообще, так в особенности при малейшем движении, сильно тряслась. 31. Если в прежнее время его здоровье было слабо, то, с тех пор как он сделался принцепсом, оно стало отлично, за исключением болей в животе, припадки которых, по его словам, заставляли его даже помышлять о самоубийстве.

32. Он часто задавал великолепные пиры, почти всегда в обширном помещении, так что за столом возлежало сразу до шестисот персон. Он устроил также пир над выходным отверстием

Фуцинского озера во время его спуска, причем едва не утонул, так как выпущенная вода хлынула со страшной силой. Ко всем этих пирам допускались также его дети вместе с знатными мальчиками и девочками, которые, согласно старинному обычаю, кушали, сидя на нижних концах лож. Одного гостя заподозрили в краже золотого кубка со стола. Клавдий пригласил его на следующий день и поставил перед ним глиняный кубок. Говорят, что он намеревался издать эдикт с разрешением пускать за обедом ветры, даже громко, ибо узнал, что кто-то сдерживавшийся из стыда, опасно захворал.

33. До пищи и вина был он превеликий охотник, не разбирая времени и места; однажды, заседая в суде на форуме Августа и будучи привлечен запахом завтрака, который приготовлялся для жреческой коллегии салиев в соседнем храме Марса, он покинул судебный трибунал, вошел в храм к жрецам и принял участие в их пиршестве. Он редко покидал столовую иначе, как наевшись доотвала и нагрузившись вином, так что, когда он тут же ложился на спину и засыпал, разинув рот, ему вставляли в горло перышко, чтобы вызвать рвоту. Сон его был чрезвычайно недолгий: действительно, большей частью он уже просыпался до полуночи, так что днем засыпал иногда в суде, и адвокаты с трудом могли разбудить его, нарочно повышая свой голос. До женщин он был охоч чрезвычайно, сношений же с мужчинами не знал вовсе. Он со страстью предавался игре в кости и выпустил даже книгу, посвященную этому искусству; он имел обык-

новение играть даже во время передвижения, причем игральная доска была прилажена к экипажу, так, чтобы порядок игры не нарушался.

34. Что по природе он был жесток и кровожаден, это обнаружилось как в крупных, так и в самых незначительных вещах. Он приказывал подвергать пыткам при допросе и наказывать отцеубийц немедленно, и сам присутствовал при этом. Он пожелал однажды видеть в Тибуре казнь по древнему способу. Когда осужденные были уже привязаны к столбу, палача не оказалось; у Клавдия хватило терпения ждать до вечера прибытия из Рима вызванного оттуда палача. На всех гладиаторских боях, сам ли он их давал, или кто другой, он приказывал убивать даже тех бойцов, которые падали случайно, в особенности когда это были рециарии, ибо ему хотелось видеть лица умирающих. Когда два гладиатора одновременно упали, пораженные взаимными ударами, он тотчас же приказал из мечей обоих сделать маленькие ножи для собственного употребления. Звериными травлями и полуденными боями [50] он увлекался до такой степени, что являлся на зрелище с рассветом, а в полдень, когда народ расходился к завтраку, оставался сидеть и, помимо бойцов, уже назначенных согласно программе, заставлял драться также и других, под каким-либо ничтожным и случайным предлогом, из числа ремесленников и служителей и вообще людей такого рода, если плохо удавался номер с самодвижущейся или подъемной машиной или что-либо иное подобное этому. Он послал

сражаться также одного своего номенклатора [51], как тот был, в тоге.

35. Однако преобладающими чертами его характера были робость и недоверчивость. Хотя в первые дни своего правления, как мы уже сказали, он выставлял напоказ свою простоту и доступность, однако он не решался прийти на пир иначе, как в сопровождении телохранителей, окружавших его, с пиками в руках, и солдат, которые выполняли роль слуг. Он не посещал даже больных иначе, как обыскав предварительно их спальню, причем подушки и одеяла ощупывались и вытряхивались. Позже он всех без исключения посетителей, являвшихся приветствовать его, подвергал обыску, иногда чрезвычайно строгому. Только в последнее время, и неохотно, он согласился избавить от ощупывания женщин, маленьких мальчиков и девочек, а также на то, чтобы у сопровождавших его посетителей спутников и писцов не отнимали ящичков с перьями и грифелями. Камилл [52], подняв против него мятеж, не сомневался в том, что может устранить его без всякой войны, и в оскорбительном, угрожающем, наглом письме требовал от него отказа от власти и обещал ему спокойную жизнь в качестве частного человека. Клавдий стал колебаться, не исполнить ли ему требования Камилла, и спрашивал по этому поводу совета первых лиц в государстве.

36. Совершенно неосновательный донос о каком-то злоумышлении против него напугал его до такой степени, что он уже собрался было отказаться от власти. Я уже говорил [53], что однажды при жертвоприношении вблизи был

задержан какой-то неизвестный, вооруженный кинжалом; тогда Клавдий через глашатаев поспешно созвал сенат и со слезами и воплями стал жаловаться на свое положение, ибо ему-де повсюду угрожает опасность; после этого он долго не показывался публично. Да и страстной своей любовью к Мессалине он пренебрег не столько в негодовании за причиненный ему позор, сколько из страха перед опасностью, ибо думал, что она собирается захватить власть для своего любовника Силия; в то время он струсил самым позорным образом и бежал в лагерь, причем всю дорогу то и дело спрашивал, «не отнята ли уже у него власть».

37. Не было вообще столь пустого подозрения или доноса, которые не толкали бы его без особенных колебаний принимать меры и мстить. Некто, имевший тяжбу, явившись к нему для приветствования, отвел его в сторону и заявил, что видел во сне, как кто-то его, Клавдия, убивает. Немного времени спустя, когда противник этого человека передавал Клавдию свою жалобу, он заявил, что узнает в нем виденного во сне убийцу; тотчас же этот последний, словно уличенный, был схвачен для казни. Как говорят, таким же способом был умерщвлен и Аппий Силан. Мессалина и Нарцисс сговорились между собою погубить его, причем разделили роли: Нарцисс, словно помешанный, еще до рассвета ворвался в спальню своего господина, утверждая, что он видел во сне, будто он убит Аппием. Мессалина, притворившись изумленной, заявила, что и она уже несколько ночей подряд видит такой же сон; вскоре после этого, согласно принятому

ими плану, Клавдию доложили, что у него требует приема Аппий, которому накануне было приказано явиться как раз к этому времени; таким образом, правдоподобность сновидения как бы воочию обнаруживалась, и Аппия было приказано призвать и немедленно умертвить. Клавдий не задумался на следующий день уведомить сенат по порядку о всем ходе дела и принести благодарность вольноотпущеннику за то, что он даже во сне стоит на страже его, Клавдия, безопасности.

38. Сам сознавая свою склонность к гневным вспышкам и ненависти, он старался оправдать ту и другую в эдикте и провел между ними различие, причем обещал, что «гнев его будет непродолжителен и безвреден и ненависть не будет беспричинна». Когда жители Остии, при одной его поездке вниз по Тибру, не выслали ему навстречу лодок, он в письме сделал им суровый выговор, притом с язвительностью заметив, что они-де указали ему его место, но затем он вдруг простил им, чуть что не извиняясь сам в своих словах. Некоторых людей, некстати обращавшихся к нему на улице, он собственноручно отталкивал от себя. Равным образом он отправил в ссылку квесторского писца и сенатора, бывшего претора, не сделав им даже допроса и без всякой их вины, под тем предлогом, что первый слишком пристрастно стал на сторону его противников в суде, когда он, Клавдий, был еще частным лицом, второй же, будучи эдилом, оштрафовал жильцов принадлежавших ему домов за то, что, вопреки запрету, они продавали вареную пищу [54].

а управляющего, вмешавшегося в это дело, высек плетьми. Мало того,— по этому случаю Клавдий лишил эдилов наблюдения за харчевнями.

Не умалчивал он также и о своей глупости и в некоторых своих маленьких речах заявлял, что нарочно симулировал ее в правление Гая, ибо иначе ему не удалось бы уцелеть и достигнуть своего нынешнего положения. Однако ему не удалось заставить себе поверить, ибо вскоре появилась книжка под заглавием *μωρῶν ἐπανάστασις* [55], в которой говорилось, что симулировать глупость невозможно.

39. Между прочим, он поражал людей своей забывчивостью и рассеяностью, что по-гречески называется *μετεωρία* и *ἀβλεψία*. После казни Мессалины он, занимая ложе за обеденным столом, вскоре спросил, «почему же не идет госпожа». Многих из лиц, которых он наказал смертью, он уже на следующий день приказывал пригласить либо в совет, либо для игры в кости и через посланного, словно они запаздывали, называл их сонливцами. Собираясь вступить в противозаконный брак с Агриппиной, он продолжал при всяком случае называть ее «дочерью, питомицей», которая «была рождена и воспитана у него на коленях». Когда он собирался усыновить Нерона, то, словно мало ему было того, что его осуждают за усыновление пасынка при живом взрослом сыне, он еще неоднократно заявлял, что «в роде Клавдиев случаев усыновления вообще никогда не было».

40. В своих словах и поступках он часто проявлял такую невнимательность, что, казалось, он не знает или не думает, кто он такой,

при ком говорит, в какое время и в каком месте. Когда в сенате шла как-то речь о мясниках и виноторговцах, он воскликнул: «Скажите, пожалуйста, кто же может жить без куска колбасы?» и стал разглагольствовать об изобилии в прежних трактирах, откуда он некогда и сам обычно брал вино. Свою поддержку кандидатуры одного лица в квесторы он объяснял, между прочим, тем, что «отец этого лица во время его, Клавдия, болезни как-то во-время дал ему холодной воды». Одна женщина была приведена в качестве свидетельницы в сенат. По ее поводу Клавдий сказал: «Эта была вольноотпущенницей и камеристкой моей матери, но всегда считала своим патроном меня; я говорю это потому, что в моем доме до сих пор имеются лица, которые не считают меня хозяином». Но и в судебном трибунале, когда граждане Остии о чем-то просили его от имени всего города, он, вспылив, закричал, что «у него нет оснований оказывать им услуги: он, так же как и другие, может располагать сам собою». Каждый день, почти каждый час и даже каждую минуту, он повторял фразу: «Как, я кажусь тебе Телегонием?» [56], а также: «Λάλει καὶ μὴ θίγγανε» [57]. Он любил повторять еще многое в этом роде, что казалось неприличным даже для частных лиц, не говоря уже о принцепсе, не только не лишенном дара слова и учености, но, напротив, ревностно преданного занятиям свободными науками.

41. Еще в юности Клавдий, по совету Тита Ливия и при содействии Сульпиция Флава [58], начал писать историю. Когда он в первый раз

попробовал выступить с нею перед многочисленной аудиторией, он едва довел чтение до конца и по собственной вине во многих местах лишил себя одобрения слушателей. Дело в том, что в начале чтения под тяжестью одного из слушателей сломалось несколько скамей, что возбудило общий смех; но и когда шум утих, Клавдий уже при чтении по временам вдруг вспоминал о происшествии и не мог удержаться от смеха. Уже будучи принцепсом, он написал очень много и постоянно сообщал написанное слушателям через посредство специального чтеца. Началом своей истории он взял убийство диктатора Цезаря, но быстро перешел к более близкому хронологически времени, начав с завершения гражданской войны, ибо чувствовал, что о предшествующих этому моменту событиях ему невозможно свободно высказывать правду, за что его часто бранили и мать и бабка. В оставленном им произведении более ранним событиям было посвящено две книги, а более поздним — сорок одна. Он написал также «Автобиографию» в восьми книгах, не плохую по форме, но нелепую по содержанию: кроме того, довольно ученую «Защиту Цицерона против писаний Азиния Галла». Он даже изобрел три новых буквы и прибавил их к числу старых в качестве будто бы совершенно необходимых для алфавита. Еще будучи частным лицом, он написал книгу в обоснование своих букв и, ставши принцепсом, без труда добился введения их во всеобщее употребление. Буквы эти применены во многих книгах, в ежедневных ведомостях и в надписях на зданиях.

42. С не меньшим рвением предавался он также изучению греческой литературы, по всякому поводу показывая свою любовь к этому языку и выставляя на вид его преимущество. Одному варвару, говорившему по-гречески и по-латыни, он сказал: «Ты одинаково силен в обоих наших языках». Рекомендуя сенаторам провинцию Ахайю, он сказал: «Эта провинция мила мне по причине связывающих меня с нею общих научных интересов». Часто он отвечал в сенате греческим послам речью сплошь по-гречески и даже в судебных заседаниях неоднократно говорил гомеровскими стихами. Всякий раз, когда он уничтожал врага или злоумышленника, редко случалось, чтобы он давал начальствующему караулом трибуну иной пароль, кроме следующего стиха Гомера:

ἄνδρ' ἐπαμύνασθαι, ὅτε τις πρότερος χαλεπήνῃ [59].

Наконец, он написал по-гречески историю этрусков в двадцати книгах и историю карфагенян — в восьми. По этому поводу в Александрии к старому Музею [60] был присоединен новый, названный по его имени, и было установлено, чтобы ежегодно особые лица в определенные дни поочередно читали, словно в аудитории, в одном Музее историю этрусков, а в другом — историю карфагенян.

43. Под конец своей жизни он стал явно показывать, что раскаивается в брачной связи с Агриппиной и в усыновлении Нерона. В самом деле, когда однажды вольноотпущенники с похвалами напоминали ему о судебном деле, в котором он накануне осудил одну женщину, об-

виненную в прелюбодеянии, он заявил, что «и ему положено судьбой иметь распутных жен, которые однако не должны оставаться безнаказанными». И вскоре после, повстречав Британника, он, крепко обняв его, пожелал ему «расти и со временем потребовать от него отчет во всех поступках»; затем он сказал ему вслед такие слова по-гречески: «ὁ τρώσας ἰάσεται» [61] Он высказал свое намерение облечь его в тогу взрослого, что, вопреки его нежному отроческому возрасту, было возможно благодаря его крупному росту; при этом он прибавил: «пусть у римского народа будет, наконец, настоящий Цезарь».

44. Вскоре после этого он написал свое завещание и скрепил его печатями всех магистратов. Но его дальнейшие шаги предупредила Агриппина, которую помимо всего упомянутого тревожила ее собственная совесть, а также доносчики, обвинявшие ее во многих преступлениях.

По общему мнению, он был отравлен ядом, но существует разногласие, где и кем яд был дан. Одни передают, что его отравил евнух Галот, его пробовальщик кушаний, на обеде жрецов в Капитолии, другие называют саму Агриппину, которая будто бы угостила его отравленными грибами,— а грибы были его любимым блюдом. Также и о последующем говорят различно. Многие утверждают, что едва он проглотил яд, как у него отнялся язык, и после мучений, продолжавшихся всю ночь, он перед рассветом скончался. Некоторые же говорят, что вначале он заснул, а затем от

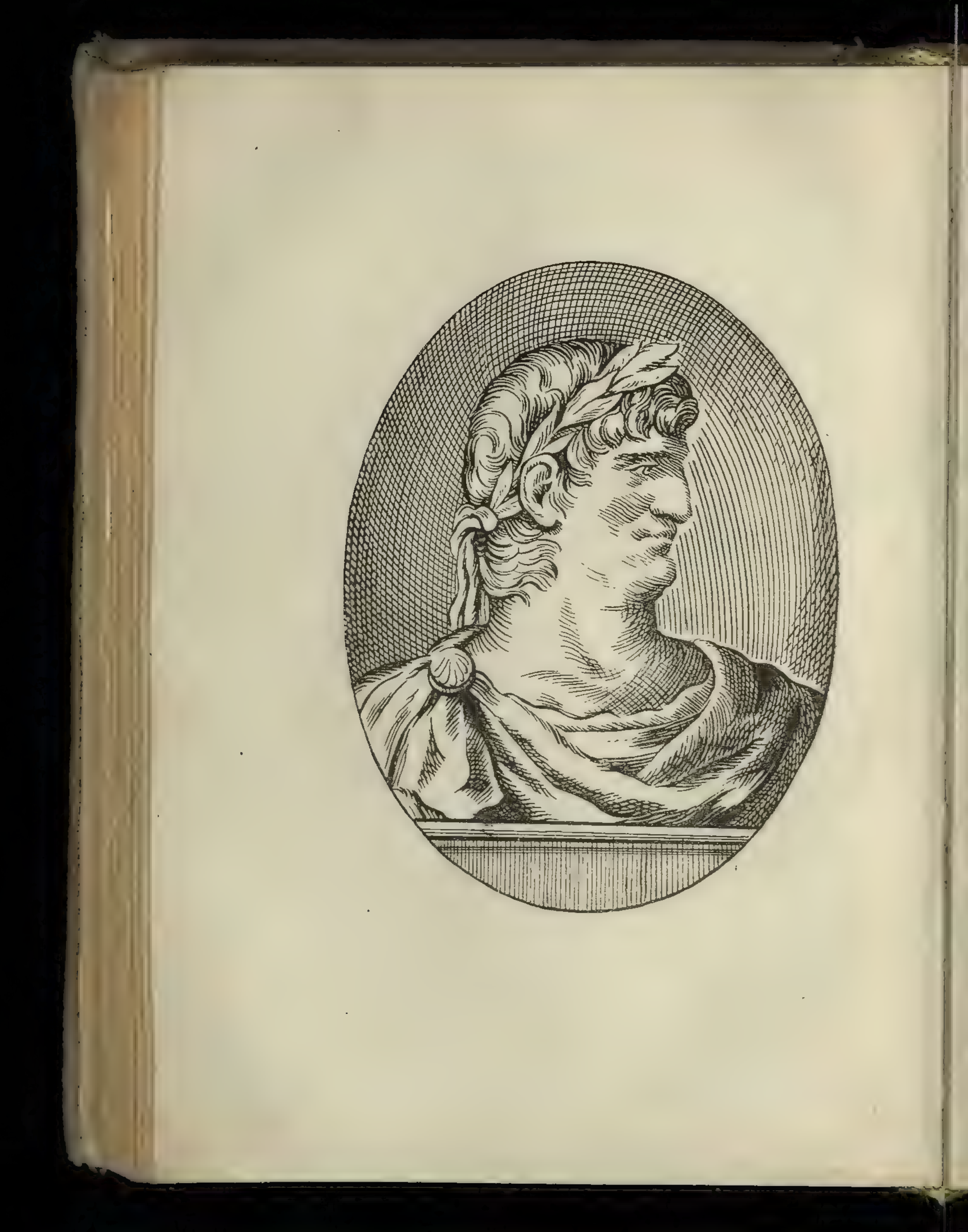
переполнения пищей его вырвало, и тогда ему снова дали яд, впрочем неизвестно, подмешали ли последний в кашу, данную ему под предлогом подкрепления пищей вследствие наступившей слабости, или ввели клизмой, под тем предлогом, что вследствие переполнения желудка ему нужно было помочь также и этим слабительным.

45. Смерть его скрывали до тех пор, пока не был улажен вопрос о преемнике. Поэтому, словно он был еще болен, о его здоровьи служили молебствия, а во дворец для видимости привели комедиантов, будто бы с целью забавлять его, согласно его собственному желанию. Клавдий скончался 13 октября [72], в консульство Азиния Марцелла и Ацилия Авиолы, на шестьдесят четвертом году жизни и на четырнадцатом году правления. Он был погребен с установленной для принцепсов торжественностью и причислен к сонму богов. Эта последняя почесть была отменена Нероном, но восстановлена впоследствии Веспасианом.

46. Главные знамения перед его смертью были следующие: на небе появилась хвостатая звезда, так называемая комета; молния ударила в статую его отца Друза, и в том же году многие из магистратов всех рангов перемерли. Повидимому, ему и самому было известно приближение конца, чего он и не скрывал. Этому существуют некоторые доказательства. Действительно, намечая будущих консулов, он никому не определил срока дольше того месяца, в котором он скончался; присутствуя последний раз в сенате, он долго просил своих сыновей сохранять между

собою согласие и умолял сенаторов помогать им в виду их юного возраста. А присутствуя в последний раз в суде, он заявил, что «подошел к жизненному пределу», и, невзирая на протесты присутствующих, несколько раз повторил эти слова.

НЕРОН



1. Из рода Домициев были знамениты две семьи: одна — Кальвинов, другая — Агенобарбов. Агенобарбы своим родоначальником, получившим впервые также и самое это прозвище, имеют Люция Домиция. Этот Люций, как говорят, возвращался однажды из деревни и повстречал двух юношей-близнецов величественной наружности, которые приказали ему возвестить сенату и народу римскому об одержанной победе, о каковой еще ничего не было известно. В доказательство своей божественной сущности они слегка погладили ему щеки, вследствие чего волосы у него из черных сделались красными и цветом похожими на медь. Этот внешний признак остался и у его потомков, и большею частью они имели красную бороду. Члены этой семьи семь раз занимали консульство, два раза — цензуру и дважды праздновали триумф; будучи приняты в число патрициев, они все сохранили свое прежнее прозвище. Они не принимали также иных собственных имен, кроме Гнея и Люция, причем чередование последних было замечательно: иногда одно из них передавалось трем лицам подряд, иногда же

давалось попеременно то одно, то другое. В самом деле, первый, второй и третий Агенобарбы, как нам известно, назывались Люциями, следующие три по порядку — Гнеями, остальные же не иначе, как попеременно то Люцием, то Гнеем. Я считаю необходимым познакомить читателя с несколькими членами этой семьи, дабы тем легче можно было видеть, что Нерон утратил доблести своих предков, в то же время сохранив пороки каждого из них, словно переданное и врожденное ему наследство.

2. Итак, чтобы начать с давних времен, сообщу о том, как его прапрадед, Гней Домиций, будучи народным трибуном, в гневе на понтификов за то, что на место умершего его отца они избрали в понтифики не его, а другого, передал народу принадлежавшее до тех пор коллегиям право выбирать жрецов[1]; во время же своего консульства он победил аллоброгов и арвернов и стал ездить в своей провинции на слоне в сопровождении толпы солдат, словно празднуя торжественный триумф. О нем оратор Лициний Красс сказал: «Неудивительно, что у него медно-красная борода, коль скоро у него уста железные, а сердце свинцовое». Его сын, будучи претором, пытался привлечь Цезаря, при сложении последним должности консула, к суду сената за то, что эту должность он выполнял, якобы не считаясь с ауспициями и законами[2]. Позже, будучи консулом, он пытался отнять у Цезаря командование войсками в Галлии, был назначен стараниями своей партии ему в преемники и в начале гражданской войны попал в плен у Корфиния. Отпущенный Цезарем на

свободу, Домиций прибыл в Массилию, выдерживавшую трудности осады, и поднял дух ее граждан, но затем внезапно покинул их и, в конце концов, пал в сражении при Фарсале. Характера он был непостоянного, а нравом свиреп; в момент отчаяния во всем страх побудил его искать смерти, но затем он так устрашился ее, что, в раскаянии, с помощью рвотного выбросил принятый яд и отпустил на волю своего врача в награду за то, что тот благоразумно и сознательно приготовил яд, не слишком сильно действующий. Когда Гней Помпей обсуждал вопрос, как быть с лицами, оставшимися нейтральными и не примкнувшими ни к одной из сторон, он единственный из всех предложил считать их врагами.

3. Он оставил после себя сына, которого из всех Агенобарбов, без сомнения, надо признать самым выдающимся. Хотя он и был неповинен в смерти Цезаря, его однако осудили по закону Педия[3] среди прочих заговорщиков. Сначала он бежал к Кассию и Бруту, своим близким родственникам, затем, после гибели их обоих, удержал за собою порученное ему уже раньше командование над флотом, который к тому же еще усилил, и только после повсеместного поражения своей партии, по собственной воле, передал флот Антонию, что было вменено ему в чрезвычайную заслугу. Из всех лиц, осужденных согласно тому же закону Педия, он единственный получил возможность вернуться на родину и здесь достиг самых высоких отличий; когда же вскоре после того гражданское междоусобие возобновилось, он был легатом у того

же самого Антония; лица, в которых присутствие Клеопатры возбуждало стыд, предложили ему высшее командование, но по причине внезапной болезни он не решился ни принять его, ни отвергнуть и перешел на сторону Августа, вскоре после чего скончался. Он также остался не свободен от опорочения, ибо Антоний разглашал, будто бы он сделался перебежчиком, тоскуя по своей возлюбленной, Сервилии Наиде.

4. Сыном его был тот Домиций, который, как вскоре повсюду стало известно, по завещанию Августа был покупщиком всего его имущества [4]. В молодости он не менее прославился искусством править колесницей, чем полученными им позже в германской войне триумфальными отличиями. Впрочем, он был заносчив, расточителен и жесток. Будучи только эдилом, он заставил цензора Люция Планка уступить себе дорогу. Будучи претором и консулом, он выводил на сцене в качестве мимических артистов римских всадников и матрон. Он устраивал травли зверей как в цирке, так и во всех частях города, а также бои гладиаторов; условия последнего были так бесчеловечны, что Август, тщетно пытавшийся отговорить его частным образом, принужден был обуздать его официальным эдиктом.

5. От жены своей, Антонии Старшей, он произвел сына [5], будущего отца Нерона, человека ужасного во всех отношениях. Так, состоя в ближней свите юного Гая Цезаря во время путешествия последнего на Восток, он убил своего вольноотпущенника за то, что тот отказался выпить столько, сколько ему было при-

казано; за это он был исключен из ближней свиты[6], однако не исправился в своем образе жизни. Так, в одном селении близ Аппиевой дороги он умышленно, ни с того, ни с сего, разогнав лошадей, раздавил мальчика, а в Риме на самом форуме вышиб глаз римскому всаднику, слишком горячо заспорившему с ним. При этом он отличался такой бессовестностью, что не только не отдавал денег аргентариям[7] за купленные у них на аукционе вещи, но также, будучи претором, обманно присваивал себе награды, следуемые цирковым наездникам. За это сестра осмеяла его, а начальники цирковых партий заявили жалобу, и тогда он постановил, чтобы впредь наездникам выплачивались полностью награды. В конце правления Тиберия он был обвинен в оскорблении величества, в прелюбодеянии и в кровосмесительной связи с сестрою Лепидой, однако благодаря перемене правления ему удалось выпутаться; в конце концов он умер в Пиргах от водянки, оставив после себя сына Нерона от жены своей Агриппины, дочери Германика.

6. Нерон родился 15 декабря[8], в девятый месяц после смерти Тиберия, в Анции, при самом восходе солнца, так что лучи его раньше коснулись Нерона, нежели сам он коснулся земли. В связи с обстоятельствами его рождения многие тотчас стали строить различные мрачные предположения; знаменательными показались также слова его отца Домиция, который в ответ на поздравления друзей ответил, что «от него и Агриппины может родиться разве только нечто отвратительное и предназначенное на общее не-

счастие». Также и в день очищения[9] было очевидно знамение того же будущего несчастия: когда Агриппина попросила своего брата, Гая Цезаря[10], дать ребенку имя по своему выбору, последний, глядя на своего дядю Клавдия, который впоследствии, будучи уже принцепсом, усыновил Нерона, сказал, что он дает «ему имя Клавдия». Он сделал это не серьезно, но в шутку, к великому неудовольствию Агриппины, ибо в то время Клавдий был посмешищем императорского двора.

В возрасте трех лет Нерон лишился отца; он был назначен им наследником в третьей части, но и ее он получил не всю, ибо его сонаследник, Калигула, постарался захватить все состояние. Вскоре после этого его мать была отправлена в ссылку, и он почти без средств и в нужде воспитывался у своей тетки Лепиды, под руководством двух педагогов — танцмейстера и брадобрея. Но когда Клавдий достиг власти, то Нерон не только получил обратно отцовское состояние, но, кроме того, разбогател благодаря наследству от своего вотчима, Криспа Пассиена. После того как его мать была возвращена из ссылки и восстановлена в подобающем ей положении, Нерон благодаря ее влиянию и могуществу так пошел в гору, что стал ходить слух, будто жена Клавдия, Мессалина, опасаясь в нем возможного соперника Британнику, подослала убийц, которые должны были задушить его во время полуденного сна. К этому рассказу прибавляли, будто убийцы, испуганные змеею, выползшей из его подушки, обратились в бегство. Вся эта басня возникла в связи с тем, что в его постели,

у подушек изголовья, была найдена кожа змеи; эту кожу, вделанную в золотой браслет, он по желанию матери некоторое время носил на правой руке; затем, тяготясь воспоминанием о матери, он забросил ее, а перед концом жизни тщетно старался разыскать снова.

7. Еще в нежном отроческом возрасте он во время цирковых представлений постоянно и с большим успехом участвовал в Троянской игре. На одиннадцатом же году жизни он был усыновлен Клавдием и передан под руководство и для обучения Аннею Сенеке, уже в то время бывшему сенатором. Как говорят, в ближайшую ночь Сенека видел во сне, будто он обучает Калигулу. Нерон вскоре подтвердил истинность этого сна, обнаружив свою бесчеловечную натуру, как только представилась к тому возможность. В самом деле, против своего брата Британника, который по привычке и после усыновления, здороваясь с ним, назвал его Агенобарбом, он старался возбудить в Клавдии подозрение, будто тот был не подлинным его сыном, но подкидышем. Своим свидетельством, данным публично, он доконал свою тетку Лепиду, против которой было возбуждено обвинение, причем действовал в угоду матери, преследовавшей обвиненную.

Когда его вывели на форум для облечения в тогу совершеннолетнего, он обещал народу и солдатам подарки и, назначив парад преторианцам, самолично командовал ими; затем он произнес благодарственную речь отцу в сенате. Когда Клавдий был консулом, он держал перед ним две речи: одну латинскую в пользу жителей Болоньи, другую греческую в пользу жите-

лей Родоса и Илиона. В качестве городского префекта на время Латинских ферий[11] он впервые руководил судопроизводством, причем самые знаменитые адвокаты наперерыв старались предоставить ему не заурядные и быстро разрешимые дела, как это было в обычае, но множество самых значительных, хотя это было запрещено Клавдием. Вскоре после этого он женился на Октавии и во здравие Клавдия дал цирковые игры и травлю зверей.

8. Когда кончина Клавдия стала известна, Нерону было семнадцать лет. Он вышел к державшему караулы во дворце отряду преторианцев в седьмом часу дня; весь этот день считался зловещим[12], и только этот час был признан подходящим для начала дела. Здесь на крыльце дворца его провозгласили императором и отнесли в носилках в лагерь, а оттуда, после краткой речи его к солдатам,— в курию. Отсюда он отбыл уже вечером, осыпанный чрезвычайными почестями, из которых он не принял только титул «отца отечества» по причине молодости лет.

9. Затем он начал с выражений своей сыновней любви: с пышностью похоронил Клавдия, произнес ему похвальное слово и причислил к сонму богов. Он оказал величайшие почести памяти своего отца, Домиция. Матери он предоставил верховное руководство в государственных и своих частных делах. В первый день своего принципата он дал трибуну, начальнику караулов, лозунг: «Наилучшая мать», а затем часто появлялся на улицах рядом с нею в ее носилках. Он вывел колонию в Анций,

набрав в нее ветеранов-преторианцев, и заставил поселиться в ней самых богатых из центурионов-примипиларов; в этой колонии он с огромными издержками соорудил порт[13].

10. Чтобы еще яснее показать свой характер, он объявил, что будет править в согласии с предписаниями Августа, не пропускал ни одного случая проявить свою щедрость, милосердие или просто благожелательность. Более обременительные подати он либо вовсе уничтожил, либо уменьшил. Награды доносчикам по закону Папия[14] он сократил до одной четверти. Народу он роздал по четыреста сестерциев на человека, а знатнейшим, но обедневшим сенаторам положил годовое жалованье, причем некоторым в сумме пятисот тысяч сестерциев; преторианским когортам он положил ежемесячную даровую выдачу хлеба. Когда ему предложили по обычаю поставить свою подпись под смертным приговором, он промолвил: «Как хотел бы я не уметь писать!» Иногда он приветствовал сенаторов сообразно их рангу, называя их имена по памяти. Когда сенат однажды воздавал ему благодарность, он возразил: «Если я ее заслужу». На свои гимнастические упражнения он позволил смотреть также и простонародью и часто выступал публично как декламатор; он читал стихи не только у себя дома, но также и в театре, возбуждая такой восторг в публике, что однажды по случаю этого чтения было назначено благодарственное молебствие, а часть стихов, прочитанная им, начертанная золотыми буквами, была посвящена Юпитеру Капитолийскому.

11. Он устраивал в большом количестве весьма разнообразные игры и зрелища, юношеские[15], цирковые, театральные представления и гладиаторские бои. На юношеских играх он допускал участие также стариков-консуляров и пожилых почтенных матрон. На цирковых играх он предоставил всадникам особые места и устраивал также состязание верблюдов четверней. На играх, учрежденных во имя вечной нерушимости империи и названных им Величайшими, выступало в качестве действующих лиц множество членов двух высших сословий обоего пола. Один известнейший римский всадник, сидя на слоне, ходил по канату. Была дана римская пьеса Афрания «Пожар», причем актерам было разрешено расхитить обстановку горевшего дома и взять ее себе; все дни игр в народ разбрасывали всевозможные подарки: ежедневно по тысяче различных птиц, разнообразные съестные припасы, марки на получение хлеба, одежду, золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, картины; раздавали рабов, вьючный скот, даже прирученных диких зверей, наконец, корабли, дома и имения. На эти игры Нерон смотрел с возвышения перед сценой.

12. В гладиаторском бою, устроенном им в деревянном амфитеатре на Марсовом поле, сооруженном в течение одного года, никто, даже ни единый преступник, не был убит. На рукопашный бой он выставил также четыреста сенаторов и шестьсот римских всадников[16], из коих некоторые отличались своим богатством и незапятнанной репутацией; из этих же сословий он брал людей для борьбы со зверями и разнооб-

разных иных функций в цирке. Он дал также морское сражение, причем в морской воде плавали чудовищные рыбы. Молодые люди исполняли военные танцы, после чего каждому он вручил грамоту о даровании ему римского гражданства. В этих танцах представляли между прочим, как бык покрыл деревянное изображение коровы, в котором, как думали многие зрители, была спрятана, согласно мифу, Пасифая[17]. Икар[18], при первой своей попытке полета, сразу же упал рядом с ложей Нерона и обрызгал его самого своею кровью. Нерон лишь очень редко председательствовал на спектаклях, но обычно смотрел на них, возлежа в своей ложе, причем первое время открывал небольшие отверстия в ней, позднее же смотрел с открытого балкона.

Впервые в Риме он учредил периодические состязания, по греческому образцу, повторяющиеся через каждые пять лет, троякого рода: музыкальные, гимнастические и конные. Он назвал их Нерониями. При посвящении терм и гимназия он роздал бесплатно масло также сенаторам и всадникам. Руководство всеми играми он предоставил по жребию бывшим консулам, отведя им преторские места. Затем он спустился в орхестру к сенату и принял от него в награду за произнесенные им латинскую речь и стихотворение венок, из-за которого состязались самые почтенные лица, но который они же согласно присудили ему; а когда судьи отдали ему же венок за игру на цитре, он почтительно склонился перед ним и приказал отнести его к статуе Августа. На гимнастических со-

стязаниях, которые он дал в Оградах, он, во время принесения в жертву быка, впервые обрил себе бороду, затем положил ее в золотой, украшенный драгоценнейшими жемчугами ящичек и посвятил Юпитеру Капитолийскому. На состязание атлетов он пригласил также и дев-весталок, ибо и в Олимпии эти состязания разрешается глядеть жрицам Цереры.

13. Среди устроенных им зрелищ весьма заслуживает упоминания также и вступление в Рим Тиридата. Этого царя Армении[19] он привлек заманчивыми обещаниями и намеревался показать народу в специально назначенный эдиктом день; по случаю облачной погоды он этот день отсрочил, а затем устроил его шествие в ближайший удобный день. Вокруг храмов на форуме были расставлены вооруженные когорты; сам он сидел в курульном кресле у ростр, облеченный в триумфальную одежду, среди военных значков и знамен. Тиридат взошел к нему по покатому помосту и опустился к его коленам. Нерон поднял его правой рукой и поцеловал. Царь обратился к нему с мольбою, а Нерон снял с него тиару[20] и возложил диадему, причем слова его мольбы, в переводе на латинский язык, бывший претор произнес перед народом; оттуда его провели в театр, где он снова обратился с мольбой к Нерону, который посадил его рядом, по правую руку от себя. По этому случаю народ приветствовал его как императора[21], он отнес на Капитолий лавровый венок и запер двойные двери Януса, словно больше не было никакой войны.

14. Консульство он отправлял четыре раза:

первый раз — в течение двух месяцев, во второй и в последний раз — по шести месяцев, в третий раз — четыре месяца. Второе и третье консульства он отправлял кряду одно за другим, прочие же с промежутком в один год.

15. В судопроизводстве он отвечал просителям только на следующий день и не иначе, как письменно. В порядке судопроизводства он, взамен дозволения произносить длинные сплошные речи, подвергал обсуждению каждый пункт в отдельности, причем выступали поочередно ораторы обеих сторон. Всякий раз, как он удалялся на совещание, он ничего не подвергал совместному и гласному обсуждению, но молча и уединившись прочитывал написанные каждым из заседателей мнения; затем объявлял свое собственное решение так, как будто это было решение большинства.

Он долго не допускал в число сенаторов сыновей вольноотпущенных; тем из них, которые были допущены прежними принцепсами, он не давал должностей. Кандидатам, которым по числу их нехватало должностей, он в утешение за отсрочку и промедление давал командование над легионами. Консульство он большей частью давал на шесть месяцев. Когда один из консулов умер незадолго до 1 января, он никого не назначил на его место, не одобряя аналогичного случая с Канинном Ребилом, занимавшим консульство в течение всего лишь одного дня[22]. Триумфальные украшения он давал даже лицам квесторского ранга, иногда даже простым всадникам и далеко не за одни боевые отличия. Свои речи по некоторым вопросам, в письменной

форме адресованные сенату, он приказывал читать не квесторам, как это делалось обычно, но большей частью самим консулам.

16. Он придумывал городские здания нового вида, причем перед большими доходными домами и особняками строились портики, с крыш которых можно было бы потушить пожары. Эти портики он строил на собственные средства. Он предполагал построить стены до самой Остии и посредством канала ввести оттуда море в Рим. В его правление многое в общественном и частном быту подверглось строгому осуждению и запрету, но немало было тоже введено нового; был положен предел тратам на излишества, общественные обеды заменены денежными выдачами[23]. В харчевнях было запрещено продавать что-либо вареное, за исключением бобов и овощей, тогда как раньше в них предлагались всякого рода кушанья. Христиане, новый и зловредный вид религиозной секты, подверглись преследованию казнями. Были запрещены развлечения цирковых наездников, которым, в силу давнишней привилегии, разрешалось разъезжать где угодно и, под видом шутки, заниматься надувательством и обкрадыванием людей[24]. Из Рима были высланы мимические актеры вместе с их ревностными поклонниками. 17. Как средство против подделок документов впервые было придумано, чтобы восковые дощечки просверливались и запечатывались лишь со шнуром, продетым сквозь отверстие трижды[25]. Была введена предосторожность, чтобы первые две страницы были представляемы для подписей свидетелям пустые[26], только с надписанием имени

завещателя, и чтобы никто, участвующий в составлении чужого завещания, не приписывал чего-либо себе в качестве ему отказанного. Равным образом за защиту в суде тяжущиеся должны были платить известное, соразмерное делу вознаграждение, за скамьи же в суде не полагалось платить ничего, так как эрарий [27] доставлял их бесплатно. Кроме того, процессы должников эрария были перенесены на форум и поручены рекуператорам [28]. Наконец, все апелляции от судов должны были направляться в сенат.

18. Нерон не имел ни желания, ни надежды расширить пределы империи, а потому собирался вывести войска даже из Британнии и оставил этот замысел только из боязни, как бы не показалось, что он хочет умалить славу своего родителя. Только Понтийское царство, уступленное ему Полемоном, да Альпийское царство по смерти Коттия [29] он превратил в провинции.

19. Он предпринял всего-навсего два путешествия: в Александрию и в Ахайю; но первое в самый день отъезда он отменил, будучи смущен суеверным опасением и страхом опасности. В самом деле, после посещения храмов он сел в храме Весты; затем, вставая, он сначала зацепился краем тоги; потом у него стало так темно в глазах, что он ничего не смог различить. В Ахайе он приступил к прорытию Истма [30]. Произнося речь на сходке, он призывал преторианцев начать выполнение этого дела и затем, по сигналу трубы, первый стал копать киркою землю и, насыпав ее в корзину, вынес на собственных плечах. Он подготовлял

также поход к воротам Каспия; для этого он набрал среди италийского населения рекрут, ростом в шесть футов, для нового легиона, который назвал «фалангой Александра Великого».

Все вышеизложенные его поступки частью не заслуживают никакого порицания, частью же, напротив, даже достойны немалой похвалы. Я рассказал о них заодно, дабы отделить их от его позорных дел и преступлений, рассказ о которых следует ниже.

20. Еще в отроческом возрасте среди прочих предметов обучался он также и музыке. Получив власть, он тотчас призвал к себе Терпна, певца с аккомпанементом цитры, первого среди музыкантов того времени, и целыми днями после обеда до глубокой ночи просиживал, слушая его пение. Постепенно он и сам начал приучаться к этому искусству и упражняться в нем и старался не упускать ничего из того, что делают мастера этого искусства для сохранения или для увеличения своего голоса. Так, он ложился на спину и клал себе на грудь свинцовую доску; очищал себе желудок клизмами и рвотным, не позволял себе есть яблоки или иную вредную пищу. Наконец, довольный своими успехами,— хотя голос его был слабый и глухой,— он возгорелся желанием выступить на сцене; среди своих друзей он часто говорил греческую пословицу, что «музыка, которую никто не слышит, не вызывает ничьего одобрения». Он действительно выступил, сперва в Неаполе. Хотя от случившегося внезапно землетрясения театр задрожал, Нерон не прервал пения, пока не довел до конца начатую песню.

Там же он часто пел по нескольку дней подряд; потом он на короткое время давал своему голосу отдых и затем, не имея терпения переносить свое одиночество, прямо из бани шел в театр; он обедал в орхестре в присутствии многочисленной публики и, обращаясь к ней по-гречески, обещал, что «если он немного выпьет, то споет что-нибудь особенно прекрасное». Плененный гармоничностью манеры, с какой выражали свое одобрение александрийцы, только что прибывшие сюда с торговыми судами, он вызвал их из Александрии в еще большем числе. Не ограничиваясь этим, он набрал юношей всаднического сословия, а также отовсюду пять тысяч самых сильных молодых людей из плебса; они были разделены на отряды и должны были изучить различные роды аплодисментов (то были так называемые «жужжание», «желобок» и «черепица») и усердствовать во время его вокальных выступлений. Они отличались густой шевелюрой, великолепнейшим костюмом, а на левой руке носили кольцо. Их вожаки зарабатывали по сорок тысяч сестерциев.

21. Так как он придавал очень большое значение своему выступлению в качестве певца в самом Риме, то, не дожидаясь срока, он повторил Неронии[31]. А так как все желали слышать его божественный голос, то он ответил, что «доставит любителям эту возможность в своих садах». Когда же к просьбам народа присоединился державший караулы отряд солдат, то он согласился на немедленное выступление; он тотчас же приказал внести свое имя в список выступающих певцов с цитрой и, опустив свой

жребий в урну вместе с остальными, предстал перед публикой в свой черед; его сопровождали префекты претория, державшие цитру; позади их стояли военные трибуны и его ближайшие друзья. Став на своем месте и сыграв прелюдию, он через консуляра Клавдия Руфа объявил, что будет петь «Ниобу», и продолжал пение почти до десятого часа; присуждение же венка за победу и прочую часть состязания он отложил на следующий год, чтобы чаще иметь случай выступать в качестве певца. Так как этот срок показался долгим, то он не переставал от времени до времени выступать перед публикой. Он подумывал даже о том, не выступить ли ему в числе артистов на спектаклях, устраиваемых другими лицами, к чему побудило его предложение одного претора дать ему за это миллион сестерциев. Он играл также в трагедиях, одетый в маску героев и богов или героинь и богинь, причем маски были сделаны похожими либо на него самого, либо на женщину, которую в данное время он любил. Среди прочих ролей он исполнял Канаку[32] в родах, матереубийцу Ореста, ослепленного Эдипа и безумствующего Геракла. Рассказывают, что при исполнении последней пьесы солдат-новобранец, стоявший на часах у входа, видя, что Нерона костюмируют и заковывают в цепи, как это требовалось содержанием пьесы, бросился ему на выручку.

22. С ранней юности он имел чрезвычайное пристрастие к лошадям и, несмотря на запрещение, ни о чем не говорил так много, как о цирковых состязаниях. Однажды в разговоре со школьными товарищами он сожалел, что воз-

цицу партии зеленых лошади потащили по цирку, и когда учитель сделал ему замечание, он солгал ему, будто бы говорит о Гекторе. В первое время по принятии власти он ежедневно играл на доске квадригами, сделанными из слоновой кости, а из своего загородного дома посещал все цирковые состязания, даже незначительные, причем делал это сначала тайком, а потом открыто, так что никто не сомневался, что в день игр он всегда будет в Риме. Он также не скрывал своего желания умножить количество победных наград. Поэтому зрелище состязаний благодаря большому числу заездов затягивалось до самого вечера; в конце концов и начальники цирковых партий не соглашались выпускать своих наездников иначе, как на целый день состязаний. Вскоре он и сам захотел стать возницей и даже выступать перед публикой. Свои первые опыты он совершил в собственных своих садах в присутствии рабов и самого низшего плебса, а затем предстал перед массой публики в Большом цирке, причем знак к началу состязаний подавал какой-то вольноотпущенный с того самого места, с какого его обычно подают магистраты. Показывать опыты своего искусства в Риме ему показалось недостаточным, и он, как мы говорили выше, отправился в Ахайю: к этой поездке его побудило главным образом следующее: города, в которых обычно производились музыкальные состязания, постановили отправлять к нему все венки, получаемые певцами. Эти посылки он принимал весьма милостиво и доставлявших их посланцев не только принимал у себя в первую очередь, но

также приглашал к своему столу в интимном кружке лиц. Некоторые из них просили его спеть за столом, и пение его было встречено с восторгом; тогда он объявил, что «одни лишь греки умеют слушать по-настоящему, и только для них стоит работать такому артисту, как он». Не откладывая, он отправился в путь и, прибыв в Кассиопу[33], открыл серию своих выступлений, прежде всего перед алтарем Юпитера Кассия. Затем он по порядку объехал все места состязаний.

23. В самом деле, также и те состязания, которые приходятся в самое разное время, он приказал устроить в одном и том же году, а некоторые даже повторить. Кроме того, вопреки обычаю, он на Олимпийских играх ввел музыкальные состязания. А дабы ничто не мешало ему и не отвлекало его от этого занятия, он дал такой ответ вольноотпущеннику Гелию, который напоминал ему, что дела в Риме требуют его личного присутствия: «Хотя ты высказываешь теперь совет и желание, чтобы я поскорее вернулся в Рим, все же ты должен советовать и желать, чтобы мое возвращение было таким, какое подобает Нерону».

Во время его пения выходить из театра не разрешалось даже ради самой настоятельной нужды. Поэтому, как говорят, некоторые женщины во время представления разрешались от бремени, а многие, которым надоедало слушать и восторгаться, удирали, причем, так как городские ворота бывали обычно заперты, либо тайно спрыгивали со стены, либо притворялись мертвыми и их выносили в погребальной

процессии. Впрочем, трудно поверить, до какой степени Нерон волновался и робел на этих состязаниях, как ревниво относился к своим конкурентам, как боялся судей. Своих соперников, словно они были ему ровня, он наблюдал, выслеживал, втайне старался дискредитировать, иной раз при встречах осыпал бранью, а тех, которые превосходили его искусством, даже подкупал.

Приступая к пению, он самым почтительным образом обращался к судьям, заявляя, что «он с своей стороны сделал все от него зависящее, но что результат находится в руках судьбы; они же, судьи, как мужи мудрые и знающие, должны не считаться с случайными привходящими обстоятельствами». Когда судьи старались его ободрить, он отходил от них несколько успокоенный, однако и тогда тревога не покидала его; при этом молчаливость и конфузливость судей он принимал за угрюмость и недоброжелательство и говорил, что они внушают ему подозрение.

24. В состязаниях он до такой степени подчинялся правилам, что не позволял себе даже откашляться, а пот со лба отирал непременно рукою. Однажды при исполнении роли в трагедии он выронил жезл, однако быстро подхватил его; тем не менее, он пришел в ужас и боялся, как бы за эту провинность его не исключили из состязания; он успокоился только после того, как актер клятвенно уверил его, что среди восторгов и одобрительных кликов никто не заметил происшедшего. Он сам провозглашал себя победителем, а по этой причине повсюду

принимал участие и в состязании глашатаев. Чтобы не оставить памяти или даже следа о каком-либо другом победителе на священных состязаниях, он приказал статуи их и бюсты повсюду ниспровергнуть и крюками стащить в отхожие места. В Греции он во многих местах выступал также в качестве колесничного возницы. На Олимпийских играх он правил даже запряжкой в десять лошадей, хотя за это самое в одном своем стихотворении порицал царя Митридата. Однако он упал с колесницы, и хотя его снова посадили в нее, он не мог продолжать состязание и отказался от него раньше достижения цели. Тем не менее, он был награжден как победитель. Уезжая, он всей провинции пожаловал автономию, а судьям — право римского гражданства и крупное денежное вознаграждение. Об этих милостях он объявил собственными устами в день Истмийских игр на стадионе.

25. Возвратившись из Греции в Италию, он совершил въезд в Неаполь, ибо именно в этом городе впервые показал свое искусство, причем по обычаю победителей на священных играх въехал на белых конях через разобранную нарочно часть городской стены. Таким же порядком совершил он въезд в Анций, Альбан[24] и Рим. В Рим же он въехал на той самой колеснице, на которой Август некогда праздновал триумф; он был в пурпурной одежде и в плаще, затканном золотыми звездами, с олимпийским венком на голове и пифийским в правой руке; впереди в торжественной процессии несли остальные венки с надписями, обозначающими, где, каких артистов, в каких песнях или пьесах

он победил; за его колесницей следовали клакеры, которые, по обычаю, принятому в овации, громко величали себя «августианцами[35] и солдатами его триумфа». Затем он проследовал через арку Большого цирка, нарочно сломанную, затем через Велабр и форум к Палатину и храму Аполлона. По дороге от времени до времени совершали жертвоприношения, путь посыпали шафраном, а ему бросали птиц, ленты и всякий десерт. Священные венки он повесил вокруг своих лож в спальнях, там же поставил статуи, изображающие его в виде певца с цитрой; с таким же своим изображением он отчеканил монету. После этого он не оставил и не ослабил своего усердия и потому оберегал свой голос, обращался к солдатам либо письменно, либо через третье лицо и ничего не говорил ни всерьез, ни в шутку иначе как в присутствии учителя пения, который напоминал ему «беречь свое горло и говорить с приложенным ко рту платком». Многих лиц он либо дарил своей дружбой, либо преследовал враждой, смотря по тому, щедры или скупы они были на похвалы ему.

26. Грубость, сладострастие, изнеженность, алчность и жестокость проявлялись в нем сначала лишь постепенно, незаметно, словно заблуждения юношеского возраста; однако и в то время всем было ясно, что это были врожденные пороки, а не присущие только возрасту. Тотчас по наступлении сумерек он надевал шляпу или шапку и ходил по кабакам или шлялся по улицам, развлекаясь шутками, однако не без вредительства. Так, он имел обыкновение

колотить возвращавшихся с ужина, а тех, которые при этом пробовали сопротивляться, увечил и бросал в сточные канавы; он взламывал и грабил также лавки, а дома у себя устраивал рынок, вроде лагерного, где добыча по отдельности продавалась с торгов, а выручка затем прокучивалась. В этих ночных драках он часто рисковал потерять глаза или даже вовсе лишиться жизни; так, один человек сенаторского ранга, жену которого Нерон оскорбил, едва не убил его. Поэтому с этих пор он никогда не выходил на улицу в эти часы иначе, как в сопровождении военных трибунов, которые в некотором расстоянии незаметно следовали за ним. Также и днем он тайно отправлялся в закрытых носилках в театр. Здесь с возвышения, находящегося перед сценой, он наблюдал ссоры между мимическими актерами и сам науськивал их друг на друга; когда же дело доходило до драки и в ход пускались камни и обломки скамей, он и сам бросал их в народ и однажды даже ранил в голову претора.

27. Постепенно однако пороки укреплялись в нем, он стал оставлять свои шутки и инкогнито и, отбросив всякое притворство, проявил себя в поступках более серьезных.

Пиршества он от полудня затягивал до полуночи, причем часто подбадривал себя теплыми, летом же снегом охлажденными ваннами. Иногда он устраивал обеды в общественных местах, в навмахии, которую окружали особой оградой, на Марсовом поле, или в Большом цирке, причем ему прислуживали проститутки, собранные со всего города, и сирийские танцовщицы. Вся-

кий раз, как он плыл по Тибру в Остию или вдоль Байского залива, по берегам реки и моря устраивались ресторации, замечательные своей кухней и тем, что роль хозяек в них выполняли матроны, которые со всех сторон приглашали его заехать к ним. Он назывался также на угощение к друзьям, из коих одному обед с шелковыми повязками [36] обошелся в четыре миллиона сестерциев, а другому эссенция из роз [37] — даже больше этого.

28. Помимо сношений с мальчиками благородного происхождения и содержания у себя в наложницах замужних женщин, он учинил насилие даже одной деве-весталке, по имени Рубрия. Он едва не соединился узами законного брака с вольноотпущенницей Акте, причем подговорил некних консуляров дать ложную клятву, будто бы она происходит из царского рода. Мальчика Спора он посредством оскопления пытался даже превратить в женщину; снабдив его приданым и одев в подвенечное покрывало, он в брачном торжестве, отпразднованном с пышностью, привел его к себе и стал жить с ним как с женою. По этому поводу кто-то весьма кстати сострил, что «хорошо было бы жить на земле, если бы у отца Домиция была такая же жена». Этого Спора, разнаряженного и разукрашенного словно женщина из императорской фамилии, несомого в носилках, он сопровождал по всем значительнейшим административным и торговым центрам Греции, а потом и в Риме на улице Сигиллариев, причем то и дело целовал его. Никто не сомневался в том, что он хотел вступить в связь со своей

матерью и был отклонен от этого ее ненавистниками, указывавшими, как бы эта надменная и несдержанная женщина благодаря оказанной ей милости не пожелала усилить свое влияние; как бы то ни было, в число своих наложниц он взял некую блудницу, весьма, как говорят, похожую на Агриппину.

29. После того как проституированием своего тела он осквернил почти все свои члены, он придумал, в конце концов, такой род игры: покрытый звериной шкурой он выскакивал из клетки и набрасывался на половые органы мужчин и женщин, привязанных к столбу; затем, когда он вполне утолял свою потребность в таком неистовстве, его поражал вольноотпущенный Доримах; он отдался ему так же, как Спор ему самому, причем подражал крикам и стонам насилуемых девушек. Некоторые сообщали мне, что он был твердо убежден, что «не существует на свете людей целомудренных и чистых, хотя бы одним каким-либо членом тела; большинство только скрывает свои пороки и хитро их маскирует». Поэтому тем, которые сознавались ему в своем разврате, он прощал также и другие пороки.

30. По его мнению, богатство и деньги существовали только для того, чтобы расточать их; по его словам, «те, которые вели счет своим расходам, были грязными скрягами; те же, которые расточали и проматывали свои средства, были знатоками роскоши и действительно широкими натурами». Он хвалил своего дядю Гая Калигулу и восхищался им главным образом за то, что тот в короткий срок расточил ко-

лоссальные средства, накопленные Тиберием. Поэтому ни в раздаривании, ни в расточении средств сам он не знал никаких границ. На Тиридата он ежедневно тратил,— что едва ли покажется вероятным,— восемьсот тысяч сестерциев, а при его отъезде дал ему более ста миллионов сестерциев. Певцу Менекрату и гладиатору Спикулу он подарил состояние и дома лиц, получивших почести триумфа. Ростовщика Керкопитека Панерота он обогатил владениями в городе и в деревне и устроил ему почти что царские похороны. Один и тот же костюм он никогда не надевал два раза. При игре в кости он ставил по четыреста тысяч сестерциев на очко. Он ловил рыбу золотой сетью, сплетенной из пурпурных и алых бичевок. Он никогда не путешествовал иначе, как в сопровождении тысячи повозок, причем у мулов были серебряные подковы, их погонщики одеты в туники из канузинской шерсти [38], и при нем находилась толпа мазаков [39] и скороходов, украшенных браслетами и ожерельями.

31. Ни в чем однако не был он столь расточителен, как в строительстве. Он выстроил дом протяжением от Палатина до Эсквилий. Сначала он назвал его «проходным», а позже, после истребления его пожаром и восстановления,— «золотым». О его размерах и украшении достаточно сообщить следующее: он имел вестибюль, в котором стояла колоссальная, вышиною в 120 футов, статуя, изображавшая самого Нерона. Дом был столь обширен, что в нем было три портика, длиною в тысячу футов каждый, кроме того — пруд, наподобие

моря, окруженный зданиями, представлявшими целые города; затем поля, на которых чередовались пашни, виноградники, луга и леса со множеством всяких видов скота и зверей. В прочих частях весь дом внутри был отделан золотом и украшен драгоценными камнями и перламутром. Столовые имели потолки с обшивкой из слоновой кости, которая вращалась, дабы можно было сыпать сверху цветы, а сквозь трубки брызгать благовониями. Главная столовая была круглая; днем и ночью она непрерывно совершала круговое движение наподобие вселенной. В банях имелась морская и альбулийская текучая вода. Когда по окончании этого дома он посвящал его, то в одобрение ему он ограничился замечанием, что «наконец-то он начинает жить по-человечески».

Кроме того, он начал сооружение бассейна от Мизена до Авернского озера, который должен был быть крытый и окруженный портиками и в который должны были стекаться все теплые источники Байи; затевал он также канал от Авернского озера до Остии, чтобы можно было и не по морю плавать на кораблях: длина его предполагалась в 160 миль, а ширина — такая, чтобы могли разойтись две встречные квинкверемы. Для выполнения этих работ он приказал свозить в Италию всех, где сколько было, колодников, а также осужденных преступников приговаривать в наказание исключительно к этой работе.

Это бешенство расточительности было возбуждено в нем не только уверенностью в своей власти, но в особенности внезапной надеждой

на несметные скрытые богатства, о которых ему сообщил некий римский всадник; последний утверждал как достоверное, будто в Африке в обширнейших пещерах с незапамятной древности спрятаны сокровища царицы Дидоны, привезенные туда во время ее бегства из Тира, каковые сокровища могут быть извлечены почти без труда.

32. Когда же эта надежда обманула, то, оказавшись без помощи, он попал в такое безденежье и нужду, что ему пришлось задерживать и отсрочивать жалованье солдатам и награды ветеранам. Таким-то образом стал он помышлять о добывании средств ложными обвинениями и грабительством.

Прежде всего он распорядился, чтобы в его пользу вместо половины взималось пять шестых с имущества тех вольноотпущенных, которые без видимой причины присвоивали себе имя какой-либо родственной ему фамилии[40]; далее — чтобы отбиралось в фиск имущество лиц, проявивших в завещании неблагодарность к принцепсу, а также — чтобы это не проходило безнаказанно для юристов, написавших или продиктовавших подобное завещание; наконец — чтобы люди привлекались по обвинению в оскорблении величества за всякое действие и слово, находившее против себя доносчика. Он истребовал обратно также свои подарки за венки, которые когда-либо были ему определены городскими общинами за победы на состязаниях. Запретив употребление фиолетовой и пурпуровой краски, он в рыночный день подослал агента, который продал несколько унций ее; под

этим предлогом он опечатал товары всех купцов. Мало того,— как говорят, однажды во время своего пения он заметил среди публики матрону, одетую в костюм запрещенного пурпурного цвета; он указал на нее своим прокураторам, после чего ее вывели, и Нерон конфисковал у нее не только платье, но и имущество. Никому он не давал должности, без того, чтобы не прибавить: «ты знаешь, чего мне надо», а также: «постараемся никому ничего не оставить». В конце концов у множества храмов он отнял принадлежавшие им пожертвования и расплавил золотые и серебряные изображения, в том числе и изображения богов-пенатов, которые Гальба впоследствии восстановил.

33. Ряд убийств своих родственников и иных казней он начал с Клавдия; непосредственным виновником смерти последнего он, правда, не был, однако имел причастность к ней, чего и не скрывал, ибо грибы, вместе с которыми Клавдий принял яд, он впоследствии обычно расхваливал словами греческой пословицы, как некое кушанье богов. Во всяком случае, он преследовал покойного всяческими поносительными словами и действиями, ставя ему в вину то глупость, то жестокость. Он острил, что Клавдий «перестал пребывать среди людей», причем протягивал первый слог слова morari («пребывать»), придавая ему значение «дурачиться»; многие его декреты и постановления, как исходящие от человека глупого и сумасбродного, объявил недействительными; наконец, место, где его тело было сожжено, он обнес лишь низкой и плохой стеной.

Британника он извел ядом: дело в том, что он в такой же мере завидовал голосу Британника, который был приятнее его собственного, как и боялся, что со временем, благодаря воспоминанию о его отце, он превзойдет его самого в расположении людей. Яд он получил от некой Локусты, знаменитой составительницы ядов. Когда оказалось, что яд действует гораздо медленнее, нежели это предполагалось, ибо у Британника появилось только расстройство желудка, он призвал ее к себе и стал бить собственной рукой, обвиняя ее, что вместо яда она дала лекарство. Когда она стала оправдываться тем, что дала слабую дозу для сокрытия преступления и избежания подозрения в нем, то он сказал: «А ведь и правда, я очень боюсь Юлиева закона»[41]. Он заставил ее при себе в спальне приготовить яд скорейшего и сильнейшего действия. Затем он испробовал его на козле; после того, как тот прожил пять часов, он приказал ей снова несколько раз подвергнуть его варке и затем дал его поросенку; поросенок тотчас же околел. Тогда он приказал принести его в столовую и дать Британнику, который обедал вместе с ним. Когда тот после первого же глотка упал, он солгал сотрапезникам, что с Британником приключился обычный припадок падучей, а на следующий день поспешно похоронил его под проливным дождем и без всякой помпы. За оказанную услугу он освободил Локусту от наказания, пожаловал ей крупные имения и, сверх того, дал ей учеников.

34. Его раздражение против матери, которая следила за его поступками и резко их осуждала,

выразилось первоначально только в том, что он старался все время возбудить против нее ненависть, делая вид, будто из-за нее хочет отказаться от власти и удалиться в Родос; но потом он лишил ее всех почестей и власти, отнял у нее почетную стражу из солдат и германцев и выселил ее из-под одной с ним кровли во дворце; он не остановился также перед тем, чтобы доставлять ей всяческие неприятности; когда она находилась в Риме, он подбивал некоторых лиц затевать с ней тяжбы, а когда она отдыхала вне города, подсылал людей, которые, проезжая мимо по суше или по морю, досаждали ей бранью и насмешками. Однако, устрашенный ее угрозами и неукротимостью, он решил ее погубить. Трижды он пробовал отравить ее, но убедился, что она предохраняет себя противоядиями; тогда он устроил в ее спальне потолок с обшивкой, который с помощью машины можно было обрушить на нее во время сна. Однако соумышленники плохо скрыли этот его план. Тогда он придумал разборный корабль, на котором она должна была погибнуть либо от кораблекрушения, либо вследствие падения сводчатых устоев палубы. В связи с этим, притворившись, будто он мирится с нею, он самым ласковым письмом вызвал ее в Байи, чтобы совместно отпраздновать там праздник Квинкватр. Своим капитанам судов он дал поручение как бы случайным столкновением повредить либурнский корабль, на котором она прибыла; сам же он затянул пир и для возвращения в Баулы предложил ей взамен поврежденного судна вышеупомянутый корабль с приспособления-

ми для погибели; затем он в веселом настроении проводил ее и, расставаясь, поцеловал ей обе груди. Последующее время он провел в большом беспокойстве и без сна, ожидая исхода своего предприятия. Когда же он узнал, что все вышло иначе, и что мать его спаслась вплавь, то, не зная, что делать, приказал тайно подбросить кинжал вольноотпущеннику матери, Люцию Агерму, радостно возвестившему ему о том, что она цела и невредима, и затем схватить и связать его как подосланного убийцу, а мать — убить, устроив это так, словно она сама наложила на себя руки, чтобы избежать обвинения в преступлении. Некоторые небезызвестные авторы прибавляют к этому еще более ужасные вещи, а именно, будто он поспешил поглядеть на труп убитой матери и щупал ее члены, причем кое-что в ее теле похулил, а кое-что одобрил; затем, почувствовав жажду, тут же выпил. Однако, несмотря на поздравления солдат, сената и народа, ободрявшие его, он все же ни в тот момент, ни позже не мог выносить сознания своего преступления: часто он признавался, что его преследует призрак матери, а также бичи и горящие факелы фурий. Поэтому он пробовал даже с помощью жертвоприношения, выполненного магами, вызвать ее тень и умилостивить ее. Также и во время своего путешествия по Греции он не посмел принять участие в Элевзинских мистериях, к посвящению в которые, согласно публичному объявлению глашатая, не допускаются нечестивцы и преступники.

За убийством матери последовало убийство тетки[12]. Он навестил ее, когда она лежала

в постели, больная запором. Она, уже старуха, по привычке, погладила его молодую мягкую бороду и ласково сказала: «Только бы мне увидеть ее остриженной, и я готова умереть». Тогда он, обратившись к стоявшим тут же, словно насмехаясь над нею, сказал, что он «готов тотчас же остричь ее». Он наказал врачам побольше давать больной слабительного. Она не успела еще умереть, а он уже завладел ее имуществом, причем скрыл ее завещание, дабы ничего не упустить из своих рук.

35. Кроме Октавии, он взял себе еще двух жен: Поппею Сабину, дочь сенатора квесторского ранга, в первый раз бывшую замужем за римским всадником, а затем Статилию Мессалину, правнучку Тавра, бывшего дважды консулом и удостоенного триумфа. Чтобы овладеть ею, он убил ее мужа, консула Аттика Вестина, во время отбывания им должности. Он скоро прекратил супружеское сожительство с Октавией, а друзьям, которые выговаривали ему за это, ответил, что «она должна довольствоваться внешними отличиями своего звания супруги». Часто собирался он ее задушить, но не приводил замысла в исполнение, а затем дал ей развод под предлогом бесплодия. Однако народ порицал его за это и осыпал упреками; тогда он отправил ее в ссылку и, наконец, приказал убить, якобы за прелюбодеяние, причем обвинение это было до того бесстыдно лживо, что, когда во время следствия все отрицали его, он подговорил своего бывшего воспитателя Аникета выступить ложным доносчиком и признать-

ся, что он хитростью заставил ее вступить с собою в связь. С Поппеей он вступил в брак на двенадцатый день после развода с Октавией и никого так не любил, как ее; тем не менее, он и ее убил ударом ноги за то, что она, будучи беременна и нездорова, стала резко упрекать его, когда он поздно вернулся домой с состязания колесниц в цирке. От Поппеи у него была дочь Клавдия Августа, которая умерла в раннем младенчестве.

Не было такого вида родственной связи, на которую не пали бы его преступные удары. Он погубил Антонию, дочь Клавдия, отказавшуюся выйти за него замуж после смерти Поппеи, под тем предлогом, будто она замышляла государственный переворот. Так же поступил он и с другими, связанными с ним родством или свойством; среди них был юноша Авл Плавтий, которого он перед смертью насильно осквернил. «Пусть придет моя мать,— промолвил он,— и поцелует моего преемника»; при этом он говорил всем и каждому, что она любила юношу и внушала ему надежду на получение власти. Своего пасынка от Поппеи, Руффия Криспина, еще не достигшего совершеннолетия, он приказал его же собственным рабам утопить в море во время рыбной ловли; причиной были разговоры, будто тот предметом своих игр избирает военные командования и властительства. Сына своей кормилицы, Туска, он отправил в ссылку за то, что тот, будучи прокуратором Египта, мылся в банях, построенных в ожидании его, Нерона, приезда. Своего наставника Сенеку он принудил к самоубийству; а между тем часто, когда тот

просил его о разрешении удалиться на покой и уступал ему свое имущество, он клялся священной клятвой, что тот напрасно питает против него подозрения и что он, Нерон, скорее умрет, чем причинит ему какой-либо вред. Префекту претория Бурру он обещал лекарство против болезни горла, а послал ему яд. Он погубил также богатых престарелых вольноотпущенников[43], благодаря которым в свое время сам был усыновлен Клавдием, а позже достиг власти, причем и правил под их же руководством; одним он подмешал яд в кушанье, другим — в напитки.

36. Не меньшую жестокость проявил он по отношению к лицам, стоявшим вне близкого ему круга и совсем чужим. В течение нескольких ночей подряд на небе появлялась звезда с хвостом, что в народе считается предвестием гибели высших властителей. Тревожимый этим явлением, он запросил астролога Балбилла и получил ответ, что цари обычно искупают такие знамения умерщвлением какого-либо знатного человека и этим обращают несчастие с собственной головы на головы магнатов. Тогда Нерон решил истребить всю знать. Действительно, ему тем легче было сделать это, — и как бы по законной причине, — что как раз в то время были раскрыты два заговора: из них первый и более значительный, Пизонов[44], был составлен в Риме, второй же, Виницнев[45], — в Беневенте. Заговорщики предстали перед судом, закюченные в тройные кандалы; одни из них добровольно сознались в преступлении, другие же даже вменили его себе в заслугу, ибо, по их мнению, «человеку, опозоренному всеми пороками, каким

был Нерон, ничем иным нельзя было помочь, кроме как его умерщвлением». Дети осужденных были изгнаны из Рима и истреблены ядом или голодом; как известно, некоторые из них были умерщвлены за общим завтраком вместе с их воспитателями и дядьками, другим же запретили принимать ежедневную пищу.

37. После этого он принялся истреблять без всякого разбора или меры, кого бы ему ни заблагорассудилось и по какой угодно причине. Сообщу только несколько примеров: Сальвидиену Орфиту было поставлено в вину то, что он сдал три комнаты своего дома близ форума внаймы под квартиру представителям чужеземных государств; Кассия Лонгина, законоведа, потерявшего зрение, обвинили в том, что он в своем родословном дереве оставил изображение Гая Кассия, убийцы Цезаря. Пет Тразеа был осужден за его постоянное выражение лица недовольного педагога. Кому Нерон приказывал покончить с собой, тем давалось не более часу времени; а чтобы не допускать промедления, он приставлял к ним врача, с приказанием тотчас же «заняться их лечением»; так именно называли вскрытие вен с целью умерщвления. Говорят, Нерон хотел даже отдавать живых людей на растерзание и пожрание некоему всеядцу, происхождением из Египта, который привык есть сырое мясо и вообще все, что бы ему ни давали. Превознося и чванясь такими якобы успехами, Нерон стал говорить, что «никто из прежних принцепсов не знал, сколь много может он себе позволить». Многократно он делал недвусмысленные намеки, что не пощадит и осталь-

ных сенаторов и со временем вовсе уничтожит это сословие, а управление провинциями и войсками поручит сословию всадников и вольноотпущенным. В самом деле, ни по приезде откуда-либо, ни при отъезде он не целовал никого из сенаторов, даже отвечая на приветствие. Приступая к прорытию Истмийского канала, при огромном стечении народа он громким голосом высказал пожелание, чтобы «предприятие удалось ему и римскому народу», о сенате же при этом не упомянул.

38. Впрочем, он не пощадил также римского народа, а равно и самых стен родины. Когда кто-то в общем разговоре сказал:

ἐμοῦ θανόντος γαῖα μειχθήτω πυρί [16],

он возразил: «Нет, пусть лучше горит при моей жизни». Так именно он и сделал. Его зрение словно оскорблялось невзрачностью старых зданий, теснотой и кривизной улиц, и он зажег город, сделав это настолько открыто, что многие консуляры заставали у себя во дворах Нероновых спальничих с паклей и смоляными факелами, однако схватить их не посмели; желая захватить участки, на которых стояли амбары вокруг Золотого дома, он приказал расшатать их военными машинами, так как они были построены из камня, и потом сжечь. Шесть дней и семь ночей свирепствовало это бедствие, а народ искал себе убежища в могильных и иных памятниках. В эти дни, помимо огромного количества больших доходных домов, от пожара погибли дома древних полководцев, украшенные боевыми трофеями, а также храмы богов, вы-

строенные в силу обетов царями и позже, в эпоху пунических и галльских войн, равно как все достопримечательные памятники древности. На этот пожар он смотрел с башни Мецената[47] и, по его собственным словам, любовался «красотою пламени»; одевшись в свой театральный костюм, он воспел взятие Илиона. Но, чтобы и отсюда получить как можно больше добычи и выручки от нее, он обещал на казенный счет очистить город от трупов и мусора и никого не допустил до остатков имущества; он не только принимал пожертвования, но и требовал их от провинций и частных лиц, чем почти разорил их.

39. К столь великим злым и позорным деяниям самого принцепса присоединились еще случайные бедствия: чума, которая в одну осень унесла тридцать тысяч человек, поражение в Британнии, в котором два главных больших города, населенных римскими гражданами и союзниками, подверглись разграблению и гибели, позорное поражение на Востоке, причем легионы были проведены под ярмом, а Сирию едва удалось удержать за собой. Среди всего этого наиболее удивительно и особенно замечательно то, что Нерон ничего не переносил с таким терпением, как проклятия и брань людей, и ни к кому не был столь снисходителен, как к тем, которые нападали на него колкими словами или стихами. Было написано или ходило из уст в уста много таких греческих и латинских стихов. Как пример приведу следующее:

Νέρων Ὀρέστης Ἀλκμέων μητροκτόνος.[48]
νεόψηφον Νέρων ἰδίαν μητέρα ἀπέκτεινε[49]

Не от Энея ли Нерон наш происходит?
Извел Эней отца, Нерон же мать изводит [50].

Цитру настроил Нерон, тетиву на луке парфянин,
Наш Аполлон — певец, тот Аполлон — стрелок [51].

Рим превращает он в дом: выселяйтесь в Веи, квириты.
Разве только и Веи домом своим он займет [52].

Однако он не стал разыскивать авторов этих стихов, а когда на некоторых поступил донос в сенат, он не позволил подвергнуть их слишком суровому наказанию. Киник Исидор, встретив его на улице, громко упрекал его за то, что он «хорошо воспевает несчастия Навплия [53], но дурно пользуется своим собственным счастьем». Дат, актер ателланской комедии, в некоем стихе:

ὑγίαινε πάτερ, ὑγίαινε μῆτερ [54]

мимикой изобразил человека, сначала пьющего, затем плывущего, намекая этим на обстоятельства гибели Клавдия и Агриппины, а при последних словах пьесы:

Уж вас влечет за ноги ад,

жестом показал на сенат. За эти выходки Нерон ограничился только высылкой актера и философа из пределов города и Италии, оттого ли, что он презирал всякое наносимое ему оскорбление, или же не хотел еще больше возбуждать умы, показывая, что чувствует себя оскорбленным.

40. Такого-то властителя мир переносил в течение почти четырнадцати лет и, наконец, сверг. Начало возмущению положили галлы под

предводительством Виндекса, который в то время управлял этой провинцией в качестве пропретора.

Когда-то раньше астрологи уже предсказывали Нерону, что со временем он будет лишен власти; этим были вызваны его общеизвестные слова: τὸ τέχνιον ἡμᾶς διατρέφει[55]. Тем он тем более хотел оправдать свою приверженность искусству певца,— удовольствию, пока он принцепс, необходимости, коль скоро он станет частным человеком. Однако некоторые из прорицателей ручались, что и после низложения он все же сохранит власть на Востоке, причем иные определенно называли Иерусалим, а многие даже обещали полное восстановление прежнего положения. Склоняясь к этой последней надежде он после утраты Британии и Армении и вторичного завладения ими стал думать, что предсказанные ему испытания уже миновали. Когда, запросив Дельфийского Аполлона, он получил ответ, что ему следует остерегаться семидесятитрехлетнего возраста, он решил, что лишь в этом возрасте ему суждено умереть, и, совершенно не помышляя о возрасте Гальбы[56], преисполнился столь великой уверенности не только в достижении старости, но и в постоянном, исключительном своем счастьи, что однажды, когда в кораблекрушении у него погибли драгоценнейшие вещи, он сказал своим приближенным: «Рыбы мне их возвратят».

О восстании в Галлии он узнал, находясь в Неаполе, в тот самый день, в который некогда убил свою мать, и принял эту весть с таким равнодушием и уверенностью, что возникло даже

подозрение, будто он радуется представившемуся случаю по праву войны ограбить самые богатые провинции; он тотчас отправился в гимназий и с чрезвычайным интересом стал глядеть на состязание атлетов. За обедом его спокойствие было прервано письмами еще более тревожного содержания, и он пришел в такой гнев, что стал грозить мятежникам жестокими наказаниями. Вообще же в течение восьми дней кряду он даже виду не показал, что собирается писать кому-либо или давать какое-нибудь поручение либо приказание, и, казалось, молчанием хотел заставить забыть о происходившем.

41. Наконец, частые, наполненные бранью эдикты Виндекса вывели его из бездействия; он написал письмо сенату, в котором побуждал его отмстить за себя и за государство, при чем оправдывался горловою болезнью, что не может явиться лично. Ничто однако не обидело его в такой степени, как то, что Виндекс хулил его как плохого певца и называл не Нероном, а Агенобарбом; он объявил, что откажется от имени, полученного при усыновлении, и снова примет свое родовое имя, которым его теперь попрекают, словно ругательным; прочую же брань как незаслуженную он опровергал единственно лишь указанием, что его упрекают в незнании такого искусства, которое он столькими трудами довел до высшего совершенства, и он все время спрашивал то того, то другого, «знают ли они кого-либо, кто превосходил бы его в этом искусстве».

Однако один за другим новые вестники не давали ему успокоиться, и в великом смятении

он вернулся в Рим; по дороге малозначущее предзнаменование несколько ободрило его дух: он заметил на одном памятнике скульптурное изображение галльского солдата, повергнутого и влекомого за волосы римским всадником; при виде этого изображения он пришел в радость и возблагодарил небеса. Однако и по возвращении он не обратился сам ни к сенату, ни к народу, но вызвал к себе в дом нескольких первых лиц государства и, поспешно поговорив с ними, остальную часть дня посвятил осмотру водяного органа нового изобретения, демонстрируя отдельные его части и рассуждая о назначении и сложности каждой, причем объявил, что «все покажет также и в театре, если то позволит ему Виндекс».

42. Но после того как он узнал, что также и Гальба отложился от него вместе с Испанией, он повалился на пол, жестоко сраженный духом, и долго лежал безгласный и почти полумертвый. Придя в себя, он растерзал на себе одежды и, бия себя в голову, заявил, что «его песня спета». Когда же его кормилица пробовала утешать его, напоминая ему, что в подобное положение попадали также и другие принцепсы, он ответил, что он, «сравнительно с прочими, подвергается еще неслыханным и неизведанным несчастиям, ибо он теряет высшую власть, еще находясь в живых». Тем не менее, он не оставил своего обычного роскошного и праздного образа жизни и ни в чем не изменил его. Мало того,— когда из провинций приходило какое-либо благоприятное известие, он не только устраивал роскошный пир, но и исполнял насмешливые

и фривольные песенки на вождей мятежа, которые затем распространялись в публике, причем сопровождал их мимикой; однажды, незаметно для зрителей присутствуя на театральном представлении, он велел сказать имевшему успех актеру, что «тот злоупотребляет его, Нерона, занятиями» [57].

43. С самого начала восстания он, как говорят, стал строить разные чудовищные планы, соответствующие, впрочем, его природным наклонностям: так, он собирался послать смену и убийц правителям войск и провинций, словно они тоже находились в заговоре против него и все питали одинаковые чувства, далее — убить всех изгнанников, сколько бы их где-либо ни было, а также всех находившихся в Риме галлов: первых — чтобы помешать им присоединиться к мятежникам, вторых же — как соумышленников и пособников их земляков; он собирался отдать Галлию на разграбление войскам, уничтожить на пиршестве ядом весь сенат, зажечь город и напустить на народ диких зверей, чтобы ему было тем труднее тушить пожар. Выполнить все это он однако не посмел, не столько повинуясь совести, сколько отчаиваясь в выполнимости своих замыслов. Считая, что необходимо выступить в поход против мятежников, он до истечения срока лишил консулов должности и единолично принял консульскую власть взамен их обоих, под тем предлогом, что покорить Галлию было будто бы предназначено только ему в качестве консула. Вступив в должность и покидая свою столовую после пиршества, опершись на плечи своих друзей, он заявил, что как только «ступит ногою в

провинции, то, безоружный, предстанет взорам армий; затем он только заплачет и, вызвав раскаяние в мятежниках, на следующий день, радостный среди радостных, пропоет победную песнь, которую уже теперь ему надлежит сочинить».

44. Занявшись приготовлениями к походу, он прежде всего озаботился выбрать транспортные средства для перевозки театральных принадлежностей и остричь по-мужски тех наложниц, которых он брал с собою, а также снабдить их секирами и щитами наподобие амазонок. Затем он призвал к воинской присяге городские трибы, но так как не явилось ни одного годного к военной службе человека, то от всех зажиточных граждан он потребовал доставки известного числа рабов; при этом из каждого дома он брал только самых испытанных, не исключая даже управляющих и секретарей. Он приказал также всем сословиям отдать часть своего состояния и сверх того съемщикам частных домов или квартир в больших домах внести в фиск годовую квартирную плату. С чрезвычайной придирчивостью и суровостью он требовал монет хорошего чекана, чистого серебра и высокопробного золота, так что многие открыто отказывались делать взносы и в один голос требовали, чтобы вместо этого от доносчиков были отобраны полученные ими награды.

45. Ненависть, вызванная в народе этими мероприятиями, увеличилась еще вследствие его попыток извлечь выгоду из дороговизны хлеба. Дело в том, что как раз во время общего голода было возвещено прибытие из Александрии

корабля, нагруженного песком для придворных борцов.

При всеобщей к нему ненависти ему пришлось переносить всевозможные оскорбления. На макушку его статуи навязали хохол из волос[58] с греческой надписью: «Только теперь начинается настоящее состязание; пусть же, наконец, он даст его». Другой статуе на шею привесили кожаный мешок и вместе надпись: «В чем я виноват? — Но ты-то заслужил мешок»[59]. На колоннах делали надписи: «Своим пением он разбудил даже галлов»[60]. А многие, заводя по ночам притворные ссоры с рабами, часто призывали «мстителя»[61].

46. Помимо всего этого, его устрашали недвусмысленные предзнаменования, посланные ему как в сновидениях, так и в гаданиях по птицам и в приметах, как прежние, так и новые. Раньше он никогда не видел снов, и только после убийства матери стало ему чудиться во сне, то будто бы он правит кораблем и у него выхватывают руль, то будто его жена Октавия тащит его в какой-то непроницаемый мрак; ему казалось, что его покрыла туча крылатых муравьев или что изображавшие различные народы статуи у театра Помпея окружают его и мешают ему пройти; ему чудилось, что его любимый конь астурийской породы[62] превратился в обезьяну и лошадиной осталась только голова, издававшая громкое ржание. У Мавзолея сами собою растворились двери, и изнутри послышался голос, звавший его по имени. Первого января упали убранные украшениями лары во время самого приготовления к жер-

творпношению. В то время как он совершал ауспиции, Спор поднес ему в подарок кольцо с драгоценным камнем, на котором было выгравировано похищение Прозерпины. При торжестве принесения обетов [63], когда уже в большом числе собрались члены всех сословий, долго не могли найти ключей от Капитолия. Когда из его речи против Виндекса в сенате читали место о том, что преступники понесут наказание и в скором времени найдут заслуженную гибель, то все воскликнули: «Ты найдешь, Август» [64]. Было также замечено, что последней пьесой, в которой он пел, была «Эдип-изгнанник», заканчивавшаяся таким стихом:

θανεῖν μ' ἄνωγε σύγγαμος, μήτηρ, πατήρ [65].

47. Между тем, пришла весть об отпадении также и прочих армий; письмо с этой вестью было подано ему во время завтрака; он разорвал его, опрокинул стол, швырнул об пол два своих любимых бокала, которые называл гомеровскими, так как на них были вычеканены сцены из гомеровских поэм; затем он взял у Локусты яд и, спрятав его в золотую баночку, удалился в Сервилиановы сады; здесь он пытался склонить к совместному бегству преторианских трибунов и центурионов, причем предварительно отправил самых верных своих вольноотпущенных в Остию для приготовления флота. Однако, преторианцы частью старались уклониться, частью же открыто отказывались, а один даже воскликнул:

Ужели так ужасно умереть? [66]

Тогда ему стали приходить в голову разные мысли: не обратиться ли с мольбою к парфянам или к Гальбе, или явиться в трауре к народу и перед рострами как можно жалостливее просить прощения за прошлое, а если ему не удастся смягчить сердца, просить хотя бы согласия дать ему наместничество в Египте. Позже в его шкатулке была найдена составленная на эту тему речь; однако думают, что от выполнения этого намерения его удержал страх, как бы его не разорвали раньше, чем он доберется до форума.

Таким образом, он отложил свои предположения на следующий день. Около полуночи он был разбужен и узнал, что военный караул его покинул; тогда он вскочил с постели и послал за своими друзьями, но так как никто не дал ничего о себе знать, он с немногими спутниками сам отправился искать у них приюта; однако он нашел все двери запертыми, и никто не отозвался. Тогда он вернулся в свою спальню, уже покинутую прислугой, которая разграбила его постель и унесла также баночку с ядом; тут он потребовал к себе мирмильона Спикула или еще кого-нибудь, кто бы его умертвил; однако не нашлось никого. «Итак, нет у меня ни друзей, ни врагов!», воскликнул он и пустился бежать, будто намереваясь броситься в Тибр.

48. Однако, он снова одумался и пожелал найти какое-либо более скрытое убежище, чтобы там собраться с духом. Его вольноотпущенный Фаонт предложил ему свое подгородное имение, находившееся между Салариевой и Номентан-

ской дорогой, в расстоянии около четырех миль от города. Нерон, как был, босой и в одной тунике, набросил поверх выцветший плащ, покрыв голову и держа перед лицом носовой платок, вскочил на коня, в сопровождении всего четырех человек, среди которых находился и Спор. На него тут же навело страх землетрясение и удар молнии, сверкнувшей ему в глаза; из ближнего лагеря он услышал клики солдат, призывавших на него погибель, а Гальбе — успех; один из попавшихся ему навстречу путников сказал: «Это гонятся за Нероном», а другой спросил: «Что нового слышно в городе о Нероне?» Однако лошадь, почуяв запах лежавшего на дороге трупа, шарахнулась в сторону, и лицо Нерона открылось; проходивший тут отставной преторианец узнал его и отдал ему честь. Доехав до поворота, он пустил лошадей и между кустов терновника, по тропинке через заросль тростника, с трудом и подстилая под ноги одежду, добрался до задней стены виллы. Здесь тот же Фаонт уговаривал его залезть пока в яму, из которой брали песок, но он отказался живым итти под землю; ему пришлось немного подождать, пока его спутники устраивали ему незаметный проход в виллу; тут, желая напиться, он зачерпнул рукой из лужи воды и сказал: «Вот прохладительный напиток Нерона!» Затем, в разодранном от терний плаще, он пополз среди кустарников и на четвереньках пролез сквозь пробитую в стене дыру и попал в ближайшую каморку, где улегся на постель с плохоньким матрацем и старым плащом вместо одеяла. Тем временем он снова почувствовал

жажду, а также голод. От предложенного ему грубого хлеба он, правда, отказался, но выпил теплой воды.

49. Все окружающие настаивали, чтобы он как можно скорее избавил себя от ожидающего его позора, и он приказал в своем присутствии вырыть могилу по мерке его тела и вместе с тем собрать, где найдутся куски мрамора, а также принести воды и дров, которые вскоре понадобятся для его трупа. При этом всякий раз он всхлипывал и то и дело повторял: «Какой великий артист погибает!»

Тем временем посланный Фаонтом гонец доставил письмо. Нерон схватил его и прочел, что сенат объявил его врагом, и что его разыскивают, чтобы предать казни по обычаю предков. Он спросил, что это за способ казни. Узнав, что человека раздевают донага и, вставив его шею в вилы, забивают его до смерти, он пришел в ужас и схватил два кинжала, привезенные с собою. Пощупав острия обоих, он однако снова спрятал их, заявив, что «роковой час его еще не пришел». Он то обращался к Спору с увещанием, чтобы тот начал плач и рыдание, то просил, чтобы кто-либо примером помог ему лишить себя жизни. Иногда он бранил собственную свою трусость такими словами: «Живу безобразно, позорно, — οὐ πρέπει Νέρωνι, *οὐ πρέπει — νήφειν δεῖ ἐν τοῖς τοιούτοις — ἄγε ἔγειρε σεαυτόν*» [67].

Но уже приближались всадники, которым было приказано захватить его живым. Когда он понял это, то с трепетом произнес:

ἵππων μ' ὠκυπόδων ἀμφὶ κτύπος οὔατα βάλλει [68]

и вонзил себе в горло кинжал с помощью Эпафродита, начальника своей канцелярии по прошениям. Он еще дышал, когда в комнату ворвался центурион и приложил плащ к его ране, делая вид, будто явился к нему на помощь. Нерон сказал ему только: «Поздно», и прибавил: «Вот это верность!» С этими словами он скончался; глаза у него выкатились и уставились так страшно, что на зрителей напал ужас и трепет. Перед смертью он просил своих спутников всего больше о том, чтобы они не позволили кому-либо отрубить ему голову, но чтобы его тело сожгли непременно неповрежденным. Это разрешил вольноотпущенник Гальбы, Ицел, недавно выпущенный из тюрьмы, куда его посадили в начале восстания.

50. На погребение его было истрачено двести тысяч сестерциев. Для похорон взяли белые, затканные золотом покровы, которыми он пользовался 1 января. Кормилицы Эглога и Александрия вместе с его наложницею Акте погребли его прах в родовой гробнице Домициев; она стоит на вершине Садового холма [69] и видна с Марсова поля. В этой гробнице находится урна с его прахом из пурпурно-красного мрамора, а над нею — алтарь из лунского мрамора и кругом ограда из фасосского камня.

51. Нерон был приблизительно среднего роста: тело его было покрыто пятнами и издавало противный запах; волосы были рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное; глаза он имел серо-голубые и близорукие, шею толстую, живот выпяченный, очень тонкие ноги. Здоровье его было превосходно: в самом деле, при всей его

роскоши и невоздержанности, он в течение четырнадцати лет был болен всего лишь три раза, причем продолжал пить вино и вести свой обычный образ жизни. В уходе за собою и манере одеваться он совершенно пренебрегал приличиями; волосы всегда носил заплетенными в косички, а во время своего путешествия по Ахайе даже распускал сзади по плечам; он большей частью показывался в публичных местах одетый в халат, с повязанным вокруг шеи носовым платком, без пояса и без обуви.

52. Еще в отрочестве он пробовал свои силы почти во всех свободных науках. От занятий философией его отклонила мать, убедившая его в том, что они не подобают тому, кому предстоит быть императором. От занятий древними ораторами его отклонил его наставник Сенека, чтобы тем дольше сохранить восхищение, возбуждаемое его собственным ораторским талантом. Поэтому, имея склонность к поэтическим опытам, он охотно и без труда слагал стихи и, вопреки мнению некоторых, вовсе не выдавал чужих произведений за свои собственные. В мои руки попали его письменные дощечки и тетради, содержащие некоторые из его известнейших стихов, написанных им собственноручно, откуда ясно видно, что они не заимствованы и не написаны под диктовку, но что пером его руководили собственная мысль и творчество. Многое в них зачеркнуто и вписано в строки и над строками. Имел он также большое пристрастие к живописи и ваянию.

53. Однако всего более увлекали его проявления народного расположения, и он питал чув-

ство ревности ко всем, кто каким-либо образом умел владеть сердцами толпы. Прошел слух, что после получения им театральных венков он в следующую же Олимпиаду собирался выступить на Олимпийских играх в состязании атлетов. Действительно, он прилежно упражнялся в борьбе и повсюду в Греции смотрел атлетические состязания не иначе, как сидя на земле в стадионе по примеру судей-распорядителей; когда же какая-либо пара борцов слишком выходила за черту, он собственноручно загонял ее на середину. Считая себя уже равным Аполлону в пении и богу солнца в искусстве возницы, он решил подражать также подвигам Геркулеса; как говорят, был уже приготовлен лев, которого Нерон, раздевшись донага, должен был убить в амфитеатре перед зрителями либо дубиной, либо просто удавив руками.

54. Незадолго перед своим концом он открыто принес обет, что в случае если власть его останется непоколебимой, то на играх в ознаменование своей победы он выступит как исполнитель музыкальных пьес на водяном органе, флейте и волынке, а в заключение — как актер, причем в пляске изобразит Виргилиева «Турна». Некоторые рассказывают также, что он приказал убить актера Парида, видя в нем опасного себе соперника.

55. В нем была жажда вечной и непреходящей славы, но выражалась она как-то нелепо. Поэтому он отменял прежние названия многих предметов и мест и давал им новые по своему собственному имени; так, месяц апрель он на-

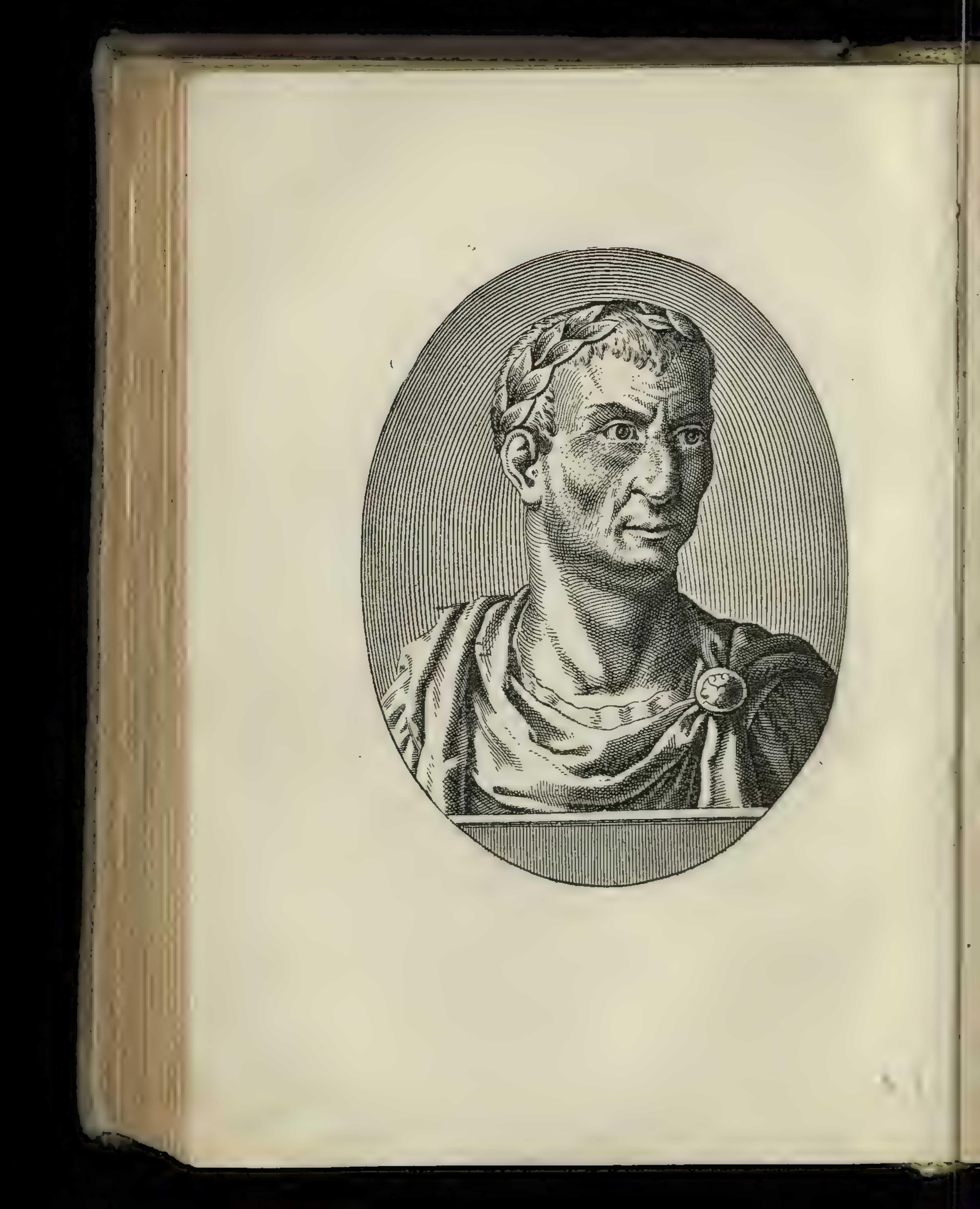
звал неронием, а Рим собирался переименовать в Нерополь.

56. К религии Нерон всегда относился с презрением, за исключением одной лишь Сирийской Богини. Впрочем, вскоре он стал презирать также и ее, и притом настолько, что осквернял ее изображение собственной мочой; причиной этому было его обращение к другому объекту суеверия, единственному, которому он оставался верен до конца. В самом деле, какой-то неизвестный плебей подарил ему маленькое скульптурное изображение девушки, которое якобы могло защитить его от тайных козней. Когда вскоре после этого был открыт заговор, он стал почитать его как высшее божество и неизменно каждый день трижды совершал ему жертвоприношение; он хотел также вселить в людей убеждение, будто по его внушению он может узнавать будущее. За несколько месяцев до своей гибели он обратился также к гаданию по внутренностям животных, однако ни разу не получил благоприятных предзнаменований.

57. Нерон умер на тридцать втором году жизни, в тот самый день, в который он некогда умертвил свою жену Октавию. Его смерть вызвала в обществе такую радость, что по всему городу люди бегали с войлочными шляпами на головах в знак освобождения от рабства. Тем не менее, было не мало и таких, которые еще долго спустя весною и летом украшали его гробницу цветами; на рострах выставляли также его изображения в ширококаемчатой тоге или его эдикты, словно он был жив и словно ожидалось скорое его возвращение на погибель вра-

гам. А парфянский царь Вологез, прислав в сенат послов для возобновления союза, в особенности просил о том, чтобы память о Нероне сохранялась в почете. Когда же, спустя двадцать лет, в пору моей юности, появился какой-то неизвестный, выдававший себя за Нерона, то это имя встретило у парфян такой живой отклик, что самозванец получил от них сильную поддержку, и лишь с трудом удалось добиться его выдачи.

ГАЛЬБА



1. Вместе с Нероном род Цезарей угас. Такая его участь в будущем была возвещена многими предзнаменованиями, из коих особенно ясны были два. В давнопрошедшее время Ливия тотчас после бракосочетания с Августом отправилась навестить свое имение близ Вей; пролетевший мимо орел опустил на ее колени совершенно невредимой курицу, державшую в клюве лавровую ветвь. Ливия решила курицу оставить у себя на прокормление, а лавровую ветвь посадить. Курица дала столь многочисленное потомство, что вилла и до сих пор называется «К курам», а от ветви произошло столько лавровых деревьев, что для триумфов Цезари именно от них брали свои лавры; при этом было в обычае, чтобы триумфатор тотчас же в том же месте сажал новый лавр. Было замечено, что при кончине каждого из них посаженное им лавровое дерево засыхало. Так вот, в последний год жизни Нерона вся роща засохла до корней, а все куры, сколько их там было, погибли. Вскоре после этого молния ударила в храм Цезарей, и головы со всех их статуй сразу упали, а у статуи Августа из рук был выбит скипетр.

2. Нерону наследовал Гальба. Он не состоял ни в каком родстве с домом Цезарей, однако был, несомненно, знатнейшего происхождения и принадлежал к великому и древнему роду. На надписях своих статуй он всегда называл себя правнуком Квинта Катула Капитолийского [1], а став императором, вывесил в атрии дворца свою родословную, в которой происхождение его отца начиналось от Юпитера, а матери — от Пасифаи, супруги Миноса.

3. Было бы слишком долго рассказывать о замечательных людях и отличиях всего этого рода; я кратко скажу только о семье Гальбы. Остается нерешенным, по какому поводу или в связи с чем получил свое прозвище тот из Сульпициев, который первый стал прозываться Гальбой, а также кем был он сам. Одни полагают, что он с помощью факелов, смазанных гальбаном [2], поджег один испанский город, долго и безуспешно осаждаемый римлянами; другие — что он, долгое время страдая недугом, настойчиво применял так называемый «гальбей», т. е. завернутое в шерсть лечебное средство. Некоторые думают, что он был необычайный толстяк, а такие у галлов называются «гальбами», или, напротив, что он был тонок, как маленькое животное, заводящееся в горном дубе и называющееся «гальбой». Начало знаменитости фамилии положил консул Сервий Гальба, крупнейший оратор своего времени. Как рассказывают, он после претуры получил провинцию Испанию, и его вероломное избиение тридцати тысяч лузитанов явилось причиной Вириатовой войны. Внук его, вследствие отказа ему в кон-

сульстве ставший врагом Цезаря, у которого он служил легатом в Галлии, принял участие в заговоре Брута и Кассия и потому был осужден по закону Педия. От него происходят дед и отец императора Гальбы. Дед, отличавшийся более своими научными занятиями, чем сановностью,— ибо дальше претуры он не пошел,— издал обширную и старательно написанную историю. Отец же Гальбы, хотя и был мал ростом, горбат и обладал лишь посредственными ораторскими способностями, однако по отбытии должности консула усердно занимался ведением судебных процессов. Женат он был на Муммии Ахейской, внучке Катула и правнучке того Луция Муммия, который разрушил Коринф, а во второй раз — на Ливии Оцеллине, женщине весьма богатой и красивой; как думают, она сама очень хотела выйти за него замуж по причине его знатности и в особенности после того, как он в ответ на ее неоднократные предложения, с глазу на глаз сняв с себя одежду, открыл ей свой физический порок, дабы не казалось, что он хотел обмануть ее неведение. От Муммии он произвел двух сыновей: Гая и Сервия; старший из них, Гай, разорился и покинул Рим; когда же Тиберий не позволил ему тянуть жребий для получения в свой черед проконсульской должности [3], он сам покончил с собою.

4. Император Сервий Гальба родился 24 декабря, в консульство Марка Валерия Мессалы и Гнея Лентула [4], близ Террацины, в усадьбе, лежащей на холме по левую сторону дороги, идущей в Фунды. Когда его мачеха Ливия усы-

повила его, он принял от нее имя и прозвище Оцелл, причем переменил также и личное свое имя. В самом деле, впоследствии он стал называться Люцием вместо Сервия и сохранил это имя до самого получения императорской власти. Известно, что Август, когда Гальба еще мальчиком представлялся ему вместе со своими ровесниками, потрепал его по щеке и сказал: «Καὶ σὺ τέκνον τῆς ἀρχῆς ἡμῶν παρατρώξῃ»[5]. А равно и Тиберий, узнав, что Гальба станет императором лишь в старости, сказал: «Пусть живет, поскольку для нас это совершенно безразлично». Равным образом, когда его дед совершал жертвоприношение по случаю удара молнии, орел выхватил из его рук внутренности и сложил их на ветви дуба, приносившего желуди; по этому поводу ему разъяснили, что знамение предвещает достижение его семьей высшей власти, хотя и позднее. Смеясь над этим пророчеством, он сказал: «Правда, это случится, когда мул ожеребится». Впоследствии, когда Гальба предпринял переворот, ничто не придало ему такой уверенности, как рождение жеребенка от мула; между тем как других это предзнаменование привело в ужас как зловещее, Гальба один признал его самым счастливым, ибо помнил о жертвоприношении и словах своего деда.

Когда он облекся в тогу взрослого, он увидел во сне богиню счастья, которая сказала ему, что она уже устала стоять у его двери, и если он вскоре же не примет ее, то она достанется первому встречному. Проснувшись, он открыл двери атрия и нашел у порога бронзовую ста-

туэтку этой богини, величиною более чем в локоть. В собственных руках он отвез ее в Тускул, где обычно проводил лето, поставил в особом помещении своего дома и в честь ее совершал каждый месяц молебствие, а однажды в год — ночное бдение.

Находясь в том возрасте, когда характер еще не успевает вполне определиться, Гальба уже проявил удивительное постоянство в соблюдении древнего обычая римской республики, всюду забытого и сохранившегося только в его доме, состоявшего в том, что дважды в день все его вольноотпущенники и рабы являлись его приветствовать, причем каждый здоровался с ним утром и прощался вечером. 5. Среди свободных наук, которыми он занимался, посвятил он внимание также и праву. Позаботился он также и о вступлении в брак. Однако, потеряв свою супругу Лепиду и двух сыновей, родившихся от нее, он остался вдовцом, и никакие выгодные условия не могли склонить его к вступлению во вторичный брак. Это не удалось даже Агриппине, которая, овдовев после смерти Домиция, всячески старалась привлечь к себе Гальбу еще раньше, чем он овдовел, причем вела себя так, что в одном собрании матрон мать Лепиды не только выбранила ее словами, но и прибила рукой.

Особенное уважение Гальба оказывал Ливии Августе: благодаря ей он еще при ее жизни достиг весьма влиятельного положения, а после ее смерти благодаря ее завещанию чуть не стал богачом. Ибо он получил самую значительную среди наследников долю в пять миллионов

сестерциев; но так как эта сумма была выражена только цифрами, а не словами, то главный наследник, Тиберий, сократил ее до пятисот тысяч; да и этих денег Гальба не получил.

6. Должностную карьеру Гальба начал раньше определенного законом срока; претором, справляя Флоральские игры[6], он показал новый вид зрелища, а именно слонов, ходящих по канату; затем он почти целый год управлял провинцией Аквитанией. Вскоре после этого он в течение шести месяцев был ординарным консулом; случилось так, что в консульстве он был преемником Неронова отца, Люция Домиция, и предшественником Отона, отца будущего императора Отона; это было как бы предвестием будущего, в котором ему суждено было стать императором между двумя императорами, сыновьями этих лиц.

Император Гай Цезарь назначил его на место Гетулика. На следующий день по прибытии его к легионам случилось, что солдаты на торжественном спектакле выражали свое одобрение аплодисментами: этому обычаю Гальба положил конец, отдав приказ, чтобы солдаты держали руки под плащом; тотчас же по лагерю стали передавать остроту:

Солдаты, службе учитесь: здесь Гальба,
а не Гетулик.

С такою же строгостью он запретил просить отпуска. Как ветеранов, так и молодых солдат он укреплял постоянными трудами, быстро смирил варваров, которые прорвались было в самую Галлию, а в приезд Гая так зарекомендовал себя и свою армию, что среди бесчисленных,

стянутых из всех провинций войск ни одному не досталось столько похвальных аттестаций и наград. Лично же он в высшей степени отличился тем, что, проделав со щитом в руке полевые упражнения, затем пробежал еще за колесницей императора двадцать тысяч шагов.

7. После убийства Гая многие побуждали его воспользоваться благоприятным случаем, но он предпочел держаться спокойно. За это он сделался любимцем Клавдия, был принят в его ближнюю свиту и пребывал у него в такой чести, что по причине его болезни, к тому же и не тяжкой, была отложена экспедиция в Британнию. Он в течение двух лет в качестве проконсула управлял Африкой, вне жребия получив поручение восстановить порядок в этой провинции, волнуемой внутренними раздорами и восстанием варваров. Он выполнил свою задачу благодаря чрезвычайной строгости и справедливости даже в делах маловажных. Когда один солдат в походе, при большом недостатке продовольствия, продал за сто денариев модий пшеницы, оставшийся от его пайка, а затем сам стал чувствовать нужду в пище, Гальба запретил кому бы то ни было помочь ему, и солдат умер от голода. А в суде, когда разбиралось дело о собственнике вьючного мула, причем оба претендента представляли очень слабые доказательства и свидетелей, и узнать истину было очень трудно, он решил дело так: мулу он приказал закутать голову, отвести его к обычному месту его водопоя и там снова открыть голову, причем тот из тяжущихся должен был получить его в соб-

ственность, к кому он сам направится после водопоя.

8. В награду за свою деятельность как в Африке, так и раньше в Германии, он получил триумфальные украшения и три жреческих должности, будучи кооптирован в коллегию квиндецимвиров, а также в братство Тициев и Августалов [7]. С тех пор и почти до середины Неронова принципата он жил большей частью в удалении; при этом он даже для прогулки не выезжал иначе, как в сопровождении повозки, в которой везли миллион сестерциев золотом [8]. Наконец, когда он жил в городе Фундах, ему предложили управление Тарраконской Испанией. Когда, по прибытии в провинцию, он совершал жертвоприношение, то в храме у прислуживавшего и державшего кадильницу мальчика внезапно поседели все волосы на голове: нашлись люди, которые истолковали это событие как предзнаменование политической перемены, причем говорили, что преемником юноши во власти будет старик, т. е. он сам наследует Нерону. Вскоре после этого в Кантабрии молния ударила в озеро, и там были найдены двенадцать топоров — несомненный знак высшей власти.

9. В течение восьми лет он управлял провинцией, но по-разному и неодинаково. Вначале он был энергичен и строг, а в наказаниях за проступки даже неумерен. Так, одному меняле, совершившему обман при размене денег, он приказал отрубить руки и прибить их к его прилавку. Опекуна, отравившего своего питомца, коего он был назначен наследником, он распял

на кресте. Когда этот несчастный умолял о пощаде, ссылаясь на законы и на своё звание римского гражданина, Гальба, словно желая утешить его и облегчить наказание неким подобием почести, приказал взять другой крест, значительно превышающий прочие, и выкрасить его в белую краску. Однако мало-по-малу он впал в полную инертность и бездействие, чтобы не давать Нерону никаких поводов, а также потому, что, по его собственным словам, «никого нельзя заставить дать отчет в его бездействии».

Во время его судебной сессии в Новом Карфагене он узнал о восстании в Галлии от легата Аквитании, умолявшего его о помощи; тут же было доставлено послание Виндекса, призывавшего его «выступить освободителем человечества и главой движения». Недолго думая, Гальба принял это предложение, частью из страха, частью побуждаемый надеждой: дело в том, что он перехватил тайный приказ Нерона прокураторам о его, Гальбы, умерщвлении, а кроме того ему сообщало уверенность предсказание одной всеми почитаемой девицы и вместе с тем самые благоприятные приметы и знамения. Все это действовало тем более, что жрец Юпитера в Клунии [9], получив указание во сне, извлек из внутреннего святилища такое же вещее изречение, за двести лет перед тем сказанное тоже девушкой-прорицательницей. Оба изречения гласили, что «со временем из Испании выйдет правитель и господин вселенной».

10. Итак, он взошел на трибунал, словно намереваясь произвести отпуск раба на волю.

Перед ним было поставлено множество изображений лиц, осужденных и погубленных Нероном; тут же находился знатный юноша, нарочно вытребованный им с ближайшего из Балеарских островов, где тот проживал в ссылке. Он произнес речь о бедствиях государства и был провозглашен императором, однако, принял только звание легата сената и народа римского. Затем он объявил перерыв в судебной сессии и набрал из населения провинции легионы и вспомогательные войска сверх старого войска, состоявшего из одного легиона, двух эскадронов и трех когорт; из первых лиц провинции он образовал подобие сената, набрав в него лиц, выдающихся умом и возрастом, чтобы всякий раз, как понадобится, совещаться с ними о важнейших делах. Он набрал также юношей из всаднического сословия, которые должны были сохранять свои золотые перстни и называться «добровольцами»; им было поручено нести караулы у его спальни взамен солдат. Он разослал также эдикты по провинциям с призывом ко всем и каждому участвовать в его предприятии и, чем кто может, помогать общему делу.

Около этого же времени при укреплении города, избранного им в качестве главного пункта предстоящих военных действий, было найдено кольцо старинной работы, на резном камне которого была изображена Победа с трофеем; вскоре же после в Дертозу прибыл александрийский корабль, груженный оружием, но без кормчего, матросов и пассажиров. Таким образом ни для кого не оставалось сомнения, что предпринимаемая война справедлива, свята и угодна

богам. Но вдруг, совершенно неожиданно, все дело едва не расстроилось. Когда Гальба приближался к лагерю, то один из эскадронов, раскаиваясь в том, что изменил своей присяге, сделал попытку отложиться от него и лишь с трудом был удержан в повиновении. Кроме того, несколько рабов, полученных им от Неронова вольноотпущенника как бы в подарок, а на самом деле присланных для его погибели, едва не убили его, когда по узкому переулку он проходил в баню; его спасло лишь то, что они ободряли друг друга не упускать случая; тут их спросили, о каком случае шла у них речь, и затем пыткой вынудили сознание.

11. К этим опасностям прибавилась еще смерть Виндекса; сраженный ею, Гальба ходил как потерянный и был близок к самоубийству. Но, когда из Рима явились вестники и он узнал, что Нерон убит и все население принесло ему присягу на верность, он оставил звание легата и принял титул Цезаря, а затем отправился в путь, одетый в военный плащ; на шее у него висел кинжал, спускавшийся на грудь. Он сменил военную одежду на гражданскую лишь после того, как все замышлявшие переворот были уничтожены: в Риме — префект претория Нимфидий Сабин, в Германии — легат Фонтей Капитон, в Африке — легат Клодий Макр.

12. Его прибытию предшествовала молва о его жестокости и вместе алчности; в самом деле, городские общины Испании и Галлии, которые не сразу стали на его сторону, он наказал наложением тяжелых контрибуций, а некоторые из них даже срытием стен; началь-

ников же их и прокураторов обезглавил вместе с женами и детьми; поднесенный ему тарраконцами золотой венок из древнего храма Юпитера, весом в пятнадцать фунтов, он обратил в слиток и приказал взыскать три унции, недостававшие до полного веса. Эта молва подтвердилась и усилилась, как только он вступил в Рим. Действительно, морских пехотинцев, которых Нерон из простых гребцов сделал настоящими солдатами, он вернул в их прежнее состояние; когда же они отказались подчиниться и сверх того потребовали себе орла и значки, он не только приказал коннице напасть на них и рассеять, но и подверг казни десятого. Равным образом он расформировал когорту германцев, некогда созданную Цезарями для охраны своей особы и на многократном опыте доказавшую свою преданность, и без всякого вознаграждения отправил ее солдат на родину, под тем предлогом, будто она проявляла больше склонности к Гнею Долабелле, близ садов которого стояла лагерем. В насмешку над ним рассказывали также,— неизвестно лишь, была ли то правда или выдумка,— будто он заохал, когда ему был подан более роскошный, чем обычно, обед, а когда его управляющий представил ему счет расходов, он в награду за его старательность и усердие предложил ему блюдо овощей; флейтисту Кану, которым он особенно восхищался, он подарил пять денариев, собственноручно вынув их из своей шкатулки.

13. Вот почему приезд его не принес народу особенной радости, что и обнаружилось на ближайшем спектакле. Действительно, когда в

ателланской комедии актеры затянули известную песенку: «Увы! вот прибывает из деревни Онезим», все зрители дружно, в один голос подхватили ее конец и повторили ее несколько раз, сопровождая соответствующими жестами.

14. Таким образом, расположение к нему народа и авторитет его были несравненно значительнее в момент принятия им власти, нежели потом, когда он стал пользоваться ею; а между тем, многое говорит за то, что он мог бы быть превосходным правителем; однако, его положительные качества внушали меньше любви, нежели отрицательные ненависти.

Управляли им три человека, жившие с ним во дворце и никогда его не покидавшие; в народе их прозвали «дядьками». То были его бывший легат в Испании, Тит Виний, отличавшийся ненасытной алчностью; Корнелий Лакон, бывший судебный заседатель, ставший префектом претория, невыносимый своей наглостью и ленивой тупостью; наконец, вольноотпущенник Нцел, незадолго перед тем пожалованный золотым перстнем и прозвищем Марциана, ставший кандидатом на занятие высшей всаднической должности. Этим людям, из коих каждый предавался своим особым порокам, Гальба до такой степени отдался во власть и позволил злоупотреблять собою, что перестал походить на самого себя: то становился он строже и бережливее, то, наоборот, снисходительней и небрежней, чем это подобало принцепсу, получившему власть избранием и находившемуся в таком возрасте.

Он осудил, не выслушав их, нескольких зна-

менитых мужей из обоих высших сословий на основании совершенно ничтожных подозрений. Он редко жаловал звание римского гражданина, а привилегию троих детей — лишь в одиночных случаях, да и то только на заранее определенный, ограниченный срок. Когда судьи просили его прибавить к пяти декуриям еще одну, он не только отказал им в этом, но лишил их также и прежней милости, дарованной им Клавдием, чтобы зимою и в начале года их не вызывали для несения судебных обязанностей.

15. Существовало мнение, будто он намеревался ограничить двумя годами несение государственной службы, возложенной на сословие сенаторов и всадников, и поручать ее лишь тем, кто от нее отказывался, против их воли. Обладателям дарений Нерона он оставил лишь десятую часть; остальное же поручил востребовать и взыскать комиссии из пятидесяти римских всадников, причем, если актеры и гладиаторы, получившие подарки, продали их, а деньги истратили и вернуть не могли, то проданное отбиралось у покупщиков. С другой же стороны, он смотрел сквозь пальцы на то, что его приближенные и вольноотпущенники продавали за деньги или дарили налоги, свободу от повинностей, наказания невинным и безнаказанность виновным. Более того: когда народ потребовал казни Галота и Тигеллина, он из всех клевретов Нерона не тронул только этих двух, самых зловредных, и сверх того дал Галоту очень важное административное назначение, а по поводу Тигеллина сделал народу в эдикте выговор за его жестокость.

16. Все это почти во всех сословиях возбудило против него негодование, но особенную ненависть питали к нему солдаты. Дело в том, что при принесении ему присяги в его отсутствие начальники обещали им более значительный против обычного подарок; он же их обещания не утвердил и неоднократно похвалялся, что «набирает солдат, а не покупает их». Этим он раздражил солдат повсеместно. В преторианцах же он возбудил еще страх и негодование, ибо немедленно уволил многих из них, считая их подозрительными, как бывших союзников Нимфидия. Но всех громче роптала армия верхней Германии, заявлявшая, что ее обманным образом обошли наградой за услугу, оказанную против галлов и Виндекса. Таким образом, эти солдаты первые осмелились выйти из повиновения и 1 января отказались принести присягу кому бы то ни было, кроме как сенату; тут же они отправили посольство к преторианцам с таким поручением: «избранный в Испании император им неугоден; пусть преторианцы сами изберут императора, которого затем утвердили бы все войска».

17. Когда пришла весть об этом событии, Гальба решил, что его презирают не столько за преклонный возраст, сколько за бездетность. Поэтому, недолго думая, он вывел к себе из толпы пришедших к нему с приветствием лиц Пизона Фруги Лициниана, знатного и прекрасного молодого человека, которого он уже издавна высоко ценил и в завещании сделал наследником своего состояния и имени. Он тут же нарек его своим сыном, отвел в лагерь

и усыновил на сходке солдат, но и теперь не сделал даже намека на подарок солдатам. Этим он дал Марку Сальвию Отону удобный случай для выполнения его замысла на шестой день после усыновления.

18. Необычайные явления с самого начала его правления непрерывно возвещали ему конец, какой и получился на самом деле. Когда по всему его пути в городах по обе стороны дороги совершались жертвоприношения, то однажды бык, ошеломленный от удара топором, порвал веревку, подскочил к колеснице Гальбы и, встав на дыбы, всего его обрызгал кровью; когда же он сходил с колесницы, то в напиравшей толпе его едва не ранил копьем собственный телохранитель. Когда он вступал в Рим, а потом во дворец, произошло землетрясение, сопровождаемое каким-то звуком, похожим на мычание. Затем последовали гораздо более ясные предзнаменования. Гальба уже раньше выбрал из своих сокровищ ожерелье из жемчуга и драгоценных камней для украшения своей тускуланской богини счастья; но вместо того внезапно он принес его в дар Капитолийской Венере, словно считая его достойным более священного назначения. В ближайшую же ночь он увидел во сне свою богиню счастья, которая жаловалась, что он обманным образом лишил ее предназначенного ей подарка, и грозила, что и она отнимет от него то, что дала. Устрашенный, он на рассвете поспешно отправился в Тускул, чтобы умилостивить ночное видение, причем вперед послал людей, которые приготовили бы все для совершения

религиозного обряда; однако, он ничего не нашел, кроме теплого пепла на алтаре и стоявшего подле старика в черной одежде, который в стеклянной чашке держал ладан, а в глиняном кубке чистое вино. Было также замечено, что когда 1 января он совершал жертвоприношение, у него с головы упал венок, а при гадании по птицам куры улетели. В день усыновления Пизона, когда он собирался обратиться к солдатам с речью, слуги забыли поставить на трибунал походный стул, как это было в обычае, а в сенате неправильно поставили курульное кресло.

19. А когда утром, в день своей гибели, он совершал жертвоприношение, то гаруспик неоднократно убеждал его остерегаться опасности, говоря, что его убийцы уже недалеко.

Вскоре после этого он узнал, что преторианский лагерь уже захвачен Отоном; многие уговаривали его поспешить туда же, ибо своим личным присутствием и авторитетом он одержит верх. Однако он решил оставаться дома и обеспечить свою безопасность охраной легионеров, которые стояли лагерем в различных местах. Тем не менее он надел холщевый панцырь, хотя и не скрывал, что это слабая защита против стольких кинжалов. Однако он все же вышел из дворца, привлекаемый различными слухами, которые умышленно распространяли заговорщики, желая выманить его наружу; некоторые же неосторожно подтверждали эти слухи, будто все уже кончено, бунтовщики уничтожены, а остальные во множестве идут поздравлять его, готовые к полному повиновению.

Он вышел им навстречу в такой уверенности, что когда один солдат хвастался, будто он убил Отона, Гальба спросил: «По чьему приказанию?» Он прошел до самого форума. Здесь всадники, которым было поручено убить его, направили коней по улице через толпу черни; увидев его издали, они приостановились, но затем снова пришпорили коней; окружающие покинули Гальбу, всадники бросились на него и изрубили

20. Некоторые передают, будто бы при первом же смятении он закричал: «Что вы делаете, товарищи? Я ваш, а вы мои!» и при этом обещал им подарок. Но большинство утверждает, что он сам подставил им горло и призвал их «действовать и поразить его, коль скоро тому надлежит быть». Казалось в особенности удивительным, что никто из присутствующих не сделал даже попытки помочь императору, а все, кого звали на помощь, встречали вестника безучастно. Исключение составляет только отряд сверхсрочных солдат, служивших раньше в германской армии. В благодарность за оказанное им недавно благодеяние,— ибо Гальба приказал всячески покоить их болезни и слабость,— они примчались ему на помощь, но слишком поздно, ибо их задержал длинный кружной путь, избранный ими вследствие незнакомства с местностью.

Гальба был убит подле Курциева озера[10] и так и остался лежать, пока не прошел мимо рядовой солдат, возвращавшийся с раздачи хлебного пайка; отложив свою ношу, он отрезал у трупа голову, и так как он не мог схватить ее за волосы, то спрятал за пазуху; затем,

защемив ее пальцами за рот, он отнес ее к Отону. Отон отдал голову маркитантам и обозной прислуге; воткнув голову на копье, они с насмешками носили ее по лагерю, от времени до времени восклицая: «Гальба, душка, наслаждайся своей молодостью!» К такой наглой шутке их побуждало в особенности то, что за несколько дней перед тем в народе рассказывали, будто кто-то хвалил его наружность, находя ее цветущей и полной сил, он же в ответ сказал:

ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἐστιν [11].

У солдат голову выкупил за сто золотых вольноотпущенник Патробия Нерониана. Он бросил ее на том месте, где Гальба приказал казнить его патрона. Наконец, поздно ночью, управляющий Гальбы Аргив подобрал голову и все тело и предал его погребению в его частных садах на Аврелиевой дороге.

21. Гальба был среднего роста, голову имел совершенно лысую, глаза голубые и нос горбатый; его руки и ноги были до того изуродованы подагрой, что он не выносил обуви и не мог сам ни развернуть, ни держать книгу. С правого бока у него был мясистый нарост, который отвисал так сильно, что его с трудом можно было поддерживать повязкой.

22. Ел он, как передают, чрезвычайно много и зимой принимал пищу даже до рассвета; а за обедом было у него такое изобилие, что остатки он приказывал разносить, передавая из рук в руки, и распределять между стоящею тут же прислугою. Свое сладострастие он охотнее удовлетворял с мужчинами, но он любил только

крепких и уже солидного возраста. Говорят, что, когда Икел, один из его старых любовников, принес ему в Испанию весть о смерти Нерона, он не только осыпал его при всех горячими поцелуями, но тотчас же просил выщипать поскорее волосы на теле и увел его с собой.

23. Он погиб на семьдесят третьем году жизни, в седьмой месяц своего правления. При первой же возможности сенат постановил воздвигнуть ему статую на ростральной колонне, в том месте форума, где он был убит. Однако Веспасиан отменил этот декрет, ибо имел подозрение, что Гальба из Испании пытался подослать к нему в Иудею убийц.

ОТОН

1. Предки Отона происходили из города Ферентия[1] от семьи древней, бывшей в почете, одной из первых в Этрурии. Его дед, Марк Сальвий Отон, сын римского всадника и матери низкого звания, едва ли не из вольноотпущенных, вырос в доме Ливии Августы и ее милостию был сделан сенатором, но дальше претуры не пошел. Отец, Люций Отон, по матери человек весьма знатного рода, со многими и могущественными связями, был столь сильно любим принцепсом Тиберием и так походил на него лицом, что многие считали его за сына последнего. На государственных должностях в Риме, на посту проконсула Африки и в отправлении чрезвычайных государственных поручений Люций Отон выказал себя в высшей степени строгим администратором. Так, в Иллирике он не задумался казнить нескольких солдат за то, что они во время мятежа Камилла[2], раскаявшись в своем соучастии, убили своих начальников, бывших якобы зачинщиками измены армии Клавдию; он казнил их к тому же перед своей ставкой в лагере и в своем присутствии, хотя

ему и было известно, что за это самое дело они получили от Клавдия повышение. Поскольку этот смелый поступок повысил его репутацию, постольку же он уменьшил благоволение к нему императора; впрочем, последнее ему скоро удалось вернуть себе разоблачением козней одного римского всадника, который, как донесли его рабы, готовил на Клавдия покушение. Действительно, и сенат, с своей стороны, оказал ему редчайшую почесть — его статую поставил на Палатине, — и Клавдий пожаловал его патрицием и в самых лестных выражениях расхвалил его, причем, между прочим, сказал: «муж, лучше какого я себе и детей не желал бы». От Альбии Теренции, женщины знатной, он имел двух сыновей: Луция, прозвищем Тициан, и младшего, Марка, с таким же прозвищем, как он сам. Имел он и дочь, которая, едва достигнув брачного возраста, была помолвлена им за Германикова сына Друза.

2. Будущий император Отон родился 28 апреля, в консульство Камилла Аррунция и Домиция Агенобарба[3]. С ранней юности был он такой мот и такой сорванец, что часто получал от отца в наказание розги. Рассказывали, что он имел привычку шататься по ночам, причем хватал попадавшего ему навстречу слабосильного или пьяного и, повалив его на распростертый плащ, приказывал подбрасывать на воздух. После смерти отца он принялся за некую вольноотпущенницу, бывшую в милости при дворе, и, чтобы обработать ее по-настоящему, прикинулся даже влюбленным, хотя она была женщина в летах и далеко не первой свежести.

Через нее-то втерся он в милость к Нерону и без труда занял первое место среди его друзей по причине сходства характеров, как говорят иные, а также по причине интимной близости во взаимном разврате. И стал он настолько могущ, что однажды, обусловив себе огромную награду от одного бывшего консула, осужденного за лихоимство, он без колебаний привел его в сенат благодарить за реабилитацию, еще даже не выхлопотав ее вполне.

3. Будучи соучастником всех планов и тайн Нерона, в день, назначенный последним для убийства своей матери, он, с целью отвлечь подозрение, дал в честь обоих обед, проведенный в тоне самой изысканной непринужденности. Равным образом, когда Поппея Сабина, пока еще только любовница Нерона, была взята у ее мужа и временно вверена Отону, он принял ее к себе под видом супружества. Ему мало было соблазнить ее,— он влюбился в нее так сильно, что не мог спокойно переносить соперничества Нерона. По крайней мере передают, будто он не только не принял присланных к нему за Поппеей лиц, но однажды не пустил к себе самого Нерона, который остался стоять у дверей и тщетно обращался к нему то с угрозами, то с мольбами, требуя обратно вверенный ему вклад. В результате брак был все же расторгнут, и Отон под видом служебного назначения был сослан в Лузитанию. Этого показалось достаточно во избежание того, чтобы суровая кара не разгласила весь фарс, который однако все равно обнаружился благодаря следующему двустишию:

Почему под ложным предлогом почета сослан Отон?
Прелюбодейство со своею женою свершить он дерзнул.

Своей провинцией Отон управлял десять лет, имея только квесторский ранг; он проявил при этом исключительную умеренность и бескорыстие.

4. Когда, наконец, представился случай к отмщению, он первый присоединился к начинанию Гальбы; тогда же он и сам возымел надежду достигнуть императорской власти, чему повод в сильной степени подавало общее положение дел, а еще в большей степени уверения астролога Селевка; этот Селевк уже раньше предсказал ему, что он переживет Нерона, а теперь неожиданно явился к нему сам и снова обещал, что скоро он будет императором. С этих пор Отон пустил в ход все виды одолжений и заискиваний, лишь бы привлечь к себе кого только возможно: так, всякий раз, когда он принимал у себя принцепса к обеду, каждому солдату несшей караул когорты он дарил по золотому; он и вообще старался обязать себе солдат, одного — тем, другого — другим. Будучи приглашен посредником в тяжбе солдата с его соседом об участке границы, он купил у последнего все поле и отдал его в собственность солдату. В результате едва ли не все поголовно были убеждены и открыто заявляли, что один лишь Отон достоин наследовать императорскую власть.

5. С своей стороны, он питал надежду, что Гальба усыновит его, и ожидал этого со дня на день. Однако эта надежда рухнула: ему был предпочтен Пизон. Тогда он решил прибегнуть к силе; помимо чувства обиды, его побуждала

к этому огромная сумма долгов. Отон открыто признавался, что «если ему не удастся стать принцепсом, его песенка спета, ибо все равно — падет ли он в битве с врагами или на форуме, жертвой своих кредиторов». Лишь за несколько дней до своего выступления ему удалось вынудить у одного цезарева раба миллион сестерциев, следуемые ему, Отону, в уплату за доставленное им место управляющего. С такими-то ресурсами было приступлено к выполнению грандиозного замысла. На первых порах в заговор были посвящены пять телохранителей, затем еще десять; эти последние были по двое привлечены каждым из первой пятерки; всем им было тут же выплачено по десять тысяч сестерциев и, сверх того, по пятидесяти тысяч было обещано в будущем. Они привлекли еще других, но в небольшом числе, ибо не было сомнения, что едва дело начнется, как к нему присоединятся многие.

6. Отон уже совсем было решил тотчас после усыновления Пизона занять преторианский лагерь и напасть на Гальбу во время пиршества во дворце; однако этот план пришлось оставить из внимания к несшей караулы во дворце когорте, ибо не хотелось возбуждать против нее всеобщую ненависть: дело в том, что и убийство Калигулы и измена Нерону произошли во время дежурства этой самой когорты. Затем дело пришлось отложить еще на некоторое время по причине дурных предзнаменований и совещаний с Селевком.

Наконец назначенный день настал. Отон предупредил своих соумышленников, чтобы они до-

жидались его на форуме близ храма Сатурна, у золотого мильного камня[4]; сам он отправился на утренний прием к Гальбе. По обычаю, тот приветствовал его целованием. Отон отстоял также обряд жертвоприношения и выслушал прорицания гаруспика. Тут явился его вольноотпущенник и доложил ему о прибытии архитекторов. То был условленный знак. Отон покинул дворец под предлогом осмотра дома, который ему предлагали в продажу. Выйдя через задние покои дворца, он поспешил к условленному месту. По словам других, Отон притворился больным лихорадкой и просил близстоящих на приеме извинить его болезнью, если бы о нем спросили. Затем, сев в закрытые дамские носилки, он с величайшей поспешностью направился в преторианский лагерь. Носильщики выбились из сил; он выскочил и пустился бегом, но один башмак у него развязался, и он остановился; тогда, не медля более, его подняли на плечи, и тут же спутники провозгласили его императором. Среди кликов и пожеланий, среди обнаженных мечей Отон достиг главной площади лагеря. Все встречные присоединялись к его шествию, словно каждый уже знал о заговоре и был его участником. Отсюда Отон отправил клевретов с приказанием убить Гальбу и Пизона. Затем на сходке солдат, желая обещаниями привлечь их сердца, он обязался перед ними только в одном: «своим он будет считать лишь то, что солдаты сами предоставят ему».

7. День уже клонился к вечеру, когда Отон явился в сенат и дал краткий отчет о происшедшем: его-де схватили на улице и силой при-

нудили взять власть; впрочем, он обещает пользоваться ею в согласии с общей волей. После этого он проследовал во дворец. Сверх прочих проявлений лести со стороны поздравителей и угодников, городская чернь дала ему имя Нерона. Он не только без колебаний принял его, но, как рассказывают, прибавил его к своим титулами, как прозвище, в подорожных дипломах[5] и первых своих посланиях к некоторым правителям провинций. И достоверно известно, что он позволил восстановить бюсты и статуи Нерона, а также вернул на прежние должности его прокураторов и вольноотпущенных. Кроме того, первым государственным актом, им подписанным, была ассигновка в пятьдесят миллионов сестерциев на окончание Золотого дома.

Рассказывают, что в эту же ночь он был напуган видением во сне; он стал громко стонать, и сбежавшиеся люди нашли его лежащим на полу возле постели: ему почудилось, что Гальба тащил его и гнал вон, и всеми видами искупительных обрядов он принялся умилостивлять его манов. Также и на следующий день во время ауспиций поднявшимся вихрем его повалило на землю; тяжко падая, он несколько раз прошептал:

τί γάρ μοι καὶ μακροῖς αὐλοῖς[6].

8. А между тем, германская армия уже присягнула Вителлию. Как только Отон узнал об этом, он побудил сенат отправить делегацию с целью оповестить армию о состоявшемся уже избрании принцепса и призвать ее к порядку и согласию; сам же он тем временем через доверенных лиц и в письмах предлагал Вителлию

сделаться его соправителем и зятем. Становилось однако ясно, что войны не избежать: полководцы и авангарды Вителлия уже приближались. В это время одно происшествие, жертвой которого едва не сделалось все высшее сословие государства, на опыте показало Отону преданность ему преторианцев. Дело в том, что он дал приказ о перевозке оружия морскими солдатами и об отправке его на кораблях. Когда, к ночи, производилась его выдача в лагере, несколько солдат, заподозрив измену, подняли тревогу; мгновенно вся масса сама собой бросилась во дворец, угрожая сенаторам избиением; разогнав трибунов, пытавшихся их удержать, а иных из них умертвив, солдаты, как были, в крови, ворвались в самый триклиний, требуя императора; только его появление вернуло их к спокойствию.

Поход Отон начал энергично и даже слишком поспешно, с пренебрежением религиозных обычаев, когда процессия священных щитов [7] еще не кончилась,— а это искони считается дурным признаком,— и в тот день, когда жрецы Великой Матери [8] начинают свои причитания и сетования. Сверх того, ауспиции оказались неблагоприятные: так, жертва Плутону дала счастливые знамения, между тем как в этой категории жертвоприношений желательно как раз обратное; наконец, при самом выступлении получилась задержка вследствие разлива Тибра, а на двадцатой миле дорога оказалась загроможденной рухнувшим зданием.

9. Ту же опрометчивость проявил он и дальше. Хотя всякому было ясно, что войну следовало

затягивать, ибо неприятель испытывал голод и был стеснен в горных проходах, он решил как можно скорее довести дело до генерального сражения: то ли ему была невыносима тревога дальнейшей неизвестности, и он надеялся, что ему удастся в главном покончить дело до прибытия Вителлия, то ли он был не в силах противиться пылу солдат, требовавших битвы. Сам он не участвовал ни в одной из них, но сидел в тылу в Брикселле [9].

Правда, в первых трех битвах, впрочем довольно незначительных, у Альп, под Плаценцией и в местности под названием у Кастора, победа осталась за ним; зато в последней и важнейшей битве, у Бетриака, он был побежден таким обманом: сначала его армии предложили начать переговоры, но, когда солдат вывели в намерении обсуждать условия мира, в самый момент военного салюта им пришлось выдержать внезапное нападение врага.

Немедленно же Отон решил покончить с собою. Причину этого многие не без резона видят в том, что он скорее совестился добиваться власти во что бы то ни стало с таким риском для государства и населения, нежели впал в отчаяние или утратил доверие к войскам: ведь и теперь еще у него оставались свежие отряды, удержанные им при себе в резерве, а сверх того шли еще другие из Далмации, Паннонии и Мезии, да и побежденное войско не настолько пало духом, чтобы не отважиться еще раз на какую угодно опасность без посторонней помощи, лишь бы отмстить за свой позор.

10. В этой войне участвовал мой отец, Светоний Лет, трибун-ангустиклав[10] тринадцатого легиона. Впоследствии он не раз рассказывал, что Отон, еще будучи частным лицом, питал такое отвращение к гражданским междоусобиям, что однажды за обедом при упоминании о гибели Кассия и Брута весь затрепетал от ужаса; как говорил он сам, он никогда не затеял бы борьбы с Гальбой, если бы не был убежден, что ему удастся достигнуть цели без войны. Опять же по словам отца, презреть жизнь Отона побудил в то время пример одного рядового солдата, который принес весть о поражении войска: ни у кого не находя веры своим словам, слыша отовсюду обвинения то во лжи, то в трусости, как беглец из строя, он пал на свой меч у самых ног императора. При этом зрелище Отон,— говорит мой отец,— воскликнул, что он «долее не станет подвергать опасности людей, столь доблестных и столь верно ему послуживших».

Своему брату и его сыну, а также каждому из своих друзей особо он дал совет позаботиться о себе, как кто может; затем, обнявшись со всеми, он отпустил их. Оставшись один, он написал два письма: одно, с утешениями,— к сестре, другое — к вдове Нерона Мессалине, на которой предполагал жениться, с просьбой позаботиться о его останках и хранить о нем память. Затем он сжег всю корреспонденцию, которую имел при себе, дабы не подвергнуть кого-либо опасности или не причинить кому-либо вреда в суждении победителя. Свои наличные деньги он роздал слугам.

11. Так приготовился он и уже стремился к смерти; а между тем, вдруг поднялась суматоха: это хватали и не пускали, как дезертиров, тех, которые, покидая его, стали уходить. Узнав об этом, Отон сказал: «Продлим жизнь еще на эту ночь» (таковы подлинные его слова) и запретил творить кому-либо насилие. Спальня до поздней ночи оставалась открытой, и всякий желавший его видеть мог к нему войти. Затем он выпил холодной воды, чтобы утолить жажду, взял два кинжала и испробовал их острия. Один из них он спрятал под подушку и, прикрыв двери, заснул глубоким сном. Проснулся он только на рассвете; тут он нанес себе удар кинжалом пониже левого соска. На его стон сбежались люди. Тогда, то закрывая, то снова открывая рану, Отон испустил дух. Согласно его предписанию, погребение состоялось тут же. Он скончался на тридцать восьмом году жизни, в девяносто пятый день своего правления.

12. Ни тело Отона, ни манера держать себя не соответствовали силе его духа. Ростом, как говорят, он был невелик, слаб на ноги и даже кривоног; он холил себя почти как женщина, выщипывал на коже волосы, а на голове, по причине жидких волос, носил накладку, столь искусно прилаженную, что распознать ее было невозможно; кроме того, он брился каждодневно и лицо залеплял размоченным хлебом; эту привычку, он усвоил еще с первого пушка, чтобы никогда не иметь бороды. Он справлял религиозные обряды Изиде в холщевом жреческом одеянии совершенно открыто. Этим, думается мне, было вызвано то, что его смерть, столь

мало согласная с его жизнью, тем более поразила своей необычайностью. Многие из бывших здесь солдат, горько рыдая, покрывали поцелуями руки и ноги покойника, называли его храбрейшим мужем, единственным императором и тут же близ костра налагали на себя руки; также и многие из отсутствовавших, получив известие о его кончине, в припадке скорби устраивали между собою поединки насмерть. Наконец, множество людей, жестоко ненавидевших его при жизни, стали превозносить его похвалами после смерти, так что пошла даже молва, будто он погубил Гальбу не столько для захвата власти, сколько ради восстановления республики и свободы.

ВИТЕЛЛИЙ

1. Различные авторы весьма различно говорят о происхождении Вителлиев. Одни приписывают ему древность и знатность, другие считают его недавним и темным, а некоторые даже и низким. Причиной этого разногласия я, пожалуй, признал бы наличие, с одной стороны, льстецов императора Вителлия, с другой же — его хулителей; однако уже много раньше существовали разные мнения насчет положения его семьи. Есть одно произведение некоего Квинта Элогия, посвященное Квинту Вителлию, квестору божественного Августа, где написано, что Вителлии происходят от царя аборигенов[1] Фавна и Вителлии, во многих местах почитаемой за божество, и некогда властвовали во всем Лации; остатки их рода из Сабины будто бы переселились в Рим и были приняты в число патрициев. В качестве следов этого рода долго оставалась Вителлиева дорога, шедшая от Яникула до самого моря, а также колония того же имени, которую они будто бы некогда взялись защищать против Эквикул исключительно средствами своего рода. Затем, во время самнитских

войн, когда в Апулию был послан гарнизон, некоторые из Вителлиев поселились в Нуцерии, а много времени спустя их потомки вернулись в Рим и снова вступили в сословие сенаторов.

2. Напротив, большинство авторов родоначальником Вителлиев называют вольноотпущенника; Кассий Север [2], а также и другие считают его починщиком обуви, сын которого нажил порядочные деньги выгодными покупками на аукционах имущества осужденных и доносами; от простой женщины, дочери некоего Антиоха, по ремеслу пекаря, он имел сына, достигшего впоследствии звания римского всадника. Мы однако не станем решать эти разногласия. Как бы то ни было, Публий Вителлий, происходивший из Нуцерии,— был ли он древнего рода или ему приходилось стыдиться своих родителей и дедов,— сам, несомненно, был римским всадником и прокуратором Августа. Он оставил после себя четырех сыновей, достигших большого почета, которые все носили одну фамилию и различались только собственными именами: Авла, Квинта, Публия и Люция. Авл умер в должности консула, полученной им совместно с Домицием, отцом Нерона; он отличался вообще широким образом жизни и славился великолепием своих обедов. Квинт лишился звания сенатора, когда по инициативе Тиберия было решено удалить сенаторов, не соответствующих своему званию. Публий, состоявший в свите Германика в его путешествии, обвинял в суде его врага и виновника его смерти, Гнея Пизона, и добился его осуждения; затем, после претуры он был схвачен, вместе с прочими соумышленниками Сеяна,

и отдан под домашний арест брату; перочинным ножом он перерезал себе жилы, однако согласился перевязать их и подвергнуться лечению, не столько из страха смерти, сколько уступая просьбам домашних; впрочем, он погиб от болезни, находясь в этом же заключении. Луций, после консульства, получивший в управление Сирию, тонкой хитростью добился того, что парфянский царь Артабан не только явился к нему для переговоров, но и оказал почести знаменам легионов. Позже он, сверх того, дважды занимал ординарное консульство[3] вместе с принцепсом Клавдием, а также цензуру. Ему был поручен надзор за управлением империи во время отсутствия Клавдия, совершавшего поход в Британнию. Он был человек честный и дельный, однако его сильно осуждали за любовь к своей вольноотпущеннице; не то чтобы тайно и изредка, но ежедневно и открыто он брал ее слюну, смешанную с медом, и употреблял ее в качестве лекарства против болезни горла. Отличаясь замечательной изобретательностью в лести, он первый начал оказывать божеские почести Гаю Цезарю; так, когда он вернулся из Сирии, он являлся к нему не иначе, как закутав голову, и, сделав поворот, распростирался на пол[4]. Чтобы всякими способами угодить Клавдию, находившемуся во власти своих жен и вольноотпущенников, он испросил себе у Мессалины, как величайшую милость, позволения разуть ее. Сняв с ее правой ноги башмачок, он носил его в складках своей тоги и часто целовал. Золотые бюсты Нарцисса и Паллата он поставил у себя среди изображе-

ний ларов и оказывал им одинаковые с последними почести. Ему же принадлежат слова: «Желаю тебе еще не раз их устраивать», обращенные к Клавдию при поздравлениях на Секулярных играх. Он умер от паралича, на другой день после удара. Он оставил после себя двух сыновей, рожденных ему Секстилией, весьма почтенной женщиной хорошего рода; ему довелось увидеть их консулами, двоих в течение целого года, ибо младший через шесть месяцев заступил в этой должности место старшего. Сенат удостоил покойного общественных похорон и поставил в честь его статую перед рострами с надписью: «Неизменный в своей преданности принцепсу».

Будущий император Авл Вителлий, сын Люция, родился 24, а по другим сведениям 7 сентября, в консульство Друза Цезаря и Норбана Флакка[5]. Расположение звезд при его рождении, возвещенное астрологами, навело на его родителей такой страх, что отец его прилагал все меры к тому, чтобы при его жизни сын его не получил провинции, а мать, когда он был отправлен к легионам и затем когда он был провозглашен императором, всякий раз оплакивала его как погибшего. Детство и раннюю юность он провел на Капри, в гареме Тиберия; его постоянное прозвище было «спинтрий», и, как думали, его телесная красота явилась началом и причиной возвышения его отца.

4. Также и в последующее время жизни, запятнанный всевозможными пороками, он занял при дворе выдающееся положение. Гай любил

его за его страсть к состязаниям на колесницах, Клавдий — за пристрастие к игре в кости. Всего же более сумел он угодить Нерону; во-первых, по тем же причинам, как и первым двум, а во-вторых, еще благодаря особой своей заслуге. Дело в том, что Вителлий председательствовал на Нероновых состязаниях, а Нерону страстно хотелось выступить среди певцов с цитрой, но, несмотря на общее требование, он все же не решался дать согласие и даже покинул театр. Тогда Вителлий, словно выполняя поручение не желавшего уступать народа, призвал его обратно и заставил его дать свое согласие.

5. Таким образом, благоволением трех принцепсов Вителлий достиг не только должностей, но и самых значительных жречеств. После этого он получил проконсульство в Африке и надзор за выполнением общественных сооружений в Риме. В выполнении обоих этих поручений он руководился неодинаковыми побуждениями и приобрел ими различную репутацию. В провинции он выказал необычайную честность в течение двух лет, ибо и на второй год он остался легатом при сменившем его на посту проконсула брате; напротив, выполняя свои обязанности в Риме, он, как говорят, похитил, частью же обменял, пожертвованные храмам дары и украшения, а золото и серебро подменил оловом и золоченой бронзой.

6. Его женой была Петрония, дочь бывшего консула. От нее он имел сына, по имени Петрониана, слепого на один глаз. Мать назначила его своим наследником на том условии, что он выйдет из-под власти отца; Вителлий осво-

бодил его, но, как думали, вскоре после этого убил и сверх того обвинил его в покушении на отцеубийство, причем пустил слух, будто бы яд, приготовленный для этой цели, он, мучимый совестью, выпил сам. Потом он взял в жены Галерию Фундану, дочь бывшего претора: также и от нее он имел детей обоего пола, между прочим также мальчика, который от сильного заикания был все равно как бы немой.

7. Сверх ожидания он получил от Гальбы назначение в Нижнюю Германию. Как думают, ему помогло ходатайство Тита Виния, в то время имевшего огромное влияние, с которым его уже давно связывало общее покровительство цирковой партии голубых. Впрочем, сам Гальба заявил, что всего менее опасны те лица, которые думают только о пище и питье, и что свою обширную утробу Вителлий сможет наполнить за счет богатств провинции: таким образом, всякому было ясно, что Вителлий был избран скорее благодаря презрению, им внушаемому, нежели из расположения к нему. Все знают, что при отъезде у него не оказалось денег на дорогу; его нужда была столь велика, что жену и детей, остававшихся в Риме, он поселил в наемной квартире под самой крышей, свой же дом на остаток года отдал внаймы, а у матери из уха вытащил жемчужную серьгу и под залог ее добыл денег на дорогу. Целая толпа кредиторов поджидала его и не хотела отпускать, между прочим синуессцы и формианцы [6], коих деньги, собранные в уплату налога, он себе присвоил: он отделался от них, только пригрозив им оклеветать их перед су-

дом; а против одного вольноотпущенника, слишком резко требовавшего уплаты долга, он вчинил иск за оскорбление, будто бы тот ударил его ногою, и отказался от обвинения, лишь вынудив у него пятьдесят тысяч сестерциев.

Войско, настроенное против принцепса и склонное к возмущению, встретило Вителлия радостно и восторженно, словно посланный ему богами дар; солдатам импонировало троекратное консульство его отца, его еще полный сил возраст, простота в обращении и щедрость. Эту свою давнишнюю репутацию он укрепил новыми доказательствами: в течение всего путешествия приветствовал поцелуем встречавшихся ему солдат, даже рядовых, а на постоялых дворах и в трактирах был чрезвычайно приветлив с погонщиками мулов и путниками, причем по утрам спрашивал каждого, «завтракал ли он уже», и показывал отрыжкой, что сам он с этим делом покончил.

8. Вступив в лагерь, он никому не отказал ни в одной просьбе и даже по собственному почину отменил выговоры штрафованным, прекратил уже возбужденные обвинения и снял наказания с осужденных. Поэтому не прошло и месяца, как солдаты, не считаясь ни с временем дня, ни с часом, уже вечером внезапно схватили его в его спальне, и, как он был, в домашнем платье, поздравили его императором и понесли его по самым многолюдным улицам колонии; при этом он держал в руке обнаженный меч Божественного Юлия, который был взят из храма Марса и при первом поздравлении кем-то ему подан. Он вернулся

в преторий, лишь когда в его столовой от печки начался пожар: видя, что все пришли в уныние и страх, словно от несчастного предзнаменования, он воскликнул: «Бодритесь! нам светит свет!» и больше не обращался к солдатам ни с какой речью. Когда и войско Верхней Германии, уже раньше отпавшее от Гальбы к сенату, признало его, он охотно принял данное ему всеми прозвище Германика, титул же Августа отложил, а от титула Цезаря навсегда отказался.

9. Вскоре пришла весть об убиении Гальбы; он устроил дела в Германии и разделил войска, намереваясь часть отправить вперед, против Отона, а часть вести сам. Отряд высланный вперед, получил счастливое предзнаменование: с правой стороны внезапно прилетел орел, сделал несколько кругов над знаменами и медленно полетел впереди выступившей в путь колонны. Напротив, когда отправился он сам, то у конных статуй, поставленных ему во многих местах, внезапно подломились ноги, и они обрушились, а лавровый венок, который он возложил себе на голову с строгим соблюдением религиозного обряда, свалился в реку. Вскоре после этого, когда он производил суд в Виенне, петух вскочил ему на плечо, а оттуда на голову. Этим предзнаменованиям вполне соответствовал исход, ибо власть, утвержденную за ним его легатами, сам он удержать не сумел.

10. О победе при Бетриаке и смерти Отона он услышал, еще когда был в Галлии: не откладывая, он одним приказом расформировал все преторианские когорты, как подавшие дурной пример[7], и приказал им сдать оружие воен-

ным трибунам. В то же время он велел разыскать и казнить сто двадцать преторианцев, письма которых к Отону с требованием награды за участие в убийстве Гальбы попали ему в руки; это был прекрасный и достойный поступок, который давал надежду, что он будет замечательным принцепсом, если бы только в остальном он не стал вести себя более сообразно своим склонностям и прежней жизни, нежели высокому значению своей власти. Действительно, отправившись в путь, он проезжал по встречным городам совсем как триумфатор, а через реки переправлялся в роскошных барках, увешанных всякого рода венками; при этом он обедал с необычайной роскошью. Дисциплины у его прислуги и солдат не осталось и в помине, ибо все их грабежи и насилия он обращал в шутку; они же, не довольствуясь тем, что всюду их кормили на общественный счет, позволяли себе отпускать на волю чужих рабов, а сопротивлявшихся им в этом наделяли ударами и пинками, часто даже ранили их, а иногда и убивали. Когда он достиг полей, на которых произошло сражение, некоторые его спутники почувствовали отвращение при виде гниющих тел, он же не задумался ободрить их ужасными словами: «Хорошо пахнет убитый враг, но еще лучше согражданин». Тем не менее, чтобы не так чувствовать зловоние, он, на глазах у всех выпил много несмешанного вина и велел раздать его также и спутникам. С тою же хвастливостью и наглостью он при виде камня, посвященного памяти Отона, заметил, что последний «достоин такого мавзо-

лея», а кинжал, которым Отон заколол себя, отправил в Колонию Агриппины[8] для посвящения его Марсу. На перевале Апеннинского хребта он провел ночь, посвященную религиозным обрядам.

11. Наконец он вступил в Рим, одетый в военный плащ и опоясанный мечом, под звуки музыки, среди знамен и значков; его свита была тоже в военных плащах, а солдаты шли с обнаженным оружием.

С этих пор он стал все менее и менее считаться с требованиями божеских и человеческих законов: сан великого понтифика принял в годовщину битвы при Аллии[9], произвел выборы должностных лиц на десять лет вперед и объявил себя бессменным консулом. А чтобы не было сомнения, какому образцу он намерен следовать как правитель, он в присутствии множества жрецов совершил на Марсовом поле в память Нерона заупокойное жертвоприношение, а на парадном обеде громко попросил певца, угодившего ему своим пением, «исполнить что-нибудь из «Доминика»[10], и когда тот запел одно из Нероновых произведений, первый в восторге зааплодировал.

12. Таково было начало. Затем он стал править почти исключительно по воле самых негодных актеров и наездников и в особенности вольноотпущенника Азиатика. Этот человек еще в юности был вовлечен Вителлием во взаимный разврат; потом это ему надоело, и он бежал. Встретив его в Путеолах как торговца поской[11], Вителлий схватил его и заключил в оковы, но тотчас же освободил и снова сделал своим

любовником. Затем вторично, тяготясь его строптивостью и вороватостью, он продал его рыночному ланисте; когда же его выступление в качестве гладиатора было отложено к концу боя, он внезапно похитил его, а по получении провинции отпустил его на волю. В первый же день своего вступления во власть он за обедом пожаловал ему золотое кольцо, а между тем утром того же дня, когда все просили его об этой милости, он самым резким образом отказывался нанести такое бесчестие всадническому сословию.

13. Однако главным пороком Вителлия были обжорство и жестокость. В течение дня он садился за стол три, а иногда и четыре раза; то был ранний завтрак, поздний завтрак, обед и ужин; все это он легко выдерживал благодаря привычке принимать рвотное. Нескольких лиц в один и тот же день он заставлял приглашать себя в разное время, причем угощение никому из них не обходилось дешевле четырехсот тысяч сестерциев. Наибольшую славу получил обед, данный в честь его прибытия его родным братом; как говорят, на нем было сервировано две тысячи отборных рыб и семь тысяч птиц. Но и этот пир он сам превзошел торжественным посвящением блюда, которое по причине огромной его величины называл щитом Минервы Градохранительницы. В его состав входили печень рыбы губана, фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго и молоки мурен. Для улова последних от Парфии и до Испанского пролива были высланы специальные капитаны и триремы. Вителлий отличался не только обжор-

ством, но также тем, что аппетит его не считался со временем и был совершенно невзыскателен. Он не мог воздерживаться ни при жертвоприношении, ни в пути: тут же с алтаря хватал мясо и лепешки почти что из огня и поедал их, а в придорожных харчевнях не брезговал продымившимися кушаньями и даже вчерашними и уже наполовину съеденными.

14. Он был готов убивать и казнить кого угодно и по какой угодно причине. Поэтому знатных лиц, своих товарищей по школе и ровесников, он привлекал к себе всяческими ухаживаниями и чуть ли не обещаниями соучастия в правлении, а затем убивал посредством разного рода казней; одного он даже собственноручно умертвил ядом, подав его ему в стакане холодной воды, о которой тот, лежа в лихорадке, попросил его. Трудно было вымолить у него пощаду кому-нибудь из кредиторов, закладчиков и публиканов, которые когда-либо требовали либо долг в Риме, либо пошлину в путешествии; одного из них он приказал казнить, когда тот явился к нему с приветствием, но тут же вернул его, и когда присутствующие стали хвалить его милосердие, он приказал убить его при себе, говоря, что «желает потешить свои глаза»; в другой раз он велел казнить вместе с отцом сыновей за то, что они пытались вымолить ему прощение. Когда один римский всадник, которого влекли на казнь, воскликнул: «Ведь ты мой наследник!», он заставил его показать себе завещание и, прочитав в нем, что сонаследником ему назначен вольноотпущенник всадника, приказал удавить обоих. Не-

скольких человек из плебса он погубил за то, что они во всеуслышание дурно говорили о цирковой партии голубых: он решил, что они осмелились на это, только презирая его и надеясь на близость переворота. Однако никого он не ненавидел в такой степени, как остряков и астрологов. При каждом доносе на кого-либо из них он казнил его без суда. Его раздражение было вызвано тем, что после издания им эдикта о высылке астрологов из Рима и Италии до 1 октября тотчас распространилась эпиграмма: «В добрый час! Халдеи объявляют: не бывать нигде Вителлию Германику ко дню 1 октября». Его подозревали также в причастности к смерти матери: во время ее болезни он будто бы запретил давать ей пищу: дело в том, что одна пророчица из племени хаттов, на которую он полагался как на оракул, предсказала, что его власть только тогда будет прочной и долгой, если он переживет родительницу. Другие же сообщают, что мать его, тяготясь настоящим и страшась будущего, сама просила сына дать ей яду, на что он легко согласился.

15. На восьмом месяце его правления от него отпали войска в Мезии и Паннонии, а в заморских провинциях — войска в Иудее и Сирии: они присягнули Веспасиану, первые заочно, вторые лично. Тогда, чтобы сохранить преданность и расположение остальных, он без всякой меры стал одаривать их как за счет государства, так и из своих собственных средств. Он произвел также военный набор в Риме, обязавшись дать добровольцам после победы не только отставку, но также все награды, по-

ложенные ветеранам за полную выслугу срока. Затем, когда неприятель повел энергичное наступление на суше и на море, он выслал против него на море брата во главе флота с новобранцами и отрядом гладиаторов, а на суше — войска и командиров, победивших при Бетриаке; но повсюду он был либо побежден, либо предан; тогда он выговорил себе от Веспасианова брата, Флавия Сабина, неприкосновенность и сто миллионов сестерциев и вслед за тем со ступеней дворца объявил огромной толпе солдат, что отказывается от власти, навязанной ему против воли. Общие протесты заставили его однако отсрочить свое решение. По прошествии ночи он, на рассвете, в траурной одежде сошел к рострам и, проливая обильные слезы, повторил свое вчерашнее заявление, на сей раз читая его по записке. Но солдаты и народ снова прервали, его, убеждали не падать духом и наперерыв обещали ему помощь. Тогда он снова ободрился, внезапно напал на Сабина и прочих флавианцев, которые уже чувствовали себя в безопасности, оттеснил их в Капитолий и уничтожил их, подожгши храм Юпитера Лучшего и Величайшего. На сражение и пожар он смотрел из окон дворца Тиберия, сидя за обедом. Но вскоре он раскаялся в им содеянном, стал сваливать вину на других и, созвав сходку, поклялся сам и заставил поклясться других в том, что для него и для них нет ничего дороже спокойствия государства. Затем он снял с пояса кинжал и передал его сначала консулу; когда же тот отказался взять его,— другим магистратам, а затем поочередно сенаторам; но так как

никто не принимал его, он ушел, словно намереваясь сдать его в храм Согласия. Однако, когда несколько лиц закричали, что он сам есть Согласие, он вернулся и заявил, что он не только сохранит у себя кинжал, но и примет прозвище Согласие.

16. Он также посоветовал сенату отправить послов и с ними дев-весталок с просьбой либо о мире, либо о предоставлении ему некоторого времени на размышление.

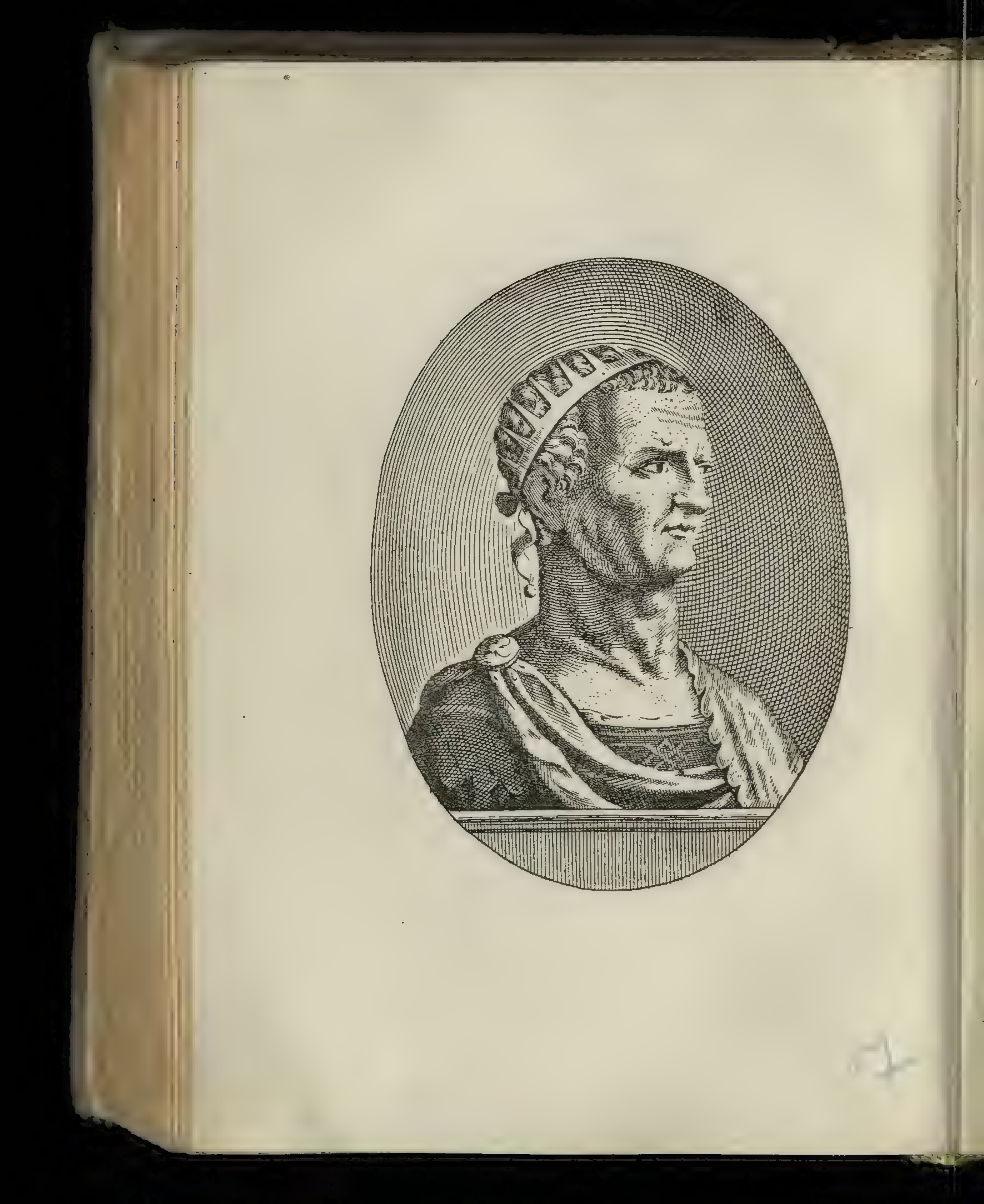
На следующий день, когда он ожидал ответа, разведчик донес, что неприятель приближается. Он немедленно сел в закрытые носилки и тайком, только с двумя спутниками, пекарем и поваром, отправился на Авентин, в отцовский дом, чтобы оттуда бежать в Кампанию. Но затем, на основании слуха, мимолетного и неясного, будто бы мир заключен, он позволил отнести себя обратно во дворец. Здесь он застал все уже брошенным, да и последние спутники его покинули; тогда он надел пояс, набитый золотыми монетами, и скрылся в каморку привратника. Перед дверью он привязал собаку, а дверь заставил кроватью и матрацем.

17. Уже солдаты авангарда ворвались во дворец и, не встретив никого, принялись по обыкновению повсюду шарить. Они вытащили Вителлия из его убежища, стали спрашивать, кто он,— ибо в лицо они его не знали,— а также, где Вителлий; сначала он отделался от них ложью, но затем его все же узнали; тогда, под предлогом, что он может сообщить нечто касающееся безопасности Веспасиана, он стал

упрашивать их сохранить ему жизнь и хотя бы посадить в тюрьму; но ему скрутили назад руки, набросили петлю на шею и, разорвав одежду, полунагого повлекли на форум. По всему пути на Священной дороге он непрерывно подвергался оскорблениям словами и действием: за волосы ему оттянули голову назад, как это делают преступникам, и, кроме того, еще подперли подбородок острием меча, чтобы можно было видеть его лицо и чтобы он не опускал его; некоторые марали его нечистотами и грязью, другие ругали поджигателем и лизоблюдом, а часть толпы поносила его за физические недостатки: ибо он имел непомерно высокий рост, лицо багровое от пьянства, толстый живот, одно бедро слабое от удара колесницы, когда он однажды на скачках был прислужником Гая. Наконец, у Гемоний легчайшими, но частыми ударами его истерзали и прикончили, а затем крюком стащили в Тибр.

18. Он погиб вместе с братом и сыном на пятьдесят седьмом году жизни. Таким образом, оказалось верным предположение тех, которые истолковывали упомянутое нами раньше бывшее в Вienne знамение[12] так, что ему суждено было попасть в руки человека галльского происхождения. В самом деле, он был побежден полководцем противной партии, Антонием Примом, который был уроженцем Тулузы и в юности носил прозвище Бекк; это прозвище значит «петуший клюв».

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕСПАСИАН



1. Императорскую власть, долгое время бывшую неустойчивой вследствие междоусобий трех принцепсов и их гибели и как бы клонящейся то туда, то сюда, взял, наконец, в свои руки и снова утвердил род Флавиев. Род этот был незнатный и знаменитых предков не имел, однако государству жалеть об этом не пришлось, даром, что Домициан, как известно, за свою алчность и жестокость понес заслуженную кару.

Тит Флавий Петрон, гражданин муниципия Реате[1], во время гражданской войны служил в армии Помпея центурионом, или, может быть, добровольцем. Он спасся бегством из Фарсальского сражения и вернулся домой; ему удалось получить прощение и отставку, и он занял должность по взысканию денег на аукционах. Его сын, по прозвищу Сабин, в армии не служил (впрочем, некоторые утверждают, будто он был примипилярный центурион, а другие — будто он был простым центурионом и по болезни получил отставку) и был сборщиком $2\frac{1}{2}$-процентной пошлины в Азии. Сохранились его бюсты, поставленные ему городскими общинами, с надписью: «Честному сборщику». Позже он зани-

мался денежными спекуляциями в земле гельветов[2], где и кончил свою жизнь, оставив после себя жену, Веспасию Поллу, и от нее двух сыновей; старший из них, Сабин, достиг должности городского префекта, а младший — власти принцепса. Полла происходила из Нурсии, из порядочной семьи; ее отцом был Веспасий Поллион, трижды занимавший должность военного трибуна, бывший также префектом лагеря; брат ее был сенатором преторского ранга. У шестимильного камня на дороге из Нурсии в Сполето есть место на вершине горы, называемое Веспасии; здесь стоит много надгробных памятников Веспасиев — несомненное свидетельство блеска и древности их рода. Должен сказать, что, по словам некоторых, отец Петрона происходил из области по ту сторону По и был подрядчиком артелей рабочих, которые ежегодно приходят из Умбрии в Сабину на сельские работы; затем он будто бы поселился в городе Реате и там же женился. Несмотря на мои тщательные изыскания, сам я на этот счет не нашел никаких указаний.

2. Веспасиан родился в Сабине по ту сторону Реате, в небольшом селении, по имени Фалакрины, вечером 17 ноября, в консульство Квинта Сульпиция Камерина и Гая Поппея Сабина, за пять лет до смерти Августа[3]; он был воспитан своей бабкой с отцовской стороны, Тертуллой, в имении близ Козы. Поэтому, и став принцепсом, он любил посещать место, где провел детство, и оставил виллу в ее прежнем виде, чтобы ничто не изменилось, к чему привык глаз; а память бабки он чтил до такой

степени, что в торжественные дни пил обязательно из ее маленького серебряного кубка.

Став совершеннолетним, он долго уклонялся от сенаторского звания, невзирая на то, что его старший брат такового достиг; и только матери удалось побудить его добиваться этого звания. Она достигла этого скорее упреками, нежели просьбами или своей авторитетностью, ибо часто называла его в насмешку прислужником своего брата.

Военным трибуном он служил во Фракии; квестором по жребию получил провинцией Крит и Кирену; должности эдила он добился не сразу и получил ее едва шестым, по порядку избранных, тогда как претура досталась ему при первом же искательстве, и он был избран одним из первых кандидатов. В качестве претора он всячески старался расположить к себе Гая Калигулу, враждебно настроенного против сената: он потребовал, чтобы его победа в Германии была отпразднована внеочередными играми, и предложил, чтобы наказание заговорщикам было усилено запрещением хоронить их тела. Он принес ему также благодарность в заседании сената за то, что тот удостоил его приглашения к своему столу.

3. В это время Веспасиан взял себе в жены Флавию Домитиллу, бывшую, любовницу римского всадника Статилия Капеллы, из африканского города Сабраты; она была только латинская гражданка, но затем суд рекуператоров признал ее свободорожденной и римской гражданкой, ибо ферентинец Флавий Либерал, бывший, правда, только квесторским писцом,

объявил себя ее отцом. От нее Веспасиан имел детей: Тита, Домициана и Домитиллу. Свою жену и дочь он пережил, ту и другую, еще будучи частным человеком. После смерти жены он снова сошелся с своей бывшей любовницей Ценидой, вольноотпущенницей и секретаршей Антонии: он оставался в сожительстве с нею также и став императором, причем держал ее почти на положении настоящей супруги.

4. При Клавдии он по милости Нарцисса был назначен легатом легиона в Германию. Будучи переведен оттуда в Британнию, он трижды вступал в сражение с неприятелем. Он привел к покорности два весьма могущественных племени, свыше двадцати городов и ближайший к Британнии остров Векту. Все это он совершил частью под верховным командованием консулярного легата Авла Плавтия, частью же самого Клавдия. В награду за это он получил триумфальные украшения и, один за другим, два жреческих сана, кроме того должность консула, которую отправлял в течение двух последних месяцев года. Промежуток времени до своего проконсульства он провел вдали от дел и в удалении, ибо боялся Агриппины, тогда еще имевшей сильное влияние на своего сына и ненавидевшей друзей уже умершего Нарцисса.

Затем он получил по жребию в качестве провинции Африку и управлял ею безукоризненно, чем снискал себе глубокое уважение, хотя один раз во время беспорядков в Гадрумете из толпы бросали в него репой. Достоверно известно, что из провинции он вернулся не

обогатив себя, и, так как его кредит пошатнулся, ему пришлось заложить все свои имения брату, и по необходимости, чтобы жить сообразно своему рангу, он дошел до того, что стал торговать мулами; поэтому в народе ему дали прозвище «погонщик мулов». Как говорят, его уличили в том, что он вынудил двести тысяч сестерциев у одного молодого человека, которому, вопреки желанию его отца, выхлопотал звание сенатора, за что получил суровый выговор.

Он сопровождал Нерона в его поездке по Ахайе; здесь он навлек на себя весьма сильное неудовольствие тем, что во время его пения он либо то и дело выходил, либо тут же задремывал; он не только был исключен из свиты, но и лишен доступа ко двору, и удалился в маленький глухой городок; здесь он и жил укромно, опасаясь даже за свою жизнь, пока совершенно неожиданно ему не была предложена провинция и командование армией.

По всему Востоку упорно держалось убеждение, что по велению судьбы около этого времени выходцы из Иудеи должны овладеть властью во всем мире. Как оказалось потом, это предсказание имело в виду римского императора, но иудеи отнесли его к себе и подняли восстание: они убили своего наместника и, кроме того, разбили легата Сирии, явившегося с войсками на помощь, причем отняли у него орла. Для подавления этого восстания нужен был полководец деятельный, с более значительным войском, в то же время такой, которому можно было без опасений поручить командование.

Выбор пал, преимущественно перед другими, на Веспасиана, как на командира испытанной энергии и в то же время человека совершенно не опасного по причине его незнатного происхождения и негромкого имени. К войскам провинции он прибавил два легиона, восемь эскадронов, десять когорт, а в число легатов взял старшего сына. Как только он прибыл к месту назначения, он обратил на себя также взоры соседних провинций, так как тотчас поднял дисциплину войск, а в первых же битвах сражался столь ревностно, что при осаде замка получил удар камнем в колено, а в щит его вонзилось несколько стрел.

5. Происходившая после Нерона и Гальбы борьба между Отоном и Вителлием подала ему надежду на достижение власти,— надежду, которая зародилась в нем уже давно на основании следующих предзнаменований.

В подгородном имении Флавиев был старый дуб, посвященный Марсу; при каждом из трех разрешений Веспасии от бремени у него внезапно вырастала от ствола ветвь, без сомнения предвещавшая судьбу каждого новорожденного: первая ветвь была тонка и быстро засохла, и в соответствии с этим также и родившаяся девочка не выжила и года; вторая ветвь вышла мощная и раскидистая, предвещавшая большое счастье; третья же была подобна целому дереву. Поэтому, как говорят, отец Веспасиана, Сабин, получивший подтверждение знамения также гаданием по внутренностям жертвы, объявил своей матери, что у нее родился внук, будущий Цезарь. Она же в ответ на это только рас-

смеялась и выразила удивление, что «она еще в своем уме, а сын ее уж помутился».

Позже, когда Веспасиан был эдилом, Гай Цезарь, разгневавшись на его нерадение о чистоте улиц, приказал солдатам наложить грязи в пазуху его тоги; тогда нашлись люди, которые истолковали это так, что настанет время, когда государство, попираемое и осиротелое вследствие гражданской смуты, попадет, в конце концов, под его попечение и как бы в некое спокойное лоно.

Однажды, когда он завтракал, чья-то чужая собака втащила с улицы человеческую руку[1] и бросила ее под стол. Другой раз, когда он обедал, бык от плуга, сбросив ярмо, ворвался в столовую, разогнал прислугу и, словно внезапно ослабев, упал к ногам Веспасиана, возлежавшего за столом, и склонил перед ним выю. На дедовском его поле кипарисовое дерево при тихой погоде было вырвано с корнем и повалилось, а на следующий день снова оказалось стоящим более цветущим и крепким, чем было прежде.

Находясь в Ахайе, он увидел во сне, что счастье его и его близких начнется, коль скоро Нерону вырвут зуб; случилось так, что на следующий день в атрий вошел врач и показал ему только что вырванный им зуб.

Когда в Иудее он вопрошал оракул бога Кармела[5], он получил утвердительные ответы, что, что бы он ни замышлял и как бы ни были велики его желания, все должно исполниться; а один из знатных пленников, Иосиф, заключенный в оковы, настойчиво утверждал,

что вскоре он будет освобожден тем же Веспасианом, но уже императором. Также из Рима сообщали о предсказаниях: в последние дни Нерону во сне было указание, чтобы он перевез колесницу Юпитера Лучшего и Величайшего из святилища в дом Веспасиана, а оттуда в цирк. Несколько позже, когда Гальба входил в комиции для вступления во вторичное консульство, статуя Божественного Юлия сама собою повернулась к востоку. При Бетриаке, раньше чем началась битва, два орла на глазах у всех бросились друг на друга, и когда один из них победил, то с востока появился третий и прогнал победителя.

6. Несмотря на все эти предзнаменования, Веспасиан, хотя его солдаты показывали большую готовность и побуждали его, выступил только после того, как его принудило к этому случайно проявившееся расположение к нему со стороны незнакомых и далеких от него отрядов.

От каждого из трех легионов стоявшего в Мезии войска было послано по две тысячи солдат на помощь Отону; хотя, выступив в поход, они получили известие, что Отон побежден и покончил с собою,— тем не менее, словно не очень веря слуху, они дошли до Аквилеи. Здесь пользуясь случаем и ослаблением дисциплины, они предались всякого рода грабежам, а затем стали бояться, как бы по возвращении им не пришлось отвечать и подвергнуться наказанию; поэтому они стали совещаться о выборе и провозглашении нового императора. Они считали, что они не хуже испанского войска с его Гальбой или преторианцев с их Отоном или гер-

манского с его Вителлием. Тут стали называть имена легатов-консуляров, сколько и где их в то время было, причем отвергали их, одних по одним, других по другим причинам. Некоторые солдаты третьего легиона, в конце правления Нерона перемещенного из Сирии в Мезию, стали превозносить Веспасиана похвалами. Тогда все сошлись на нем и тут же написали его имя на всех знаменах. Правда, в то время дело это заглохло, ибо когорты были постепенно приведены к повиновению. Однако о случившемся распространился слух, и префект Египта, Тиберий Александр, 1 июля первый привел к присяге Веспасиану свои легионы. Впоследствии этот день стал соблюдаться как первый день его принципата. Затем, 11 июля, ему лично принесло присягу также войско в Иудее.

Предприятию Веспасиана всего больше содействовало ходившее по рукам письмо к Веспасиану покойного Отона,—неизвестно, подлинное или подложное,— который перед смертью заклинал его отмстить за него и поручал государство его заботам. Помог также распространившийся в то же время слух, будто Вителлий, в случае победы, намерен произвести перемещения в зимних стоянках войск и германские легионы перевести на Восток, где служба безопаснее и легче; наконец, помогли ему один из правителей провинций Лициний Муциан, и один из царей, парфянин Вологез: первый — тем, что прекратил вражду, которую он открыто питал к нему в то время из зависти, и предложил помощь сирийского войска, второй же — тем, что предложил ему сорок тысяч стрелков.

7. Итак, гражданская война началась. Веспасиан послал в Италию войска и полководцев, а сам, между тем, отправился в Александрию, чтобы завладеть этим ключом к Египту. Здесь, предварительно удалив всех, он один вошел в храм Сераписа, чтобы получить знамение о прочности своей власти; после того как, долго помолившись богу об оказании ему милости, он, наконец, обернулся, его взорам предстал его вольноотпущенник Базилид, приносящий, согласно тамошнему обычаю, священные ветви, венки и жертвенные пироги; а между тем, было известно, что Базилида никто в храм не впускал, да и давно уже вследствие нервной болезни он не мог ходить и находился в отсутствии в далеком расстоянии отсюда. И тотчас было получено письмо, извещающее о поражении войск Вителлия у Кремоны и о гибели его самого в Риме.

Веспасиану недоставало авторитета и как бы некоего величия по причине неожиданности и новизны его власти. Однако недостающее он получил. Когда он сидел перед трибуналом, то два простолюдина, один слепой, другой с больной ногой, обратились к нему, прося его исцелить их болезни, как это было указано им во сне Сераписом: зрение он вернет, плюнув в глаза, а ногу вылечит, если соблаговолит коснуться ее своей пятой. Хотя он и не поверил, что дело хоть сколько-нибудь может удаться, и потому не решился даже попытаться, однако, в конце концов, уступая настояниям друзей, он на глазах толпы попробовал то и другое, и исцеление удалось. В то же время в Тегее, в Арка-

дни, по внушению прорицателей в священном месте были выкопаны сосуды старинной работы, и на них оказалось изображение человека, похожего на Веспасиана.

8. Таков был Веспасиан и такова была его слава, когда он вернулся в Рим. Он отпраздновал триумфом победу над иудеями; затем, сверх первого своего консульства, он был консулом еще восемь раз; он облекал себя также и властью цензора и в течение всего своего правления ни к чему не относился с таким рвением, как к тому, чтобы в первую очередь поднять на ноги почти поверженное и расшатанное государство, а затем и вернуть ему блеск.

Солдаты, одни возгордившись победой, другие озлобленные своим бесчестием, дошли до последнего предела разнузданности и наглости; но и в среде провинций, автономных общин империи, а также некоторых вассальных царств происходили довольно серьезные волнения. В виду этого Веспасиан большую часть солдат Вителлия уволил в отставку и привел к подчинению, солдатам же победителям не только не дал никаких чрезвычайных наград, но и законные их требования удовлетворил с значительным опозданием. Он старался не упускать случая поднять дисциплину: так, одному юноше, который, благоухая духами, явился благодарить его за пожалованную ему командную должность, он уже самой манерой обращения показал свое презрение, да еще сделал ему суровое замечание, сказав: «Я предпочел бы, чтобы от тебя воняло чесноком», а назначение его на должность взял обратно. Морские солдаты, которые от Остии и

Путеол поочередно ходят пешком в Рим, просили его ввести им выплату денег на обувь [6]; он оставил их просьбу без ответа и, не довольствуясь этим, приказал бегать босиком, что они с тех пор и делают.

Ахайя, Ликия, Родос, Византия, Самос лишились своей свободы, а горная Киликия и Коммагена, до тех пор бывшие царствами, были превращены в провинции. В Каппадокии, по причине постоянных набегов варваров, Веспасиан увеличил количество легионов и определил, чтобы ею управлял не римский всадник, но бывший консул.

Вследствие прежних пожаров и разрушений домов внешний вид Рима стал совершенно обезображен. Веспасиан разрешил всем желающим занимать и застраивать пустые участки, если их настоящие владельцы медлили сделать это. Он приступил к реставрации Капитолия и лично принял участие в уборке мусора, вынесши вон некоторое количество мусора на собственной спине. Он предпринял восстановление трех тысяч бронзовых плит с надписями, уничтоженных огнем, и для этой цели отовсюду старался достать их копии; это были прекраснейшие и древнейшие государственные документы, в том числе существовавшие почти от основания города решения сената и постановления народного собрания о союзах, договорах и привилегиях, дарованных кому бы то ни было. 9. Он построил также и новые здания: храм Мира рядом с форумом, храм Божественного Клавдия на Целийском холме, начатый было Агриппиной, но почти до основания разрушенный Нероном,

а также амфитеатр в центре города, который, по его сведениям, проектировал Август.

Ряды высших сословий поредели вследствие насильственной гибели многих их членов и засорились вследствие давнишнего небрежения о их достойном составе. Пересмотром списков сената и всаднического сословия Веспасиан очистил их и пополнил, причем лица недостойные были удалены, а самые порядочные элементы из италиков и провинциалов были приняты в их число. А дабы показать, что каждое из обоих сословий отличается от другого не столько степенью присущей ему свободы, сколько достоинством, он по поводу одного резкого спора между сенатором и римским всадником вынес такую резолюцию: «Бранить сенатора не разрешается, но ответить бранью на его брань есть законное право гражданина».

10. Число судебных тяжб повсюду возросло чрезвычайно, ибо старые тяжбы еще оставались нерешенными за перерывом в судопроизводстве, а к ним в связи со смутным временем прибавлялись еще новые. Веспасиан выбрал по жребию людей, которые восстановили бы владельцам похищенное у них во время войны, а дела, подлежащие компетенции центумвиров [7], разбора которых тяжущиеся, повидимому, вряд ли дождались бы при своей жизни, решили бы в чрезвычайном порядке, сведя их к возможно меньшему числу.

11. Распущенность и роскошь, вследствие отсутствия сдержек, превзошли всякую меру. По инициативе Веспасиана сенат постановил, чтобы всякая женщина, вступившая в брак с чужим

рабом, сама считалась рабыней и чтобы кредиторы, ссудившие деньги сыновьям, стоящим в отцовской власти, не имели права взыскивать долг, даже после смерти отца.

12. В остальном он с первого же дня принципата и до самого конца показал себя доступным и снисходительным, причем не только не скрывал своего скромного положения в прежние годы, но постоянно старался напоминать о нем. Поэтому, когда кто-то попробовал вывести род Флавиев от основателей Реате и от спутника Геркулеса, гробница которого стоит на Салариевой дороге, он только посмеялся этой выдумке. Его так мало привлекали внешние знаки отличия, что в день триумфа, утомленный медленностью и скукой торжественной процессии, он не удержался от восклицания: «Я по заслугам наказан за то, что, будучи стариком, так безрассудно желал себе триумфа, словно это был мой долг перед предками или предмет собственной моей прежней надежды!» Даже трибунскую власть и титул отца отечества он принял только много позже. Обычай же обыскивать лиц, являвшихся к нему с приветствием, он упразднил еще во время гражданской войны.

13. Он чрезвычайно снисходительно относился к откровенности друзей, намекам адвокатов и строптивости философов. Лициний Муциан, известный своим противоестественным развратом, полагаясь на свои заслуги, не особенно почтительно обращался с ним: порицать его за это Веспасиан позволял себе только заочно, да и то лишь так, что, жалуясь на него кому-либо из общих друзей, заканчивал свои

слова замечанием: «я то ведь мужчина»[8]. Он даже похвалил Сальвия Либерала, который, защищая одного богача, посмел сказать: «Что за дело Цезарю, что у Гиппарха сто миллионов сестерциев?» Циник Димитрий при встрече с Веспасианом в пути после своего осуждения, не почел нужным ни встать перед ним, ни поклониться ему,— напротив, даже проворчал какое-то ругательство; Веспасиан ограничился тем, что назвал его «собакой».

14. Он совершенно не помнил обид и вражды и не мстил за них. Дочери своего врага Вителлия он устроил блестящую партию и дал ей богатое приданое. Когда при Нероне ему был запрещен доступ ко двору, и он робко спрашивал, что ему делать и куда деваться, один из придворных, заведующих доступом к принцепсу, выгоняя его, посоветовал ему «убираться в Морбовию»[9]. Когда этот придворный теперь просил у него прощения, он ограничился только гневными упреками, да и сказал ему приблизительно что-то в том же роде. Он совершенно не поддавался увещаниям погубить кого-либо на основании одних подозрений или опасений: так, когда друзья убеждали его остерегаться некоего Меттия Помпузиана, ибо существовало общее мнение, что в силу его гороскопа ему суждено стать императором, он не только не послушал их, но и сделал Меттия консулом, причем уверял, что он когда-нибудь вспомнит об этом благодеянии.

15. Среди наказанных им не легко найти такого, который подвергся бы наказанию без вины, разве только это происходило в его отсутствие

или без его ведома или против его воли и с помощью обмана. Когда он вернулся из Сирии, Гельвидий Приск, единственный из всех, называл его частным именем Веспасиан и, будучи претором, во всех своих эдиктах не оказывал ему никакого уважения и не упоминал о нем. Веспасиан разгневался на него только после того, как тот с неслыханной наглостью почти что накричал на него, как на подчиненного. Даже этого человека, которого он сначала отправил в ссылку, а затем приказал умертвить, он очень хотел каким-нибудь образом оставить в живых и отправил людей с приказанием вернуть назад убийц; и он спас бы Гельвидия, если бы ему обманным образом не доложили, будто тот уже убит. Вообще же он ни разу не порадовался ничьей гибели, и даже заслуженные казни вызывали у него слезы и сетования.

16. Единственно, в чем его обвиняли справедливо, это жадность к деньгам. Не довольствуясь восстановлением налогов, отмененных при Гальбе, он ввел еще новые, и очень обременительные, увеличил подати провинций, причем некоторым их даже удвоил, и открыто занимался торговыми операциями, не подобающими даже частному лицу, причем покупал товар лишь для того, чтобы потом распродать его с барышом. Он не задумываясь продавал кандидатам должности, а находящимся под судом, как невинным, так и виновным,— оправдание. Существует даже мнение, что он нарочно переводил на более важные должности самых алчных прокураторов, чтобы затем осудить их, когда они станут еще более богатыми; говорили, что он

пользовался ими, как губками: намачивал, когда они были сухи, и выжимал, когда они наполнялись влагой.

Некоторые говорят, что такая жадность была у него врождена от природы; такой упрек сделал ему один старик-пастух, которого он отказался безвозмездно отпустить на волю, о чем тот умолял его вскоре после принятия им императорской власти; при этом пастух воскликнул: «Лиса меняет шерсть, но не нрав свой». Напротив, есть и такие, которые думают, что к хищению и грабежу ему пришлось прибегнуть по необходимости, вследствие полного оскудения эрария и фиска, что он официально констатировал в самом начале принципата, заявив, что «для государства, чтобы существовать, необходимо сорок тысяч миллионов сестерциев»[10]. Последнее кажется тем правдоподобнее, что и худо нажитому он давал наилучшее применение.

17. Будучи весьма щедр по отношению к людям всякого положения, он пополнил некоторым сенаторам их состояние, небогатым консулярам выдал ежегодное содержание в пятьсот тысяч сестерциев; множество городов по всей империи, пострадавших от землетрясений или пожаров, восстановил в лучшем против прежнего виде; оказывал широкое покровительство талантам и искусствам. 18. Он первый назначил содержание из императорской казны латинским и греческим профессорам красноречия, в размере ста тысяч сестерциев ежегодно; выдающихся поэтов и художников, например реставратора Косской Венеры и Колосса[11], он щедро одаривал и оплачивал большим жалованьем; также

и механику, который предложил с небольшими издержками доставить на Капитолий огромные колонны, он выдал за изобретение щедрую награду, но, впрочем, оставил его без использования, заявив, что «ему надо дать заработок простому народу».

19. На играх, устроенных по случаю посвящения восстановленной сцены Марцеллова театра, он возобновил также постановку старинных пьес. Трагическому актеру Апелляру он дал четыреста тысяч сестерциев, певцам Терпну и Диодору — по двести тысяч, некоторым иным — по сто, и самое меньшее — по сорок тысяч, не считая множества золотых венков. Он постоянно устраивал пиры, притом большие и роскошные, желая дать доход торговцам съестных припасов. Во время Сатурналий он раздавал за столом подарки мужчинам, а в день 1 марта — женщинам. Но и при такой щедрости он не мог освободиться от прежней своей дурной репутации, созданной ему алчностью. Александрийцы попрежнему называли его Кибиосактом [12], по имени своего древнего царя, отличавшегося гнусной скупостью. Даже на его похоронах, когда главный мимический актер Фавор, представлявший, как полагается, его особу и изображавший его поступки и слова при жизни, во всеуслышание спросил прокураторов, во что обошлось торжество его похорон, и услышал в ответ цифру «десять миллионов сестерциев», воскликнул: «Дайте мне сто тысяч, а затем бросайте меня хоть в Тибр».

20. Веспасиан был приземист, с плотными и крепкими членами, выражение его лица было

таково, словно он делал потуги для испражнения; по этому поводу один остряк удачно пошутил в ответ на его просьбу сказать что-либо остроумное и на его счет: «Скажу, когда ты кончишь испражняться». Здоровье его было превосходно, хотя для поддержания его он сам делал себе только известное количество растираний горла и прочих членов в бане, в отделении для игры в мяч, а кроме того один день в месяц воздерживался от пищи.

21. Порядок жизни был у него такой. Будучи принцепсом, вставал он всегда рано, даже до рассвета, прочитывал письма и официальные донесения, затем принимал друзей, приходивших с утренними приветствиями, причем во время приема обувался и одевался; после этого, покончив с очередными делами, он совершал прогулку, после которой ложился отдыхать с какой-нибудь из наложниц, которых на место покойной Цениды завел у себя великое множество; из этого уединения он переходил в баню и оттуда в столовую. Ни в какое иное время дня не бывал он более доступен и покладист, и домашние старательно пользовались этим моментом для обращения к нему с какой-либо просьбой.

22. За обедом, будучи и вообще весьма обходителен, он любил развлекаться шутками. Ему было свойственно едкое остроумие, доходившее даже до шутовства и грубости, причем он не воздерживался и от непристойностей. Тем не менее, ему принадлежат также и некоторые тонкие остроты, как, например, следующие. Бывшего консула, Местрия Флора, который

убеждал его, что надо говорить plaustra (повозки), а не plostra, он на следующий день, здороваясь, назвал «Флауром». Когда одна женщина, уверявшая, что умирает от любви к нему, сумела навязаться ему в любовницы, и он за проведенную с нею ночь подарил ей четыреста тысяч сестерциев, то на вопрос управляющего, под какой статьей вписать эту сумму в расход, он ответил: «за пылкую страсть к Веспасиану». 23. Он умел также весьма кстати сказать греческие стихи; так, о вольноотпущеннике Церпле, который, будучи очень богат, в свое время старался избегать требований со стороны фиска и для этого переменил имя и стал называться Лахесом и выдавать себя за свободорожденного, он сказал:

ὦ Λάχης, Λάχης,
ἐπὰν ἀποθάνῃς, αὖθις ἐξ ἀρχῆς ἔσει
σὺ Κηρύλος [13].

Но в особенности прибегал он к острословию, когда дело шло о его неблаговидной наживе, причем остротой старался ослабить вызванную этим досаду и все обратить в шутку.

Один из его любимых слуг просил его дать место управляющего человеку, которого он выдавал за своего брата; Веспасиан отсрочил свой ответ и призвал к себе самого кандидата; взяв с него деньги, обещанные им своему ходатаю, он тотчас же дал ему назначение; когда же слуга напомнил ему об этом деле, он сказал: «Ищи себе другого брата, ибо этот, которого ты считаешь своим, на самом деле мой». Однажды в дороге он заподозрел, что погонщик, соскочивший якобы для ковки мулов, сделал

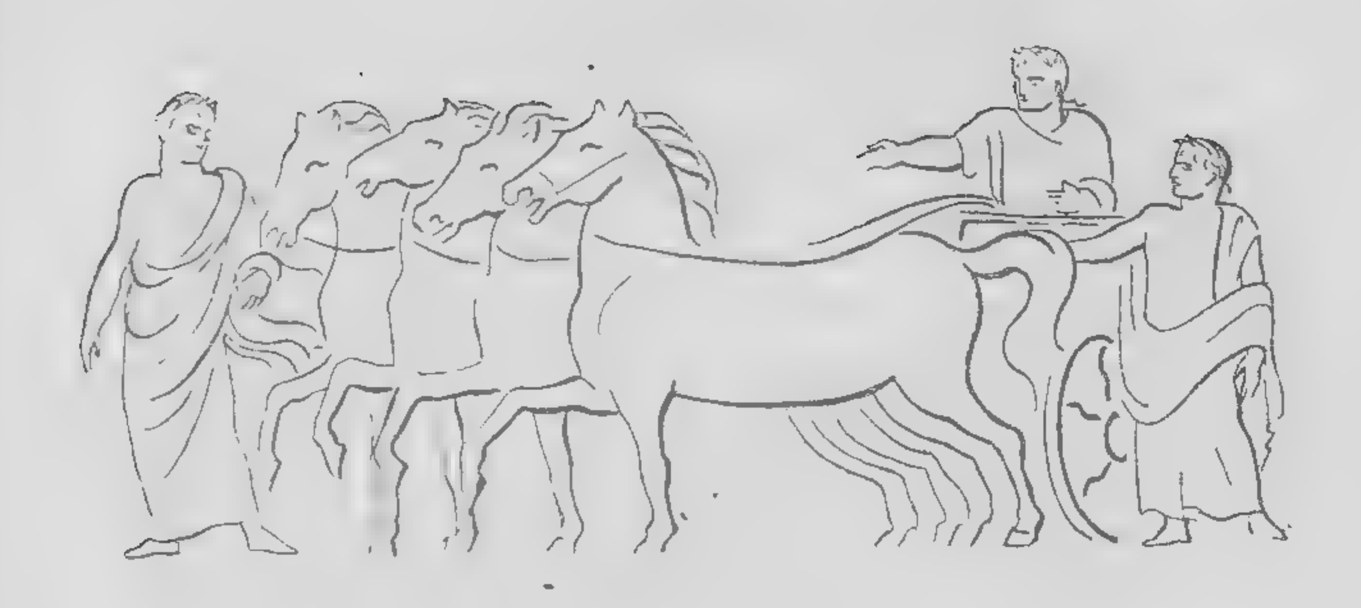
это в действительности, чтобы дать просителю возможность и время обратиться к нему со своим делом; поэтому он спросил его: «Сколько принесла тебе ковка?» и взял с него часть полученных им денег. Когда его сын Тит упрекал его за то, что он даже на мочу умудрился наложить пошлину, он поднес к его носу деньги, полученные при первом же платеже, и спросил, «ощущает ли он противный запах», и когда тот ответил отрицательно, сказал: «А ведь деньги-то от мочи». Когда депутаты одного города сообщили ему о решении поставить ему на общественный счет дорогостоящую колоссальную статую, он велел им ставить ее немедленно и, протянув пустую ладонь, сказал: «Подножие готово». Даже в страхе и опасности смерти он не переставал шутить. Так, когда, среди прочих знамений, внезапно открылись двери Мавзолея, а на небе появилась звезда с хвостом, он сказал, что первое знамение относится к Юнии Кальвине, принадлежавшей к роду Августа, а второе — к парфянскому царю, который носит длинные волосы. При первом же приступе смертельной болезни он сказал: «Увы, я, кажется, становлюсь богом» [14].

24. В свое девятое консульство, находясь в Кампании, он почувствовал легкие припадки этой болезни и тотчас же вернулся в Рим, а оттуда проследовал в Кутилии и в имение близ Реате, где обычно ежегодно проводил лето. Здесь, при усиливающейся болезни, он вследствие употребления холодной воды испортил себе еще и кишечник; тем не менее он, как обычно, выполнял свои обязанности императора

и даже выслушивал, лежа в постели, депутации; внезапно у него случился сильный понос, лишивший его сил. Тогда он объявил, что «император должен умереть на ногах», и пока старался подняться и опереться, скончался на руках поддерживавших его, 23 июня[15], имея от роду шестьдесят девять лет, один месяц и семь дней.

25. По общему мнению, он так твердо верил в определенное звездами назначение свое и своей семьи, что после неоднократно составлявшихся против него заговоров решился утверждать в сенате, что «ему наследуют либо сыновья, либо никто». Говорят, он видел однажды во сне весы, стоящие посреди вестибюля Палатинского дворца и находящиеся в равновесии, причем в одной их чашке были Клавдий и Нерон, в другой же он сам с сыновьями. Так и вышло: ибо те двое и он с сыновьями находились у власти равное количество лет.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТИТ



1. Тит, имевший то же прозвище, что и отец, нареченный также «любовь и отрада рода человеческого»,— столько было у него врожденного дара или ловкости или счастья для приобретения себе всеобщего расположения, притом, что в особенности трудно, уже на посту императора, тогда как частным лицом и в правление отца он не избежал даже ненависти, не только что порицания общества,— Тит родился 30 декабря, в год, памятный убийством Гая, близ Септизония[1], в плохоньком доме, в крохотной, темной спальне, которая еще существует и показывается посетителям.

2. Воспитывался он при дворе вместе с Британником, учился тем же наукам и у тех же учителей. Рассказывают, что в то время физиономист, которого вольноотпущенник Клавдия, Нарцисс, привел, чтобы показать ему Британника, с уверенностью заявил, что Британник, несомненно, императором не будет, зато будет им стоявший тут же Тит. Они были до того дружны, что, как говорят, и Тит, лежавший за обедом рядом с Британником, отведал напитка, от которого тот погиб, и потому долго страдал

тяжкой болезнью. Обо всем этом он помнил и позже поставил Британнику золотую статую во дворце и посвятил ему также другую конную статую из слоновой кости, которую и теперь еще носят в цирковой процессии,— причем сам следовал за нею.

3. Уже в отроке Тите проявились блестящие дарования, телесные и душевные, все более развивавшиеся на каждой новой возрастной ступени: прекрасная внешность, в которой было не меньше внушительности, чем грации; большая физическая сила, невзирая на невысокий рост и несколько выдающийся живот; исключительная память и восприимчивость ко всем почти гражданским и военным искусствам. Он был весьма ловок в фехтовании и верховой езде; языками, латинским и греческим, владел свободно и легко как в речи, так и в поэтических опытах, причем мог говорить и писать экспромтом; но и в музыке не был он профаном и умел играть и петь приятно и искусно. Многие говорили мне, что он с необычайной быстротой умел писать скорописью, когда для забавы состязался со своими писцами, и какой бы почерк он ни увидел, мог подражать ему, так что часто говорил, что «из него мог бы выйти величайший подделыватель документов».

4. Военным трибуном он служил в Германии и Британнии, причем весьма прославился как своей энергией, так не менее и своим бескорыстием: об этом свидетельствует множество его статуй и бюстов, а также надписей в обеих этих провинциях.

После военной службы он посвятил себя деятельности адвоката, в которой отличался не столько усердием, сколько безусловной порядочностью; в это же время он женился на Аррецине Тертулле, дочери римского всадника, однако бывшего раньше префектом преторианцев; когда же она умерла, он вторично женился на знатной женщине Марции Фурнилле; после рождения от нее дочери он развелся с нею.

Отбыв квестуру, он получил командование легионом и привел к покорности два сильно укрепленных города в Иудее[2]: Тарихеи и Гамалу: здесь в одном сражении под ним был убит конь; тогда он сел на другого, взятого из-под всадника, убитого рядом с ним в сражении.

5. Когда во главе республики стал Гальба, он был послан для принесения ему поздравлений и по всему пути привлекал к себе общее внимание, ибо думали, что он призван в Рим для усыновления его принцепсом. Узнав, что в Риме снова начались непорядки, он с дороги вернулся назад и посетил оракул Венеры на Пафосе, причем, вопросив его о своем дальнейшем плавании, получил ответ, укрепивший его надежду на достижение власти.

Надежда эта вскоре превратилась в действительность[3], и он был оставлен для завершения покорения Иудеи. При последнем штурме Иерусалима он убил двенадцать неприятельских солдат двенадцатью пущенными в них стрелами и взял город в день рождения своей дочери. В солдатах это возбудило такое ликование и любовь к нему, что, поздравляя его, они провозгласили его императором[4], а когда вслед за

тем он должен был покинуть провинцию, они стали не пускать его и с мольбами и даже угрозами просили либо остаться, либо всех их взять с собою. Это дало повод к подозрению, будто он пытался отложиться от отца и сделаться царем Востока; это подозрение усилилось, когда на пути в Александрию он, при посвящении у Мемфиса быка Аписа, надел на голову диадему, правда, согласно обряду древней религии; однако были и такие, которые объясняли это иначе. Поэтому он поспешил в Италию; пристав на грузовом корабле в Регие, а затем в Путеолах, он со всей поспешностью направился в Рим и, словно опровергая распространившиеся о нем беспочвенные слухи, приветствовал неожидавшего его отца словами: «Вот и я, отец, вот и я».

6. С этих пор он постоянно оставался соправителем Веспасиана и даже стражем его власти. Вместе с отцом он праздновал триумф и был с ним цензором, а также его коллегой в трибунской власти и семи консульствах. Он взял на себя почти все правительственные обязанности: от имени отца диктовал письма, составлял эдикты, вместо квестора читал в сенате его речи, даже занял должность префекта претория, на которую до тех пор назначались исключительно римские всадники, причем в этой должности действовал часто слишком деспотично и насильственно. Так, он без колебания устранял казавшихся ему подозрительными лиц, для чего предварительно подсылал в театры и лагери своих клевретов, которые инсценировали видимость общего мнения, требующего их наказания.

Между прочим, он приказал убить на месте бывшего консула Авла Цецину, когда последний, приглашенный к обеду, только что вышел из столовой; правда, здесь дело не терпело отлагательств, ибо при нем была найдена рукопись речи, приготовленной для произнесения на сходке солдат. Такими приемами он, правда, обеспечивал свою безопасность на будущее время, но пока что вызвал к себе чрезвычайную ненависть; и еще никто не приходил к власти с такой отрицательной репутацией, как Тит, и среди столь всеобщего нежелания видеть его принцепсом.

7. Помимо жестокости, находили, что он слишком любил пожить, так как его пиры с друзьями, первейшими кутилами, затягивались до глубокой ночи; не менее того подозревали его в сладострастии по причине содержимой им толпы мальчиков и евнухов и необычайной его любви к царице Беренике, на которой он, как говорили, обещал даже жениться; подозревали, наконец, его в алчности, ибо, как было известно, при судебных разбирательствах отца он обычно продавал приговоры за деньги. Словом, все, не скрывая, думали и говорили, что он будет вторым Нероном. Однако такая репутация послужила ему на пользу и сменилась впоследствии величайшими похвалами, ибо в нем не находили уже ни одного порока, а, напротив, величайшие добродетели.

Его пиры отличались более весельем, чем роскошью. Друзей он выбирал себе таких, что и последующие принцепсы дорожили ими, как людьми полезными для себя и для государ-

ства и весьма много пользовались их услугами. Он тотчас удалил Беренику из Рима, вопреки собственному своему и ее желанию. Хотя некоторые из наиболее ему любезных мальчиков достигли в искусстве танца такого совершенства, что стали сценическими знаменитостями, он перестал не только осыпать их своими милостями, но и смотреть их выступления в общественных местах.

Ни у кого он ничего не отнял; от чужой собственности он воздерживался, как никто другой, и не принимал даже дозволенных обычаем подарков. Тем не менее, щедростью он не уступал никому из своих предшественников; при посвящении амфитеатра[5], возле которого он в короткий срок построил бани, он дал блестящие и богато обставленные игры; он дал также морское сражение в старой навмахии и там же еще гладиаторский бой и травлю зверей, которых в один день было убито пять тысяч штук разного рода.

8. Между тем как по заведенному Тиберием правилу все Цезари утверждали пожалованные своими предшественниками милости только собственным новым пожалованием их тем же лицам, Тит, благожелательный по природе, все прежние милости утвердил сразу одним эдиктом, не допустив, чтобы по этому поводу к нему обращались с особыми просьбами. В остальном же, когда люди просили его о чем-либо, он твердо держался правила никого не отпускать необнадеженным. А когда близкие указывали ему, что он обещает больше, чем может дать, он отвечал, что «считает недопустимым, чтобы

кто-либо уходил после разговора с принцепсом опечаленным». Более того: когда однажды за обедом он вспомнил, что за весь день никому не сделал ничего хорошего, то произнес такие незабываемые и справедливо восхваляемые слова: «Друзья, я потерял день».

В особенности же был он при всяком случае предупредителен по отношению к народной массе; предполагая дать гладиаторский бой, он объявил, что «устроит его, сообразуясь со вкусом и желанием народа, а не своим собственным». Так он и сделал. Ибо он не только никому ни в чем не отказывал, но сам поощрял людей просить себя о чем угодно. Афишируя свое пристрастие к фракийским бойцам, он часто вступал из-за них с народом в шутливые пререкания словами и жестами, отнюдь не роняя при этом ни своего достоинства, ни беспристрастия. Не желая упустить ни одного случая приобрести популярность, он, моясь в своих банях, иногда допускал туда народ.

В его правление случилось несколько стихийных бедствий: таковы извержение Везувия в Кампании, пожар в Риме, длившийся три дня и три ночи, а также почти беспримерная по силе моровая язва. В этих столь многочисленных и столь значительных несчастиях он обнаружил не только заботливость правителя, но и редкое, чисто отеческое участие: он то утешал в эдиктах пострадавших, то оказывал им поддержку, насколько хватало его средств. Из числа бывших консулов он по жребию выбрал комиссию по восстановлению Кампании. Имущество погибших при извержении Везувия, у которых не

оказывалось наследников, он предоставил на дело восстановления потерпевших общин. После пожара Рима он всенародно объявил, что все причиненные огнем убытки берет на себя, и все украшения из своих загородных дворцов предоставил на постройку зданий и храмов и для скорейшего ее выполнения назначил во главе дела множество лиц всаднического сословия. Для ухода за здоровьем и облегчения болезней он привлекал все божеские и человеческие средства, причем испробовал все виды жертвоприношений и лекарств.

К числу бедствий этого времени принадлежали также доносчики и их подстрекатели — наследие былой разнузданности. Этих людей он часто подвергал наказанию плетьми и палками на форуме и, в конце концов, приказал, проведя с позором по арене амфитеатра, либо продать с публичного торга, либо сослать на самые дикие острова. А чтобы навсегда пресечь подобные попытки в будущем, он, между прочим, запретил одно дело подводить под действие нескольких законов и расследовать о состоянии какого-либо покойника спустя известное число лет.

9. Он обещал, что принимает сан великого понтифика только для того, чтобы сохранить свои руки чистыми от убийств [6], и сдержал это обещание; после этого он не был ни виновником, ни соучастником какого-либо убийства, хотя у него и не имелось недостатка в причинах для мести; однако он поклялся, что «скорее сам погибнет, чем кого-либо погубит». Когда два патриция были уличены в стремлении к импе-

раторской власти, он ограничился тем, что убеждал их оставить свои намерения, и старался внушить им, что «власть принцепса посылается судьбою»; при этом он обещал удовлетворить всякое другое их желание. Сверх того, он немедленно отправил своих курьеров к матери одного из них, находившейся далеко и обретавшейся в страхе, чтобы известить ее, что сын ее цел и невредим; обоих уличенных он не только пригласил к своему домашнему столу, но на следующий день, во время гладиаторского боя, нарочно посадил рядом с собою и сам передал им для осмотра принесенное ему оружие бойцов. Говорят, что он осведомился также о расположении звезд в час рождения каждого из них и заявил, что «обоим угрожает опасность, однако лишь в будущем и не от него», что впоследствии и сбылось.

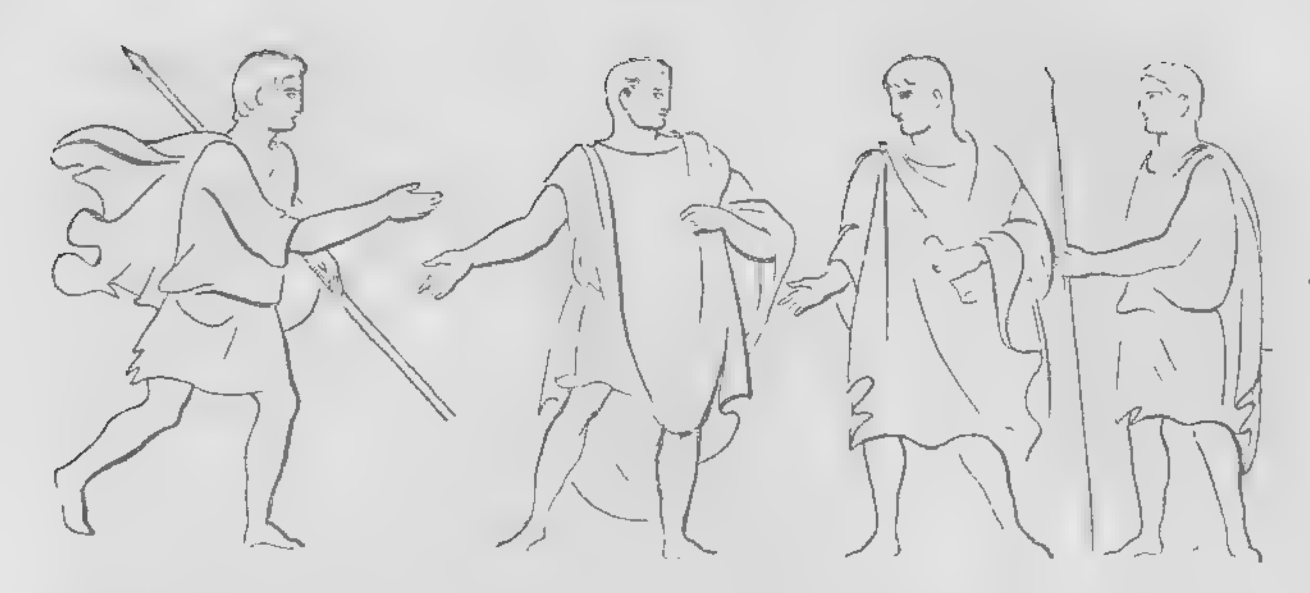
Его брат не переставал строить против него козни и почти открыто возмущал солдат и замышлял бегство; тем не менее, он не соглашался ни убить его, ни отправить в ссылку, ни даже держать его в меньшем почете, но с первого же дня своего правления не переставал доказывать ему, что видит в нем своего соправителя и наследника, и наедине часто со слезами умолял его «проявить, наконец, к нему, Титу, братское отношение».

10. Между тем, его внезапно похитила смерть — великое несчастие не для него, а для всех людей. По окончании зрелищ, в конце которых он на глазах народа проливал обильные слезы, он отправился в Сабину, полный печали, ибо во время жертвоприношения жерт-

венное животное вырвалось у него из рук, а при ясном небе раздался гром. На первой же остановке он заболел лихорадкой; когда оттуда его переносили в носилках, он взглянул через занавески на небо и горько пожаловался на то, что «судьба совершенно незаслуженно отнимает у него жизнь: ибо он не знает за собою поступков, в которых ему приходилось бы раскаиваться, за исключением лишь одного». Но что это был за поступок — он и сам не сказал в то время, ни другой кто мог бы догадаться. Некоторые думают, что он имел в виду свою связь с женою брата. Однако Домиция с клятвой торжественно отрицала какую-либо связь, чего она не сделала бы, если бы таковая существовала в действительности; скорее она хвалилась бы ею, как имела обыкновение хвастаться всяким своим распутством.

11. Тит скончался на той же вилле, что и его отец, 13 сентября[7], через два года, два месяца и двадцать дней по принятии власти после отца, на сорок втором году от рождения. Когда о смерти его стало известно, то печаль об этой утрате, понесенной государством, ощущалась всеми так сильно, словно это было личное семейное горе каждого. Еще до официального созыва сенаторы сбежались в курию и нашли двери запертыми; после их открытия они осыпали его столькими выражениями благодарности и хвалами, сколько не приносили ему при жизни в его присутствии.

ДОМИЦИАН



1. Домициан родился 24 октября, в год, в который отец его был назначен консулом [1], за месяц до его вступления в должность, в IV районе города, в квартале под названием «К Гранатовому дереву», в доме, который впоследствии он превратил в храм рода Флавиев. Отрочество и раннюю юность он, как говорят, провел в такой позорной нужде, что среди его утвари не было ни одного сосуда из серебра. Всем известно, что Клавдий Поллион, сенатор преторского ранга, на которого Нерон написал свою поэму «Лусцион», сохранял у себя и иногда показывал собственноручное письмо, где Домициан обещал ему одну ночь; были и такие, которые утверждали, что Домициан был обесчещен Нервой, ставшим впоследствии его преемником. Во время борьбы с Вителлием он вместе со своим дядей Сабином и частью бывших при них войск укрылся на Капитолий, но когда враги ворвались в него, а храм запылал, он провел ночь, спрятавшись у сторожа при храме, а на следующий день, утром, переодевшись в платье жреца Изиды, ускользнул среди служителей этого пустого суеверия;

в сопровождении одного спутника он отправился на другую сторону Тибра, к матери своего школьного товарища, и так хорошо спрятался, что его преследователям, несмотря на все поиски, не удалось его схватить. Лишь после победы он вышел из убежища, получил титул Цезаря и вступил в должность городского претора с консульской властью, но только по имени, ибо судебные обязанности он передал своему ближайшему товарищу по должности. Вообще же всю силу своей власти он использовал с таким произволом, что уже тогда показал, чем станет он в будущем. Опуская подробности, скажу лишь, что он оскорбительно обращался с женами многих лиц и потом вступил в настоящий брак с Домицией Лонгиной, женой Элия Ламии, и в один день роздал более двадцати служебных мест в Риме и вне его. По этому поводу Веспасиан заметил, что «он удивлен, как это Домициан и ему не прислал еще преемника». 2. Он затеял также совершенно бесполезную экспедицию в Галлию и Германию, не слушая отсоветований своих друзей, единственно для того, чтобы трудами и значением сравняться со своим братом.

За такое поведение он получил выговор, и, чтобы заставить его помнить свой возраст и положение, ему было предписано жить при отце, и когда отец и старший брат выезжали куда-либо, он следовал за ними в носилках, а в их совместном иудейском триумфе сопровождал их на белом коне. Из шести своих консульств он только одно имел ординарное, да и это только по просьбе брата, уступившего ему свое место.

Он и сам с удивительным искусством надел на себя личину скромности и прежде всего притворился увлеченным занятиями поэзией, которые раньше были ему совершенно чужды, а позже были с презрением заброшены; в это время он даже публично выступал с чтением стихов. Тем не менее, когда парфянский царь Вологез попросил у Веспасиана помощи против аланов и одного из его сыновей в качестве командира отряда, он всячески добивался этого назначения; а так как дело это вообще расстроилось, то он подарками и обещаниями старался побудить прочих восточных царей обратиться к Веспасиану с подобной же просьбой.

После смерти отца он долго колебался, не предложить ли ему двойной подарок солдатам, и всегда не стесняясь утверждал, что «отец оставил его соправителем брату, но что завещание было подделано»; с этих пор он не переставал тайно и явно строить козни брату, и, наконец, когда Тит захворал тяжким недугом, он уже до того, как тот испустил дух, приказал всем оставить его, словно уже мертвого. После же его кончины он не оказал ему никакой почести, кроме причисления к сонму богов, а в своих речах и эдиктах часто делал против него косвенные выпады.

3. В начале своего принципата он ежедневно один час оставался совсем наедине, причем не занимался ничем иным, как только ловил мух и накалывал их на чрезвычайно острый грифель; так что, когда кто-то спросил, есть ли кто-нибудь в комнате с Цезарем, Вибий Крисп весьма кстати дал ответ: «Нет даже и мухи». Свою

жену Домицию, от которой во второе его консульство родился сын, он на второй год после того поздравил титулом Августы; когда же она безумно влюбилась в актера Парида, он отверг ее, но в скором времени, чувствуя себя не в состоянии жить без нее, снова вернул ее к себе, якобы по требованию народа.

В управлении империей он некоторое время вел себя неодинаково, представляя равномерное соединение пороков и добродетелей, пока также и добродетели не превратились в пороки, и он, насколько можно предположить, помимо своих природных склонностей, стал алчным еще и по нужде, а жестоким от страха.

4. Он постоянно давал великолепные, роскошно обставленные зрелища, не только в амфитеатре, но и в цирке, где, помимо обычных состязаний колесниц парой и четверней, устроил также сражение двух видов: пешее и конное; кроме того, и морское в амфитеатре. Что же касается звериных травлей и гладиаторских боев, он устраивал их также и по ночам при лампах, причем дрались между собою не только мужчины, но и женщины. Кроме того, он всегда присутствовал на играх, даваемых квесторами, которые уже раньше вышли из употребления, но были им возобновлены, причем разрешал народу требовать еще две пары бойцов из его собственной школы и выпускал их на сцену последними в придворном боевом снаряжении. В продолжение всех гладиаторских игр у ног его стоял мальчик в одежде алого цвета, с маленькой уродливой головой, с которым он очень много разговаривал, иногда о серьезных вещах.

По крайней мере, однажды слышали, как он спросил его, «знает ли он, почему при последнем распределении должностей он решил назначить префектом Египта Меттия Руфа». Он давал также морские сражения с участием почти настоящих флотов, для чего подле Тибра было выкопано озеро, обнесенное вокруг местами для зрителей, и, несмотря на сильнейшие дожди, он смотрел это зрелище до самого конца.

Домициан устроил также Секулярные игры, вычислив время не с того года, когда они были в последний раз при Клавдии, но с года, когда они были при Августе; на этих играх, в день цирковых состязаний он, чтобы можно было сделать сто скачек, каждую скачку с семи пробегов сократил до пяти.

Он учредил также повторяющиеся каждые пять лет состязания в честь Юпитера Капитолийского из трех отделений: музыкального, конских скачек и гимнастического, причем наград тогда выдавалось гораздо больше, чем теперь, ибо на них устраивался конкурс прозаических произведений на латинском и греческом языках, а помимо певцов, состязались также исполнители на цитре с пением и без пения, а на стадионе состязались в беге также девушки. На играх он председательствовал обутый в крепиды[2] и одетый в греческий пурпурный плащ, имея на голове золотой венок с изображениями Юпитера, Юноны и Минервы; рядом с ним сидел жрец Юпитера и коллегия Флавиевых жрецов в такой же, как он сам, одежде, с тем лишь различием, что на их венках находилось еще и его собственное изобра-

жение. В своем поместье у Альбанской горы он ежегодно совершал праздник Квинкватр[3] в честь Минервы, для которой он создал коллегию жрецов; из их среды по жребию назначались магистры коллегии, которые должны были устраивать блестящие травли зверей, сценические представления и состязания ораторов и поэтов.

Он трижды дал народу денежный подарок по триста сестерциев на человека и богатое угощение во время гладиаторских игр. В праздник Септимонция он роздал сенаторам и всадникам хлебные корзины, а народу — плетенки с угощением, и сам первый принялся за еду; на следующий день он велел разбрасывать всякие подарки, и так как большая часть их попала в места простого народа, то он объявил, что прибавит еще на каждый сектор всаднических и сенаторских мест по пятьдесят марок на получение таких подарков.

5. Он восстановил множество превосходных зданий, уничтоженных огнем, между прочим Капитолий, который горел еще раз; однако всюду на надписях он поставил лишь свое имя, не упомянув ни словом о прежних строителях этих зданий. Он воздвиг также новый храм Юпитеру Охранителю в Капитолии, построил форум, теперь носящий название Нервы, а также храм рода Флавиев, стадион, Одеон[4] и навмахию; из ее камней позже был отстроен Большой цирк, обе стороны которого были уничтожены пожаром.

6. Военные экспедиции он предпринимал частью добровольно, частью по нужде: добро-

вольно — против племени хаттов, по нужде же — одну против сарматов, уничтоживших римский легион с легатом; две — против даков: первую после поражения бывшего консула, Оппия Сабина, вторую после поражения Корнелия Фуска, префекта преторианцев, которому он поручил главное командование в этой войне. После сражений с неодинаковым исходом против хаттов и даков он отпраздновал двойной триумф, а по окончании войны с сарматами он ограничился поднесением лаврового венка Юпитеру Капитолийскому.

Гражданская война, начатая правителем Верхней Германии, Люцием Антонием, была в его отсутствие покончена, благодаря какому-то чудесному счастью, ибо в самый момент сражения лед на Рейне внезапно растаял, что помешало войскам варваров перейти к Антонию. Об этой победе он узнал раньше на основании знамений, нежели из непосредственных донесений, ибо в самый день сражения огромный орел охватил крыльями его статую в Риме и стал издавать радостные крики, а вскоре за тем разнесся слух об убийстве Антония, настолько определенный, что многие утверждали, будто видели, как привезли его голову.

7. Домициан ввел много нового в общественный быт: он уничтожил денежные выдачи и восстановил обычай полных публичных обедов [5]; к прежним четырем партиям цирка он прибавил еще две, с перевязью золотистого и пурпурного цветов; он запретил мимическим актерам выступать на сцене, однако разрешил им показывать свое искусство в частных домах; запретил кастрировать мужчин, а цену на ев-

нухов, еще остававшихся у работорговцев, понизил. Когда в одном году оказалось большое изобилие вина и большой недостаток хлеба, он решил, что чрезмерное увлечение виноделием ведет к небрежению хлебопашеством, и издал эдикт, чтобы в Италии больше не заводили новых виноградников и чтобы в провинциях они были уничтожены, причем оставить разрешалось, самое большее, половину; однако на выполнении этого проекта он не настаивал до конца. К некоторым из важнейших должностей он допустил вольноотпущенников и римских всадников. Он запретил соединять в одном лагере по два легиона, запретил также солдатам депонировать в денежном ящике более тысячи сестерциев собственных денег. Дело в том, что Люций Антоний задумал свое восстание в лагере, где были соединены на зимовку два легиона, и надежду на успех получил, повидимому, благодаря большой сумме солдатских вкладов. Домициан увеличил также жалованье солдатам на три золотых в качестве четвертого платежа в течение года.

8. Он прилежно и тщательно занимался судопроизводством, большею частью на форуме в трибунале, в чрезвычайном порядке. Он кассировал пристрастные решения центумвиров [6]; неоднократно напоминал рекуператорам [7], чтобы они не удовлетворяли неосновательных притязаний рабов на освобождение; подкупных судей подвергал бесчестию вместе с их советом. Он побудил также народных трибунов обвинить во взяточничестве одного лихоимца эдила и потребовать от сената назначения суда над ним. Он

с таким усердием сдерживал своеволие городских магистратов и провинциальных наместников, что никогда они не были более сдержанны и справедливы; а между тем, после него большинство из них навлекло на себя обвинение во всевозможных преступлениях. Он принялся также за исправление нравов и прекратил своеволие, которое публика позволяла себе в театре, занимая как попало отведенные для всадников места; публично распространяемые пасквили, затрагивавшие первых в государстве лиц, также и женщин, он изъял из обращения, подвергнув бесчестию их авторов. Бывшего квестора, со страстью предававшегося мимическому искусству и танцам, он исключил из сената. Женщинам дурного поведения он запретил пользоваться носилками и лишил их права получать легаты [8] и наследства; одного римского всадника он вычеркнул из списка судей за то, что тот возобновил брачную связь с женой, которой раньше дал развод за прелюбодеяние. Многих членов двух высших сословий он осудил на основании Скантиниева закона [9]. Дев-весталок за потерю девственности, на что его отец и брат смотрели сквозь пальцы, он наказывал различным образом и строго, сначала обыкновенною казнью, а позже по старинному обычаю [10]. Действительно, сестрам Окулатам и Варонилле он позволил самим выбрать себе род смерти, а их соблазнителей отправил в ссылку; напротив, позднее он приказал закопать живой старшую весталку Корнелию, которая уже раньше была оправдана, а теперь после долгого промежутка времени снова привлечена к суду и осуждена;

соблазнителей же ее приказал засечь до смерти в комиции, за исключением одного бывшего претора, которому позволил уйти в изгнание, ибо его дело и теперь оставалось сомнительно, а допрос и пытка не дали ясных указаний, хотя он и признал себя виновным. А чтобы не оставлять безнаказанным осквернение религиозной святыни, он приказал солдатам разрушить гробницу, которую его же вольноотпущенник соорудил своему сыну из камней, предназначенных для храма Юпитеру Капитолийскому, а кости и пепел, в ней находившиеся, приказал выбросить в море.

9. Вначале он питал такое отвращение ко всякому пролитию крови, что еще во время отсутствия Веспасиана, вспомнив стих Виргилия

... раньше
Чем нечестивый народ быков стал заклать себе
в пищу [1]

хотел издать эдикт, запрещающий приносить в жертву быков. Как частным еще человеком, так и принцепсом он не подавал даже повода подозревать себя в алчности или скупости,— напротив, часто доказывал на деле не только свое бескорыстие, но и щедрость. Будучи весьма щедр по отношению ко всем своим приближенным, он прежде всего и настойчивее всего убеждал их не марать себя корыстолюбием. От лиц, имевших детей, он не принимал наследства по их завещанию. Он объявил недействительной статью завещания Русция Цепиона, согласно которой его наследник должен был ежегодно выплачивать известную сумму денег всем вступающим в курию сенаторам [12]. Обвиняемых,

имена которых были вывешены в эрарии[13] за пять лет перед тем, он объявил свободными от преследования и разрешил снова привлечь к суду в течение одного года, лишь с тем условием, чтобы обвинитель, проигравший процесс, в наказание шел в изгнание. Квесторским писцам, которые, правда, по обычаю, но в нарушение закона Клодия[14], занимались торговлей, он простил занятие ею в прошлом. Разбросанные в разных местах излишки земельной площади, оставшиеся после наделений ветеранов, он отдал прежним владельцам по праву давности пользования. Ложные доносы, якобы в интересах императорской казны, он прекратил суровыми мерами против доносчиков, причем большую известность получили его слова: «Принцепс, который не карает доносчиков, этим самым их поощряет».

10. Однако Домициан не остался верен ни милосердию, ни воздержанию, но изменил им, и все же он гораздо раньше стал проявлять жестокость, нежели алчность. Он убил ученика Парида, еще несовершеннолетнего и в то время как раз больного, за то, что своим искусством и наружностью он напоминал учителя[15]. Он убил также Гермогена из Тарса[16] за некоторые намеки в его истории, а переписчиков, изготовлявших копии этой истории, распял на кресте. Одного почтенного человека, который на гладиаторских играх сказал про гладиатора-фракийца, что тот не уступит мирмильону, но принужден уступить самому устроителю игр, он приказал из зрительного зала стащить на арену и бросить на растерзание собакам, повесив ему

на шею такую надпись: «Этот щитоносец виновен в оскорблении величества»[17].

Он погубил множество сенаторов, среди них несколько бывших консулов; между прочим, Цивику Цереала в должности проконсула Азии, Сальвидиена Орфита и Ацилия Глабриона в ссылке за то, что они якобы задумывали государственный переворот, прочих же — под самыми ничтожными предлогами. Так, Элия Ламию он убил за шутки, правда, двусмысленные, однако невинные и сказанные давно: когда Домициан отнял у него жену, то он так ответил кому-то, хвалившему его голос: «Я ведь воздерживаюсь», а когда Тит уговаривал его жениться вторично, он ответил по-гречески: μη καί συ γαμῆσαι θέλεις»[8]. Сальвиния Кокцеяна он убил за то, что тот праздновал день рождения императора Отона, приходившегося ему дядей, а Меттия Помпузиана — за то, что повсюду говорили, будто по его гороскопу ему предназначено стать императором, и за то, что он носил с собою карту всей земли, нанесенную на пергамент, и списки речей царей и полководцев, взятые из Тита Ливия, а двум своим рабам дал имена Магона и Аннибала; легата Британнии, Саллюстия Лукулла, он убил за то, что тот позволил дать название лукулловских копьям нового образца, а Юния Рустика — за то, что тот издал речи в похвалу Пету Тразее и Гельвидию Приску и назвал их «мужами незапятнанной честности»; этим преступлением Домициан воспользовался как предлогом, чтобы удалить всех философов из Рима и Италии. Он убил также Гельвидия-сына за то, что тот

в Ателланской комедии под видом Париса и Эноны[19] делал якобы оскорбительные намеки на собственный его развод с женою; одного из двух своих двоюродных братьев, Флавия Сабина, он убил за то, что в день консульских выборов глашатай по ошибке провозгласил его выбранным не в консулы, но в императоры.

Но после победы в гражданской войне с Антонием он сделался гораздо свирепее и многих лиц враждебной партии во время розысков ее тайных сообщников мучил новым видом пытки, обжигая им огнем детородный член; некоторым же он отрубал руки. Как известно, из более видных лиц он пощадил только двух: трибуна сенаторского ранга и центуриона, которые, чтобы легче доказать свою невиновность, объявили себя противоестественными развратниками, что должно было исключать какое бы то ни было значение их как в глазах полководца, так и в глазах солдат.

11. Жестокость Домициана не только не знала границ, но и носила характер скрытой хитрости и непредвиденного каприза. Одного казначейского служащего, перед тем как распять его на кресте, он позвал к себе в спальню, усадил рядом с собою на ложе и отпустил от себя успокоенного и веселого, одарив еще гостинцем от своего стола. Решив казнить бывшего консула, Арреция Клемента, одного из своих друзей и шпионов, он продолжал выказывать ему прежнее или даже еще большее благоволение, вплоть до того, что в последний раз, прогуливаясь вместе с ним в носилках и увидев человека, сделавшего на него донос, сказал ему: «Не хо-

чешь ли вместе со мной допросить завтра этого мерзавца раба?»

А чтобы издевательством еще более истощить человеческое терпение, он никогда не произносил сурового приговора, не предпослав ему милосердного предисловия; таким образом, самая мягкость вступления являлась тем более верным признаком страшного конца. Он представил на суд сената нескольких обвиненных в оскорблении величества и, заявив предварительно, что «нынче намерен испытать, сколь дорог он сенату», легко добился того, что обвиняемых осудили на казнь даже по обычаю предков [20]. Но затем, устрашенный жестокостью казни, он такими словами решил смягчить возбужденную против себя ненависть (здесь не лишнее будет привести эти слова доподлинно): «Позвольте, отцы сенаторы, обратиться к вам, во имя вашей любви ко мне, с просьбой, исполнения которой, как я знаю, мне не легко будет добиться, а именно, снисходя к осужденным, предоставьте им свободный выбор способа смерти; таким образом вы избавите ваши глаза от ужасного зрелища, и в то же время все поймут, что я присутствовал на заседании сената».

12. Истощив свои средства расходами на постройки и зрелища, а также на повышенное им жалованье армии, он попытался, в целях сокращения военных расходов, уменьшить число солдат. Однако он заметил, что таким образом подвергает себя опасности нападения варваров и все же не избавляется от денежных затруднений. Тогда он решил, не считаясь ни с чем, грабить всевозможными способами. Иму-

щества живых и мертвых захватывались повсюду, с помощью какого угодно обвинителя и по какому угодно обвинению. Было достаточно назвать любое действие или слово, задевающее величество императора. Конфисковались наследства, к которым принцепс не имел никакого отношения, если являлся хоть один свидетель, утверждавший, что он слышал от покойного при жизни, что его наследником является Цезарь. В особенности сурово взыскивалась подать с иудеев. Ей подлежали те, которые, не объявляя себя иудеями, жили согласно иудейскому обычаю, а также те, которые, скрыв свое происхождение, уклонялись от уплаты наложенной на это племя подати. Я помню, что в ранней юности сам присутствовал при том, как прокуратор вместе с многочисленным составом суда свидетельствовал девяностолетнего старика, был ли тот обрезан.

С самой юности был он чрезвычайно неприветлив, даже заносчив и невоздержан, как в словах, так и в поступках. Когда наложница его отца, Ценида, по возвращении из Истрии хотела, как обычно, поцеловаться с ним, он протянул ей для поцелуя руку. Негодуя на то, что и зять его брата тоже одевал свою прислугу в белое, он воскликнул:

οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη[21].

13. Когда же он стал принцепсом, то не задумался хвастать в сенате, что и отцу и брату власть дал он, они же лишь вернули ее ему; не постеснялся он также заявить в эдикте по поводу возвращения своей жены после раз-

вода, что он «снова призвал ее на свое божественное ложе». В день угощения в амфитеатре ему доставляло удовольствие, если народ кричал: «Да здравствуют государь и государыня!» Когда же во время состязаний в честь Юпитера Капитолийского все присутствующие с удивительным единодушием просили его восстановить в звании Палфурия Суру, некогда изгнанного из сената, а теперь получившего победный венок в состязании ораторов, он не удостоил народ ответа и ограничился тем, что через глашатая приказал ему замолчать. С тем же высокомерием он, диктуя формуляр письма от имени своих прокураторов, начал его так: «Наш государь и бог приказывает следующее...» С этих пор было принято, чтобы ни письменно, ни устно никто не называл его иначе. Он позволил ставить себе статуи в Капитолии только золотые и серебряные и притом определенного веса. В различных частях города он настроил такое количество ворот и арок с четверками и триумфальными украшениями, что на одной из них была сделана кем-то надпись по-гречески: «Достаточно!» Консулом он был семнадцать раз, как до него еще никто; семь средних консульств занимал без перерыва, все же вообще он отбывал только по имени и ни разу не оставался в должности дольше 1 мая, большею же частью до 13 января. После двух своих триумфов он принял прозвище Германика и месяцы сентябрь и октябрь переименовал по своим именам в Германик и Домициан, ибо в первом месяце он вступил во власть, а во втором — родился.

14. Вследствие всего этого, страшный и ненавистный для всех, он был, наконец, убит посредством заговора его интимнейших друзей и вольноотпущенников, при участии также и жены. Насчет года и дня, ставших последними в его жизни, он уже раньше имел предчувствие, равно как и насчет часа своей смерти и самого ее рода. Все предсказали ему еще в юности халдеи. Также и отец открыто посмеялся над ним однажды за обедом, когда он не стал есть грибов, сказав, что он не знает своей судьбы, если не опасается скорее кинжала. Поэтому всегда он был в страхе и беспокойстве и сверх всякой меры волновался даже при малейшем подозрении. Думают, что он не настаивал на выполнении своего эдикта об истреблении виноградников главным образом потому, что в народе была распространена книжка с такими стихами:

κἄν με φάγῃς ἐπὶ ῥίζαν, ὅμως ἔτι καρποφορήσω,
ὅσσον ἐπισπεῖσαι σοί, τράγε, θυομένῳ.

Вследствие этого же страха он отказался принять от сената новую, придуманную для него почесть, как ни любил все подобные отличия: сенат было постановил, чтобы всякий раз, как он будет консулом, римские всадники, избранные по жребию, в своих парадных одеждах шли впереди его с копьями среди ликторов и прочих слуг.

По мере того, как приближалось время предполагаемой опасности, он становился с каждым днем все озабоченнее: стены портиков, в которых он обычно гулял, он приказал отделать зеркальным камнем, чтобы видеть отраженным в его блеске то, что происходило у него за

спиной. Многих заключенных он допрашивал только секретно и один, схватив руками их оковы. Дабы внушить своим домашним, что даже, следуя хорошему примеру, не должно посягать на жизнь своего патрона, он осудил на смерть Неронова секретаря по прошениям, Эпафродита, ибо думали, что последний после низложения Нерона помог ему наложить на себя руки. 15. Наконец, он убил своего двоюродного брата, Флавия Клемента, — человека, обесславившего себя постыдной бездеятельностью, сыновей которого, тогда еще маленьких, он открыто предназначил себе в преемники и взамен их прежних имен назвал одного Веспасианом, другого Домицианом; убийство это было совершено внезапно, на основании самого ничтожного подозрения, почти что во время отбывания Флавием консульства. Этим поступком Домициан всего более ускорил свою гибель.

В течение восьми месяцев подряд столько раз падала молния в Риме и столько раз приходили о ней сообщения с разных сторон, что Домициан, наконец, воскликнул: «Пусть же она поражает, кого хочет!» Молния ударяла в Капитолий и в храм рода Флавиев, кроме того во дворец, и именно в его собственную спальню, а порывом ветра с подножия его триумфальной статуи была сорвана надпись и брошена на стоящий рядом памятник. Дерево, которое упало и снова поднялось, когда Веспасиан был еще частным лицом, теперь снова внезапно упало. Пренестинская богиня счастья, охране которой он все время своего правления препоручал новый год и которая обычно давала всегда тот же

благоприятный ответ. в последнем году дала ответ очень печальный, даже с упоминанием крови.

Он увидел во сне, что Минерва, которую он суеверно чтил, вышла из святилища и сказала, что она больше не может его охранять, ибо обезоружена Юпитером. Но ничто не взволновало его в такой степени, как ответ и судьба астролога Асклетариона. На него поступил донос, что он разглашает то, что узнает благодаря своему искусству, чего он и не отрицал; когда Домициан спросил его, какой же конец ожидает его самого, Асклетарион заявил, что его вскоре разорвут собаки. Домициан приказал немедленно его убить, но чтобы доказать пустоту его искусства, приказал также похоронить его самым тщательным образом. Во время погребенья случилось, что внезапный ураган развалил костер и полусожженный труп был растерзан собаками. Об этом рассказал императору за обедом среди прочих сплетен для мимический актер Латин, проходивший мимо и видевший все случившееся.

16. Накануне дня его гибели ему предложили к обеду трюфели, он же приказал поберечь их до завтра и прибавил: «если только мне позволено будет их съесть», и, обратясь к окружающим, заявил, что «завтра луна, вступая в созвездие Водолея, покроется кровью, и произойдет событие, о котором будут говорить по всей земле». Около полуночи он вдруг так испугался, что вскочил с ложа. Затем утром он выслушал и приговорил к смерти присланного из Германии гаруспика, который, будучи запро-

шел об ударе молнии, предсказал государственный переворот. Тут он нечаянно содрал у себя на лбу нарвавший прыщ, из него потекла кровь, и он воскликнул: «Хорошо, если бы этим дело и ограничилось!» Затем он спросил, который час; вместо пятого часа, которого он опасался, ему умышленно назвали шестой. Обрадованный этим, словно опасность миновала, он поспешил было заняться массажем и туалетом, но его главный спальничий, Парфений, остановил его, объявив, что кто-то явился к нему с важным сообщением, не терпящим отлагательства. Таким образом, удалив от себя всех, он один вернулся в спальню и там был убит.

17. О том, как убийство было задумано и выполнено, известно приблизительно следующее. Между тем как заговорщики колебались, когда и как им напасть на Домициана, во время ли мытья или во время обеда, Стефан, управляющий Домициллы, обвиненный тогда в растрате, дал им совет и оказал содействие. Чтобы отвести от себя всякое подозрение, он в течение нескольких дней, словно у него болела левая рука, перевязывал ее шерстяными повязками и в назначенный час спрятал в них кинжал; затем он объявил, что может сделать сообщение о заговоре, и по этой причине был допущен к императору; когда тот читал переданное им письмо и был ошеломлен его содержанием, он пронзил ему живот. Когда, несмотря на рану, Домициан начал защищаться, на него напали секретарь Клодиан, вольноотпущенник Парфения Максим, старший спальничий Сатур, а также один гладиатор. Семью ударами он был убит.

Мальчик, состоявший в услужении при культе ларов и находившийся, как обычно, в спальне, оказался свидетелем убийства: он рассказывал еще, что Домициан, едва получив первую рану, приказал ему достать кинжал, спрятанный под подушкой, и позвать слуг; но под подушкой он нашел только рукоять, а все двери оказались запертыми. Тем временем Домициан, схватив и повалив Стефана на пол, долго боролся с ним, стараясь то отнять у него кинжал, то вырвать ему глаза своими порезанными пальцами.

Он был убит 18 сентября, на сорок пятом году жизни, в пятнадцатый год правления[23]. Его труп в простом гробу вынесли могильщики, а его кормилица, Филлида, похоронила его в подгородном имении у Латинской дороги, но пепел тайно отнесла в храм рода Флавиев и смешала с пеплом дочери Тита, Юлии, которая тоже была ее питомицей.

18. Домициан был высок ростом, имел лицо скромное, с ярким румянцем; глаза у него были большие, но несколько близорукие; был он также красив и хорошо сложен, особенно в юности, притом во всех частях тела, за исключением ног, коих пальцы были слишком коротки. Позднее его обезобразили плешь, слишком толстый живот и тощие ноги; впрочем, они исхудали у него от долгой болезни. Он отлично знал, что скромное выражение его лица располагает в его пользу, и потому однажды самодовольно заявил в сенате: «До сих пор, по крайней мере, вам нравились и моя душа и мое лицо». Его до того огорчала собственная плешивость, что, если упоминали о чьей-либо чужой плеши в

шутку или в упрек, он принимал обиду на свой счет; впрочем, он издал книжку «Об уходе за волосами», посвященную другу; в ней он, утешая его и себя, между прочим говорит:

οὐχ ὁράᾳς, οἷος κἀγὼ καλός τε μέγας τε [24];

«Однако мои волосы ожидает та же судьба, и я мужественно переношу одряхление их уже в юношеском возрасте. Знай, что нет ничего приятнее, но и ничего недолговечнее, чем красота».

19. Выносливостью он не отличался и неохотно ходил пешком даже по городу, а в походе в строю редко ехал верхом на коне,— напротив, часто его несли в носилках. Он совсем не занимался фехтованием, но главным образом упражнялся в стрельбе из лука, и, когда уединялся в своем Альбанском поместье, многие видели, как он сотнями убивал разных зверей, причем нарочно так поражал их в голову, что две стрелы торчали, точно рога. Иногда он ставил на далеком расстоянии мальчика, который в качестве цели подставлял ладонь правой руки с растопыренными пальцами; он с таким искусством пускал стрелы, что все они проходили в промежутках между пальцами, не задевая их.

20. В начале правления он относился равнодушно к занятиям свободными науками; однако он приказал с большими издержками восстановить библиотеки, уничтоженные пожаром, для чего отовсюду собирались копии книг, а в Александрию были посланы лица с поручением произвести переписку книг и исправление их текстов.

Однако он никогда не занимался ни чтением исторических или поэтических произведений, ни собственными стилистическими упражнениями, хотя бы в границах необходимого. Он ничего не читал, кроме «Записок» и «Отчетов о деяниях» Тиберия Цезаря. Составление своих писем, речей и эдиктов он поручал другим. Однако стиль его собственной речи был не лишен изящества, а изречения были иногда замечательны. «Я хотел бы быть таким красавцем, каким считает себя Меций», сказал он однажды. Голову одного человека, у которого волосы были красноватого цвета и с проседью, он назвал «винно-медовым напитком, смешанным со снегом». 21. Он говорил, что «участь принцепсов в высшей степени несчастна, ибо их словам о существовании заговора верят лишь тогда, когда их уже убьют».

Все свободное время, даже в будни и по утрам, он забавлялся игрою в кости; днем он мылся, а за завтраком наедался до того, что за обедом съедал только матианское яблоко и выпивал маленькую бутылку вина. Он часто задавал пиры и не жалел на них расходов, но проводил их как-то поспешно; они длились не позже захода солнца и не сопровождались попойкой. Ибо перед сном он ничего не делал, кроме как прогуливался один в уединении.

22. Он был чрезмерно сластолюбив: свои ежедневные сношения он называл «постельной борьбой», словно это было гимнастическое упражнение. О нем говорили, будто он сам выщипывал волосы у своих наложниц и купался с самыми непотребными проститутками. Дочь сво-

его брата, еще девицей предложенную ему в жены, он упорно отвергал, ибо был связан браком с Домицией, но вскоре потом, когда она вышла за другого, он сам соблазнил ее еще при жизни Тита. Позже, когда она лишилась отца и мужа, он страстно полюбил ее и не скрывал своей любви, причем, как говорят, он же был причиной ее смерти, ибо принудил ее сделать выкидыш, когда она от него забеременела.

23. К его убийству народ отнесся равнодушно; напротив, солдаты негодовали и тотчас попытались провозгласить его Божественным; они были также готовы отмстить за него, да не нашлось вождя; однако вскоре они все же отмстили, настояв на том, чтобы убийцы были казнены. Напротив, сенаторы до такой степени радовались, что, сбежавшись в курию, без всякого удержу клеймили покойника самыми бранными и злобными эпитетами. Сенат приказал также принести лестницы и, в своем присутствии, убрать отовсюду медальоны с барельефными его изображениями и бюсты и тут же разбить их о землю, а напоследок постановил стереть надписи с его именем и уничтожить его память.

За несколько месяцев до его убийства ворона на Капитолии прокричала по-гречески: ἔσται! Πάντα καλῶς! [23]. Кто-то переложил это предсказание стихами:

Недавно на скале
Тарпейской севший ворон
Сказал, что «будет хорошо»,
Ибо сказать не мог,
Что «хорошо уже теперь».

Как говорят, сам Домициан видел во сне, что сзади у него вырос золотой горб; он был уверен, что это предвещает государству наступление после него счастливого и радостного века. Это вскоре и сбылось благодаря бескорыстию и умеренности последующих принцепсов.

КОММЕНТАРИИ

Краткие сведения о государственных учреждениях Рима

В эпоху республики государственная власть сосредоточивалась в трех учреждениях: народном собрании, магистратуре (должностные лица) и сенате.

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ (КОМИЦИИ)

состояло из всех взрослых (старше 18 лет) полноправных граждан мужского пола. Фактически в нем могло присутствовать лишь население Рима и ближайших окрестностей. Народное собрание голосовало законы, избирало должностных лиц (магистратов), решало вопросы войны и мира и являлось высшей апелляционной судебной инстанцией.

Номинально обладавшее верховной государственной властью, народное собрание, благодаря примитивности форм своей организации и деятельности (в особенности отсутствию законодательной инициативы и возможности обсуждать законопроекты), фактически находилось в полной зависимости от должностных лиц, в нем председательствовавших.

МАГИСТРАТУРА

сосредоточивала в своих руках всю полноту исполнительной гражданской и военной власти. Общим при-

знаком всех видов регулярной магистратуры были *выборность, срочность* (обычно на один год) и *коллегиальность* (два или несколько лиц в той же должности).

Консулы,

числом два, - древнейшая магистратура республики, преемница царской власти после ее отмены (по преданию, в 510 г. до н. э.). Консулы — высшие должностные лица, представители государства внутри и во-вне—созывали народное собрание и сенат, руководили их заседаниями, могли вмешиваться в ведомство всех прочих магистратов (кроме диктатора и народных трибунов), были верховными командирами армии. По имени консулов каждого года римляне вели летосчисление. Бывший консул на всю жизнь сохранял титул *консуляра*.

В случае необходимости сосредоточить исполнительную власть в одних руках, чаще всего в моменты чрезвычайной военной опасности, по поручению сената одним из консулов назначался

диктатор,

на шесть месяцев, по истечении которых его полномочия теряли силу автоматически. Он сам назначал себе помощника, *начальника конницы*. Диктатору беспрекословно подчинялись все остальные магистраты, в его лице на время воскресала царская власть. К концу республики диктатура совершенно перестала применяться. Диктатура Суллы и позднее Цезаря имела совершенно иной характер, означая, в сущности, узурпацию верховной власти одним лицом. Поэтому Август, тщательно избегавший внешности монархии, так решительно отказался принять ее (ср. «Божественный Август», гл. 52).

В ряду *регулярных* магистратур второе место после консулов занимали

преторы,

в конце республики в числе восьми. Два из них— *городской* и претор *для суда над иностранцами*—имели

преимущественно судебные функции (назначение судей и комиссий присяжных, издание *эдикта*, модифицирующего право в применении к судебной практике), кроме того, в отсутствие консулов замещали их (также и в их военных функциях). Остальные преторы избирались для управления провинциями, где имели военную и судебную власть.

Эдилы,

в числе четырех (два—*курульных*, два—*плебейских*), ведали полицию, городское благоустройство, снабжение Рима продовольствием, а также зрелища и игры для народа.

Квесторы,

первоначально в качестве помощников консулов, заведывали казною, отправляли также некоторые судебные функции. В конце республики (когда их было 20) большинство из них служило в провинциях под начальством полководцев, в качестве их казначеев и заместителей в командовании.

Несколько особое положение среди магистратуры занимали

народные трибуны,

числом десять,—должность, возникшая в самом начале республики, в эпоху борьбы между *патрициатом* (аристократией) и *плебсом* (народной массой). Первоначально их назначением было защищать интересы как отдельных плебеев, так и всего сословия от произвола патрицианских консулов. Их особа считалась «*священной и неприкосновенной*». Они имели право *интерцессии*, т. е. наложения запрета («*вето*») на все распоряжения прочих магистратов (кроме диктатора). Задолго до конца республики они превратились в регулярную магистратуру, одну из ступеней должностной карьеры. Трибуны могли созывать сенат и председательствовать в нем: чрез их посредство сенат нередко оказывал воздействие на других магистратов, даже на консулов. Вместе с Гракхами воскрес былой революционный характер этой должности. Реакция

Суллы лишила ее почти всякого значения. После отмены законов Суллы, в последние десятилетия республики трибуны превратились в агентов и клевретов могущественных полководцев, стремившихся к власти.

Занимать эту должность могли одни плебеи: для патриция она становилась доступной только при условии его предварительного так называемого *перехода к плебсу* посредством усыновления.

Особое место в магистратуре занимали также

цензоры,

в числе двух, избиравшиеся обычно из бывших консулов через пятилетние промежутки, сроком на полтора года. Они ведали производство всенародной переписи с регистрацией имущественного положения каждого гражданина *(ценз),* составляли списки сенаторов и всадников (см. ниже). Они заведывали также государственным хозяйством Рима, причем сдавали на откуп взимание пошлин и налогов и в подряд выполнение всех государственных построек и сооружений, а также поставок для казны. Им принадлежал также общий надзор за нравами.

Как правило, прохождение должностей совершалось в строго последовательном порядке через двухлетние промежутки между отдельными должностями: от квестуры, через народный трибунат (для плебеев), эдилитет и претуру достигали консульства. Обычным возрастом для квестуры был тридцатилетний. Так как консульских мест было только два, то достигать их удавалось лишь очень немногим конкурентам. Еще реже бывало *повторное* занятие консульства.

По отбытии должности в Риме консулы, преторы и квесторы обыкновенно получали назначение в провинции в силу так называемой *пророгации* (т. е. продления) их полномочий и становились *проконсулами, пропреторами и проквесторами.*

Пророгация обыкновенно делалась на один год, но так как, ввиду большого количества обязанностей и немногочисленности магистратов, присылка из Рима преемников задерживалась, то промагистраты часто сохраняли свои полномочия на долгий срок, особенно во время войны.

СЕНАТ

был древнейшим учреждением Рима. Формально он был совещательным органом сначала при царях, затем при консулах. Фактически, вследствие краткосрочности и текучести магистратуры, сенат, составленный из пожизненных членов, в большинстве бывших магистратов, сосредоточил в своих руках все руководство политикой, в особенности внешней. Ни одно важное мероприятие не предпринималось магистратами без предварительного одобрения сената, каковое было необходимо также и для законопроектов, вносимых в народное собрание. Против стремившихся к слишком большой самостоятельности консулов сенат имел возможность использовать народных трибунов. Так было в III и II веках до н. э. в цветущую эпоху республики; самое сохранение республики, как политической формы, было, в сущности, тождественно с непоколебимостью авторитета сената. Конец республики пришел вместе с упадком сената.

Внутри сената существовало строгое разделение на ранги: первое место занимали бывшие цензоры и консулы (цензории и консуляры), затем бывшие преторы, эдилы, квесторы. Высказывать свое мнение члены сената приглашались сообразно этим рангам, начиная с высшего; несановным сенаторам высказывать мнение обычно приходилось лишь простой подачей голоса.

ЖРЕЧЕСТВО

Значение *государственного* религиозного культа в Риме было основано на том представлении, что все функции государства, в мире и на войне, зависят от воли богов и нуждаются в их покровительстве и содействии.

Представителями государства перед богами были магистраты, с деятельностью которых (особенно высших) были сопряжены известные религиозные акты. Однако настоящими хранителями культа и помощниками магистратов в религиозной области были специальные

жреческие коллегии,

в свою очередь носившие государственный, политический характер. Жречество являлось гражданской фун-

кцией и (за некоторыми исключениями) было совместимо с государственной и военной деятельностью. Определение воли богов по полету птиц, внутренностям жертвенных животных и знамениям, за которые принимались непонятные явления природы (например молния), умилостивительные и благодарственные жертвоприношения, обряды, оказывавшие магическое воздействие на волю богов,—таково было содержание религиозного культа. С ним были связаны также публичные игры.

Подобно магистратурам, жреческие должности в конце республики были выборные, но в отличие от них—не срочные, а пожизненные, причем связывались с получением известных доходов, извлекаемых из присвоенной храмам и коллегиям собственности. Важнейшими жреческими коллегиями были:

понтифики,

в числе пятнадцати, во главе с *великим понтификом,* на обязанности которых лежал общий надзор за религией, экспертиза в чрезвычайных случаях, ведение календаря, государственной летописи и списков высших магистратов, выполнение некоторых гражданских, связанных с религией актов (религиозный брак, завещание);

фламины,

жрецы, отправлявшие культ отдельных богов: из них важнейшими были фламины Юпитера, Марса и Квирина;

весталки,

жрицы Весты, богини государственного очага, на обязанности которых лежало поддержание на нем неугасимого огня. В числе шести, они жили в святилище богини на форуме и в течение тридцати лет своего служения обязывались соблюдать целомудрие;

авгуры,

в числе пятнадцати, ближайшие помощники магистратов в определении воли богов по полету птиц. Когда

эти гадания казались недостаточными, то в помощь привлекались

гаруспики,

гадатели по внутренностям животных, жрецы не римские, а этрусские, состоявшие, однако, на платной службе у государства.

В конце республики римская религия находилась в упадке, особенно среди высших классов и городского населения; тем не менее, формы культа продолжали соблюдаться, и религия являлась прямым орудием политики: так, объявление небесных знамений неблагоприятными позволяло магистратам распускать народное собрание или кассировать его постановления; регулирование календаря давало возможность чрез посредство понтификов произвольно изменять сроки магистратур; у оракулов всегда можно было получить соответствующие ответы и указания, и т. д.

Ни в чем в такой мере не сказались консерватизм римлян и сила римской государственной традиции, как в судьбе отдельных республиканских учреждений после гибели самой республики. Попытка Цезаря разрушить существующий порядок вплоть до самых его форм и установить откровенную монархию стоила ему жизни. Его преемник, Август, пользуясь всей полнотой единоличной власти, облек ее в формы республиканской магистратуры и вернул силу всем прочим республиканским учреждениям. За единственным исключением народного собрания, все эти учреждения продолжали существовать в течение всей эпохи империи но императорская власть постепенно расширяла свой круг деятельности и создавала свой штат администрации, постепенно превращая старинные республиканские учреждения в пустые формы, лишенные всякого содержания.

КЛАССЫ И СОСЛОВИЯ

В правовом отношении свободную и господствующую территорию римской республики после так называемой Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) представляла, без ее севера, позднейшая Ломбардия

Италия.

(в то время носившая имя Цизальпинской Галлии). Ее население, равное в середине I века н. э. приблизительно 7 миллионам (по исчислениям Белоха), распадалось на *свободных граждан и рабов* (первых—около $4^1/_2$ миллионов, вторых — около $2^1/_2$ миллионов).

Рабы,

политически и граждански совершенно бесправные (раб—вещь в собственности господина), играли колоссальную роль в экономике, гражданском быту и политических судьбах Рима. Их количество возросло в особенности вследствие притока военнопленных в непрерывных войнах последних десятилетий республики. Им принадлежала первенствующая роль в качестве рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве (в последнем—наряду со свободным крестьянством). Они же являлись техническими организаторами и руководителями хозяйства. Управляющими крупных имений римских магнатов (так называемые *вилики*) были неизменно рабы, хозяевами ремесленных мастерских и торговых лавок, агентами откупщиков и подрядчиков вольноотпущенные. В домах знати и богачей рабы не только выполняли роль прислуги, но, наряду с вольноотпущенными, несли также обязанности секретарей, педагогов, дворецких, управляющих, агентов по поручениям. При выполнении своих должностных обязанностей магистраты пользовались их услугами. Канцелярии первых императоров сплошь состояли из них. Являясь, таким образом, фактически чиновниками империи, вольноотпущенные по своему влиянию и значению не уступали высшим магистратам, а иногда и затмевали их (ср. жизнеописание Клавдия).

Совокупность рабов богатого дома представляла *фамилию,* делившуюся на *городскую и сельскую.* Положение сельских рабов было большей частью очень тяжелое. Отсюда—частые волнения и порою вооруженные восстания (самое знаменитое—Спартака в 73—71 гг. до н. э.) Отпуск раба на волю, согласно

римским законам, давал ему права гражданства, но оставлял в зависимости от бывшего господина (под его *патронатом*). Такие зависимые граждане—*клиенты* являлись проводниками влияния знатных лиц в гражданстве (у Суллы — 10 000 вольноотпущенных). В конце республики массовые отпуски рабов на волю сильно влияли на характер гражданства, особенно в самом Риме, изменив даже его племенной состав.

Свободные граждане

распределялись по территориальным округам, так называемым

трибам,

в числе 35 (4 городских—в Риме и 31 сельская—на территории Италии); в состав последних входили также италийские города, так называемые

колонии и муниципии,

из которых первые представляли в прошлом римские крепости, основанные в покоренных Римом территориях Италии, а вторые—некогда самостоятельные гражданские общины, присоединенные к Риму завоеванием.

Те и другие имели внутреннее самоуправление, собственных выборных должностных лиц, городской совет (наподобие римского сената) и народное собрание (в эпоху империи значительно пережившее народное собрание в самом Риме), собственный бюджет и финансы. Рядом с римскими колониями существовали так называемые

латинские колонии,

в конце республики и в империи выводившиеся только в провинции и состоявшие на праве *латинского гражданства*, которое было переходной ступенью к римскому.

Масса рядового гражданства, носившая название

плебс,

разделялась на сельский и городской плебс. Первый и в империи состоял в большинстве из средних и мелких крестьян, частью безземельных пролетариев, сохранивших свой исконный племенной состав и простой, суровый быт. Городской плебс, представлявший массу населения Рима, в значительной степени состоял из потомков рабов; только он мог регулярно участвовать в народном собрании и народных сходках и оказывать некоторое влияние на политику, составляя отряды приверженцев боровшихся за власть членов знати; в империи по преимуществу городской плебс являлся представителем «народа римского», расположения которого искали императоры. Часть городского плебса уже в конце республики состояла на содержании государства в форме выдачи дешевых (позже даровых) хлебных пайков беднейшим гражданам.

Благодаря огромному значению рабов в экономике Рима промышленная и торговая деятельность в понятиях свободного гражданства не пользовалась почетом; средний и тем более высший класс Рима был по преимуществу землевладельческим. Однако косвенно, через посредство зависимых вольноотпущенных в городах и путем устройства мастерских и рынков в имениях, крупные землевладельцы извлекали доходы также из промышленной и торговой деятельности, лично не участвуя в ней.

Высшие классы в конце республики и в империи были организованы в два сословия. Первым по значению было

сенаторское сословие,

включавшее в себя сравнительно небольшую группу— 600 сенаторских семейств. *Официально* оно не определялось никаким имущественным цензом, хотя большинство сенаторов было крупными земле- и рабовладельцами. Монополия государственных должностей и управление провинциями представляли для сословия обильный источник обогащения. Непосредственная торговая и промышленная деятельность была запрещена законом, что не мешало извлекать из них доходы

на практике. Ценз для сенаторов был введен в империи—1 миллион сестерциев. Почетным отличием сенаторов были *широкая* красная кайма на тунике, золотой перстень, первые места в театре и цирке. Семьи, главы которых в течение ряда поколений занимали высшие магистратуры, составляли особую группу, так называемый

нобилитет,

который не имел никаких официальных привилегий, но фактически сосредоточивал в своих руках все влияние в государстве и представлял настоящую олигархию. Старинная родовая знать Рима, так называемый

патрициат

сохранился даже в империи, однако никаких привилегий и особого, присущего только ему значения не имел.

Вторым по своему социальному положению было

сословие всадников,

принадлежность к которому определялась имущественным цензом (низшая граница—в 400 000 сестерциев—около 36 000 рублей золотом). Его название произошло исторически, в связи с тем, что в первоначальной военной организации конные центурии (сотни) набирались, главным образом, из богатого слоя гражданства. Термин «всадники» распространился на все сословие, за которым и в империи была сохранена служба на коне (отсюда—смотры всаднических центурий, производившиеся сначала цензорами, потом императорами), хотя в армии собственно римская конница давно утратила свое значение. Почетным отличием всадников была *узкая* красная кайма, золотой перстень и вторые места на зрелищах.

Значение всадничества основывалось на его богатстве, в особенности на торговых и денежных операциях, стоявших в связи с его ролью в государственном хозяйстве. Взятие различных отраслей хозяйства в откуп и в подряд с торгов у цензоров в Риме или у наместников в провинциях было делом по преимуществу всадников, которые составляли так называемые

компании публиканов

(от слова publicum—государственный доход), обладавшие крупными капиталами и привлекавшие также мелкие капиталы путем выпуска паев. Помимо прибыли на этих операциях, публиканы-всадники нашли также добавочные источники обогащения в провинциях, главным образом путем ростовщичества и денежных спекуляций. Всадническое сословие представляло, таким образом, *денежную аристократию* Рима.

Путем занятия магистратур, с последующим вступлением в сенат, всадники могли переходить в высшее сословие; с другой стороны, взрослые сыновья сенаторов, как служившие в коннице, причислялись к этому сословию. (Будущий император Клавдий, до занятия им должностей, был всадником.) В отличие от сенаторского сословия, всадническое *как корпорация* прямого участия в политике не принимало. Однако влияние его денежных интересов на политику в конце республики было весьма значительным, временами доминирующим. В течение сорока лет, между реформой Гая Гракха (в 122 г. до н. э.) и реакцией Суллы (в 82—80 гг. до н. э.), оно, владея судами, держало под своим контролем сенат. В империи (особенно начиная с династии Флавиев) всадничество сделалось поставщиком чиновников для собственного управления принцепсов

ИМПЕРИЯ И ПРОВИНЦИЯ

Путем завоевания римская республика приобрела себе за пределами Италии обширные владения, представлявшие ее

империю,

в состав которой входили прилегающие к Средиземному морю земли Европы, Азии и Африки. Ее границы в эпоху Цезаря составляли: на западе—Атлантический океан; на севере—Ламанш и часть Северного моря, Рейн, Альпы, приток Дуная Сава, Балканские горы, Черное море; на востоке—Армения, пустыни Месопотамии и Аравии; на юге—Сахара. Не все области, охваченные этими пределами, нахо-

дились в одинаковой степени подчинения Риму. Часть их сохранила свою внутреннюю автономию в форме городских республик, а также царств с собственными правящими династиями. Области, непосредственно подвластные Риму, составляли его

провинции,

считавшиеся «собственностью римского народа». Для управления провинциями из Рима посылались наместники (проконсулы, пропреторы и преторы), имевшие в них военные и судебные полномочия и контроль над деятельностью местных властей, управлявших населением по туземным законам и обычаям. Зависимость провинций выражалась, главным образом, в уплате ежегодной дани, в форме либо однажды установленной суммы, либо процента с дохода населения (десятины). Уплачиваемая провинциями дань представляла главный доход римской казны. Так как римское гражданство было свободно от прямого налога, а косвенные налоги были незначительны, то можно сказать, что римская республика в буквальном смысле существовала за счет подвластной империи. К этому присоединяется еще и то, что сбор налогов в провинциях по способу откупов и злоупотребления наместников представлял для высших классов обильный источник обогащения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Божественный Юлий

[1] Начало книги потеряно. Гай Юлий Цезарь родился 13 июля 100 г. до н. э.

[2] Фламин — жреческая должность.

[3] Имеется в виду провинция Азии, образованная из Пергамского царства, завещанного Риму в 136 г. до н. э. Претор Марк Терм вел борьбу с пиратами.

[4] Вифиния — маленькое царство к северо-западу от провинции Азии, находившееся в вассальной зависимости от Рима. Его царем был Никомед.

[5] Гражданская корона — знак военного отличия за спасение жизни римского солдата в бою.

[6] Имеется в виду война консула 79 года до н. э. Публия Сервилия Ватии Исаврика, против пиратов (78 — 74 гг. до н. э.) в Киликии, области, занимавшей юго-восточный угол Малой Азии, по соседству с Сирией.

[7] Консуляр — титул бывшего консула, сохранявшийся им всю жизнь.

[8] Триумфатор — почетный титул, присвоенный полководцу, удостоенному триумфа.

[9] Талант — греческая денежная единица. Аттический талант равнялся приблизительно $2^1/_2$ тысячам рублей золотом.

[10] Префект — римский термин, обозначающий заместителя должностного лица, назначаемого последним; в данном случае — царский наместник.

[11] Военный трибун — выборная офицерская должность; в каждом легионе было 6 трибунов, попарно чередовавшихся в командовании.

[12] Рогация — законопредложение.

[13] Ростры — ораторская трибуна на римском форуме, получившая свое имя от украшавших ее носовых частей захваченных в бою неприятельских судов, называвшихся рострами.

[14] Одна ветвь рода Марциев носила прозвище „Рексы», что значит — «цари». Они выводили свой род от четвертого римского царя, Анка Марция.

[15] Ночью на 5 декабря 62 г. до н. э. во время празднования в честь богини Доброй Матери, на котором могли присутствовать только женщины. О Клодии и его политической роли см. гл. 20 и прим. 36.

[16] Дальняя Испания — учрежденная в 197 г. до н. э. провинция Рима на юге Испании, соответствующая нынешней Андалузии.

[17] Эдикт — всенародное оповещение о правительственных мероприятиях высшего должностного лица.

[18] Амброны — кельтское племя в Галлии (нынешняя Франция); точное его местожительство неизвестно.

[19] Транспаданцы — население Цизальпийской Галлии (нынешней Ломбардии) в области между р. По и Альпами, первоначально кельтское, в это время сильно романизованное и добивавшееся права римского гражданства.

[20] Комиций — участок форума у подножия Капитолия в форме квадрата, место старинных патрицианских собраний по куриям.

[21] Базилики — окаймленное колоннадой и защищенное крышей пространство, служившее для производства торговых сделок и судебных процессов. Название греческое. В Риме базилики находились по краям форума.

[22] Плебисцит — первоначально постановление, принятое в собрании одного плебса, впоследствии приобрело значение общегосударственного закона.

[23] Провокацией называлась в Риме апелляционная жалоба в народное собрание на решение судебной комиссии.

[24] Великий понтифик — высшая жреческая должность в Риме.

[25] Муниципии — в эту эпоху общее название для городов Италии, имевших право римского гражданства и местное самоуправление.

[26] «Назначенный» консул — уже избранный на предстоящий год, но еще не вступивший в должность.

[27] Курия — здание для собраний сената.

[28] Окончив свои завоевания на востоке, Помпей отправил в Рим своего легата и доверенного, Квинта Цецилия Метелла, который получил трибунат на 62 год одновременно с претурой Цезаря, и своими законопредложениями пытался подготовить почву для Помпея, добивавшегося утверждения сенатом своих распоряжений на востоке (см. гл. 19).

[29] Выборы консулов производились в центуриатных комициях, где голоса подавались по группам, носившим название центурий.

[30] В 70 г. до н. э.

[31] Так наз. «первый триумвират», неофициальное и первоначально тайное соглашение в целях совместного владычества над республикой.

[32] 1 января 59 г. до н. э.

[33] Акценз — частный служитель консула, обычно из его вольноотпущенных.

[34] В средней Италии, в Кампании.

[35] Счет часов дня велся у римлян с рассвета, часов ночи — с наступления темноты; в равноденствие это соответствовало 6 часам утра и 6 часам вечера.

Девятый час дня соответствует приблизительно нашему третьему часу пополудни.

36 Так как народный трибунат был доступен только плебеям, то патриций, желавший стать трибуном, должен был совершить так наз. «переход от патрициата к плебсу», т. е. отказаться от своего наследственного звания. Публий Клодий, из знатного патрицианского рода Клавдиев, добивался трибуната с целью провести ряд законов против своего личного врага Цицерона и рядом популярных мер открыть себе политическую карьеру.

37 Цизальпийская Галлия — нынешняя Ломбардия, не считавшаяся в то время принадлежащей к Италии и составлявшая провинцию; Коматская (т. е. Волосатая) Галлия — территория по ту сторону Альп, между Океаном, Рейном и Пиренеями.

38 Намек на его интимные отношения с Никомедом (см. выше, гл. 2).

39 В 56 г. до н. э. (см. прим. 43).

40 Алауда — по-кельтски — жаворонок.

41 Сестерций — римская монета, ценностью около 9 коп. золотом.

42 Легаты — непосредственно подчиненные главнокомандующему высшие командиры. Обычно легат командовал легионом.

43 Манера Светония разбивать в рассказе одновременные события по группам затрудняет понимание их развития и связи. Одновременно с своей военной деятельностью в Галлии, начиная с 58 года до н. э., Цезарь внимательно следил за событиями в Риме и с помощью своих агентов оказывал на них влияние в направлении желательном для членов триумвирата. Одним из их клевретов был уже известный читателю Клодий, с помощью которого триумвиры добились удаления из Рима своих противников, Цицерона и Катона. Однако Клодий начал действовать на собственный риск и страх и вскоре вступил в конфликт с самим Помпеем. Чтобы сохранить за собою влияние,

в 56 г. триумвиры вступили в новое соглашение (см. гл. 24), в силу которого Помпей и Красс получили консульство в 55 г. и затем важные провинциальные командования, Красс в Сирии, Помпей в Испании. Цезарю командование в Галлии было продлено еще на 5 лет. Все это было проведено насильственными мерами, против воли сената и оптиматов. После своего консульства Помпей остался в Италии, а управлять Испанией отправил своих легатов. В Риме уже в 54 г. анархия, благодаря соперничеству кандидатов на должности и агитации демагогов, в том числе Клавдия, все усиливалась, и в течение целого года оказалось невозможным произвести выборы консулов. Анархия поддерживалась интригами Цезаря и Помпея; последний, оставаясь в Италии, надеялся этим путем получить от сената чрезвычайные полномочия для восстановления порядка и, таким образом, превзойти Цезаря своим значением. Успехи Цезаря в Галлии и его растущая слава делали его все более опасным и ненавистным для оптиматов. Тактика Помпея принесла плоды в начале 52 года. В одной из схваток между враждующими демагогами Публий Клодий был убит 18 января. Напуганный происшедшими в связи с этим уличными беспорядками, сенат, который уже раньше начал сближаться с Помпеем, решил вручить последнему чрезвычайную власть в форме единоличного консульства. Однако для принятия последнего Помпею необходимо было заручиться согласием Цезаря, ибо несмотря на наступившее между обоими охлаждение, союз внешне продолжал оставаться в силе. В качестве компенсации Цезарь, который предвидел, что по истечении срока его командования в 49 г. он подвергнется преследованию своих врагов-оптиматов, получил разрешение в этом году заочно, т. е. не покидая армии и провинции, искать консульства на следующий, 48 год. Став консулом, он надеялся добиться утверждения всей своей десятилетней деятельности в Галлии и спасти свое положение в республике. Разрешение должно было быть получено посредством закона, внесенного всеми десятью трибунами.

[11] Ланисты — инструкторы гладиаторов в искусстве

боя, содержавшие на собственный счет их отряды, которые они предоставляли в наем для игр.

[45] Это предложение, сделанное в начале 52 года до н. э., Помпей отклонил. Но тогда же он согласился на заочную кандидатуру Цезаря в консулы, упомянутую в гл. 26 (см. прим. 43).

[46] Согласившись на предоставление Цезарю права заочной кандидатуры, Помпей в том же 52 году до н. э., но несколько позже, провел, в качестве единоличного консула, ряд законов и, между прочим, закон, запрещавший вообще заочные кандидатуры. То, что из этого закона не был изъят Цезарь, уже получивший привилегию плебисцитом 10 трибунов, Помпей объяснял «забывчивостью». Совершенно ясно, что закон Помпея был направлен против Цезаря, а внесение поправки задним числом нисколько не ослабило эту угрозу. Слова в тексте: «quando nec plebiscito Pompeius postea abrogasset», повидимому испорченные, переведены согласно толкованию Э. Мейера, Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompejus, стр. 244, прим. 1.

[47] При этом он имел в виду Помпея, который, оставаясь в Риме, имел, однако, также чрезвычайное командование в Испании, как Цезарь в Галлии.

[48] Из трагедии «Phoenissae» («Финикиянки»), стр. 524 сл.

[49] 10 января 49 г. до н. э.

[50] 9 августа 48 г. до н. э.

[51] Цезарь закончил борьбу с помпеянцами победой при Мунде, в Испании, 17 марта 45 г. до н. э.

[52] Велабр — квартал города Рима к югу от Капитолия.

[53] Модий — римская мера сыпучих тел, равная 8.75 литра.

[54] Троянская игра — род турнира, выполняемого знатными римскими подростками и состоявшего из различных эволюций верхом на конях, в которой они показывали свое искусство в верховой езде. По пре-

данию, сохранившемуся в «Энеиде» Виргилия, игра была основана Энеем.

[55] Турма — отряд конницы.

[56] Меты — конусообразные или пирамидальные фигуры, которые огибались состязающимися колесницами в цирке.

[57] Биремы, триремы и квадриремы — морские суда в два, три и четыре ряда весел.

[58] Юлианский календарь впоследствии был исправлен папой Григорием XIII в конце XVI века. В России он продержался до Октябрьской революции.

[59] Суды в республике находились в руках сенаторского сословия до реформы Гая Гракха 123 года, передавшей их всадникам. С 70 года судебные комиссии стали составляться из представителей трех сословий: сенаторского, всаднического и так назэрарных трибунов, зажиточных граждан, ценз которых был ниже всаднического.

[60] Контуберналий — буквально «однопалаточник». Так назывались молодые знатные римляне, состоявшие в походе при полководце и под его руководством приучавшиеся к военному делу.

[61] Мероприятие Цезаря имело целью сократить массы рабов, охранявших стада, и дать заработок свободному населению.

[62] Коллегии — свободные союзы для взаимопомощи или профессиональных нужд.

[63] Верхнее море — Адриатическое.

[64] Субура — улица в Риме, пользовавшаяся не слишком хорошей репутацией.

[65] Негоциаторами назывались крупные купцы, банкиры и спекулянты.

[66] Острота Цицерона основана на том, что его подлинные слова: «Tertia deducta» можно понять, как: «сбавлена третья часть» и «взята в наложницы Терция».

[67] Дивинация — речь, произносившаяся в суде по вопросу о том, кому из желающих выступить в процессе обвинителем поручить его ведение.

[68] Сальвитон — значение этого слова, имеющего, очевидно, позорящий смысл, неизвестно.

[69] Гаруспики — гадатели по внутренностям животных.

[70] Этот подвиг был совершен в Марафонской битве в 490 г. до н. э.

[71] Квириты — «граждане».

[72] В Испании, во время первой войны против легатов Помпея в 49 г. до н. э.

[73] Титул «императора» (носителя империума, т. е. верховной власти) давался солдатами как почетное отличие победоносному полководцу. В 45 г. он был дан впервые, в качестве наследственного, Цезарю, который носил его как собственное имя.

[74] Орхестра — пространство в театре, где сидели сенаторы, считавшееся наиболее почетным.

[75] Трибунал — возвышение для творившего суд должностного лица.

[76] Пульвинарий — подушка, подобная той, на которую во время исполнения праздничных обрядов возлагали изображения богов.

[77] Луперки («волки») — жрецы древнейшего культа бога Фавна. Культу Цезаря были присвоены особые так называемые Юлиевы луперки.

[78] «Латинское жертвоприношение», или «Латинские ферии» — общий праздник старинного Латинского союза, справляемый на Альбанской горе, в окрестностях Рима, в честь покровителя союза — Латинского Юпитера. По расторжении союза руководство праздником перешло к Риму.

[79] Своим ответом Цезарь дипломатично хотел изменить смысл приветственных кликов толпы, величавшей его царем (по лат. rex). Это имя «Рекс»

было прозвищем одной ветви знатного рода Марциев. Из этого рода происходила мать Цезаря. Его же обычное имя «Цезарь» было прозвищем рода Юлиев.

[80] Квиндецимвир — жреческая должность; коллегия квиндецимвиров ведала пророческие, так наз. Сивиллины книги, принесенные в Рим из греческой колонии Кум по преданию еще при царе Тарквинии Приске.

[81] «Bonum factum» — обычная начальная формула официальных оповещений народа.

[82] Ношение штанов галлами, не принятое у римлян, являлось предметом насмешек.

[83] Юний Брут, по преданию, был главным виновником изгнания царей.

[84] В народном собрании на Марсовом поле голосующие проходили по особым мосткам.

[85] Название дня 15 марта в римском календаре.

[86] Согласно Моммзену, имя мифического основателя Капуи, Каписа, было внесено в список царей Альбы Лонги, метрополии Рима. От этих царей вел свой род Цезарь. По другому чтению текста, значится «потомок Юла».

[87] Булла — род медальона, носимого на шее детьми знатных фамилий: претекста — детская тога.

Божественный Август

[1] По преданию, царь Тарквиний Приск присоединил к древним патрицианским родам новые роды, получившие название меньших.

[2] Дивизор — лицо, производившее подкуп избирателей в пользу какого-либо кандидата на должность.

[3] Бессы — разбойничье племя во Фракии.

[4] Вигинтивир — член комиссии из 20 человек, назначавшейся для выполнения специального правительственного поручения.

[5] Нерульский — т. е. из города Нерула в Лукании.

[6] 63 г. до н. э.

[7] Адриану, на службе у которого состоял Светоний.

[8] По исполнении 16 лет молодой римлянин сменял претексту на тогу взрослого, что являлось торжественным актом и означало достижение им совершеннолетия.

[9] В 43 г. до н. э.

[10] В 41 г. до н. э.

[11] В 31 г. до н. э.

[12] С перерывами от 38 по 36 г. до н. э.

[13] В 31 г. до н. э.

[14] Мутина — нынешняя Модена в северной Италии.

[15] Жители города Нурсии, в Сабине, в средней Италии.

[16] Так называемый второй триумвират, заключенный 27 ноября 43 г. до н. э. на 5 лет. Сенат и народное собрание были принуждены санкционировать этот союз, как государственное учреждение, имеющее целью «устроение республики».

[17] По имени города Филиппы в Македонии, где были разбиты Кассий и Брут.

[18] Байи — в Кампании, недалеко от Неаполя.

[19] Либурнийские корабли — быстроходные суда, употреблявшиеся сначала иллирийскими пиратами и принятые затем в римском военном флоте.

[20] Псиллы — африканское племя, славившееся умением заговаривать змей.

[21] Раб-номенклатор называл господину имена встречных лиц, которых надо было приветствовать.

[22] Кантабрия — область в Испании.

23 Паннония — нынешняя Венгрия.

24 Реция и Винделиция — земли по верхнему Дунаю; соответствуют нынешним Баварии, Тиролю и части Швейцарии.

25 Храм Януса Квирина, лежавший близ форума, через двойные ворота которого полководцы с войском выступали в поход, во время войны должен был стоять открытым. Закрытие его являлось знаком мира.

26 Овация — вид малого, менее торжественного триумфа.

27 В 16 г. до н. э.

28 В 9 г. н. э.

29 Чтобы затем отпустить его на волю как своего товарища по всадническому сословию.

30 Преторий — пространство в центре лагеря перед палаткой полководца.

31 При разбивке лагеря обмер пространства шестами и сооружение вала из дерна лежали на обязанности рядовых солдат. Таким образом, это наказание центурионов имело значение как бы временного разжалования их в рядовые.

32 Фалеры — ремни, украшенные бронзовыми медальонами, носившиеся на груди.

33 «Тише едешь, дальше будешь».

34 «Лучше вождь осторожный, чем слишком смелый» (из трагедии Эврипида «Phoenissae», стр. 599).

35 В 43 г. до н. э. после победы над Антонием при Мутине.

36 Декурии — отделения. См. «Божественный Юлий», прим. 59 и гл. 32.

37 Атрий — главная зала в римском доме. Здесь — название особого здания.

38 Секулярные — т. е. столетние — игры, издревле праздновавшиеся в Риме через каждое столетие. Август реформировал это празднество.

[39] От compitum — «перекресток». Игры в честь ларов, добрых духов, покровителей уличных перекрестков.

[40] Эргастулы — тюрьмы для рабов.

[41] Дуценарии — лица с состоянием в 200 000 сестерциев.

[42] Отцеубийц зашивали в мешок и бросали в море.

[43] Т. е. в 1-е и 13-е или 15-е число каждого месяца.

[44] Центумвиральный суд состоял из 105 членов, по три от каждой трибы; он решал вопросы о праве частных лиц на ту или иную спорную вещь. Децемвиры «для разбора тяжб» ведали первоначально процессы о свободном гражданском состоянии. Август сделал их председателями суда центумвиров.

[45] Стих из «Энеиды» Виргилия, кн. I, ст. 282.

[46] Ограды — мраморные загородки, выстроенные Цезарем для народных собраний; раньше для них выстраивались временные, деревянные.

[47] Прозвище происходит от слова torquis (ожерелье. «Торкваты» было прозвище ветви знаменитого патрицианского рода Манлиев, с тех пор как его член, Тит Манлий, в 360 г. в единоборстве убил галла и снял с него ожерелье.

[48] Пульвинар — специальная ложа принцепса.

[49] Декурионы — члены городского совета.

[50] В народных собраниях римские граждане могли принимать участие только непосредственно; таким образом, оно было возможно лишь для жителей Рима и его окрестностей. Масса гражданства, жившего в Италии и провинциях, участвовать в народных собраниях не могла. Указываемая Светонием мера Августа вводила нечто вроде представительства воли отсутствующих граждан в народном собрании; однако получить развитие это нововведение не могло, ибо народные собрания уже давно находились в упадке и при Тиберии были вовсе отменены.

[51] В общинах, имевших латинское гражданство, лица, занимавшие местные должности, получали право римского гражданства.

[52] Верхнее и Нижнее — т. е. Адриатическое и Тирренское моря, омывающие с востока и запада южные берега Италии.

[53] Преторианские когорты в республике — отряд телохранителей полководца, при принципате — гвардия императора.

[54] См. ниже, гл. 66.

[55] Сенатусконсульты — постановления сената.

[56] Курциево озеро — бассейн в Риме посреди форума, где в отдаленной древности находилось болото, исчезнувшее после проведения подземной канализации. Его происхождение связывалось с различными преданиями.

[57] Декурии — корпорации мелких государственных служащих, как то писцов, ликторов и т. д.

[58] Денарий — римская серебряная монета, в эпоху империи стоимостью около 40 коп. золотом.

[59] Способ усыновления посредством emptio per assem et libram, при котором настоящий отец усыновляемого посредством троекратной фиктивной продажи отказывался от своей власти над сыном.

[60] Комментаторы этого места текста расходятся между собою относительно того, что надо понимать под термином commentarii diurni (ежедневные ведомости). Петер («Die geschichtl. Literatur der rom. Kaiserzeit». I. 370 сл.) видит в них, вслед за Фридлендером, придворный журнал; такого же взгляда придерживается Тедена в статье «Commentarii» у Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romanies. I. стр. 1405. Macé («Essai sur Suetone», стр. 187 сл.) отождествляет их с городскими ведомостями (acta diurna populi Romani), введенными в практику Цезарем (см. «Божественный Юлий», гл. 20). Фон-Премерштейн в статье «Commentarii» у Pauly-Wissowa. Realencyklopedie der klassischen Alter-

tumswissenschaft, IV, стр. 736, оставляет вопрос нерешенным. Толкование Масе кажется нам наиболее правдоподобным.

[61] Т. е. в так наз. куриатных комициях, уже в республике представлявших простую формальность.

[62] «Лучше бы был он безбрачен или бездетен погибнул». Стих из «Илиады», III, 40.

[63] Мурриновый кубок — из какого он был материала, в точности неизвестно, быть может из китайского фарфора.

[64] В этом месяце праздновались Сатурналии, когда было в обычае предаваться игре.

[65] Талы — кости особой формы; собака — самый неудачный бросок костей, Венера — самый удачный.

[66] Вероятно, название «Сиракузы» для рабочего кабинета Августа имеет связь с тем фактом, что в этом городе имел свою лабораторию знаменитый Архимед, убитый в ней римским солдатом при взятии города римлянами в 212 г. до н. э.

[67] В подлиннике: nec umquam nisi recta (подразумевается cena). Cena recta - есть большой обед с полным подбором блюд, в отличие от sportulae или sportellae, на которых гостям предлагалось лишь немного кушаний, притом холодных.

[68] Ареталоги - шуты, веселившие гостей преувеличенным до смешного расхваливанием их добродетелей.

[69] Забава, повидимому, была основана на том, что названия этих предметов в народном языке имели иногда двусмысленное или неприличное значение.

[70] Регия — дом, где жил великий понтифик.

[71] Секстарий — римская мера жидкостей, равняющаяся 0,54 литра.

[72] У римлян рвотное было обычной гигиенической предосторожностью после слишком обильного принятия пищи и питья.

[73] Надо полагать, что Август страдал катаром кишечника с последующими токсическими кожными явлениями.

[74] Destillationibus. Так объясняла болезнь Августа медицина того времени. Боли в печени были вызваны, повидимому, прохождением желчных камней.

[75] Перистиль — часть дома, представляющая внутренний дворик, окруженный галлереей с колоннами.

[76] Из серных целебных источников близ Тибура, в Лацие.

[77] При писании римляне вместо вычеркивания стирали написанное губкой. Как настоящий Аякс кончил жизнь, бросившись на свой меч, так трагедия «Аякс», по словам Августа, была им стерта губкой, т. е. уничтожена.

[78] Знаменитое сочинение Катона Старшего, цензора 184 года до н. э., посвященное древнейшей истории Италии. Саллюстий подражал его языку.

[79] Т. е. никогда, ибо у греков календ не существовало.

[80] Катон считался у римлян непревзойденным образцом добродетели.

[81] В гл. 29.

[82] Комплувий — открытое место в середине дома, с бассейном, куда через отверстие в крыше стекала дождевая вода. Здесь помещались изображения домашних богов.

[83] Нундины — первый день восьмидневной недели римлян, обычно рыночный.

[84] Ноны — 7-е или 5-е число месяца. Август выводил название от отрицания «non».

[85] Т. е. сословие сенаторов.

[86] Евтихий по-гречески — счастливый, Никон — победитель.

[87] Т. е. в качестве обладателей трибунской власти, проконсульства и цензуры.

[88] Триклиний — столовая.

[89] «Могилу основателя я вижу освещенной».

90 «Ты видишь, как Мастабу факелами чтут?»

91 «Коль пьеса вам понравилась, рукоплещите, и все с весельем проводите нас».

92 Легкой смерти.

93 14 г. н. э.

94 Фасты — официальный хронологический список высших должностных лиц.

95 Т. е. Юлия Августа и Юлии Августы.

96 Эрарий — государственная казна, существовавшая еще в республике и оставшаяся в ведении сената; фиск — особая казна императора.

Тиберий

1 В 280 г. до н. э.

2 В 264 г. до н. э., в начале первой пунической войны.

3 В 207 г. до н. э. при Метавре, во время второй пунической войны.

4 В 449 г., до н. э., в эпоху борьбы между патрициатом и плебсом.

5 Городок на Аппиевой дороге среди Помптинских болот; ныне носит название Форапии.

6 Этот эпизод, рассказанный одним Светонием, Нибур относит к эпохе первой пунической войны.

7 249 г. до н. э., во время первой пунической войны, после сражения при Дрепане.

8 Эпизод относится к 204 г. до н. э., когда, охваченные религиозным настроением в результате испытаний войны с Аннибалом, римляне перевезли к себе из Малой Азии знаменитый камень, в котором чтили богиню, и ввели у себя ее культ.

9 Имеется в виду дочь (а не сестра) консула 143 года до н. э. Аппия Клавдия, тестя Тиберия Гракха и участника поднятого им аграрного движения.

[10] Тоже по имени Марк: в 90 г. до н. э. он предложил дать право гражданства италийским союзникам, что в конце концов привело к Союзнической войне.

[11] Фунды — муниципий в Южной Лации.

[12] В 42 г. до н. э.

[13] В 9 г. до н. э., в конце победоносного похода против германцев.

[14] Траллийцы — жители города Тралл в Карии, в Малой Азии.

[15] См. «Божественный Юлий», гл. 22, прим. 37.

[16] В 15 г. до н. э.

[17] От 12 по 10 г. до н. э.

[18] В 8 и 7 гг. до н. э.

[19] В 23 г. до н. э. он получил квестуру, имея от роду только 20 лет.

[20] В 6 г. до н. э.

[21] Немауз — город в южной Галлии.

[22] Во 2 г. до н. э.

[23] Герион — оракул, упоминаемый только здесь.

[24] Карины — квартал в Риме.

[25] От 6 по 9 г. н. э.

[26] «Pius» — исполненный благоговейного уважения,— прозвище, дававшееся римлянами лицам, свято выполнявшим свои сыновние обязанности.

[27] Поражение Вара произошло тоже в 9 г. до н. э., когда восстание в Иллирике, к счастью для Рима, было уже подавлено Тиберием.

[28] На Марсовом поле.

[29] Бруктеры — германское племя.

[30] Ценз — всенародная перепись.

[31] Стих поэта Энния, относящийся к диктатору Фабию Кунктатору, спасшему Рим во время второй пунической войны. Август изменил слово «медлительностью», сказанное в подлиннике.

[32] «Если спутник мой он, из огня мы горящего оба
К вам возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум».

(L) «Илиада», X, 246—47. Перев. Гнедича.

[33] Перевод сделан согласно поправке некоторых издателей и комментаторов текста: honori assuescerent вместо adquiescerent текста рукописей.

[34] Вольная или фиктивная командировка (legatio libera) давалась сенатом своим членам, отправлявшимся в провинции по их частным делам, дабы, являясь в качестве официальных представителей сената, они встречали больше предупредительности и почета среди подданных Рима.

[35] Обычный способ голосования в сенате.

[36] Краснобородка — вид рыбы, славившейся как изысканное блюдо.

[37] 1 июня было в Риме общим сроком найма квартир. Очевидно, сенатор, уезжая, не уведомил домовладельца о своем отказе от продолжения контракта на новый срок и, вернувшись после 1 июля, заставил его принять свои условия, так как домовладелец уже потерял возможность найти другого квартиронанимателя.

[38] Квесторы, число которых при принципате равнялось двадцати, распределяли между собою ведомства по жребию. В какой связи стоит это распределение с легкомысленным отношением данного квестора к браку — неясно.

[39] Ценители и поклонники того или другого актера составляли настоящие партии, страстно враждовавшие друг с другом.

[40] Полленция — город в северной Италии, к востоку от Коттийских Альп.

[41] Коттий — подвластный римлянам царек кельтолигурийских племен в области западных Альп, вокруг Мон-Сениса и Мон-Женевра, по его имени получивших название Коттийских, сохранившееся доныне.

[42] А именно в храмах, по причине злоупотребления этим правом со стороны всякого рода преступников, особенно в Греции, о чем говорит Тацит в «Анналах», III, 60.

[43] Кизик – греческий город в южной части нынешнего Капу-Дага, у Мраморного моря, стойко державшийся союза с Римом против Митридата во время осады его последним в 73 г. до н. э.

[44] В 26 г. н. э.

[45] Фидены – город недалеко к северу от Рима.

[46] Городская префектура – наместничество в городе Риме.

[47] Амфора – мера жидких тел, равная 26,26 литра.

[48] От слова «сфинктор» – зажимающий мускул в заднем проходе.

[49] Вид древней италийской комедии, названной по месту ее происхождения – городку Ателле, в Кампании.

[50] Название объясняется тем, что знатные римляне имели в своей свите много греков.

[51] Более подробно рассказывает об этом денежном кризисе Тацит («Анналы», VI, 16–17). Отдача денег в рост под высокий процент вызвала множество обвинений, обратившихся в особенности против сенаторов, ибо все они поголовно, как говорит Тацит, занимались ростовщичеством. Для упорядочения их денежных дел им был дан срок в полтора года. Истребование долгов заимодавцами вызвало недостаток в наличных деньгах, усиленный еще и тем, что деньги от распродажи конфискованных имуществ осужденных лежали без движения в казначействе. Это и вызвало предписание, чтобы две трети каждой истребуемой заимодавцем ссуды употреблялись на покупку земель в Италии и чтобы должники уплачивали свой долг немедленно в такой же пропорции. Однако заимодавцы требовали возврата долгов полностью, что вызвало сильный спрос на деньги со стороны должников и массовое предложение ими земель в про-

дажу. Отсюда — общее падение цен на земли, очевидно входившее в расчет кредиторов, откладывавших выполнение своего обязательства покупать земли до последнего срока, чтобы приобретать их по низшей цене. Тогда-то и последовала со стороны Тиберия беспроцентная ссуда в 100 миллионов сестерциев, под условием, чтобы лица, получающие ссуду, представили залог землею в двойном размере кредитованной им суммы. Как говорит Тацит, эта мера восстановила кредит, однако предписание вкладывать в землю $^2/_3$ отдаваемых в рост, т. е. свободных, капиталов в действительности выполнено не было.

52 Целий — холм в юго-восточной части Рима, один из самых населенных его кварталов. После пожара квартал подвергся полной перепланировке. Название холма «Августом», данное ему в благодарность сенатом, не удержалось.

53 Сеян — префект претория. О нем подробно рассказывается в гл. 65.

54 Ибо ветеранам при увольнении в отставку полагалось денежное обеспечение.

55 В 17 г. н. э.

56 Sacrarium — домашняя капелла, хранилище домашних богов, а также важных семейных документов.

57 Илион — город на месте древней Трои, с 189 г. до н. э.— в союзе с Римом и под его особым покровительством как родина Энея.

58 Со времени Августа, присоединившего Египет, последний считался личной собственностью правящего императора, и въезд в эту страну без его особого разрешения сенаторам был воспрещен.

59 Гемонии — широкая яма в Риме, в которую вели ступеньки, куда бросали трупы казненных преступников.

60 В подлиннике — «изгнанием»: находившиеся в изгнании лишались права римского гражданства. Чтобы быть римским всадником, надо было иметь 400 000 се-

стерциев; Тиберий же — хочет сказать автор двустишия — не имел и ста тысяч.

[61] Под Ромулом, основателем города Рима, подразумевается здесь римский народ. Тиберий сравнивается с тремя лицами, причинившими зло Риму,— Суллой, Марием, по его возвращении из бегства запятнавшим себя убийствами, и Антонием.

[62] Знаменитому Кремуцию Корду.

[63] Сына Германика, впоследствии императора Калигулу.

[64] Своего внука, сына Друза.

[65] «Из страха, как бы они не предсказали что-либо, могущее заставить кого-нибудь произвести на него покушение» (Бреми).

[66] Praenestinae sortes представляли палочки из дубового дерева, покрытые надписями; они хранились в особом ларце при храме Фортуны в Пренесте, городе Лация. Культ Фортуны и оракул были чрезвычайно древни.

[67] Т. е. одного из так наз. «дополнительных» консулов (consules suffecti), которые вступали в должность после того, как «ординарные» консулы данного года, т. е. сам принцепс с его коллегией, спустя некоторое время слагали с себя должность.

[68] Согласно тексту новейшего издания Има. Другие издания дают чтение «Jovis», т. е. «вилла Юпитера».

[69] Т. е. от присяги, принесенной населением уже Августу.

[70] Чеканенное или резное изображение на предметах утвари.

[71] Озеро, где давались во время игр морские сражения.

[72] 37 года н. э.

[73] Маны — души предков.

Калигула

[1] Т. е. без знаков своей власти римского магистрата.

[2] Титул парфянского царя.

[3] Т. е. в Сатурналии.

[4] 12 г. н. э.

[5] Конфлуэнты — ныне Кобленц на Рейне.

[6] От caliga — солдатский сапог.

[7] Тиберий, очевидно, намекает на то зло, которое причинил миру сын Гелиоса — Фаэтон, когда взялся управлять солнечной колесницей вместо отца. Такое же зло натворит Гай, когда возьмет в свои руки бразды правления.

[8] В качестве гладиаторов, в силу верования, что смерть одного может быть устранена добровольным самопожертвованием другого.

[9] В тексте стоит titulo proposito. Titulus представлял любую надпись, выставлявшуюся для всеобщего сведения, например, объявление о сдаче квартиры, а также и надпись на могиле покойника. В данном случае надписи имели значение обета и вывешивались, вероятно, в храмах.

[10] Впоследствии императора.

[11] Такие щиты из драгоценного материала с изображениями богов и людей было в обычае посвящать в храмах. Такое же изображение было посвящено в честь Домициана (см. «Домициан», гл. 23).

[12] Название древнего пастушеского праздника 22 апреля, считавшегося днем основания Рима.

[13] Вероятно, для головного убора.

[14] Т. е. «юношеским», в честь молодежи.

[15] Построенным Статилием Тавром при Августе.

[16] Гелотианский дом находился по соседству с цирком.

[17] Мениевы ложи находились в цирке и названы были так по имени некоего Мения, продавшего свой дом цирку для расширения последнего.

[18] Астические игры — от греческого слова ἄστυ — город; так назывались игры в честь Диониса в Афинах.

[19] Примипилар — старший центурион в легионе.

[20] «Единый пусть будет властитель, единый царь!» (стих из «Илиады» Гомера, II, 203, перев. Гнедича).

[21] Т. е. покровителя Лация.

[22] «Либо ты поднимай меня, либо я тебя» (слова Аякса Одиссею у Гомера, «Илиада», XXIII, 724, во время их единоборства). Калигула, угрожая Юпитеру, призывает его показать его силу над собой, в противном случае он покажет свою силу богу.

[23] Т. е. похищением.

[24] Это темное по смыслу место переведено согласно комментарию Бреми. Контрамарки (decimae) выдавались обычно лишь после выяснения количества оставшихся свободных мест. Так как теперь они выдавались раньше заполнения театра публикой, то всадник мог найти свое место занятым, откуда происходил спор между ним и получателем контрамарки, что и доставляло злорадное удовольствие Калигуле.

[25] Случайно первый и последний в ряду преступников были лысые. Отсюда произошла поговорка «a calvo ad calvum», т. е. все до одного.

[26] Такой обет упоминается выше, в гл. 14.

[27] Чемерица — целебная трава.

[28] Галлогреция — государство в Малой Азии, население которого представляло смешение греков с вторгнувшимися туда некогда галлами.

[29] «Атрей», написанной Аттием.

[30] См. выше, гл. 15.

[31] Ретиарии не имели иного оружия, кроме сети и трезубца; секуторы были вооружены шлемом, щитом и мечом.

[32] См. «Тиберий», гл. 40.

[33] В гл. 19.

[34] Мирмиллон — гладиатор, вооруженный подобно секутору.

[35] См. выше, гл. 26.

[36] Составлено из «колосс» и «эрот» и означает «рост, соединенный с прелестью».

[37] Категории гладиаторов. Фракийцы имели вооружение своего племени, гопломахи — полное вооружение.

[38] Согласно обычаю, эту должность занимал беглый раб; выбор его решался поединком между рабами, и победитель становился жрецом. Поединок возобновлялся ежегодно. Чтобы лишить состоявшего в должности жреца уже несколько лет кряду, Калигула постарался найти для него более сильного противника.

[39] Мевания — город в Умбрии; близ р. Клитумна находилось святилище.

[40] Батавы — германское племя.

[41] Т. е. сократил эту награду наполовину.

[42] Спекуляторы — телохранители императора, употреблявшиеся им также в качестве ординарцев.

[43] Дети знатных германцев, взятые в качестве заложников, посещали школы в Италии или провинциях.

[44] Из «Энеиды», I, 257.

[45] Баллисты — род метательных орудий.

[46] Фаросский маяк — знаменитый маяк в Александрии.

[47] Прокураторы — управляющие императора.

[48] Что считалось за насмешливый намек на волосатость его тела.

[49] Пенула — широкий плащ, покрывавший тело до колен, обычно с капюшоном, служивший дорожной одеждой.

[50] Мужчинам было запрещено носить шелковое платье.

[51] Род высоких охотничьих сапог, укреплявшихся на голени ремнями.

[52] Battuebat pugnatoriis armis. Согласно толкованию Штара, Калигула при этом упражнении бился стальной рапирой, а его партнер — учебной, деревянной.

[53] Ночь была разделена на четыре стражи, по три часа каждая.

[54] Скабелла — музыкальный инструмент, прикрепляемый ремнями к подошве и издававший звуки при давлении ступни на пол.

[55] Палла — собственно, женское манто для выходов на улицу; у актеров и плясунов — длинная одежда с шлейфом.

[56] Приап — бог плодородия, с которым связывался фаллический культ. Выбором именно этих слов для пароля Калигула хотел оскорбить Херею.

[57] Город Анций в Лации славился своим оракулом, подобно Пренесте (см. «Тиберий», гл. 63, и прим. 66).

[58] Калигула был убит 24 января 41 г.

Божественный Клавдий

[1] «Кому везет, у того дети родятся через три месяца».

[2] 15 г. до н. э.

[3] От 12 по 9 г. до н. э. В последнем году, 14 сентября он и умер, заболев от падения с коня, на обратном походе из Германии.

[4] 10 г. до н. э.

[5] Собственное имя Клавдия было Тиберий.

[6] Германик.

[7] Во время Латинских ферий (см. «Божественный Юлий», прим. 78) высшие магистраты на четыре дня покидали Рим, и для поддержания порядка в столице на это время назначался специальный городской префект. Август находит одинаково неудобным как присутствие Клавдия на празднестве, так и оставление его в городе, ибо в последнем случае его, сообразно его высокому рангу, пришлось бы назначить городским префектом на время празднеств.

[8] Сатурналии и Сигиллярии праздновались от 17 до 23 декабря; на последнем празднике было в обычае посылать друг другу маленькие скульптурные изображения (sigilla), как свои, так и богов. В ответ на просьбу Клавдия о должностях Тиберий советует ему довольствоваться доставляемыми праздником радостями, которые были доступны даже детям и рабам.

[9] Калигула назначал сразу несколько лиц на должность консула; порядок отправления ими консульства определялся в таком случае жребием.

[10] См. «Калигула», гл. 26.

[11] У римлян было принято называть здания и даже отдельные комнаты по имени какого-либо бога; в данном случае комната называется по имени Гермеса.

[12] Солярий — помещение для принятия солнечных ванн.

[13] Т. е. в казармы преторианцев, устроенные в Риме при Тиберии.

[14] Неаполитанские состязания упомянуты в жизнеописании Августа, гл. 18.

[15] Приходившегося ему дедом по матери, Антонии Младшей.

[16] Для встречи нового императора, как было в обычае в праздничные и торжественные дни.

[17] «Ты сам старик, да еще и дурак».

[18] В конце республики цензура стала выходить из употребления. Павел и Планк были цензорами

в 23 г. до н. э., т. е. уже при принципате Августа. Сам Август выполнял обязанности цензора, не принимая на себя эту должность формально.

[19] Завоевание Британнии Клавдий начал в 43 г.

[20] Стехадские острова — в Средиземном море, у южных берегов Франции, ныне острова Д'Иер.

[21] Гезориак — ныне Булонь в Па-де-Кале.

[22] Эмилиана — квартал в Риме; дирибиторий — помещение в народном собрании, где так наз. дирибиторы распределяли таблички с голосами граждан.

[23] Эпизод, чрезвычайно наглядно характеризующий неустойчивость торгового обмена в империи. Снабжение Рима с его миллионным населением представляло важную правительственную задачу как в конце республики, так в особенности при принципате, когда для императора было необходимо обеспечить довольство и спокойствие жителей столицы. Между тем, угроза расстройства хлебного подвоза морским путем существовала всегда. Характерно, что Клавдию приходится поощрять частную предприимчивость в хлебной торговле, хотя торговцы в этой отрасли могли рассчитывать на верный сбыт. Закон Папия-Поппея, изданный при Августе, в 9 г. н. э., принуждал граждан вступать в брак; «право четырех детей» давало привилегию матерям, имевшим такое количество детей; Клавдий распространил эти привилегии также на тех женщин, независимо от их семейного положения, которые принимали участие в снабжении Рима. О латинах см. «Божественный Юлий», гл. 8, и «Божественный Август», гл. 47, прим. 51.

[24] Марсы — племя в центральной Италии, в области которых находилось озеро.

[25] Так назывался построенный Клавдием водопровод.

[26] Туф — местный камень вулканической породы, употреблявшийся в Риме для крупных зданий.

[27] Однако на специально предназначенных для них скамьях, отдельно от прочей публики. Особые скамьи имели также всадники.

[28] Шутка основана на том, что Голубь (Palumbus, собственно — дикий голубь), которого требовала публика, было имя бойца, Клавдий же делал вид, что понимает слово буквально.

[29] Т. е. присягу в том, что выберет лучшего и достойнейшего.

[30] Фидеикомиссы — завещание наследства какому-либо лицу, обязывавшемуся верностью (fides), а не правом, выделить часть наследства третьим лицам, по закону или по другим обстоятельствам не могущим стать непосредственными наследниками завещателя.

[31] См. прим. 23.

[32] В республике трибуны садились в сенате на особую скамью. Клавдий, садясь на нее, хотел в данном случае подчеркнуть, что в качестве носителя трибунской власти он является представителем и защитником интересов народа.

[33] Императорские прокураторы, т. е. уполномоченные или управляющие, имели различное значение, сообразно важности поручаемых им дел. Здесь имеются в виду прокураторы высшего ранга.

[34] Широкая красная кайма — отличительный признак одежды сенаторов.

[35] Эрарий Сатурна — государственная казна, помещавшаяся в храме Сатурна.

[36] Salutatio — утреннее приветствие, приносимое клиентами своим покровителям — было весьма распространенным обычаем в Риме. Клавдий этим запретом хотел подчеркнуть подчинение армии и солдат только ему.

[37] Остров Эскулапа — на Тибре, с храмом этого бога; господа хотели таким образом переложить уход за рабами с себя на жрецов храма, занимавшихся лечением

[38] Об Илионе см. «Тиберий», прим. 57. Какому Селевку и когда было адресовано это письмо сената — в точности неизвестно. Большинство новых историков относят его к Селевку II Каллинику (247—226) и к моменту его войны с Египтом. Некоторые считают это письмо вымыслом позднейших римских историков.

[39] Здесь имеется в виду не Христос, а какой-то агитатор Хрест, вероятно подстрекавший иудеев к отказу от уплаты обременительных налогов.

[40] Друидическая религия была распространена в Галлии до римского завоевания и имела огромное влияние на ее население благодаря крепко сплоченной и многочисленной касте жрецов, друидов, у которых, между прочим, были в обычае человеческие жертвы.

[41] Фециалы — древнейшая жреческая коллегия в Риме. В компетенцию фециалов входило суждение о нарушении международных договоров, заключавшихся при их участии, и объявление войны.

[42] С знаменитой своим развратом и жестокостью Мессалиной Клавдий состоял в браке еще в правление Калигулы. От нее он имел сына Британника. О ее разврате Тацит и Плиний сообщают чудовищные подробности. Близких ко двору женщин, соперничества которых она боялась, она устраняла убийством. Такая же участь постигала мужчин, отвергавших ее расположение. С всемогущими вольноотпущенниками Клавдия она была в союзе. Гай Силий решился на брак с нею в надежде самому стать императором. Этот чудовищный скандал явился однако причиной ее гибели. Вольноотпущенник Нарцисс, опасаясь за собственную участь, открыл Клавдию ее преступление и заставил его казнить жену и ее любовника. О собственном согласии Клавдия на брак с Силием (см. ниже, гл. 29) Тацит не упоминает.

[43] Внука и приемного сына Августа.

[44] Впоследствии императора.

[45] Почетное копье — военное отличие, которым в республике награждали за храбрость, не различая

ранга и положения награждаемого, в империи же предоставляли его только лицам командного состава.

[46] Из них известны две: Друзилла, дочь мавританского царя Юбы, и другая Друзилла, дочь иудейского царя Агриппы.

[47] Пользоваться носилками в Риме вольноотпущенные не имели права; право давать публичные игры имели лица ранга не ниже всаднического.

[48] Должность, занимаемая Полибием, называлась a studiis. В точности передать этот термин в переводе невозможно; в обязанности этой должности, которую обычно занимал человек ученый, входило помогать императору в управлении и судопроизводстве.

[49] Предзнаменование предвещало гибель «мужу Мессалины»; Клавдия одурачили тем, что брак ее с Силием объяснили желанием отвести на него от Клавдия эту гибель (см. прим. 42).

[50] Звериные травли происходили рано утром; «полуденными» боями назывались такие, которые происходили в полдень, когда большинство зрителей расходились для завтрака.

[51] См. «Божественный Август», прим. 21.

[52] См. гл. 13.

[53] См. там же.

[54] Запрет продавать вареную пищу исходил от эдила. Впоследствии, при Нероне, он был введен законом.

[55] «Бунт дураков».

[56] Неизвестное нам лицо, отличавшееся, вероятно, глупостью.

[57] «Языком болтай, рукам воли не давай». Возможно, что эта поговорка осталась у него с детства, когда строгий педагог слишком часто бил его (Бремн).

[58] Упоминается в гл. 4.

59 «Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду» (стих Гомера в «Илиаде», XXIV, 369, и «Одиссее», XXI, 133, перев. Жуковского).

60 Музей — ученое общество, содержавшееся на общественные средства. Музеев в нашем смысле, как хранилищ коллекций предметов искусства или достопримечательностей, в античной древности не существовало. Такие предметы выставлялись в храмах или портиках.

61 «Кто ранил, тот и исцелит».

62 54 г.

Нерон

1 В 104 г. в силу названного его именем закона Домиция. В 103 г. он был избран великим понтификом.

Далее Светоний ошибочно приписывает Гнею Домицию победу над аллоброгами, одержанную в 122 г. его отцом, тоже Гнеем.

2 См. «Божественный Юлий», гл. 23 и 24.

3 Закон издан был в 43 г. Педием, двоюродным братом Августа и его коллегой по консульству.

4 Т. е. выполнителем его завещания. При составлении завещания завещатель в присутствии пяти свидетелей фиктивно продавал третьему лицу (называвшемуся emptor familiae) все свое имущество, причем последний был обязан после смерти завещателя выдать каждому наследнику долю, отказанную ему в завещании.

5 Гая Домиция Агенобарба.

6 Так наз. cohors amicorum.

7 Аргентарии, менялы или банкиры, при денежных сделках выполнявшие также роль маклеров.

8 37 г.

9 Обряд очищения новорожденного производился для мальчиков на девятый день; при этом ему давалось имя.

10 Калигула.

[11] См. «Божественный Клавдий», прим. 7.

[12] Вследствие неблагоприятных предзнаменований.

[13] Этими мерами он хотел отличить место своего рождения — Анций. В эпоху империи выслужившие солдаты нередко поселялись на купленных у жителей участках земли в городах, которые возводились в ранг колоний.

[14] Т. е. доносчикам на случай нарушения закона Папия Поппея (см. о нем «Божественный Клавдий», гл. 18, прим. 23).

[15] Они были учреждены самим Нероном в ознаменование дня, когда он в первый раз обрил себе бороду. Эти игры не были публичные. На них выступал сам Нерон, и в честь его возраста они носили свое название.

[16] Цифра, очевидно, преувеличена, как явствует из Тацита («Анналы», XV, 32) и Диона Кассия (LXI, 17). Некоторые издатели изменяют поэтому цифру на сорок и шестьдесят.

[17] Согласно мифу, Пасифая, дочь Гелиоса и супруга Миноса, влюбилась в быка. Искусный художник Дедал сделал для нее деревянное изображение коровы, в которое она спряталась и таким образом отдалась покрывшему корову быку.

[18] Сын Дедала, согласно мифу, на восковых крыльях взлетел на воздух, но, слишком приблизившись к солнцу, лучи которого расплавили воск, упал в море.

[19] В эпоху принципата Армения представляла буферное государство между империей и царством парфян; обе могущественные державы боролись за преобладающее влияние в ней и стремились иметь на ее престоле своего ставленника. Тиридат, из парфянского царствующего дома Арсакидов, в 66 г. получил корону из рук Нерона.

[20] Тиара — персидский головной убор в виде тюрбана.

[21] В данном случае приветствие титулом императора имеет то же значение, какое это приветствие имело в республиканскую эпоху, когда солдаты после победы провозглашали императором своего полководца.

Вся церемония, включительно с закрытием дверей храма Януса, означает как бы победоносное окончание войны с Арменией, которой на самом деле ведено не было.

[22] Во время диктатуры Цезаря. В жизнеописании Цезаря (гл. 76) Светоний упоминает о нем, не называя имени.

[23] Sportulae. Так называлась денежная сумма, ежедневно выдаваемая патронами своим клиентам, являвшимся к ним для засвидетельствования своего почтения; обычно она равнялась 25 ассам (2.25 руб. золотом) и для многих служила источником существования. В связи с общественными празднествами угощение народа обедом Нерон заменяет такими единовременными выдачами (см. «Домициан», гл. 7).

[24] Очевидно, наездникам разрешалось после состязаний разъезжать по улицам Рима и шутить с прохожими; запрещение обычая было вызвано тем, что шутки нередко переходили в распущенность.

[25] Очевидно, тройная шнуровка делала подделку документа более затруднительной.

[26] На этих пустых страницах вписывались затем имена наследников, которых свидетели не должны были знать.

[27] Эрарий — государственное казначейство.

[28] Рекуператоры — судьи из числа граждан, в республике назначавшиеся первоначально для решения дел об имуществе между римлянами и иностранцами, позже только между римлянами. Реформа, таким образом, означает, что долговые обязательства государству стали приравниваться к частноправовым.

[29] См. «Тиберий», прим. 41.

[30] Истм—Коринфский перешеек. Прорытие его проектировал уже Цезарь (см. «Божественный Юлий», гл. 44). Осуществлено оно было только новым греческим королевством в конце XIX века.

[31] См. выше, гл. 12.

[32] Канака — мифическая дочь этрусского царя Эола, вступившая в кровосмесительную связь с своим братом.

[33] Кассиопа — город на о. Коркире, нынешнем Корфу.

[34] Альбан — город на Аппиевой дороге, близ Рима.

[35] Августианцы. — По Тациту («Анналы» XIV, 15), это были молодые римские всадники, набранные в особый отряд Нероном. Их имя происходит от титула императора «Август».

[36] В подлиннике — mitellita. Смысл этого места не разъяснен с точностью комментаторами. Mitella представляла шелковую головную повязку, надевавшуюся гостями на изысканных пиршествах. Термин обозначает вообще дорого стоющий обед.

[37] Rosaria; возможно, впрочем, что здесь разумеются драгоценные духи из роз, которыми опрыскивали гостей и столовую.

[38] Город Канузий в Апулии славился своей шерстью.

[39] Мазаки — мавританское племя, славившееся своими лошадьми и искусством верховой езды.

[40] По закону, когда вольноотпущенный умирал бездетным, половина его имущества доставалась его патрону, имя которого он носил; Нерон в этих случаях брал себе пять шестых имущества не только своих собственных вольноотпущенных, но и тех, которые самовольным присвоением себе имени выдавали себя за вольноотпущенных его родственников, не будучи таковыми на самом деле.

[41] Закон Юлия Цезаря, каравший отравителей и являвшийся, собственно, только подтверждением уже раньше изданного Корнелиева закона диктатора Суллы.

[42] Домиции, сестры отца.

[43] О них см. «Божественный Клавдий», гл. 28.

[44] О Гае Пизоне и его жене Ливии Орестилле Светоний говорит в жизнеописании Калигулы (гл. 25).

Пизон был возвращен из ссылки при Клавдии, достиг консульства и наместничества в провинции; заговор против Нерона он составил в 65 г.

45 Об этом заговоре других известий у историков нет.

46 «Пусть по смерти моей землю пожрет огонь».

47 Башня Мецената находилась, как предполагают, в собственных садах Нерона.

48 «Убийцы матерей, Нерон, Орест и Алкмеон».

49 «Нерон осквернил и убил собственную мать».

50 Эпиграмма построена на двойном значении глагола tollere — выносить и убивать. Эней вынес на своих плечах своего отца Анхиза из пылающей Трои; Нерон убил собственную мать.

51 Ироническое сопоставление Нерона, играющего роль Аполлона-певца, с нанесшим римлянам поражение парфянским царем, который играл роль Аполлона — стреломегателя.

52 Намек на захваты уличных участков под Золотой дом Нерона. Веи — этрусский город недалеко от Рима, по взятии которого (в 396 г. н. э.) плебеи требовали переселения в него.

53 Навплий был отец Паламеда, коварно погубленного Одиссеем. В отмщение последнему он завлек его корабль на подводную скалу и этим вызвал кораблекрушение. Очевидно, Нерон в своих артистических выступлениях выбирал темой также и эту греческую легенду.

54 «Прости, отец, прости, мать...»

55 «Нас прокормит искусство».

56 Будущего императора.

57 Намекая этим на то, что, имей он досуг, он, Нерон, конечно, превзошел бы его.

58 Обычная прическа греческих певцов, выступавших на состязаниях.

[59] Насмешка намекает на убийство Нероном собственной матери. За это преступление, по римскому обычаю, виновного зашивали в мешок и топили.

[60] Gallus — петух; намек на восстание Виндекса в Галлии.

[61] Виндекс (имя предводителя восстания) значит «мститель».

[62] Астурия — область в Испании.

[63] Разумеются обеты за благополучие императора в начале года.

[64] В подлиннике: «Tu facies, Auguste!», т. е.: «Ты этого добьешься, Август!». Обратный смысл восклицания получился вследствие двойного значения глагола facere, употребленного Нероном в речи и сенаторами — в ответе. Нерон сказал о заговорщиках, что они «brevi dignum exitum facturos», т. е. найдут свою гибель. В переводе эту двусмысленность передать невозможно.

[65] «Жена, отец и мать требуют моей смерти».

[66] Виргилий, «Энеида», XII, 646.

[67] «Не подобает так Нерону, не подобает; в таком положении надо быть благоразумным; ну же! ободрись!»

[68] «Коней стремительно скачущих топот мне слух поражает» («Илиада», X, 535).

[69] Ныне Монте-Пинчио.

Гальба

[1] См. «Божественный Юлий», гл. 15.

[2] Гальбан — род смолы.

[3] Это запрещение отняло у него надежду вновь обогатиться хищениями в провинции.

[4] В 5 г. до н. э.

[5] «И ты, мальчик, отведаешь со временем нашей власти».

[6] Игры в честь богини Флоры, введенные в Риме в 238 г. до н. э.

[7] О квиндецимвирах см. «Божественный Цезарь», гл. 79, прим. 80. Тиции — коллегия жрецов, учреждение которой приписывалось легендарному царю Тацию для отправления сабинских религиозных обрядов. Августалы — служители культа обожествленных императоров в городах Италии и провинции.

[8] Таким образом, он хотел всегда иметь при себе деньги, чтобы в любой момент быть готовым отправиться в изгнание.

[9] Клуния — город в Испании, ныне Крупа-дель-Конде.

[10] См. «Божественный Август», гл. 57, прим. 56.

[11] «Крепка у меня еще сила» («Илиада», V, 254, «Одиссея», XXI, 426).

Отон

[1] Ферентий — город в южной Этрурии (Тоскане), ныне Ферентο.

[2] См. «Божественный Клавдий», гл. 13.

[3] 32 г. н. э.

[4] Центральный пункт, от которого расходились во все стороны дороги из Рима и велся счет милям. Подножие его сохранилось.

[5] Подорожный диплом — грамота, дававшая право пользоваться государственными средствами транспорта.

[6] Собственно: «Что мне до длинных флейт?» Смысл этих слов повидимому таков: «Зачем взвалил я на себя непосильное бремя?»

[7] Эти щиты ежегодно извлекались из их хранилища, храма Марса, и в течение 30 дней их обносили в торжественной процессии вокруг Рима. Предпринимать что-либо в эти дни считалось несчастливым.

[8] См. «Тиберий», гл. 2, прим. 8.

[9] Брикселл — в Ломбардии, на р. По, ныне Брешелло.

[10] Военные трибуны (см. «Божественный Юлий», прим. 11) в империи разделялись на латиклавов и ангустиклавов. Первые происходили из сенаторского сословия и как знак отличия носили широкую пурпурную кайму, вторые, принадлежа к всадническому сословию, носили кайму узкую.

Вителлий

[1] Аборигены — легендарный народ, якобы представлявший древнейшее население Италии.

[2] См. «Калигула», гл. 16.

[3] Т. е. был консулом в начале года и дал этому году свое имя наряду с Клавдием.

[4] Приближаться к божеству римляне должны были с закутанной головой.

[5] 15 г. н. э.

[6] Жители городов Синуессы и Формий в Италии.

[7] Изменой Гальбе.

[8] Ныне Кёльн на Рейне.

[9] 18 июля, годовщина битвы при Аллии в 390 г. до н. э., когда римляне были наголову разбиты галлами, считался с тех пор днем траура.

[10] Так назывался сборник песен Нерона, от слова «dominus» — господин.

[11] Posca — народный напиток из уксуса, воды и яиц.

[12] См. выше, гл. 9.

Божественный Веспасиан

[1] Реате — город в Сабине к северу от Рима, близ нынешнего Риети.

[2] Гельветы — галльское племя, жившее в западной части нынешней Швейцарии.

[3] В 9 г. н. э.

[4] Рука считалась символом власти.

[5] На горе того же имени, между Сирией и Иудеей.

[6] Речь идет о солдатах, служивших в качестве пожарной команды; их отделения поочередно стояли в упомянутых здесь городах, и в связи с переменой гарнизона они переходили из одного в другой.

[7] См. «Божественный Август», гл. 33, прим. 44.

[8] Смысл слов Веспасиана таков: «Не подобает человеку, играющему в известных случаях роль женщины, бранить мужчину».

[9] Несуществующая страна болезней.

[10] Три миллиарда рублей золотом.

[11] Колоссальная статуя Нерона. Статуя Венеры Косской была работы знаменитого Праксителя.

[12] Буквально — торговец соленой рыбой. Таково было прозвище, данное александрийцами самозванному Селевку, получившему руку царицы Береники, дочери царя Птолемея Авлета, но по разоблачении обмана ею убитому.

[13] «О, Лахес, Лахес! ты умрешь и снова станешь Церилом» («Менандра», фрагм. 223,2). Веспасиан хочет сказать, что по смерти вольноотпущенника его обман все равно обнаружится, и с его имуществом будет поступлено, как с имуществом вольноотпущенника.

[14] Т. е. чувствую близость смерти и ожидающего меня после нее обожествления.

[15] В 79 г. н. э.

Божественный Тит

[1] Септизоний — башня в семь этажей, украшенная колоннами. Впоследствии был знаменит Септизоний, выстроенный Септимием Севером. Действительный год рождения Тита не 41, как указывает здесь Светоний, но 39, что подтверждается его же данными в гл. 11.

[1] Во время восстания Иудеи при Нероне, в 66–67 гг. н. э.

[3] Когда императором был провозглашен его отец.

[4] Об этом титуле см. «Божественный Юлий», гл. 76, и прим. 73.

[5] Амфитеатра Флавия, известного под названием Колизея. Значительная часть огромного здания сохранилась и доныне.

[6] Жрец, согласно закону, не должен был даже видеть мертвое тело.

[7] В 81 г. н. э.

Домициан

[1] В 51 г. н. э.

[2] Крепиды — греческие башмаки.

[3] Пятидневный праздник в честь Минервы начинался на пятый день после мартовских ид.

[4] Одеон — здание для музыкальных и вокальных исполнений.

[5] См. «Нерон», гл. 16 и прим. 23.

[6] См. «Божественный Август», гл. 36, прим. 44.

[7] См. «Нерон», гл. 17, прим. 28.

[8] Легаты — доли, отказываемые в завещании, которые должны были выдаваться главными наследниками.

[9] Закон трибуна Скантиния против противоестественного разврата.

[10] Т. е. закапыванием в землю живой.

[11] Вергилий, «Георгики», II, 537.

[12] Вероятно, в виде подарка на новый год.

[13] Государственная казна, находившаяся в ведении сената.

[14] О законе этом других, более подробных сведений нет.

[15] См. выше, гл. 3.

[16] Об этом историке других сведений нет.

[17] Фракийцы имели в своем вооружении щит. Смысл слов, оскорбивших Домициана, следующий: фракиец сам по себе не хуже мирмильона, но он должен показать себя слабее в борьбе, ибо так угодно устроителю игр, Домициану, который покровительствовал мирмильонам.

[18] «Не хочешь ли и ты жениться?» Ламия хочет сказать Титу, что он подозревает его в намерении поступить так же, как Домициан, т. е., уговорив его жениться, отнять затем у него жену.

[19] Нимфа, жена Париса, им покинутая. Любовника жены Домициана тоже звали Парисом (см. гл. 3).

[20] Осужденного привязывали к столбу и засекали до смерти.

[21] «Не хорошо многовластье» («Илиада», II, 204).

[22] «Если даже ты объешь меня до корня, я все же принесу столько плодов, сколько надо для возлияния, когда тебя, козел, станут приносить в жертву».

[23] В 96 г. н. э.

[24] «Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом» («Илиада», XXI, 108).

[25] «Все будет хорошо!»

Указатель собственных имен [1]

Август (первоначальное имя Октавий) (63 г. до н. э.—14 г. н. э.) — римский император. Внучатный племянник и наследник Цезаря. Основатель римского принципата. В панегирической биографии Светония сознательно обойдены молчанием необычайно жестокие меры (проскрипции, казни и т. д.), с помощью которых Октавий расправлялся с представителями сенатской оппозиции в гражданской войне. Не упомянуто также, что и позднее Августу почти беспрерывно приходилось бороться с попытками реставрации, исходившими от его ближайших придворных и от самой его родни. Обойден вопрос о военных неудачах Августа в Германии и на Дунае. Стр. 107—197.

Авдасий (Люций Авдасий) организовал заговор против Августа. Намеревался для этого тайно вернуть из ссылки дочь Августа Юлию и внучку Агриппину и привести их в армию. Кроме сказанного у Светония, об А. ничего неизвестно. Стр. 121.

Аврелий Котта — свойственник Цезаря, быть может, Гай Котта, консул 75 г. до н. э. или его брат Марк, консул 74 г. до н. э. Стр. 39.

Аврелия (ум. в 54 г. до н. э.) — мать Цезаря, из старинного патрицианского рода. Стр. 99.

---

[1] Настоящий указатель далеко не охватывает всех собственных имен, какие мы находим у Светония. Опущены второстепенные и третьестепенные персонажи.

Аврункулей—легат Цезаря в Галлии. Зимою 54—53 г. подвергся нападению эбуронов и был убит. Стр. 56.

Автроний — консул 65 г. до н. э., отрешенный за подкуп избирателей. Позже сторонник Катилины. Стр. 44.

Агамемнон — персонаж «Илиады», мифический герой Троянской войны; царь Микен, предводитель ахейского войска. В императорском Риме почитался как носитель единодержавной власти, почему Тиберий, например, наказал одного поэта за неуважительный отзыв о нем. Стр. 249.

Агерм (Луций Агерм) — вольноотпущенник Агриппины, матери Нерона, клеветнически обвиненный Нероном в ее убийстве. Стр. 399.

Агриппа (Марк Агриппа) (ок. 63 — 12 гг. до н. э.) — один из крупнейших государственных деятелей эпохи Августа, полководец, финансист, промышленник, зять Августа, муж дочери его Юлии. Выходец из демократических низов, Агриппа — один из характернейших людей «августова века», подлинный организатор нового государственного строя Рима. Стр. 118, 126, 132, 138, 144, 161, 162, 165, 189, 207, 210, 269, 283.

Агриппа Постум — сын Марка Випсания Агриппы и Юлии, дочери Августа. Родился после смерти отца. После смерти Августа был убит Тиберием. Стр. 221.

Агриппина — т. н. Старшая, дочь Агриппы и Юлии, жена Германика, мать Гая Цезаря (Калигулы). Активно участвовала в придворных заговорах и борьбе интриг в годы правления Тиберия и погибла в ссылке (33 г. н. э.). Стр. 162, 180, 243, 269.

Агриппина — т. н. Младшая (ок. 15—60 гг. н. э.), дочь Агриппины Старшей и Германика, жена богача Домиция Агенобарба, а потом императора Клавдия,

———————

а также имена и названия, для пояснения которых пришлось бы повторить сказанное в тексте или в соответствующем примечании. В особый перечень выделены географические названия, которые мы даем без ссылок на страницы.

мать Нерона. Подобно матери своей, играла крупную роль в придворных интригах первых десятилетий империи, обвинялась в отравлении мужа, императора Клавдия, была убита по приказанию сына, императора Нерона. Стр. 239, 347, 348, 357, 360, 361, 371, 372, 392, 429.

Админий — сын британского царя Кунобелина; перебежал на сторону римлян в правление императора Калигулы. Стр. 394.

Азелий Сабин — придворный писатель Тиберия. Получил от него награду за «гастрономический» диалог между грибом, куликом, устрицей и дроздом. Стр. 235.

Азиний (Гай Азиний Поллион) (76 г. до н. э.— 5 г. н. э.) — оратор, писатель и критик, современник Цезаря и Августа. Стр. 61, 79, 80, 132, 146, 331.

Азиний Галл (ум. в 33 г. н. э.) — сын оратора Поллиона, противник Тиберия, оппозиционный писатель сенаторской группировки. Стр. 359.

Азиний Галл (род. в 6 г. до н. э.) — сын предшествующего, организатор (в 46 г. н. э.) заговора против Клавдия; поплатился за это изгнанием. Стр. 331.

Александр Великий (356–323) — македонский царь. Его завоевание Персии привело к основанию ряда крупнейших эллинистических монархий Востока. Стр. 43, 120, 159, 187, 310, 382.

Анний (Тит Анний Мило) — народный трибун 63 г. до н. э., претор 58 г. до н. э., друг Цицерона, равностный помпеянец и противник Цезаря. Стр. 93.

Анк Марций — четвертый из семи легендарных римских царей. Его царствование по римской традиции относится к концу VII в. до н. э. Стр. 42.

Анней (Люций Анней Сенека) (ок. 4 г. н. э.— 65 г. н. э.) — знаменитый философ-стоик, трагический поэт, богач, вельможа и наставник Нерона. Осужденный Нероном на смертную казнь, покончил самоубийством. Отец его — писатель и ритор. Стр. 310, 373, 401, 416.

Аннибал (ок. 247–183 гг.) — карфагенский полководец. Во время т. н. Второй пунической войны осаж-

ривал у Рима власть над Средиземным морем. Нанес Риму ряд жестоких поражений в Италии, но был в конце концов разбит Сципионом в Африке при Заме. Стр. 202, 526.

Антиох IV Эпифан — царь Коммагены, возведенный на трон Калигулой в 38 г. н. э. Стр. 278.

Антистий Лабеон (род. ок. 50 г. до н. э., ум. между 10—22 гг. н. э.) — юрист и оппозиционный писатель времен Августа. Стр. 156.

Антоний (Люций Антоний) — брат триумвира, консул 41 г. до н. э.; в борьбе М. Антония с Октавием был на стороне своего брата. Был осажден в Перузии и взят в плен. Октавий пощадил его и даже отправил одним из своих легатов в Испанию. Стр. 113.

Антоний (Люций Антоний Сатурнин) наместник Верхней Германии, восставший против Домициана и казненный. Стр. 521, 522.

Антоний (Марк Антоний) (ок. 83 г. — 30 г. до н. э.) — ближайший помощник Цезаря, «начальник конницы». После убийства Цезаря разделил власть с Октавием (второй триумвират). В последовавшей гражданской войне пытался, опираясь на восточные страны, в частности на Египет, добиться единодержавия. Был разбит Октавием при Акции; покончил с собою в 30 г. Стр. 77, 99, 112—115, 119, 120.

Антоний (Марк Антоний Антилл) — сын триумвира и Фульвии; после смерти триумвира был убит по приказанию Августа. Стр. 120.

Антоний (Юл Антоний) — младший брат предыдущего, достиг консульства в 10 г. до н. э.; за связь с Юлией, дочерью Августа, был приговорен к смерти во 2 г. до н. э.; вероятно, покончил с собой.

Антоний Муза — знаменитый римский врач, лечивший Августа; ввел в обычай леченье холодными купаньями. Стр. 159.

Антония — т. н. Старшая (род. в 39 г. до н. э.), дочь триумвира Марка Антония и сестры Августа, Октавии, мать Гн. Домиция, отца Нерона. Стр. 370.

Антония — т. н. Младшая (род. в 36 г. до н. э.), сестра предыдущей, жена Друза, пасынка Августа, мать Германика и императора Клавдия, пострадавшая

от своего внука Калигулы. Стр. 265, 272, 276, 284, 285, 291, 321, 323, 329.

Антония — дочь императора Клавдия, умерщвлена по приказанию Нерона. Стр. 348, 401.

Аполлоний Молон (I век до н. э.) — оратор и учитель красноречия в Родосе, где его слушал и Ю. Цезарь. Стр. 41.

Аппий (Гай Аппий Юний Силан) — консул 28 г. н. э., муж Домиции Лепиды, матери Мессалины; казнен в 42 г. Стр. 350, 355.

Артабан III — царь парфянский, находившийся в деятельных торговых и дипломатических отношениях с Римом в первую половину I века н. э. Стр. 254, 275.

Архелай — царь каппадокийский (Малая Азия) с 36 г. до н. э.; приверженец Антония; был лишен престола Тиберием, обратившим Каппадокию в римскую провинцию, и умер в Риме в 17 г. н. э. Стр. 208, 233.

Асдрубал (ум. в 207 г. до н. э.) — младший брат Аннибала, деятельный его помощник; погиб в сражении с разбившим его Тиберием Нероном. Стр. 202.

Асклепиад — египетский писатель I века н. э., автор богословского сочинения, стремившегося объединить существующие религии и обосновывавшего божественность происхождения Августа. Стр. 186.

Атта Клавдий — полумифический родоначальник Клавдиев, по преданию переселившийся в начале республики из страны сабинов в Рим. Стр. 201.

Афраний (II век до н. э.) — автор не дошедших до нас комедий из римской жизни (так называемых «комедий тоги» — «тогат»). Стр. 376.

Ахилл — герой троянской войны, главный герой «Илиады». Миф рассказывал, что Ахилл юношей скрывался в женском платье среди дочерей царя Ликомеда на о. Скиросе. Стр. 257.

Бальб — См. Анний.

Береника — дочь иудейского царя Агриппы I, любовница императора Тита, прославленная в позднейшей романтической литературе. Стр. 597.

Бибул (Марк Кальпурний Бибул) — противник Цезаря, бывший одновременно с ним консулом (59 г.

до н. э.). В гражданскую войну неудачно командовал флотом Помпея. Стр. 44, 45, 50—52, 74.

Богуд — царь Мавритании (с 49 г. до н. э.), союзник Цезаря в его войнах в Испании и Африке. Стр. 76.

Британник — сын императора Клавдия и Мессалины. Род. в 41 или 40 г. н. э., в 55 г. отравлен Нероном, который видел в нем претендента на престол. Стр. 348, 351, 372, 373, 397.

Брут (Децим Юний Брут) (84—43 гг. до н. э.) — сподвижник Цезаря в междоусобной войне и впоследствии участник заговора против него. Стр. 96, 113, 114.

Брут (Люций Юний Брут) — полумифический виновник изгнания царей из Рима, основатель римской аристократической республики, консул, легендарный предок Марка Брута, убийцы Цезаря. Стр. 96.

Брут (Марк Юний Брут) (85—42 гг. до н. э.) — глава заговора против Цезаря, заговора, «республиканского» по своей фразеологии, но аристократически-реакционного по существу. Вел гражданскую войну против наследников Цезаря, Октавиана и Антония, и покончил с собою, разбитый в битвах при Филиппах. Стр. 96, 99.

Бурр (Афраний Бурр) — временщик, начальник преторианской гвардии (с 51 г. н. э.), умер в 63 г., отравленный Нероном. Стр. 402.

Валерий (Марк Валерий Мессала Корвин) — сенатор, республиканец, перешедший на сторону Августа. Стр. 159, 172, 257.

Валерий Мессала Барбат — двоюродный брат и тесть императора Клавдия, отец Мессалины. Стр. 347.

Валерия Мессалина — см. Мессалина.

Вар (Публий Квинтилий Вар) — легат Августа в Германии, покончивший с собою в 9 г. н. э. после разгрома римлян германцами в Тевтобургском лесу. Стр. 124, 152, 217, 219, 237, 293.

Варрон (Марк Теренций Варрон) (116—28 гг. до н. э.) — величайший римский ученый-энциклопедист, стремившийся освоить достижения эллинистической науки. Стр. 63, 71

Варрон Мурена — крупный государственный деятель Рима, связанный с сенаторской группой, организовал заговор против Августа и был казнен. Стр. 121, 158, 165, 203.

Веспасиан (9—79 гг. н. э.) — император. Потомок откупщика. Командовал римской армией в иудейской войне. Принял участие в междоусобице 69 г., сверг с престола императора Вителлия и был провозглашен императором, основав династию Флавиев. Придерживался политики компромисса с землевладельческой знатью. После года междоусобий бережливостью восстановил финансы Рима. Стр. 479—500.

Веттий (Люций Веттий) — политический авантюрист, участник заговора Катилины в 63 г. до н. э., потом выдавший соучастников и донесший на Цезаря. Впоследствии Цезарь хотел при помощи Веттия поссорить Помпея с аристократами. Стр. 49.

Виндекс (Гай Юлий Виндекс) — потомок галльских царей из Аквитании, восставший против Рима при Нероне. Стр. 406, 408, 413.

Виргилий (Публий Виргилий Марон) (70—19 гг. до н. э.) — знаменитый поэт, идеолог века Августа; написал «Георгику» и «Буколику» — сельские поэмы, прославляющие земледелие, и «Энеиду», посвященную подвигам легендарного предка Августа — Энея. Стр. 235, 419.

Вириат — лузитанский (португальский) пастух, возглавивший восстание против римского владычества и восемь лет (147—139) успешно воевавший с римлянами. Стр. 433.

Вителлий (Авл Вителлий) — император. Род. в 15 г. н. э., убит в 69 г. Был выдвинут в императоры в междоусобный 69 год, но вскоре свергнут легионами Сирии и Мэзии, провозгласившими императором Веспасиана. Стр. 426—476.

Вологэз (ум. ок. 78 г. н. э.) — царь парфян, поддерживал активные отношения с Римом, в частности с Нероном. Стр. 421, 487.

Габиний (Авл Габиний) (ум. в 47 г. до н. э.) — приверженец Помпея, представитель сенаторской группировки, консул 58 г. Стр. 75.

Гальба (Сервий Сульпиций Гальба) — император. Род. в 5 г. до н. э., будучи наместником Испании, был провозглашен императором своими легионами в год гражданской войны, последовавшей за убийством Нерона, и поддержан восставшим наместником Галлии Виндексом. Свергнут преторианцами, выдвинувшими в качестве императора Отона. Стр. 425—444.

Гектор — сын Приама, главный троянский герой в «Илиаде». Стр. 242, 385.

Гекуба — героиня «Илиады», жена Приама. Стр. 257.

Гельвидий Приск — сторонник сенаторской оппозиции, республиканец, изгнанный при Нероне, казненный Веспасианом. Стр. 494, 526. Его сын — консул 87 г. н. э., посажен Домицианом в тюрьму, где и умер. Стр. 526.

Германик (15 г. до н. э.—19 г. н. э.) — сын Друза Старшего, племянник Тиберия. В год смерти Августа командовал в Германии. Его популярность в армии и народе навлекла на него подозрения Тиберия в стремлении к власти. Внезапная его смерть подала повод к ряду дворцовых интриг против Тиберия, возглавленных вдовой Германика — Агриппиной Старшей. Стр. 197, 223, 245, 265—269.

Гирций (Авл Гирций) — полководец, приверженец Цезаря, убитый в свое консульство в 43 г. до н. э. в бою под Мутиной; автор VIII книги «Записок о войне с галлами». Стр. 89, 114, 167, 206.

Гомер — легендарный греческий поэт, по преданию, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». Стр. 164, 295.

Гортензий (Квинт Гортензий Гортал) (114—50 гг. до н. э.) — оратор, соперник Цицерона. Стр. 238.

Гракхи — братья Тиберий и Гай, возглавлявшие во II веке до н. э. демократическое движение против сената, выступившие с требованием передела государственных земель. Убиты аристократами — Тиберий в 133 г., Гай в 121 г. Стр. 234.

Деметрий — родом из Суния, философ, циник, близкий к сенатской оппозиции, друг Тразеи и Сенеки. Стр. 493.

Дидона — мифическая карфагенская царица, возлюбленная Энея, героиня поэмы «Энеида». Стр. 395.

Долабелла (Корнелий Долабелла) — консул 81 г. до н. э., победитель фракийцев, обвиненный Цезарем в лихоимстве. Стр. 41, 74, 78.

Домициан (Тит Флавий Домициан) — император. Род. в 51 г. н. э., правил с 81 г., был убит в 96 г. Со значительными трудностями оборонял границы империи от усилившихся вторжений германцев, паннонцев и даков. В отличие от предшествующих императоров Флавиева дома, отчетливо опирался на всаднические, т. е. финансово-буржуазные слои и преследовал роды сенаторской аристократии. Пал жертвой заговора, организованного сенатом, и навлек на себя резкие обвинения враждебно настроенных историков — Тацита и Светония. Стр. 515—532.

Друз (38—9 гг. до н. э.) — сын Ливии, брат Тиберия, пасынок Августа; был намечен в престолонаследники, но преждевременно умер. Стр. 205, 208.

Друз — сын Германика, заморен голодом в 33 г. н. э. Стр. 244, 253, 273, 326, 448.

Друз (Цезарь) — сын Тиберия и Випсании Агриппины. Был отравлен собственной женой по наущению Сеяна в 23 г. н. э. Стр. 196, 197, 207, 215, 222, 224, 233, 242, 244, 245.

Еврипид (ок. 480—406 гг.) — знаменитый греческий трагик, представитель рационалистической философии и морали. Тринадцать трагедий его нам сохранены. Стр. 61.

Изида — египетская богиня, мистический культ которой был очень популярен среди господствующих классов Римской империи. Стр. 457, 513.

Икар — мифологический герой, о котором см. прим. 18 на стр. 574. Икарами назывались в Риме гимнасты, совершавшие полеты в цирке. Стр. 377.

Иосиф Флавий (37 г. — ок. 100 г.) — еврейский историк, автор написанных по-гречески сочинений «О Иудейской войне» и «Иудейские древности». Стр. 481.

Калигула (Гай Цезарь Калигула) — правнук Августа, император. Родился в 12 г. н. э., правил с 37 г., убит в 41 г. Расточительством и военными

неудачами истощил империю. Пал жертвой дворцового заговора. Стр. 265—316.

Кальпурния — жена Ю. Цезаря (с 59 г. до н. э.), дочь Л. Пизона. Стр. 53, 93.

Камилл (Фурий Камилл) — один из крупнейших деятелей патрицианского сената. Неоднократно диктатор, в 396 г. до н. э. разрушил богатый этрусский город Вейи, бывший опасным противником Рима. С успехом боролся и с другими врагами Рима. Стр. 204, 347.

Канака (миф.) — дочь царя Эола. Стр. 334. О ней см. прим. 32 на стр. 576.

Каниний (Гай Каниний Ребил) — полководец Цезаря, сделанный им консулом в 45 г. до н. э. на один день. Стр. 93, 379.

Капис (миф.) — спутник Энея, от которого, по преданию, получила название Капуя. См. прим. 86 на стр. 551. Стр. 97.

Каски — Публий Сервилий, народный трибун 43 г. до н. э., и его брат Гай Сервилий, участники заговора против Цезаря. Есть известие, что оба покончили с собой после поражения республиканцев при Филиппах (42 г. до н. э.). Стр. 99.

Кассий (Гай Кассий Лонгин) — один из вождей сенатской оппозиции, глава заговора против Цезаря; покончил с собой после поражения в битве при Филиппах в 42 г. до н. э. Стр. 96, 101, 113, 249, 389, 403.

Кассий (Гай Кассий Херея) — преторианский офицер, убийца Калигулы, казненный Клавдием. Стр. 313—315.

Кассий Пармский — один из убийц Цезаря, казненный Августом после Актийской битвы, трагический поэт. Стр. 109.

Кассий (Тит Кассий Север) — оппозиционный оратор, изгнанный Августом и проведший в ссылке двадцать пять лет. Стр. 157, 277.

Кастор — мифологический герой, сын Юпитера и Леды. Храм в честь его и его брата Поллукса — в Риме, в южной части форума. Стр. 45, 221, 252.

Катилина (Луций Сергий Катилина) (108—62 гг. до н. э.) — глава направленного против сената восста-

ставил свою кандидатуру в консулы и составил аристократов, имевшего опору также в массе недовольных элементов. Был разбит и погиб в бою. Стр. 47, 49, 108, 186. (Подробнее в книге Саллюстий и Цицерон. Восстание Катилины, выходящей в издательстве Academia).

Катон (Марк Порций Катон) (234–149) — т. н. Старший, или Цензор, один из крупнейших деятелей и вождей аристократического сената, политик и писатель, убежденный консерватор. Стр. 181.

Катон (Марк Порций Катон Утический) (95–46 гг. до н. э.) — правнук Катона Старшего, принципиальный и последовательный сторонник аристократической сенаторской партии, участник гражданской войны против Цезаря, после поражения сенаторских войск покончил с собою в Утике (Африка). Имя его стало знаменем аристократической оппозиции. Стр. 47, 61, 77, 179, 181.

Катулл (Гай Валерий Катулл) (84 — ок. 54 гг. до н. э.) — римский лирический поэт, республиканец, написавший против Цезаря ряд оскорбительных эпиграмм. Стр. 99.

Катул Квинт (ок. 120–61 гг. до н. э.) — римский политический деятель, крайний консерватор. Ожесточенная борьба шла между ним и Ю. Цезарем. Стр. 47, 48.

Квириний (Публий Сульпиций Квириний) — консул в 12 г. до н. э. Неоднократно занимал военно-административные должности на Востоке. Стр. 239.

Кир (VI век до н. э.) — т. н. Старший, царь персидский, основатель персидского могущества, герой написанной Ксенофонтом «Киропедии». Стр. 102.

Клавдии — старинный римский патрицианский род. Его главные представители в республиканскую эпоху названы на стр. 201, 202.

Клавдий (Аппий Клавдий Слепой) (кон. IV — нач. III века до н. э.) — крупный политический деятель республики, один из вождей аристократического сената, строитель «Аппиевой дороги». Стр. 202–204.

Клавдий (Ти. Клавдий Нерон Германик) — император. Род. в 10 г. до н. э., правил с 41 г. н. э., умер в 54 г. Дядя императора Калигулы, получил

власть вопреки желанию сената и управлял, опираясь на вольноотпущенников. Правление его ознаменовалось непрерывными интригами, во главе которых стояла жена Клавдия Мессалина, а затем другая жена его — Агриппина но преданию, отравившая его. Стр. 319—364.

Клавдий Каудик — один из вождей аристократического сената, консул 264 г. до н. э., успешно начавший военные операции в Первую пуническую войну. Стр. 202.

Клавдий (Марк Клавдий Марцелл) — приверженец аристократов и противник Цезаря, консул 51 г., убит в 45 г. до н. э. Стр. 58, 60.

Клавдий (Марк Клавдий Руф) — консул 45 г. н. э., историк событий от Калигулы до Нерона. Писания Клавдия Руфа нам не сохранены. Стр. 384.

Клавдий Тиберий Нерон — римский полководец, победитель Асдрубала (207 г. до н. э.). Стр. 202.

Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) — последняя египетская царица, дочь Птолемея XI Авлета и сестра Птолемея XII, жена триумвира Марка Антония. Покончила самоубийством после поражения в войне против Октавия. Стр. 64, 76, 77, 120, 370.

Клодий (Публий Клодий Красивый) — сначала сторонник Цезаря, трибун 58 г., добившийся изгнания Цицерона. Позднее организовал собственные вооруженные отряды, которыми терроризировал Рим, действуя против сената и Помпея. Его политические цели и программа неясны. Убит в 52 г. до н. э. Милоном. См. прим. 35 и 43 на стр. 546—547. Стр. 42, 53, 56, 90, 151, 293.

Корнелий (Гай Корнелий Галл) (69—26 гг. до н. э.) — сподвижник Августа, выходец из демократических низов, позднее — префект Египта. Стр. 165.

Корнелий (Луций Корнелий Бальб) — консул 40 г. до н. э., сторонник Цезаря и его биограф. Стр. 94, 97, 132.

Корнелия — первая жена Ю. Цезаря, дочь Корнелия Цинны. Стр. 39.

Котизон — царь гетов, поднявший на Дунае восстание против Рима во время междоусобной войны Октавиана и Антония. Стр. 162.

Котта (Люций Аврелий Котта) — консул 65 г. до н. э., друг Цицерона, перешедший потом на сторону Цезаря. Стр. 95.

Коттий — царек кельтско-лигурийских племен, современник Тиберия. Стр. 232. См. прим. 41 на стр. 560.

Красс (Марк Лициний Красс) — богатейший банкир, промышленный рабовладелец, крупный государственный деятель, участник первого триумвирата. Род. в 115 г., убит в войне парфянами в 53 г. до н. э. Стр. 43, 51, 75, 123, 209.

Кремуций Корд (ум. в 25 г. н. э.) — оппозиционный, патрицианского направления историк времени Августа и Тиберия. Он назвал Брута и Кассия «последними римлянами». По приказу Тиберия сочинения его были сожжены. Стр. 138, 250, 277.

Ксенофонт (ок. 430—ок. 351 гг.) — греческий писатель, афинянин, автор «Похода 10 000 греков», «Истории Греции», являющейся продолжением труда Фукидида, романа «Киропедия», «Воспоминаний о Сократе» и др., начальник наемных войск, позднее богатый землевладелец. Стр. 102.

Ксеркс (485—465 гг.) — персидский царь, предпринявший поход против Греции, кончившийся поражением при Саламине и при Платеях. Стр. 280.

Кунобеллин (I век н. э.) — царь британцев, воевавший с Римом. Стр. 394.

Курий Квинт (ум. в 53 г. до н. э.) — консул 76 г., участник заговора Катилины, раскрывший этот заговор Цицерону. Ю. Цезаря он обвинял в участии в этом заговоре. Стр. 49.

Курион (Гай Скрибоний Курион) — сначала республиканец, затем сторонник Цезаря, народный трибун 50 г. до н. э. Деятельный помощник Цезаря в гражданской войне; тогда и погиб в Африке (49 г.) в борьбе с нумидийским царем Юбой. Стр. 59.

Лабиен (Тит Лабиен) — оратор и историк, современник Августа, по убеждениям помпеянец. Сочинения его было сожжены при императоре Тиберии. Стр. 277.

Лентул (Гней Лентул Гетулик) — консул 26 г. н. э. Его популярность в армии навлекла на него подозрения со стороны Калигулы; казнен в 39 г.

н. э.; оппозиционный историк и эпиграмматист. Стр. 270, 326, 430.

Лепид (Марк Лепид) — в 78 г. до н. э. будучи консулом, предпринял вооруженную попытку уничтожить порядки, введенные Суллой, был побежден и погиб в след. году. Стр. 40.

Лепид (Марк Эмилий Лепид) — сын предыдущего, «начальник конницы» Цезаря, участник второго триумвирата. Был позднее устранен от власти Октавием. Умер в 13 г. до н. э. Стр. 40, 103, 112, 115, 118, 128, 206, 285, 296.

Ливии — знаменитый римский плебейский род. Одна из его ветвей — Друзы, к которой по матери принадлежал Тиберий. Стр. 204.

Ливий (Тит Ливий) (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) — римский историк, автор истории Рима («От основания Рима») в 142 книгах, из которых до нас дошло 35. Стр. 295, 358, 526.

Ливия Друзилла (58 г. до н. э.— 29 г. н. э.) — была замужем за Тиберием Клавдием Нероном, а затем (с 38 г.), за Августом; получила в его завещании титул Августы и имела большое влияние на государственные дела. Стр. 132, 142, 161, 179, 197, 205.

Лициний (Гай Лициний Кальв) (82—47 гг. до н. э.) — известный оратор и поэт, друг Катулла, противник Помпея и Цезаря. Стр. 74, 89, 170.

Лициний (Люций Лициний Красс) (140—91 гг. до н. э.) — оратор, выведенный Цицероном в сочинении «Об ораторе». Стр. 368.

Лициний (Гай Лициний Муциан) — наместник Сирии в 67—69 гг. н. э.; сначала присягнул Отону, затем содействовал получению верховной власти Веспасианом. Стр. 487, 492.

Лоллий (Марк Лоллий) — консул 21 г. до н. э., разбит германцами на Рейне в 16 г. до н. э. Стр. 124, 213, 214.

Лукулл (Люций Лукулл) — богач («лукулловские пиры») и полководец, предшественник Помпея в завоеваниях на востоке (74—66 до н. э.). После консульства Цезаря удалился от политики. Умер в 56 г. от сумасшествия. Стр. 52.

Лукцей (Люций Лукцей) — римский оратор и историк, выставлял кандидатуру в консулы в 60 г. до н. э.,

но не был избран. В борьбе между Ю. Цезарем и Помпеем был на стороне последнего. Стр. 50.

Максим (Квинт Фабий Максим) (ум. в 45 г. до н. э.) — консул 45 г. до н. э., легат Цезаря в Испании. Стр. 96.

Мамурра — римский всадник, выдвинувшийся как приверженец Цезаря. Поэт Катулл направлял против него, как и против Цезаря, язвительные эпиграммы. Стр. 90.

Марий (Гай Марий) (156—85 гг. до н. э). — полководец, родом из крестьянской семьи, победитель кимвров и тевтонов, противник Суллы в гражданской войне; семь раз был консулом Рима. Стр. 40, 46, 247.

Маробод — царь германского племени маркоманнов, воевавший с Тиберием. Стр. 233.

Марс — древнеримский бог войны. Марсу-Мстителю был посвящен храм на форуме Августа. Игры в честь Марса-Мстителя были установлены Августом в 11 г. н. э. Стр. 123, 131, 286.

Марцелл (Гай Клавдий Марцелл) — аристократ, противник Цезаря, консул 50 г. до н. э., передавший Помпею защиту государства. Впоследствии помирился с Октавием, умер в 40 г. до н. э. Стр. 59.

Марцелл (Марк Клавдий Марцелл) (42 г.—23 г. до н. э.) — сын предыдущего, племянник и приемный сын Августа, женатый на своей двоюродной сестре Юлии. Был намечен Августом в наследники, но умер юношей. Его ранняя смерть вызвала интриги вокруг престолонаследия. Стр. 58.

Марции Рексы — ветвь рода Марциев. См. прим. 14 на стр. 744. Стр. 47.

Масинта — царь Нумидии (Сев. Африка), потомок союзника римлян в эпоху Пунических войн царя Масиниссы, клиент Цезаря. Стр. 89.

Матерь богов — древнее восточное божество плодородия. Культ ее, сопровождавшийся оргиями, получил распространение в Риме в последние века республики. Стр. 167, 203.

Меммий (Гай Меммий) — аристократ, политический перебежчик, претор 58 г. до н. э., приверженец сперва Помпея, потом Цезаря, покровитель поэта Катулла. Стр. 54, 71, 89.

Меммий (Гай Меммий Регул) (ум. в 61 г.) — консул 31 г. н. э., наместник Ахайи, Македонии и Мезии. Стр. 286.

Мессалина — третья жена императора Клавдия, в 48 г. н. э. им казненная. (О ней см. прим. 42 на стр. 571.) Стр. 337, 347, 348, 351, 355, 357, 372, 463.

Метелл Целилий (ум. ок. 55 г. до н. э.) — один из видных представителей известной плебейской фамилии. Легат и доверенное лицо Помпея, в 62 г. — народный трибун, ожесточенный противник Цицерона. В 57 г. был консулом. Стр. 48.

Меценат (Гай Цильний Меценат) (ум. в 8 г. до н. э.) — один из ближайших помощников Августа, по происхождению всадник. Свое огромное состояние он, повидимому, составил во время проскрипций. Во время гражданской войны управлял Италией; крупнейший администратор, покровитель литераторов, в том числе Горация. Стр. 165, 171, 189.

Милон (Тит Анний Милон) — организатор вооруженных отрядов сенаторской партии, убийца Клодия 52 г. до н. э.). Цицерон защищал Милона на форуме, окруженном солдатами. Стр. 61.

Минос — легендарный царь Крита. Стр. 257.

Митридат (111—64 гг. до н. э.) — царь Понта в Малой Азии, небезуспешно пытавшийся противодействовать колониальным завоеваниям Рима. В конце концов был разбит Помпеем. Стр. 41, 51, 64, 232.

Муммий (Луций Муммий) — разрушитель Коринфа (в 46 г. до н. э.), получивший прозвище Ахейского. Стр. 427.

Мунаций (Луций Мунаций Планк) — активный приверженец Цезаря, а позднее Августа, участник гражданской войны, консул 42 г. до н. э., цензор 22 г. до н. э. По его предложению Октавиану поднесено прозвание Август. Стр. 111, 132, 206, 334.

Навплий — мифологический герой, евбейский царь. Стр. 406. См. прим. 53 на стр. 577.

Непот (Корнелий Непот) — писатель, поэт и историк I в. до н. э. (ум. после 32 г. до н. э.), автор дошедших до нас «Биографий знаменитых людей». Стр. 79, 174.

Нерон — старший сын Германика, муж Юлии, внучки Тиберия; был сослан опасавшимся его Тиберием на пустынный остров, покончил с собою в 30 г. н. э. Стр. 244, 269, 326.

Нерон (Нерон Клавдий Цезарь) — император Рима. Родился в 37 г. н. э., правил с 54 г., покончил с собою в 68 г. Сын Агриппины и внук Германика; продолжал и довел до крайнего обострения враждебную аристократическому сенату политику императоров Юлиева дома. Жестоко расправлялся с знатными родами. Пользовался популярностью в среде всадничества, низших классов Рима и частью в провинциях, наоборот, вызвал резко отрицательное отношение к себе со стороны идеологов и историков враждебных группировок, в частности со стороны Тацита, которому в данном случае следует и Светоний. После низвержения Нерона с престола восставшими легионами началась открытая гражданская война, во время которой выступил ряд самозванцев, принимавших популярное в провинции имя Нерона. Стр. 367—421.

Нерон (Тиберий Клавдий Нерон) — видный аристократ-перебежчик, не раз менявший свою ориентацию; первый муж Ливии, отец императора Тиберия. Стр. 161, 204.

Никомед (Никомед IV, 90—74 гг. до н. э.) — царь Вифинии, союзник римлян в войне с Митридатом. Стр. 40, 74.

Нимфидий Сабин — начальник преторианской гвардии при Нероне и Гальбе, убитый солдатами. Стр. 435, 439.

Ниоба — легендарная фиванская царица, дети которой были убиты Аполлоном и Артемидой; героиня многих трагедий. Стр. 384.

Октавии — древний италийский род, выдвигающийся со II века до н. э. Из этого рода вышел Август. Стр. 107, 108.

Октавий (Гай Октавий) (ум. в 58 г. до н. э.) — отец императора Августа. По происхождению всадник. Сделал служебную карьеру при посредстве Цезаря, на племяннице которого Атии был женат. Стр. 108, 109.

Октавия — т. н. Младшая, сестра Августа, сначала жена Гая Марцелла, консула 51 г., в 40 г. до н. э. выдана Августом для укрепления династических связей за Марка Антония. Умерла в 11 г. до н. э. Стр. 57, 109, 132, 161.

Октавия — дочь императора Клавдия, бывшая замужем (в 52 г. н. э.) за Нероном и вскоре им казненная. Стр. 348, 374, 400, 412, 420.

Онесим — излюбленная маска древней комедии и ателланы — скупой старик, крестьянин или старосветский помещик. Стр. 437.

Оппий Сабин (Гай) — консул 84 г., н. э. наместник Мезии, побежденный и убитый дакамн. Стр. 521.

Орест — мифологический герой, убивший свою мать Клитемнестру. Одна из излюбленных фигур трагедии. Стр. 384.

Отон (Марк Сальвий Отон) — римский император. Род. в 32 г. н. э., покончил с собою в 69 г. после 94 дней правления. Выходец из всаднического рода. Был провозглашен императором преторианцами, но потерпел поражение в борьбе с германскими легионами Вителлия. Светоний относится к Отону с пристрастным благожелательством, может быть, потому, что отец историка служил в войсках этого императора. Стр. 447—458.

Паконий (Марк Паконий) — римский легат в Азии, казненный по приказу Тиберия. Стр. 250.

Пакувий (Марк Пакувий) (ок. 219—132 гг.) — римский трагик, автор драм, проникнутых идеологией аристократизма, сословной чести и воинской доблести. До нас дошли только отрывки его произведений. Стр. 100.

Паллант — вольноотпущенник Антонии, матери Клавдия, управляющий финансами при этом императоре, богач и ростовщик. Стр. 349.

Панса — консул 43 г. до н. э., командовал вместе с Гирцием сенаторской армией в гражданской войне против Антония. Умер от раны, полученной в бою под Мутиной. Стр. 114, 206.

Парис — мифологический герой, сын царя Трои Приама и Гекубы, главный виновник троянской войны. Стр. 527.

Парфений (I век до н. э.) — популярный в свое время, славившийся манерностью стиля греческий писатель, родом из Никеи, взятый в плен во время митридатской войны, был в Риме другом поэта Корнелия Галла. Стр. 257.

Пасифая (греч. миф.) — дочь бога солнца Гелиоса. См. прим. 17 на стр. 574. Стр. 377, 426.

Педий (Квинт Педий) — племянник Цезаря, консул 43 г. до н. э. Педиев закон (43 г. до н. э.) о назначении следствия над убийцами Цезаря стал юридической базой проскрипций и террора, предпринятого Октавианом и Антонием. Стр. 100.

Петрей (Марк Петрей) — полководец Помпея в Испании; покончил с собою в Африке в 46 г. до н. э. Стр. 63, 91.

Пизоны — известная римская фамилия, принадлежавшая к плебейскому роду Кальпурниев. Л. Кальпурний Пизон был тестем Ю. Цезаря; юный Гней Пизон был участником заговора 66 г. до н. э., которым руководили Цезарь и Красс. Другого Гнея Пизона, современника Тиберия, считали причастным к убийству Германика. Стр. 44, 53, 242, 266. О Гае Пизоне, организаторе заговора против Нерона (стр. 286 и 402), см. прим. 45 на стр. 576—577.

Пирр (ум. в 272 г. до н. э.) — эпирский царь, пытавшийся противостать экспансии Рима и неудачно воевавший с ним в III веке до н. э. Стр. 202.

Плавций (Авл. Плавций) — полководец Клавдия, известный колониальными завоеваниями в Британии. Стр. 344.

Платон (ок. 427—348 (?) гг.) — греческий философ. В своей социальной утопии «Государство» Платон предлагал запретить чтение поэм Гомера, как основанных на вымысле. Стр. 295.

Плиний (Гай Плиний Секунд) — т. н. Старший (23—79 гг.), известный ученый, естествоиспытатель и историк. Погиб, наблюдая извержение Везувия. Стр. 269.

Полемон — т. н. II, понтийский царь. Передал Риму (в 41 г. н. э.) свое царство, обращенное Нероном в провинцию. Стр. 381.

Поликрат — знаменитый самосский тиран (убит в 522 г. до н. э.), создавший в Эгейском море могущественную торговую и пиратскую державу. Стр. 281.

Поллукс — мифологический герой, сын Леды, близнец и брат Кастора. Стр. 45, 221.

Помпей (Гней Помпей Великий) — полководец, организатор римского колониального могущества на Востоке. В гражданской войне выступил сперва сотоварищем Цезаря (первый триумвират), а позднее его антагонистом, представляя в этой войне интересы аристократического сената. Потерпел поражение при Фарсале и был убит при попытке высадиться в Египте в 48 г. до н. э. Стр. 113.

Помпей (Секст Помпей) (75—35 гг. до н. э.) — младший сын Гнея Помпея Великого. Продолжая борьбу своего отца, вел пиратскую войну против Октавиана, опираясь на могущественный флот, с помощью которого он завладел Сицилией и угрожал морской торговле Рима и подвозу хлеба. Флот Секста Помпея одно время был прибежищем беглых рабов и всякого разоренного люда. Стр. 113, 117, 151, 167, 172, 206.

Помпея — вторая жена Ю. Цезаря, внучка Суллы. С ней он вскоре развелся. Стр. 42.

Помпоний Флакк — консул 17 г. н. э. при Тиберии, наместник сперва Мэзии, а потом Сирии, где и умер в 33 г. Стр. 235.

Поппея Сабина (ум. в 65 г. н. э.) — вторая жена Нерона, по преданью убитая им. Стр. 401, 449.

Приам — легендарный герой «Илиады», царь троянский, потерявший в войне против греков всех своих сыновей. Был убит при взятии Трои. Стр. 252.

Прозерпина — богиня земледельческого культа, дочь Цереры-Земли, похищенная Плутоном, богом преисподней. Стр. 413.

Птоломей — царь мавританский, сын Юбы II и Клеопатры-Луны, дочери Клеопатры Египетской и Марка Антония. Казнен Калигулой, который опасался его, как возможного наследника Антония. Стр. 287, 295, 312.

Птоломей XI (Авлет) (81—51 гг. до н. э.) — египетский царь, отец Клеопатры, попал в кабальные от-

ношения к римскому ростовщику Рабирию, что послужило поводом к походам Цезаря против Египта. Стр. 78, 335.

Птолемей XII — египетский царь, сын Авлета, боровшийся с Ю. Цезарем; был убит в бою под Александрией (48 г. до н. э.). Стр. 64.

Пэт Трасея (ум. в 66 г. н. э.) — сенатор, представитель аристократической оппозиции Нерону, философ-стоик. Был принужден окончить жизнь самоубийством. Его смерть драматически описана у Тацита. Стр. 403, 526.

Рабирий (Гай Рабирий) — аристократ, сенатор; Цицерон и Гортензий защищали его в 63 г. до н. э. по делу об имевшем место тридцать семь лет назад (100 г.) убийстве народного трибуна Ап. Сатурнина. Судьей в процессе Рабирия выступил Цезарь, искавший популярности. Стр. 46.

Рабирий Постум — племянник и приемный сын Гая Рабирия, ростовщик, банкир и кредитор египетского царя Птоломея Авлета; был одно время его главным советником по финансовым делам. Стр. 335.

Риана (ок. 276—195) — эпический поэт и грамматик александрийской эпохи. Стр. 257.

Ромул — легендарный основатель и первый царь Рима. Стр. 111, 190, 201, 247, 286.

Рутилий (Публий Рутилий Руф) (конец II века до н. э.) — ученик стоика Панэтия, друг Лелия и Сципиона, писатель. Один из старинных литераторов, которых пытался ввести в моду Август. Стр. 182.

Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп) (86—35 гг. до н. э.) — полководец и провинциальный администратор, позднее знаменитый историк. Автор «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны». Саллюстий был сторонником компромисса между аристократией и денежными кругами Рима. Стр. 180.

Сатурн — древний италийский земледельческий бог посевов, отожествленный с греческим Кроном. Век Сатурна — «золотой век». Стр. 245. В честь Сатурна справлялись «сатурналии», о них см. прим. 8 на стр. 568.

Сатурнин (Люций Апулей Сатурнин) — народный трибун 103 и 100 гг. до н. э. Одно время

союзник Мария в борьбе против олигархии нобилитета; провел аграрный закон в пользу ветеранов Мария, вскоре затем кассированный. Был убит. Стр. 46.

Селена — «Луна» — дочь Марка Антония и египетской царицы Клеопатры. Стр. 287.

Сенека — см. Анней.

Сервий Сульпиций Руф — консул 51 г. до н. э., приверженец Цезаря, оратор и писатель. Умер в 43 г. до н. э. Стр. 59, 75.

Сервий Туллий (ок. 578—534 гг.) — полулегендарный шестой римский царь. Стр. 107.

Сервилий (Публий Сервилий Исаврик) — сенатор, полководец, проконсул ряда провинций, получил последнее прозвище за колониальную войну в Малой Азии; умер в 44 г. до н. э., в глубокой старости. См. прим. 6 на стр. 543. Стр. 40.

Серторий (Квинт Серторий) — один из вождей демократической партии, приверженец Мария и Цинны. После победы сулланцев пытался основать в Испании независимое государство римских эмигрантов и долгое время сопротивлялся посланным против него армиям сената. Изменнически убит в 72 г. до н. э. Стр. 42.

Сеян (Элий Сеян) — начальник преторианской гвардии и временщик при Тиберии. Организовал дворцовый заговор против Тиберия, был схвачен и убит в 31 г. н. э. Стр. 245, 248, 253, 273.

Силий (Гай Силий) — близкий ко двору Августа, консул 13 г. н. э., воевавший в Германии, Галлии и Бельгии; покончил с собою в 24 г. Стр. 169, 196.— Его сын казнен Клавдием в 48 г. за связь с императрицей Мессалиной и попытку дворцового переворота. Стр. 347, 355.

Сирены — мифологические существа, морские нимфы, привлекавшие путешественников своим приятным пением и затем губившие их. Описано в «Одиссее».

Скрибоний (I век н. э.) — астролог, которому приписывали предсказание блестящей будущности Тиберию. Стр. 214.

Созий (Гай Созий) — приверженец Антония, один из его полководцев, командовал флотом при Акциуме,

был захвачен, но жизнь его была пощажена Августом. Стр. 119.

Спартак — гладиатор, героический вождь восставших гладиаторов и рабов, по выражению Маркса — «самый благородный герой античности». Разбит армиями сената в 73 г. до н. э. Был убит в сражении. Стр. 108.

Статилий (Тит Статилий Тавр) — консул 37 г. до н. э., полководец и доверенное лицо Августа; построил первый каменный амфитеатр в 29 г. Стр. 132.

Сулла (Люций Корнелий Сулла Счастливый) (138—78 гг. до н. э.) — потомок древнего патрицианского рода Корнелиев, победитель Митридата, вождь аристократов в гражданской войне против лидеров демократии Мария и Цинны. Разгромив противников, провозгласил себя диктатором и путем проскрипций произвел колоссальные конфискации; наделил землею 120 000 своих ветеранов. Перестроил конституцию Рима на аристократических началах (т. н. Корнелиевы законы). Стр. 39, 42, 247.

Сулла (Публий Корнелий Сулла) (ум. в 45 г. до н. э.) — родственник диктатора, известный из речи Цицерона в его защиту, приверженец Цезаря. Стр. 44.

Сципион (Квинт Метелл Сципион) — тесть Помпея, командовавший его войсками в Африке. Стр. 65, 83.

Тарквиний Приск (ок. 616—578 гг.) — полулегендарный пятый царь римский. См. также прим. 1 на стр. 551. Стр. 107.

Терм (Марк Терм) — претор, под начальством которого Ю. Цезарь начал свою военную службу. См. прим. 3 на стр. 543. Стр. 40.

Тиберий (Александр) — наместник Египта, в 66 г. н. э. подавил восстание в Александрии, с 70 г. начальник Иудеи. Стр. 487.

Тиберий (Клавдий Нерон) — император. Род. в 42 г. до н. э., правил с 14 г. н. э., ум. в 37 г. Потомок рода Клавдиев, пасынок, приемный сын и наследник Августа, Тиберий оказал ему огромные услуги своей военной деятельностью в Германии и в особенности в Паннонии во время ее восстания (6—9 гг. н. э.). Сохраняя лойяльность по отношению к сенату, Тиберий вел в то же время борьбу с его выдающимися чле-

нами, поражая их с помощью «доносчиков». В конце концов он в 26 г. уехал из Рима на Капри, откуда продолжал управление посредством чиновников и временщиков. Враждебные политике Тиберия исторические труды Тацита и следовавшего Тациту Светония подчеркнули присущие облику Тиберия, как и многим другим римским императорам, отрицательные черты. При этом значительные успехи, достигнутые Тиберием в деле упорядочения управления империей и в особенности провинциями, а также в деле укрепления бюджета, развития торговли и проч., были этими историками недооценены. Стр. 201—261.

Тигеллин (Офоний Тигеллин) — временщик, начальник преторианской гвардии при Нероне, пользовавшийся доверием. Осужденный на казнь при Отоне, перерезал себе горло (69 г. н. э.). Стр. 438.

Тит Таций — легендарный сабинский царь, впоследствии соправитель Ромула. Стр. 201.

Тит Флавий — император. Род. в 41 г. н. э., правил с 79 г., ум. в 81 г. Взял и разрушил Иерусалим. Биография его у Светония выдержана в пристрастно-благоприятных тонах. Стр. 503—512.

Титурий (Квинт Титурий Сабин) — легат Цезаря в Галлии, где погиб в 54 г. до н. э. в бою с Амбиоригом. Стр. 56.

Тораний (Гай Тораний) — эдил около 65 г. до н. э. вместе с Луцием Октавием, отцом Августа, опекун этого последнего, перешел впоследствии на сторону Помпея и в 43 г. до н. э. погиб при терроре, объявленном триумвиратом. Стр. 128.

Тораний (Флакк Тораний) — торговец невольниками при Августе. Стр. 168.

Требаций (Гай Требаций Теста) — юрист, сенатор, родом из Велии в Лукании, друг Цицерона и Горация, сподвижник Цезаря. Стр. 94.

Тритон — второстепенное морское божество, изображавшееся обычно с улитовидной раковиной вместо трубы.

Туберон (Квинт Элий Туберон) — юрист, оратор и историк, современник Цицерона. Стр. 99.

Турн — легендарный царь рутулов, противник Энея в «Энеиде» Виргилия и у Тита Ливия. Стр. 419.

Фавоний (Марк Фавоний) — аристократ, приверженец Брута и Кассия, попавший в плен после битвы при Филиппах и казненный Октавием. Стр. 116.

Фанний (Фанний Цэпион) — погиб от руки палача за участие в заговоре Мурены против Августа. Стр. 121.

Фарнак — т. н. II, царь Понта, сын Митридата Великого; был разбит Цезарем и умер в 48 г. до н. э. Стр. 64.

Фаэтон (миф.) — сын бога солнца Аполлона, попросивший у него на один день солнечную колесницу и по неумению управлять конями едва не зажегший вселенную. Стр. 273.

Филипп (род. в 382 г., убит в 336 г.) — македонский царь, отец Александра. Стр. 314.

Флавии — римский род, не принадлежавший к числу выдающихся. Дал трех императоров — Веспасиана, Тита и Домициана. О прошлом этого рода см. стр. 477 и 478.

Флора — римская богиня плодородия. Игры в ее честь справлялись от 28 апреля до 3 мая. Стр. 430.

Фонтей (Капитон) полководец, восставший против Гальбы (69 г.) в Германии. Стр. 435.

Фульвия — жена трибуна Публия Клодия, потом Куриона и, наконец, Марка Антония. Принимала деятельное участие в политической жизни Рима I века до н. э. и в гражданской войне. Стр. 119, 161.

Хрест (I век н. э.) — еврейский агитатор. Стр. 346. См. прим. 39 на стр. 571.

Цезарион — сын Клеопатры Египетской, отцом которого она называла Цезаря. Род. в 47 г.; как возможный претендент на власть казнен Августом в 31 г. до н. э. Стр. 120.

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (род. в 100 г., убит в 44 г. до н. э.) — полководец, диктатор, основатель римской монархии. В своей двойственной по тону биографии Цезаря Светоний старается обойти молчанием причастность его к заговору Катилины. Завоевание Цезарем Галлии, явившееся одним из крупнейших колониальных захватов Рима, также почти не описывается историком. Нет упоминания и о реорганизации всего управления провинциями, предпринятого Цеза-

рем по окончании гражданской войны. Стр. 39—103.

Цезарь (Гай Цезарь) — внук Августа, усыновленный им, сын Агриппы и Юлии и предполагаемый наследник принципата. Умер юношей. Стр. 163, 212, 216.

Цезарь (Люций Цезарь) — брат предыдущего. Умер молодым в 4 г. н. э. Стр. 163, 212, 216.

Цинна (Люций Корнелий Цинна) — один из крупнейших вождей демократической революции, консул, сподвижник Мария, противник Суллы; ввел в Италии новую муниципальную конституцию. Убит своими солдатами в 84 г. до н. э. Стр. 39.

Цинна (Люций Корнелий Цинна) — сын сподвижника Мария, шурин Цезаря и один из участников заговора против него. Стр. 42.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (род. в 101 г. убит в 43 г. до н. э.) — оратор, писатель и государственный деятель. Выходец из плебейской, муниципальной семьи; сделал блестящую карьеру и впоследствии стал фактически вождем сената в годы гражданской войны. Подавил в качестве консула заговор Катилины и казнил его сообщников. Возглавил сопротивление триумвирам и был убит по их приказу. Стал знаменем республиканской оппозиции. Много сделал для перенесения в Рим греческой философии и литературы. Стр. 44, 52, 61.

Цэзэтий Флав — народный трибун 44 г. до н. э., пытался бороться против единодержавия Цезаря, был им смещен с должности. Стр. 95, 96.

Цэцина (Авл Цэцина Алиен) — победитель Отона при Бетриаке, казненный Титом за участие в заговоре против Веспасиана. Стр. 597.

Эвфорион (род. в 276 г. до н. э.) — греческий придворный поэт александрийской эпохи, писавший намеренно изысканным и туманным языком. Стр. 257.

Эгисф — мифологический герой, сын Фиеста; соблазнил жену своего двоюродного брата Агамемнона Клитемнестру, а Агамемнона убил; был убит сыном Агамемнона Орестом.

Эгнатий (Марк Эгнатий Руф) — сторонник патрицианского сената, эдил 21 года до н. э. В 19 г. вы-

ставил свою кандидатуру в консулы и составил заговор против Августа. Был схвачен и умер в тюрьме.

Эдип (греч. миф.) — царь Фив, жертва рока: убил отца и женился на матери. Герой многих трагедий, из которых наиболее прославлены трагедии Софокла — «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Стр. 384.

Элефантида — порнографическая писательница времен Тиберия. Стр. 236.

Эмилий Мамерк — один из влиятельных сторонников Суллы, родственник Ю. Цезаря, которому он выхлопотал у Суллы прощение. Стр. 19.

Эней — легендарный национальный герой римлян, бежал после разрушения Трои в Италию. Считался родоначальником рода Юлиев и сделан поэтому героем прославляющей Августа поэмы Виргилия «Энеида». Стр. 406.

Энний (239—169) — старинный римский трагический и эпический поэт. Нам из его произведений сохранились лишь отрывки. Стр. 111.

Энона (греч. миф.) — нимфа, возлюбленная Париса, которую он покинул для Елены. Стр. 527. См. прим. 19 на стр. 583.

Эскулап — бог врачебного искусства. На Тибре находился остров Эскулапа с храмом. См. прим. 37 на стр. 570. Стр. 160.

Юба I — царь Нумидийский, союзник Помпея в гражданской войне против Цезаря. Стр. 65, 83, 85.

Юба II — сын предыдущего, женатый на дочери Антония и Клеопатры. Стр. 287.

Югурта — нумидийский царь, ведший ожесточенную войну с римлянами (12—106 гг.) за самостоятельность Нумидии. Казнен в Риме в 104 г. до н. э. Историю войны с Югуртой, ознаменовавшейся взяточничеством и предательством римских полководцев, написал Саллюстий. Стр. 46.

Юлия — дочь Цезаря (ум. в 53 г. до н. э.), для закрепления династических связей была выдана отцом за Гнея Помпея. Стр. 39, 53, 190.

Юлия (ум. в 59 г. до н. э.) — сестра Юлия Цезаря, бабка Октавия и, следовательно, непосредственная родоначальница династии Юлиев. Стр. 90, 109, 111.

Юлия — т. н. Старшая, дочь Августа (39 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и Скрибонии, жена Агриппы. Стр. 161—164, 197—212.

Юлия — т. н. Младшая (ум. в 28 г. н. э.), дочь Агриппы и Юлии Старшей. Обе участвовали в придворных и семейных интригах, были сосланы Августом и умерли в ссылке. Стр. 162, 163, 171, 197.

Янус — древний римский бог. Храм в северной части форума, пред Юлиевой курией. Двери его по традиции запирались только во время полного мира. Стр. 123, 378.

Указатель географических названий

Авентин — один из семи холмов, на которых расположен Рим, в юго-западной части города. В республиканскую эпоху был политическим центром плебеев.

Аверское озеро — маленькое вулканическое озеро в Южной Италии, между Кумами и Путеолами. Считалось в древности одним из входов в преисподнюю, в Тартар. Август соединил Авернское озеро с морем, создав гавань около Бай. Нерон предполагал провести канал от Авернского озера к гавани Рима — Остии.

Аврелиева дорога — одна из важнейших и старейших римских военных дорог, соединяла Рим с Этрурией и Лигурией; построена во II веке до н. э.

Аквилейя — значительный торговый город в Северной Италии, у Адриатического моря.

Аквитания — юго-западная часть Галлии, ограниченная Пиренеями, Атлантическим океаном и Гароной. Составляла часть римской провинции Галлии Трансальпинской при Цезаре и Августе.

Акций — мыс в Акарнании (Северная Греция), у входа в Амбракийский залив. Здесь Октавий Август одержал морскую победу над Антонием и Клеопатрой в 31 г. до н. э.

Аланы — кочевой народ скифского происхождения, живший в начале нашей эры между Кавказом и Доном.

Аллия — левый приток Тибра, у которого галлы 18 июля 390 г. до н. э. разбили римлян. День этот считался несчастным для каких-либо начинаний.

Аллоброги — галльский народ, живший между Женевским озером, Роной, Изером и Альпами. Римляне подчинили их себе в I веке до н. э.

Альбанская гора — н. Монте Каво, гора в Лации, получившая имя от старинной метрополии латинян Альбы-Лонги, по преданию разрушенной царем Туллом Гостилием.

Аниен — левый приток Тибра. По берегам Аниена шли два водопровода, которые доставляли в Рим воду с гор, соседних к истокам реки.

Антикира — город в Центральной Греции, на берегу Коринфского залива.

Антиохия — многолюдный и богатый город Сирии на нижнем течении р. Оронта.

Аппиева дорога — наиболее древняя и знаменитая из римских дорог. Соединяла Рим с Южной Италией через Капую, Беневент, Терент и Брундизи. Первый участок от Рима до Капуи был построен в 312 г. до н. э.

Апулия — область юго восточной Италии.

Арверны — народ Южной Галлии.

Арелата — н. Арль, римская колония в Нарбонской Галлии, на Роне.

Аримин — н. Римини, город в Средней Италии, при устье реки Аримина.

Аркадия — область в Греции, внутри Пелопоннеса.

Ариция — н. Аричья, старинный город в Италии, первая станция после Рима по Аппиевой дороге.

Астура — островок и город на побережье Лация, к югу от Рима.

Ателла — город в Кампании, к северу от Неаполя, давший имя фарсам, названным «ателланы».

Аттика — область Средней Греции с главным городом Афинами.

Африка. — Под этим географическим термином древние понимали прежде всего часть Северной Африки от Киренаики (Триполи) на восток до Мавритании (Марокко) на запад. Со II века до н. э. — римская провинция.

Ахайя — этим именем римляне обозначили всю Грецию со времени ее покорения в 146 г. до н. э. Сперва примыкавшая к Македонии, Ахайя была выделена в 27 г. до н. э. в отдельную провинцию, сперва сенаторскую, потом (при Тиберии и Клавдии) императорскую, потом снова и окончательно сенаторскую.

Байи — город в Кампании, возле Неаполя, знаменитый своими теплыми источниками; людный курорт древности.

Балеарские острова — два острова Средиземного моря против восточной части Испании.

Батавы — народ Нижней Германии, живший в устьях Рейна и Мааса. Войны против батавов начал Цезарь, продолжали их Август, Тиберий и Калигула.

Баулы — приморский городок в Южной Италии, между Байями и Мизеном.

Бетриак — местечко в Северной Италии между Мантуей и Кремоной.

Бовиллы — городок в Лации (Средняя Италия) в двенадцати милях от Рима.

Бонония — н. Болонья, город в Северной Италии на Эмилиевой дороге.

Бревки — народ иллирийского происхождения, живший в Паннонии. Был покорен при Тиберии.

Британния — н. Великобритания, становится ареной римских завоевательных войн начиная с эпохи Цезаря.

Брундизий — н. Бриндизи, город в Калабрии, на Адриатическом море, в древности обычный пункт для переправы в Грецию.

Ватикан — холмистая местность на правом берегу Тибра, против Марсова поля, к северу от Яникула.

Вектах — н. Уайт, остров у южного берега Британии.

Велитры — город в Средней Италии, в Лации, у южной оконечности Албанских гор. Из этого города происходил род Октавиев.

Виенна (Вьенна) — город в Галлии, столица Аллоброгов, на левом берегу Роны.

Винделики — кельтийский народ, живший между Альпами, Констанцским озером и Дунаем.

Вителлия — древний город Лация, в Средней Италии, ныне Чивителла.

Вифиния — богатая область на северо-западе Малой Азии, римская провинция с I века до н. э.

Гадес — ныне Кадикс, богатый торговый город в Западной Испании, к югу от устья Гвадалквивира.

Герговия — город в Галлии (в нынешней Оверни).

Геты — народ Европейской Скифии, живший между Балканами и Дунаем. Рим вел завоевательные войны против гетов, начиная с I века до н. э.

Даки — народ Восточной Европы, живший в нынешней Венгрии и Румынии. Рим вел войны с даками в течение ряда веков.

Далматы — жители Иллирии, по берегу от северного угла Адриатического моря до границы Эпира.

Дельфы — город в Средней Греции, знаменитый культом Аполлона и оракулом.

Дертоза — н. Тортоза, город в Испании, на нижнем течении Эбро.

Диррахий — н. Дураццо, город на берегу Адриатического моря в Иллирии, куда обычно прибывали выезжавшие морем из Италии, из Брундизия.

Друиды — сословие жрецов в Галлии.

Египет — с 30 г. до н. э. под властью римлян. Императорская провинция, составлявшая личную собственность правящего государя. Во главе ее стоял префект, живший в Александрии.

Ида — горная цепь в Малой Азии, место культа Великой Матери богов.

Илион, или **Троя** — знаменитый город Малой Азии, у берегов Геллеспонта. Осада Трои явилась содержанием поэмы «Илиада». Во времена Римской империи на месте древней Трои был построен новый город, приобретший большое торговое значение.

Иллирик — римская провинция (в теперешней Югославии) между реками Савой и Дриной.

Истм — Коринфский перешеек. Попытки прорытия Истма (что имело бы крупнейшее значение для всей торговли в Средиземном море) делались в древности не раз, в частности Цезарем и Нероном.

Иудея — обращенная в римскую провинцию, не раз восставала, в частности в 69 г. н. э. Восстание Иудеи, лежавшей на путях, соединявших Римскую империю с Востоком, представило чрезвычайную опасность для

империи и было подавлено с исключительной жестокостью императором Веспасианом и его сыном Титом.

Истрия — н. Истрия и Карст, полуостров между Венецией и Либурнией.

Кавхи — народ, живший в с.-з. части Западной Германии, между низовьями Везера и Эльбы.

Кампания — плодоносная область Южной Италии, на берегу Тирренского моря, с городами Капуей, Неаполем и др.

Кантабрия — область на Севере Испании по берегу Атлантического океана; неоднократно восставала против римского владычества.

Капитолий — один из семи холмов, на которых расположен Рим, между Квириналом и Тибром; главная святыня Рима и его древнейшая крепость.

Каппадокия — центральная область Малой Азии. В 60-х годах Каппадокийское царство стало в вассальное отношение к Риму, а с 17 г. н. э. превращено было в римскую провинцию.

Капри — маленький островок на Средиземном море, невдалеке от Неаполя. Здесь находился загородный дворец Тиберия.

Капуя — богатый торговый город в Кампании, на Аппиевой дороге.

Карфаген Новый — н. Картагена, богатый торговый город в Испании, на берегу Средиземного моря.

Кастора, урочище, где армия Отона победила армию Вителлия, лежало, по свидетельству Тацита («История», II, 24), в двадцати четырех милях от Кремоны.

Квинкватры — праздник в честь Минервы, справлявшийся пять дней, начиная с 19 марта.

Кимвры — кельтское или германское племя, жившее в нынешней Ютландии и Шлезвиг-Гольштинии. Совершили переселение к границам Италии, разбили несколько римских армий и поставили Римскую республику под угрозу гибели; были разбиты и уничтожены Марием.

Кирена — римская провинция на северном берегу Африки, н. Барка.

Клитумн — роща и река, н. Клитумно, река в Умбрии, левый приток Тинии, левого притока Тибра.

Коммагена — богатая область на севере Сирии, сперва вассальное царство, потом, начиная с эпохи Веспасиана, римская провинция.

Кордуба — н. Кордова, богатый торговый город в Испании, на Гвадалквивире.

Коринф — крупный торговый город в Греции на с.-в. оконечности Пелопоннеса; был разрушен римлянами в 148 г. до н. э. Позднее восстановлен.

Корфиний — близ Пентимы, крепость в Средней Италии; был центром т. н. «союзнической войны».

Кремона — город в Северной Италии, на левом берегу По.

Кутилий — теплый источник в Средней Италии, в Сабинских горах.

Ламиевы сады — в Риме на Эсквилинском холме, рядом с садами Мецената.

Ланувий — город в Лации, к югу от Альбанских гор.

Лаодикея — богатый торговый город в Малой Азии, в Лидии.

Ликия — область на юге Малой Азии.

Локры — небольшой город в Италии, на западном берегу Ионического моря.

Лука — город в Италии, к с.-в. от Пизы.

Лукринское озеро — в Кампании, вблизи Байи, славившееся в древности устрицами.

Мавритания — страна на с.-з. Африки.

Марсово поле — часть Рима, находившаяся между Тибром с запада, Квириналом с востока и Капитолием с юга.

Марцелла театр — начатый Цезарем и законченный в 13 г. до н. э. Августом, давшим ему имя в честь своего племянника и зятя.

Массилия — богатый торговый город и крепость южной Галлии, н. Марсель.

Мезия — страна к югу от Дуная, от нижнего течения Дрины и Савы до Черного моря. Завоевана Августом и превращена в римскую провинцию.

Мемфис — древняя столица и культовый центр Египта, на левом берегу Нила, выше начала дельты.

Мессана — н. Мессина, город в с.-в. углу Сицилии у Мессинского пролива.

Мизен — город в Кампании, на мысе того же имени: здесь якобы был похоронен мифологический герой Мизен, спутник Энея.

Милет — старинный торговый город в Малой Азии, на южном берегу Латмийского залива.

Милы — город на с.-в. Сицилии. Здесь Агриппа разбил флот соперника Октавиана, Секста, Помпея, в 36 г. до н. э.

Митилена — древний торговый город на востоке острова Лесбоса в Эгейском море.

Мунда — город в Испании к с.-з. от Малаги. Цезарь разбил здесь сыновей Помпея в 45 г. до н. э.

Мутина — н. Модена, город в Италии, к с.-з. от Болоньи. Здесь в 43 г. до н. э. Антоний осаждал Децима Брута.

Нарбон — город в южной Галлии.

Никополь (т. е. город победы) — город, основанный Августом у мыса Акция.

Новый Ком — город в Италии, у южной оконечности озера Лаго-ди-Комо.

Нола — город в Кампании, к северу от Везувия. Здесь умер Август.

Номентанская дорога — из Рима в с.-в. направлении в Номент (в стране Сабинов).

Норийское царство — вассальное государство между Дунаем на севере и Иллирией на юге. Подчинено Риму при Августе.

Одеон — зала на Марсовом поле, построенная Домицианом, наподобие греческих одеонов для публичных чтений и театральных представлений.

Октавии Портик — построен Августом в 32 г. до н. э. на месте прежнего портика Метелла и назван в честь сестры императора; находился в южной части Марсова поля между Фламиниевым цирком и театром Марцелла.

Олимпия — город в Греции, в Элиде, знаменитый святилищем Зевса и устраивавшимися раз в четыре года состязаниями, известными под названием «Олимпийских игр».

Остия — город в Лации при устье Тибра, гавань Рима

Палатин — один из семи холмов, на которых расположен Рим, находившийся в середине между ними. Здесь находились дворцы императоров.

Пандатария — небольшой вулканический островок Тирренского моря против берегов Кампании.

Парфия — страна Передней Азии, н. Хорассан и Ирак, к ю.-в. от Каспийского моря. В последние века перед н. э. здесь образовалось могущественное царство, бывшее одно время серьезнейшим соперником Рима в мировом господстве и преградившее ему торговые пути на Восток. Неудачные войны против парфян вели Красс и Антоний. Перед своей смертью Цезарь замышлял парфянский поход.

Пафос — город на ю.-з. острова Кипра. Одно из главных мест культа Афродиты-Астарты.

Пелопоннес — н. Морея, обширный полуостров на юге Греции.

Пергам — город в Малой Азии, столица Пергамского царства. В 133 г. до н. э. последний пергамский царь, попав в долги к римским ростовщикам, по завещанию передал свое царство Риму. Под именем «Азии» Пергам стал первой римской провинцией на эллинистическом Востоке.

Перузия — н. Перуджиа, древний город и крепость в Этрурии.

Пирги — город в Этрурии, на берегу Тирренского моря.

Пицен — область Средней Италии с главным городом Анконой.

Плаценция — н. Пиаченца, город в ближней Галлии, на правом берегу По.

Помптинские болота — узкая болотистая полоса на берегу Лация, к северу от Рима. Рассадник малярии. Попытки осушить Помптинские болота неоднократно делались во времена Римской империи.

Понт — страна к с.-в. от Малой Азии, по южному берегу Черного моря. Вела обширнейшую транзитную торговлю со Скифией и Востоком. Понт был одним из последних малоазиатских царств, пытавшихся противостоять колониальным завоеваниям Рима.

Пренесте — н. Палестрина, город в Лации, к востоку от Рима, знаменитый в древности своим оракулом.

Путеолы — приморский город Южной Италии, к западу от Неаполя.

Равенна — богатый торговый город и крепость в Италии на берегу Адриатического моря.

Регий — н. Реджа-ди-Калабрия — большой старинный город в Бруттии у Мессинского пролива, некогда греческая колония.

Родос — остров на ю.-в. Эгейского моря, с конца IV века до н. э. был богатейшим центром торговли в восточной части Средиземного моря. В 44 г. н. э. завоеван римлянами.

Рубикон — речка Италии, вытекающая из Апеннин и впадающая в Адриатическое море, граница ближней Галлии и собственно Италии. Была рубежом, отделявшим принадлежавшую Цезарю провинцию Галлию от неприкосновенной для войск территории Италии.

Рэтия — н. Восточная Швейцария, Северный Тироль и Южная Бавария. Завоевана при Августе.

Сабины — народ Средней Италии, родственный с умбрами и осками.

Саларнева дорога — соединяла Рим с Сабинской областью.

Салассы — народ, живший на с.-з. границе Италии.

Самос — остров Эгейского моря, у берега Малой Азии. Некогда столица тирана Поликрата.

Сардиния — остров к западу от Италии. Отнятая у Карфагена в III веке до н. э., Сардиния стала одной из первых заморских провинций римской державы.

Сарматы — кочевой народ, живший к западу от Вислы и Балтийского моря до Дуная и Дона.

Свевы — могущественный народ независимой Германии, живший в нынешней Швабии. Август вел войны против них.

Сеноны — галльский народ, живший между Луарой и Марной. Покорен Цезарем.

Сикамбры — воинственный народ в западной части Германии. Август пытался подчинить их.

Сиракузы — старинный и богатый город, столица Сицилии.

С и р и я — область Азии, с I века до н. э. римская провинция.

Т а р р а к о н — н. Таррагона, римская колония на восточном берегу Испании.

Т е в т о н ы — народ, живший на с.-з. Германии, к северу от Эльбы. Вместе с кимврами совершили переселение к границам Италии, но были истреблены римской армией под командой Мария.

Т е г е я — небольшой старинный город в Аркадии, в Южной Греции.

Т и б р — главная река Италии, на которой расположен Рим.

Т и б у р — н. Тиволи, город в Лации, на реке Аниэне. Место отдыха римской знати.

Т и р — древний торговый город в Финикии на морском берегу, южнее Сидона. Некогда славился своим флотом.

Т р е б и я — н. Треви, город в Средней Италии в Умбрии, на реке Клитунно.

Т р е в е р ы — народ бельгийской Галлии, живший по нижнему течению Мозеля.

Т р о я н с к а я к о н н а я и г р а — устраиваемая римской молодежью наподобие ристалищ, якобы вывезенных Энеем из Трои и описанных в V книге «Энеиды» Виргилия.

Т у с к у л — н. Фраскати, город в Лации, к ю.-в. от Рима. Место отдыха римской знати.

У м б р и я — область в Средней Италии.

Ф а р м а к у с с а — остров у побережья Малой Азии, около Милета.

Ф а р с а л — город Фессалии, место победы Цезаря над войсками Помпея в 48 г. до н. э.

Ф а с о с с к и й м р а м о р — с острова Фасоса, расположенного в самой северной части Эгейского моря.

Ф е с с а л и я — плодородная область на востоке северной Греции.

Ф л а м и н и е в а д о р о г а — большая дорога из Рима в Аримин, проведена была цензором Г. Фламинием в 220 г. до н. э.

Ф р а к и я — страна между Македонией, Дунаем. Черным, Мраморным и Фракийским морями. Трудно

доступная и в первые годы империи мало населенная, сохранила фактическую независимость от Рима.

Фунды — город в Лации, на Аппиевой дороге. Здесь, по преданию, родился Тиберий.

Фуцинское озеро — в Средней Италии, в стране марсов. Осушено при императоре Клавдии.

Халдеи — жители Вавилонии. Это имя носила также жреческая каста, члены которой считались особенно сведущими в математике и астрономии. Отсюда халдеи—астрологи.

Цезареи — города, основанные или названные вассальными царями в честь Августа.

Цинария — небольшой островок Эгейского моря.

Цирцеи — небольшой городок на Тирренском море, между Римом и Неаполем.

Энария — н. Иския, вулканический остров Тирренского моря у западного берега Италии.

Эсквилин — один из семи холмов, на которых расположен Рим, в восточной части города, между Виминалом на севере и Цэлием на юге.

Этолия — область Греции к северу от Коринфского залива.

Эфиопяне — собственно «обожженные лица», название народа, жившего к югу от Египта. Рим вступил в торговые отношения с Эфиопией после завоевания Египта в I веке до н. э.

Яникул — один из семи холмов, на которых расположен императорский Рим, в западной части города, на правом берегу Тибра.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. **СВЕТОНИЙ.** Жизнеописание 12 Цезарей (Титульный лист голландского издания XVII века. Гор. Лейден 1662) 3
2. Цезарь (Кай Юлий Цезарь) 37
3. Август (Император Цезарь Август) 105
4. Тиберий (Тиберий Цезарь Август) 199
5. Калигула (Кай Цезарь Август Германик) . . . 263
6. Клавдий (Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик) 317
7. Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик). 365
8. Гальба (Сервий Гальба император Цезарь Август) 423
9. Отон (Император Марк Отон Цезарь Август). 445
10. Вителлий (Император Авл Вителлий) 459
11. Веспасиан (Император Цезарь Веспасиан Август) 477
12. Тит (Император Тит Цезарь Веспасиан Август) 501
13. Домициан (Император Цезарь Домициан Август) 513

Портреты цезарей воспроизводятся по лейденскому изданию 1662 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Адр. Пиотровский. Светоний и Жизнеописание двенадцати цезарей 5

Божественный Юлий 37
Божественный Август 105
Тиберий 199
Калигула 263
Божественный Клавдий 317
Нерон 365
Гальба 423
Отон 445
Вителлий 459
Божественный Веспасиан 477
Божественный Тит 501
Домициан 513

Комментарии 541

Д. Кончаловский. Краткие сведения о государственных учреждениях Рима 543

Его же Примечания 557

Ан. Пиотровский. Указатель собственных имен . . 599

Его же Указатель географических названий 627

Перечень иллюстраций 683

ИСПРАВЛЕНИЯ:

Стр. 608—609, примечание к слову «Катилина» следует читать: Катилина (Люций Сергий) — 108—62 гг. до н. э. — глава направленного против сената восстания, имевшего опору в широкой массе недовольных элементов. Был разбит и погиб в бою. Стр. 47, 49, 108, 186 (Подробнее — в книге «Восстание Катилины. Речи Цицерона и трактат Саллюстия», выходящей в Издательстве «ACADEMIA»).

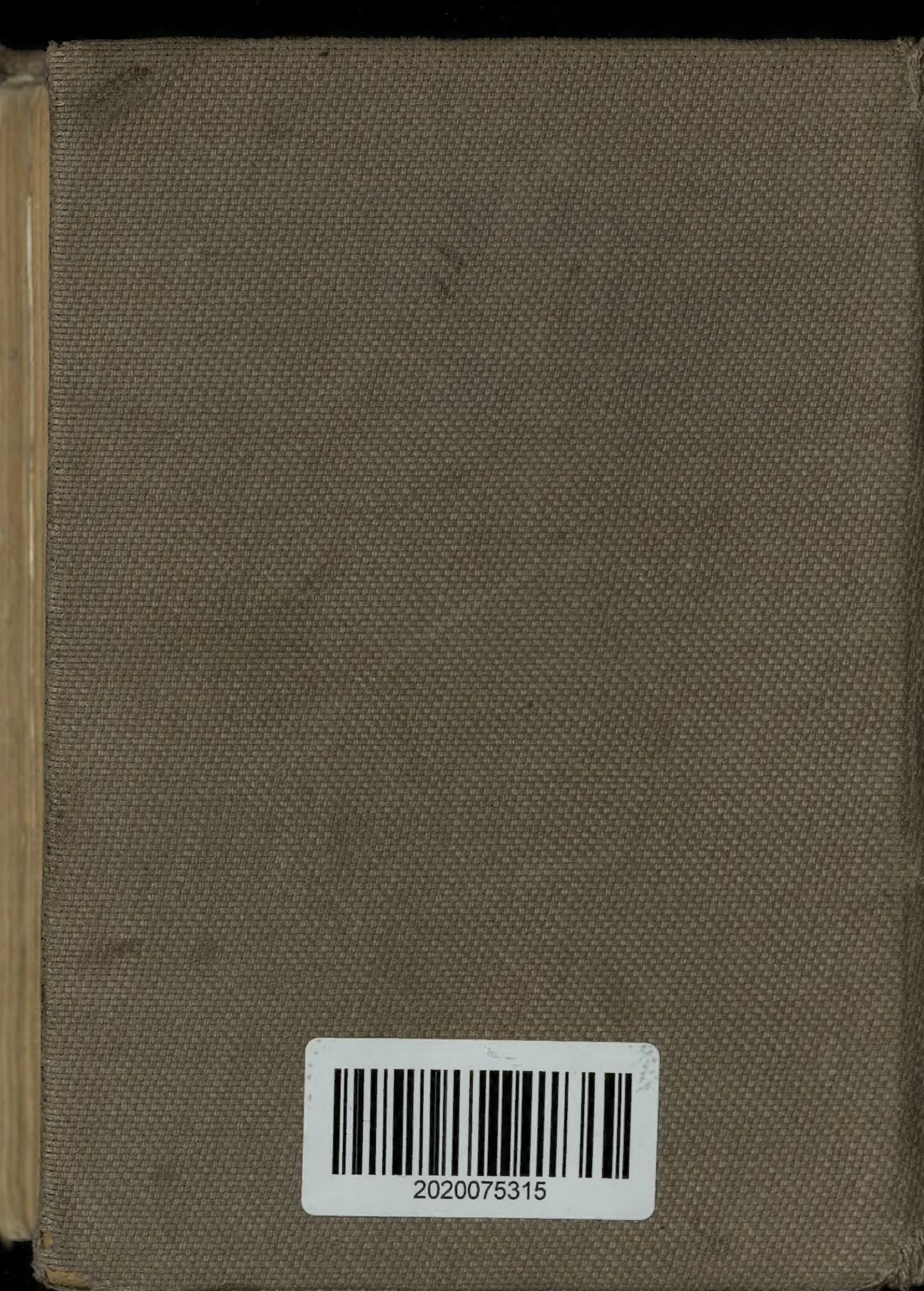
Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
614	6 сверху	стр. 571	стр. 585
	5 снизу	стр. 577	стр. 591
617	7 сверху	стр. 574	стр. 588
	19 снизу	прим. 45 на стр. 576—577	прим. 44 на стр. 590—591
621	15 снизу	стр. 551	стр. 565
	12 снизу	стр. 543	стр. 557
623	14 снизу	стр. 571	стр. 585
625	20 снизу	стр. 583	стр. 597
	17 снизу	стр. 570	стр. 584.

Редактор А. Малецкий
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническ. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред И. А. Подсухин
Наблюдение на производстве
М. П. Козлов

Сдана в набор 11/IV. 33. Подписано к печати 14/X '33 г. Тир. 5300. Уполном. Главл. Б—24108. Ас-41. Инд. А-1. Бум. 74×105 1/32. Печ. л. 37 + 13 вклеек. Авт. л. 22. Тип. зн. на 1 бум. листе 95714. Зак. тип. 6688

Отпечатано на ф-ке книги «Красный Пролетарий» Москва Краснопролетарская, 16

Цена Р. 10.00
Перепл. Р. 2.00


2020075315